

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ —
СВИДЕТЕЛЬНИЦА
ВРЕМЕН

ТОМ СОРОК ДЕВЯТЫЙ
2024



Дорогие наши читатели! «Исторический вестник»
продолжает свою работу. Мы благодарны вам
за неослабевающий интерес к нашему журналу,
надеемся и впредь радовать вас новыми
открытиями и уникальными публикациями.



Журнал издается при попечении
Российского исторического общества.



ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ —
СВИДЕТЕЛЬНИЦА ВРЕМЕН



ТОМ СОРОК ДЕВЯТЫЙ



Компьютерный набор редакции.
Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 30.10.2024 г. Формат 84×108 1/16.
Усл.-печ. л. 21. Заказ № 38302.

Адрес редакции: 119071, Москва, Ленинский просп., 15А
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 3 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2024

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут
не совпадать с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-
макета в типографии ООО «Сам Полиграфист», издательство «Onebook.ru».
Адрес: 129090, Москва, Волгоградский просп., д. 42, корп. 5.
E-mail: info@onebook.ru. Сайт: www.onebook.ru

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

- А.Э. Титков**
главный редактор, кандидат исторических наук
- Д.Р. Жантiev**
зам. главного редактора, кандидат исторических наук
- И.Я. Кереметский**
зам. главного редактора, художественный редактор
- К.А. Давыденко**
технический редактор
- Т. Лефко**
редактор английской версии
- Е.А. Радзиевская**
ученый секретарь
- Т.И. Маляренко**
корректор

Редакционный совет

- М.В. Баранов**
кандидат философских наук, президент АНО «Руниверс»
- С.П. Брюн**
генеральный директор ФГБУК «Новгородский государственный объединенный музей-заповедник»
- Р.Г. Гагкуев**
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
- В.З. Голдман**
Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Университета Карнеги-Меллона

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

- Alexey E. Titkov**
Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Dmitriy R. Zhantiev**
C.Sc. (History), Deputy Editor-in-Chief
- Igor Ya. Keremetskiy**
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor
- Kseniya A. Davydenko**
Technical Editor
- Todd Lefko**
Editor of the English Version
- Elizaveta A. Radzievskaya**
Academic Secretary
- Tatyana I. Malyarenko**
Proofreader

Editorial Board

- Mikhail V. Baranov**
C.Sc. (Philosophy), President of ANO «Runivers»
- Sergei P. Brun**
General Director of Novgorod State Museums
- Ruslan G. Gagkuev**
D.Sc. (History), Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
- Wendy Z. Goldman**
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department

А.А. Горский

доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института российской истории РАН

С.В. Девятов

доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Д.Р. Жангиев

кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

С.М. Исхаков

доктор исторических наук, заместитель председателя Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории

Г. Кантор

доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж

С.А. Кириллина

доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

Т.Ю. Кобищанов

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

Е.М. Копоть

старший преподаватель Института истории и политики МПГУ, ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет

И.В. Курукин

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ

Anton A. Gorskiy

D.Sc. (History), Professor, Deputy Director of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History

Sergey V. Deviatov

D.Sc. (History), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty

Dmitriy R. Zhantiev

C.Sc. (History), Associate Professor at the Moscow State University, Institute of Asian and African Studies

Salavat M. Iskhakov

D.Sc. (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History

Georgy Kantor

D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford

Svetlana A. Kirillina

D.Sc. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

Taras Y. Kobishchanov

C.Sc. (History), Associate Professor at the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies

Evgeny M. Kopot'

Senior Lecturer, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University (MPGU)

Igor V. Kurukin

D.Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department

- Г.Н. Ланской**
доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ
- Г.Д. Ленхофф**
Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе
- А.В. Марей**
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
- Ф. Мартинес Мартинес**
профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе
- С.В. Орлов**
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д. Панатери**
Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса
- Е.И. Пивовар**
председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, академик РАН
- А.Э. Титков**
кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»
- Ар.А. Улунян**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- В.В. Хутарев-Гарнишевский**
кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Московского государственного института культуры

-
- Grigoriy N. Lansky**
D.Sc.(History), professor of the department of Foreign Regional Studies at the faculty of International Relations, Politology and Foreign Regional Studies of Russian State University for the Humanities
- Gail D. Lenhoff**
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department
- Alexander V. Marey**
Ph.D. in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology
- Faustino Martínez Martínez**
Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department
- Stepan V. Orlov**
C.Sc. (Economics), Associate Professor, Head of the Department of the History of Social Movements and Political Parties at Moscow State University, Historical Faculty
- Daniel Panateri**
D.Sc. (History), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law
- Efim I. Pivovarov**
Chairman of the Editorial Board of the Historical Reporter, D. Sc. (History), President of Russian State University for the Humanities, Professor, Academician of Russian Academy of Sciences
- Alexey E. Titkov**
C.Sc. (History), Editor-in-Chief of the Historical Reporter
- Arutyun A. Ulunyan**
D.Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Vladimir Hutarev-Garnishevsky**
C.Sc. (History), Associate Professor at the Moscow State Institute of Culture



ОТ РЕДАКЦИИ

Очередной номер нашего журнала является общеисторическим и состоит на этот раз из трех рубрик: Отечественная история, Всеобщая история и Источники. Публикуемые статьи весьма разнообразны по тематике. Редакция «Исторического вестника» всегда придерживалась того мнения, что в истории не существует неинтересных тем, и традиционно предоставляет страницы журнала для различных публикаций — от фундаментальных исторических исследований до работ более скромного масштаба, но при этом развивающих новые направления в исторической науке. Также мы продолжаем публиковать источники по российской истории, и в этом номере они занимают довольно значительный объем. Открывает номер статья А.А. Бондаренко, посвященная служебным и жизненным перипетиям тверских бояр Зюзиных в Московском и Литовском государствах. Несколько «частная», на первый взгляд история, она тем не менее отражает картину довольно характерную для своего времени, когда представители знатных семейств, по различным причинам, меняли подданство. Статья А.Ю. Конева, посвященная истории Тобольского кремля, носит дискуссионный характер. Предметом дискуссии является назначение каменных крепостных сооружений, созданных в Тобольске в XVII–XVIII вв. Автор отстаивает ту точку зрения, которая рассматривает сооружения кремля как полноценно фортификационные, а не как «декоративные» постройки, созданные исключительно для представительских функций и размещения светских и церковных служб. В работе С.В. Решетникова рассматривается взгляд на западные окраины Российской империи XVIII в. через призму русско-французских отношений. Статья о далеком восемнадцатом столетии





выглядит довольно актуально — в ней затрагивается тема формирования негативного образа нашей страны на примере Франции, а также рассказывается о планах французских революционеров по разжиганию сепаратистских настроений на территории Российской империи. Статья Л.В. Батиева посвящена организации и жизнедеятельности города Нахичевана (на Дону) на основе ранее не введенного в научный оборот архивного источника — первого полного описания Нахичеванской армянской колонии, составленного бароном Б.Б. Кампентаузенем, градоначальником Таганрога. Теперь этот город является частью Пролетарского района Ростова-на-Дону, однако местные жители, по традиции, продолжают называть его Нахичевань. Советский период нашей истории представлен статьей А.М. Глушича, в которой рассматривается тема зарубежных выступлений советских спортсменов, в том числе как средства преодоления внешнеполитической изоляции и создания положительного имиджа советского проекта. Большой интерес представляет описание повседневных практик спортивной дипломатии СССР в 1920-е гг.: подготовка команд к зарубежным поездкам, их организация, система контроля за делегацией, самопозиционирование советских спортсменов за рубежом. Раздел «Всеобщая история» представлен работами двух известных российских историков — Д.Е. Мишина и Ар.А. Улуныяна. Статья Д.Е. Мишина представляет собой попытку топологической реконструкции границы Сасанидской державы на западе и юго-западе и рассказывает о знаменитом «Шапуровом рве» — важнейшем оборонительном рубеже сасанидско-арабского пограничья. Статья Ар.А. Улуныяна «Белое золото» холодной войны. Хлопковая политика СССР в оценках





госдепартамента США и ЦРУ (50-е начало 60-х гг. XX в.) посвящена одному из «теневых» аспектов раннего периода холодной войны и соревнования между Востоком и Западом. Именно хлопковое производство и его влияние оказались тогда в центре пристального внимания правительственных кругов и спецслужб США.

Тема революции и Гражданской войны представлена в этом номере публикацией двух интереснейших источников. Д.И. Петин подготовил к печати уцелевшие фрагменты дневника М.А. Гришиной-Алмазовой, которую иногда называют «серой кардинальшей» белой власти в Омске. Фамилия этой своеобразной особы не первый раз появляется на страницах нашего журнала в связи с публикациями материалов о событиях Гражданской войны в Сибири. Данный же материал продолжает и развивает эту поистине неисчерпаемую тему. Значительным событием в исторической науке станет публикация воспоминаний последнего начальника Генерального штаба старой России генерала В.В. Марушевского, подготовленная А.В. Ганиным. Эти воспоминания, обнаруженные в Хорватском государственном архиве, ранее не были известны даже специалистам.

В июле этого года российскую науку постигла тяжелая утрата — ушел из жизни прекрасный человек, выдающийся историк, наш друг и коллега Константин Александрович Панченко. До сих пор трудно поверить, что его больше нет с нами. Его светлой памяти мы посвящаем этот номер.

А.Э. Титков

Главный редактор журнала «Исторический вестник»





EDITORIAL

The current issue of the Historical Reporter journal is devoted to general history and consists of three sections: Russian History, General History, and Sources. The articles published in it are very diverse in terms of their topics. The editorial board of the Historical Reporter has always been of opinion that there are no uninteresting topics in history and traditionally provides space for various publications, from fundamental historical research to works of a more modest scale which develop new directions in the historical science. We also continue to publish sources, documents related to Russian history, and quite a significant part of this issue is allocated to them. The issue opens with an article by Andrey A. Bondarenko devoted to service and life of Tver boyars Zyuzins in Moscow and Lithuanian states. This somewhat «private» story, shows a picture typical for the time – for various reasons representatives of noble families were changing their citizenship. Article by Alexey Yu. Konev is devoted to a controversial topic related to the Tobolsk Kremlin's history. The subject of the discussion is the purpose of stone fortress structures built in Tobolsk in the 17th through 18th centuries. The author defends the point of view according which the structures of the Kremlin are fully-fledged fortification, instead of being regarded as decorative' buildings, intended exclusively for representative functions and accommodation of secular and ecclesiastical services. The work by Stepan V. Reshetnikov examines the image of the Russian Empire's western peripheries in the 18th century through the lens of relations between Russia and France. The article regarding the 18th century events looks quite relevant – it touches upon the formation of Russia's negative image on the example of France, and considers the plans of the French revolutionaries to form separatist's standpoints in





the Russian Empire. The article by Levon V. Batiev is devoted to the organization and activities in the city of Nakhichevan-on-Don based on previously unrepresented archival source — the first full description of the Nakhichevan Armenian colony compiled by Baron Balthasar von Campenhausen, the Governor of Taganrog. At the present time this city is a part of Rostov-on-Don's Proletarsky district, but following the tradition, locals still call it Nakhichevan. The article by Anton M. Grishin is devoted to the Soviet period of the Russian history, dealing with the topic of Soviet athletes' performance abroad, highlighting means of overcoming the country's foreign policy isolation and creating a positive image of the Soviet project. Description of the USSR sports diplomacy everyday practices in 1920s is of a great interest: putting together teams for foreign trips, arrangement of such trips, the control system of delegations, and Soviet athletes' self-positioning abroad. The General History section is represented by the works of two famous Russian historians — Dmitry E. Mishin and Arutyun A. Ulunyan. The article by Dmitry E. Mishin is an attempt to topologically reconstruct the Sasanid empire's western and south-western borders, which tells about the famous «Shapur's Trench», the most important defensive line of the Sasanian-Arab frontier. The article by Arutyun A. Ulunyan entitled «"White Gold" of the Cold War. Cotton Policy of the USSR as assessed by the US State Department and the CIA (1950s through early 1960s)» is devoted to one of the «shadow» aspects of the early Cold War and the competition between the East and the West. At that time, cotton production and its influence was a prime focus of the US government and intelligence.





The Revolution and the Civil War are represented in this issue by the publication of two very interesting sources. Dmitry I. Petin prepared for publication fragments of the diary of M.A. Grishina-Almazova, who is sometimes referred to as the «gray cardinaless» of the white power in Omsk. It is not the first time that her name is mentioned in our journal in connection to the Civil War events in Siberia. This material develops and deepens this truly inexhaustible topic. Publishing the memoirs of V.V. Marushevsky, the last Chief of the General Staff of Old Russia, prepared by Andrey V. Ganin is a significant event in the historical science. These memories, discovered in the Croatian State Archives, were previously unknown even to historians.

In July of this year, Russian science suffered a heavy loss — Constantin Alexandrovich Panchenko, a brilliant person, an outstanding historian, our friend and colleague, passed away. We still find it hard to believe that he is no longer with us. We dedicate this issue to cherished memory of Constantin A. Panchenko.

Alexey E. Titkov

Editor-in-Chief of the Historical Reporter





СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- А.А. Бондаренко.** Тверские бояре Зюзины на службе в Литве
и в Москве 14
- А.Ю. Конев.** Тобольский кремль: дискуссионные вопросы
истории «каменного городского строения» в Сибири 44
- С.В. Решетников.** Западные окраины Российской империи
в XVIII в.: взгляд из Франции и историография вопроса 62
- Л.В. Батиев.** Армянская колония на Дону по материалам
«топографического и статистического описания торгового
города Нахичевана в 1807 г.» Б.Б. Кампенгаузена 74
- А.М. Глушич.** Советские спортсмены за рубежом в 1920-е гг.:
повседневные практики спортивной дипломатии 108

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Д.Е. Мишин.** «Шапуров ров» и сасанидско-арабское пограничье
в IV–VII вв. 138
- Ар.А. Улуян.** «Белое золото» холодной войны.
Хлопковая политика СССР в оценках Госдепа
и ЦРУ США (50-е — начало 60-х гг. XX в.) 172

ИСТОЧНИКИ

- Д.И. Петин.** «Случайно открыла тетрадь...»:
из дневника М.А. Гришиной-Алмазовой 204
- А.В. Ганин.** «Два месяца на посту начальника Генерального штаба
(сентябрь — октябрь 1917 г.)» генерала В.В. Марушевского 224

IN MEMORIAM

- Константин Александрович Панченко (17.02.1968 — 08.07.2024) 326





CONTENTS

ISSUE ON GENERAL HISTORY

RUSSIAN HISTORY

- Andrey A. Bondarenko.** Tver Boyars Zyuzins on Service
in Lithuania and Moscow 14
- Alexey Yu. Konev.** Tobolsk' Kremlin: Debatable Issues of the Stone
City Building History in Siberia 44
- Stepan V. Reshetnikov.** Western Peripheries of the Russian Empire in the
18th Century: a View from France and the Historiography of the Issue. 62
- Levon V. Batiev.** Armenian Colony on the Don According to the Materials
of «Topographical and Statistical Description of the Trading Town of
Nakhchivan in 1807» by Baron Balthasar von Campenhausen 74
- Anton M. Glushich.** Soviet Sportsmen Abroad in 1920:
Daily Practice of Sports Diplomacy 108

GENERAL HISTORY

- Dmitry E. Mishin.** «Shapur's Trench» and the Sasanian-Arab Borders
in the 4th through the 7th Century 138
- Arutyun A. Ulunyan.** «White Gold» of the Cold War.
USSR Cotton Policy in the Assessments of the US State
Department and CIA (50s – Early 60s of the 20th Century) 172

SOURCES

- Dmitry I. Petin.** «Randomly opened a letter band...»:
from the diary of M.A. Grishina–Almazova 204
- Andrey V. Ganin.** «Two Months as the Chief of the General Staff
(September–October 1917)» of the General V.V. Marushevsky 224

IN MEMORIAM

- Constantin Aleksandrovich Panchenko (17.02.1968 – 08.07.2024) 326

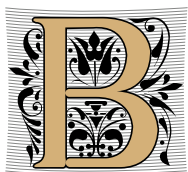




DOI: 10.35549/HR.2024.2024.49.001

А.А. Бондаренко

ТВЕРСКИЕ БОЯРЕ ЗЮЗИНЫ НА СЛУЖБЕ В ЛИТВЕ И В МОСКВЕ



В сентябре 1485 г. войско Ивана III подступило к Твери, город был сдан без боя, и все его жители присягнули на верность московскому правителю. Летописи сообщают, что после предательства ближайшего окружения («израдою своих бояр»)¹ великий князь Михаил Борисович, «видя свое изнеможение»², «побежал в Литву»³ с «малою дружиною»⁴, или «не во мнозе»⁵. Преследование беглецов («погоня великая») позволило отбить часть вывезенной из Твери казны («казну отлучиша»)⁶, но самому тверскому князю удалось пересечь русско-литовский рубеж и укрыться у Казимира Ягеллона.

Ход этих событий, предпосылки падения Тверского княжества и последствия утраты им независимости для местной знати обстоятельно

¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРА). М., 1980. Т. 35. С. 122.

² Там же. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 277; Там же. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 358.

³ Там же. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 500.

⁴ Там же. Т. 35. С. 122.

⁵ *Вершинин* К.В. Рогожский второй летописец начала XVI в. / Средневековая Русь. М., 2022. Вып. 15. С. 212.

⁶ ПСРА. СПб., 1910. Т. 23. С. 162.

изучены⁷. Скупые сведения источников не дают возможности в целом судить о персональном составе «малой дружины», последовавшей за своим князем в изгнание. Из числа выехавших в Литву лиц в исследованиях упоминаются только тверские бояре Зюзины, а главным источником заимствования данных об их эмиграции является местническое дело 1576 г. между В.Г. Зюзиным и Ф.Ф. Нагим⁸. Вместе с тем вопрос о мнимом или реальном выезде представителей рода Зюзиных ранее не ставился в историографии. В отличие от довольно многочисленных бесфамильных (большей частью) «тферитинов» и «тферичей», известных документам Литовской метрики рубежа XV–XVI вв.⁹, Зюзины вполне уверенно идентифицируются в тех же источниках, что позволяет сформулировать основные задачи настоящей работы. В статье предполагается реконструировать состав «литовской» ветви рода Зюзиных (Зузиных) и обстоятельства службы ее представителей после бегства из Твери, а также выяснить степень достоверности устных показаний и письменных «памятей», представленных В.Г. Зюзиным на местническом суде 1576 г.

Общая для Шетневых, Зюзиных и Садыковых родословная роспись не вошла в Государев родословец, но присутствует в основных редакци-

⁷ Основные исследования по теме: *Борзаковский В.С.* История Тверского княжества. СПб., 1876. С. 199–204; *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 887–895; *Зимин А.А.* Феодалная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV — первой трети XVI в. // История СССР. 1973. № 3. С. 124–142; *Флоря Б.Н.* О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России: Сб. ст., посвященных 70-летию акад. Л.В. Черепнина. М., 1975. С. 281–290; *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1385 гг.). Тверь, 1994. С. 353–377; *Попов С.Н.* Тверская знать на московской государевой службе в конце XV — первой половине XVI в.: дисс... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2006; *Конявская Е.А.* Тверь: от Михаила Александровича до Михаила Борисовича // Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории. М., 2021. С. 84–85.

⁸ Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских (далее — РИС). М., 1842. Т. V. С. 1–36.

⁹ Часть этих лиц, упомянутых в документах начала XVI в., А.Л. Хорошкевич относил ко «второму поколению тверских беженцев», хотя доказательство выезда их предков в 1485 г. нет (*Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 82). А.В. Казаков отметил, что в актах Литовской метрики этого периода политоним «тферитин» является вторым по частоте упоминаний после «москвича»/«москвитина» (*Казаков А.У.* Эмиграция знаті з рускіх княстваў у Вялікае княства Літоўскае (40-я гг. XV — 30-я гг. XVI ст.): дис. канд. гіст. навук: 07.00.03. Мінск, 2011. С. 30).

ях родословных книг XVI–XVII вв.¹⁰ В конце XVII в. представители этих семей подали в Палату родословных дел Разрядного приказа в общей сложности пять самостоятельных росписей¹¹. Зюзины и их однородцы возводили себя к Борису Федоровичу Половому, сыну боярина Михаила Всеволодовича Черниговского Федора, «что убиен со князем Михаилом от Батыя царя». Эта легенда уже зафиксирована в одной из древнейших редакций родословных книг — Румянцевской¹². В части росписей 1680-х гг. Федор был представлен как «владелец града» Сардикия (ныне София), бежавший от болгарского царя Ивана Асеня II «во Угры» и повстречавший там князя Михаила Всеволодовича¹³. Кроме того, в XVII в. родословная легенда была дополнительно «украшена» выдержками из «Сказания о убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора».

После выезда Бориса Полового из Чернигова в Тверь его потомки были боярами и тысяцкими великих князей тверских. Родоначальником Зюзиных является Андрей Иванович Зуза (Зюзя)¹⁴, прямой потомок Бориса Федоровича в пятом поколении. В XVI в. наиболее влиятельной фигурой в роду Зюзиных был Василий Григорьевич, правнук Андрея Зузы. Родившись в Литве и получив там образование¹⁵, в середине сто-

¹⁰ См. общие наблюдения, касающиеся росписей этих родов в составе родословных книг: Кузьмин А.В. Тверской боярский род Шетневых, Зюзиных и Садыковых в XIII — первой половине XVI в. (проблемы генеалогического исследования) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Вып. 1 (34). Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840000964-9-2/>, платный.

¹¹ Родословные росписи тверской аристократии конца XVII века (публикация Л.Е. Шабаева) // Российская генеалогия: научный альманах. М., 2017. Вып. 2. С. 205–211.

¹² Новые родословные книги XVI в. / Подгот. к печ. М.Е. Бычкова // Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. С. 178.

¹³ В конце XVIII в. легенда о происхождении Шетневых и Зюзиных от «властодержателя греческого града Сардикии» Федора была признана Общим гербовником (Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 4. № 21; Ч. 5. № 22).

¹⁴ С.Б. Веселовский предложил следующие трактовки личного прозвища Зюзя — 1) промокший человек, 2) плакса, 3) пьяный, 4) разиня (Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 125). По словарю В.И. Даля, «зюзя» — это также «дрянной человек, плохой»; «зюзюкать» (с производным «зюзюка») — «картавить, шепелявить» (Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.; М., 1880. Т. I. С. 722). См. также схожие и иные значения слов «зузя» и «зюзя»: Словарь русских народных говоров. Л., 1977. Вып. 12. С. 23, 43.

¹⁵ Антонио Поссевино отмечал, что В.Г. Зюзин «почти один из всех [советников Ивана IV] немного знал по-латыни» (Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 49).

летия он оставил службу литовским господарям и выехал в Москву, где сделал более чем успешную карьеру. Его имя внесено в Дворовую тетрадь, но служебные назначения отмечаются только с начала 1560-х гг.; Зюзин входил в Опричный двор, участвуя в ряде походов «в окольное место», затем с чином думного дворянина был включен в Особый двор, неоднократно вел переговоры с иностранными дипломатами¹⁶. Папский посол Антонио Поссевино называл его одним из «12 знатных людей», советников, постоянно находившихся при Иване IV¹⁷. Незадолго до смерти (около 1584/85 г.) Зюзин постригся в Чудов монастырь с именем Варлаам¹⁸.

В течение «московского» периода своей жизни В.Г. Зюзин местничал не менее четырех раз (конфликты пришлось на 1576–1582 гг.)¹⁹. Рассуждая о его участии в местнических спорах, М.М. Бенцианов отметил, что, «несмотря на свое воспитание и условно “литовское” происхождение, он очень быстро адаптировался к реалиям московского общества»²⁰. Яркий тому пример — случившееся в 1576 г. столкновение с Ф.Ф. Нагим, отцом будущей царицы Марии Нагой. Это местническое дело хорошо известно в историографии²¹. В контексте проблематики настоящей работы наибольший интерес представляют приведенные здесь показания В.Г. Зюзина о последствиях выезда его предков, их персональном составе и службе в Литве.

¹⁶ См. наиболее полные справки о его служебной биографии: *Мордовина С.П., Станиславский А.А.* Состав Особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 174; *Кобрин В.Б.* Опричина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008. С. 41–42. Биографические сведения о В.Г. Зюзине также собраны в научно-популярном очерке: *Ярославцева С.И.* Ближней думы дворянин Василий Григорьевич Зюзин — вкладчик Златоустовского монастыря // Златоустовские чтения. Сб. докладов научно-практической конференции. 6–7 февраля 2020 г. М., 2021. С. 258–279.

¹⁷ *Поссевино А.* Исторические сочинения. С. 49.

¹⁸ Духовная жены Алексея Ивановича Годунова Ольги Васильевны, урожденной Зюзиной, 1625 года // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. М., 1868. Кн. 4. Смесь. С. 1; *Алексеев А.И.* Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле // Вестник церковной истории. 2019. № 3–4 (55–56). С. 66. Л. 87. Прим. 324.

¹⁹ *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронологический реестр. М., 2021. № 230. С. 67–68; № 286. С. 75–76; № 312. С. 79–80; № 352. С. 86.

²⁰ *Бенцианов М.М.* «Литвины» и «паны». Выходцы из Великого княжества Литовского на московской службе в XV–XVI столетиях // *Studia Historica Europae Orientalis.* Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2019. № 12. С. 119.

²¹ См. основную библиографию: *Эскин Ю.М.* Местничество в России. № 230. С. 67–68.

Во-первых, Зюзин сообщал, что «родной меньшей брат» его прадеда Афанасий Шетнев был подвергнут опале за отъезд своих родичей и на какое-то время заключен в темницу: «а изыман был Офонасей про то, што племянники его родные, дед мой Василий Андреевич Зюзин с братьею, в Литву с своим государем... изъехали». Затем Иван III его «из тюрьмы выпустил», вернув ему тверские вотчины и боярский чин²². Своего родного прадеда Андрея Зузу Василий Зюзин не упоминал вовсе, подразумевая, вероятно, что ко времени присоединения Тверского княжества к Москве он уже умер²³.

Это сообщение Зюзина — одно из немногих известий, указывающих на имевшие место репрессивные меры в отношении тверской знати, — не привлекало должного внимания исследователей. В Тверском сборнике отмечено, что сразу после падения Твери Иван III «великую княгиню Настасию Борисову и бояр тверских много, и князей на Москву свел»²⁴. Л.В. Черепнин с доверием отнесся к этой информации, полагая, что «этот “вывод” имел целью предупредить могущее вспыхнуть в Тверской земле движение местных феодалов, направленное к восстановлению ее политической независимости»²⁵. Основываясь на исследовании А.А. Зимина²⁶, Б.Н. Флоря, напротив, усомнился в реальности описанных здесь масштабов «свода» и указал, что в опалу попал один лишь князь Михаил Дмитриевич Холмский с семьей. Анализ состава землевладений тверской аристократии в середине XVI в. позволил Флоре установить, что большинство местных родов по-прежнему обладали вотчинами и поместьями на территории бывшего Тверского княжества. Исключение составили только Шетневы, Зюзины и одна из ветвей рода Левашевых — они были испомещены в Суздале, утратив поземельные связи с Тверью²⁷.

Возможно, под «сведением» «на Москву» тверской знати следует понимать не буквальное выселение из родовых вотчин и их конфискацию, а какое-то следственное дело, начатое после взятия Твери и раз-

²² РИС. С. 3.

²³ В росписи Зюзиных конца XVII в. отмечено, что Андрей Зуза был боярином великого князя Михаила Борисовича, а после присоединения Твери Иван III «пожаловал» его «к себе в бояря» (Родословные росписи тверской аристократии. С. 210).

²⁴ ПСРА. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 500.

²⁵ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. С. 894.

²⁶ Зимин А.А. Феодалная знать. С. 124–142.

²⁷ Флоря Б.Н. О путях политической централизации Русского государства. С. 282. Абсолютное большинство Левашевых в середине XVI в. все же служили по Твери и Торжку (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 335–336 (указатель)).



Погребение мучеников князя Михаила Федоровича Черниговского и боярина его Феодора. Миниатюра из Лицевого летописного свода. 70-е гг. XVI в.

биравшееся в Москве. Прямой аналогией является «розыскное дело о бегстве» в Литву великого князя Ивана Ивановича Рязанского (1521 г.), в ходе которого допрашивались и подвергались пытке лица, подозреваемые в организации заговора и побега²⁸. Кажется вполне закономерным,

²⁸ Сохранился только его фрагмент: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСЭИ). М., 1964. Т. III. С. 406–409.

что подобный «сыск», имевший значение политической акции и ставивший целью устранение неблагонадежных лиц с присоединенной территории, мог быть инициирован и осенью 1485 г. Главными жертвами этого следствия стали две наиболее крупные фигуры правящей элиты Твери, причем основанием для их ареста послужили нарочито искусственные причины. Поводом для «поимания» великой княгини-матери Анастасии Александровны стало сокрытие ею драгоценностей из тверской казны, обнаруженных затем ее служанками. Княгиня была «сведена» (или «взята в полон») «к Москве», а потом отправлена в заточение в Переславль²⁹. Арест князя М.Д. Холмского состоялся, по выражению А.А. Зимина, «под лицемерным предлогом» — он был обвинен в нарушении крестного целования своему государю Михаилу Борисовичу и сослан в Вологду³⁰. Нужно полагать, что в действительности великая княгиня тверская и холмский князь обвинялись в содействии побегу Михаила Борисовича, а кроме того, Иван III мог опасаться их сношений с изгнанником в будущем.

Отъезд родных племянников Афанасия Шетнева в Литву являлся вполне веской причиной для его ареста и заключения в темницу, поскольку в сложившейся ситуации их побег безусловно трактовался как измена, и ближайшие родственники беглецов автоматически оказывались под подозрением. Впрочем, Шетнев недолго находился под следствием и вскоре был помилован, сумев доказать свою лояльность московскому великому князю. Уже в мае 1486 г. он получил от Ивана Ивановича Молодого подтвердительную жалованную грамоту на тверские вотчины, в которой был назван его боярином³¹.

Источники XVI–XVII вв. дают разные сведения о том, кто именно из сыновей Андрея Зузы и племянников Афанасия Шетнева сопровождал великого князя Михаила Борисовича в Литву. Как отмечалось выше, в 1576 г. В.Г. Зюзин указал, что это был его дед Василий Андреевич «с братьею». В наказной памяти 1581 г. послу Е.М. Пушкину было велено говорить польским дипломатам о Василии Григорьевиче, что он «не прироженец литовской: от(ъ)ехал дед его с своим г(осу)д(а)рем,

²⁹ ПСРА. СПб., 1910. Т. 23. С. 162. Там же. М., 1980. Т. 35. С. 122. Там же. Пг., 1921. Т. 24. С. 236.

³⁰ Зимин А.А. Феодалная знать. С. 126. В Типографской летописи об этом сказано: «...поймал князь великий князя Михайла Холмьскаго и посла в заточение в Вологду про то, что покинул князя своего у нужи, а целовав ему, изменил» (ПСРА. Пг., 1921. Т. 24. С. 236).

³¹ РИС. С. 10–11; АСЭИ. М., 1964. Т. III. С. 196.

с великим кн(я)зем тверским, и он потому в Литве остался»³². Антонио Поссевино отмечал, что Зюзин родился в Литве «после того, как туда бежал его отец, москвит по национальности»³³, т. е. Григорий Васильевич Зюзин³⁴. В росписи Шетневых из состава Патриаршей редакции родословных книг также указано, что побег совершил не Василий Андреевич, а его сын Григорий: «...у Василья дети сын Григорий, и тот в Литву отъехал. А у Григорья Зюзина сын Василей, и тот из Литвы приехал»³⁵. Другие редакции родословных книг не содержат данных о выезде кого-либо из Зюзиных. В их росписи, поданной в Палату родословных дел, тоже нет этой информации; здесь обобщенно говорится, что все бояре князя Михаила Борисовича, которые «с ним не отъехали в Польшу», получили боярство при дворе Ивана III — включая и Андрея Ивановича Зузу³⁶.

Как и росписи из состава основных редакций родословных книг, роспись Зюзиных конца XVII в. отмечает у Андрея Зузы только двух сыновей, Григория Страдника и Василия. Василию Андреевичу она приписывает пятерых сыновей: «у Василья Андреевича дети Иван большой, да Григорей, да Костянтин, да Максим, бездетен, да Иван меньшей, бездетен»³⁷. Эти данные существенно отличаются от тех, что были озвучены В.Г. Зюзиным на местническом суде 1576 г. Тогда им была предъявлена оригинальная роспись Шетневых и Зюзиных, составленная со слов его отца («что есми слышал у отца своего, то и написал») и включающая сведения о «литовской» ветви рода, которые предсказуемо отсутствуют во всех росписях московского происхождения. Ниже приведем фрагмент этой родословной «памяти»:

«...8 Ивана 8 | Шетнева детии Андрѣи Зуза, прадед мои, | да Сѳанасеи Шетнев.

³² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 12. Л. 278–278 об.; *Ерусалимский* К.Ю. Москвиты в Польско-Литовском государстве второй половины XVI — начала XVII в.: дис. докт. ист. наук: 24.00.01. М., 2011. С. 188.

³³ *Поссевино* А. Исторические сочинения. С. 49.

³⁴ В писарском заголовке к одному из списков грамоты 1506 г., составленном уже в конце XVI в., «москвитинном» был также назван дядя Григория Васильевича Алексея Андреевича Зузин, хотя в тексте документа о его происхождении ничего не говорится (*Lietuvos Metrika* (далее — LM). Кнуга Nr. 25 (1387–1546). Užrašymų knuga 25. Vilnius, 1998. № 101. P. 161).

³⁵ Родословная книга по трем спискам // *Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских*. М., 1851. Кн. 10. С. 118 (2-я пагин.).

³⁶ Родословные росписи тверской аристократии. С. 210.

³⁷ Там же.

ꙸ Андрѣа ꙸ Зузы | детеи дѣд мои Василеи, да Григориѣ Страдник, | да
 Сѡлексеѣи, да Карпъ, Василеи меншои, Андрѣи, | в чернцох был Антоней
 ꙸ Чюда.

ꙸ дѣда бо|лшои мои втец Григореи да Иван.

ꙸ бат(ь)ка | аз да брат Богдан.

ꙸ Григор(ь)а ꙸ Страд|ника детеи Бохтелр, да Беленица, | да Стрѣт, да
 Иванис, да Мисюр.

ꙸ Сѡлексе|а детеи Федор да Роман.

ꙸ Карпа детеи | Борода Зузин.

ꙸ Васил(ь)а ꙸ меншого детеи Иван, | да Костантин, да Ширли... ||»³⁸.

Итак, в этом источнике содержатся имена пятерых лиц из числа «братьи» Василия Андреевича Зюзина, которые могли бы вместе с ним отправиться из Твери в Литву. В прочих росписях Шетневых и Зюзиных Григорий Страдник неизменно показан его старшим братом, однако на суде 1576 г. один из сыновей Григория Иванис Зюзин подтвердил старшинство Василия Андреевича³⁹. Сведений об отъезде Григория Страдника в источниках нет; неизвестны ни его служебные назначения, ни состав землевладений. Его сыновья упоминаются на службе только с конца 1540-х гг., после чего они были внесены в Тысячную книгу и Дворовую тетрадь и регулярно фигурировали в разрядах⁴⁰. Ранее середины XVI в. Григорий Страдник и его сыновья могли служить в одном из уделов, как, например, их однородцы Садыковы (согласно родословцам, служили старицкому князю Андрею Ивановичу) или внук боярина Афанасия Шетнева Петр Иванович с сыновьями (по свидетельству В.Г. Зюзина, имели чины стряпчего, постельничего, стольника и чашника при «дворе» углицкого князя Юрия Васильевича)⁴¹. В любом случае ближайшим родственникам эмигрантов Зюзиных долгое время не находилось места в составе Государева

³⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1, стп. 2. Л. 42. Публ.: РИС. С. 6–7.

³⁹ Описывая свою степень родства по отношению к опричнику Василию Григорьевичу и отвечая на вопрос судей, «кто их болши, | Иванис ли или Василеи», «Иванис сказал: “Аз имаюс(ь) Васил(ь)ю в родствѣ | дѣда, а Василеи мнѣ племянник, а пошол | *вм* болшово брата Василеи” |» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 1, стп. 2. Л. 75). В публикации 1842 г. последнее слово из приведенной цитаты не прочитано полностью — после букв «Василь...» поставлено отточие, из-за чего смысл фразы теряется. В рукописи после выносной буквы «л» в строку вписана стертая затем буква «а» (изначальное чтение «Васил(ь)а»), а после нее дописаны буквы «еи» (РИС. С. 33).

⁴⁰ Попов С.Н. Тверская знать. С. 167–170.

⁴¹ РИС. С. 5.

двора. Возможно, это было прямым следствием постигшей в 1485 г. Григория Страдника опалы.

Андрей Андреевич Зюзин постригся в Чудове монастыре с именем Антоний: «инок Антоний» отмечен в родопомянной записи Зюзиных монастырского синодика⁴². Из других детей Андрея Зузы иным источникам неизвестны Карп и Василий меньшей с их сыновьями, а также младший сын Василия Андреевича большого (деда В.Г. Зюзина) Иван. Согласно росписи середины 1680-х гг., от этого Ивана Васильевича пошла та ветвь рода, представитель которой Александр Иванович, комнатный стольник царя Иоанна Алексеевича, был одним из подавателей своей родословной в Разрядный приказ. Другая ветвь Зюзиных, живших в конце XVII в., возводила себя к Константину Васильевичу. Из росписи 1576 г. следует, что Иван и Константин Васильевичи были сыновьями Василия Андреевича меньшого, одного из младших сыновей Андрея Зузы. Потомки опричника Василия Григорьевича и Григория Страдника, достигавшие чинов окольничих и бояр, «извелись» уже к середине XVII в.⁴³

В грамотах Литовской метрики и других комплексов упоминаются Алексей Андреевич, его сыновья Федор и Роман (последний — ретроспективно), Григорий Васильевич и его младший сын Богдан. В литовских документах родовое прозвание потомков Андрея Зузы употреблялось в формах *Зузин* (в единичных случаях *Зузич* и *Зузинович*) и главным образом *Сузин* (реже *Сузинов*), позднее, во времена Речи Посполитой, использовалась транслитерированная форма *Suzin*⁴⁴.

Хронология жизни и история землевладений потомков Андрея Зузы в Великом княжестве Литовском выстраивается следующим образом.

Никаких известий о Зюзиных за период до смерти Михаила Борисовича Тверского (ум. не ранее декабря 1501 г.⁴⁵ — до 13 декабря

⁴² Алексеев А.И. Синодик Чудова монастыря. С. 66. Л. 87. Прим. 324. Приняв пунктуацию публикатора росписи Зюзиных 1576 г. («Андрей в чернцох бы, Антоний у Чюда»), С.И. Ярославцева посчитала Андрея-Антония двумя разными людьми (Ярославцева С.И. Род Иваниса Зюзина, вкладчика Златоустовского монастыря // Златоустовские чтения. Сборник докладов научно-практической конференции 16–17 февраля 2021 г. М., 2022. С. 110).

⁴³ Родословные росписи тверской аристократии. С. 210.

⁴⁴ Отметим, что во владельческой записи одной из разрядных книг, принадлежавшей окольничему А.И. Зюзину (ум. в 1618/19 г.), его фамилия написана в форме «Сузин» (Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII века. М., 2005. С. 402).

⁴⁵ 18 декабря 1501 г. в Краков было доставлено несколько посланий («ярлыков») Шейх-Ахмата, в одном из которых хан Большой Орды извещал Александра Кази-

1504 г.⁴⁶) источники не сохранили. Первое упоминание одного из представителей рода на литовской службе относится только к 1506 г. В этом году Александр Ягеллончик выдал своему дворянину Алексею Андреевичу Зузину подтвердительный данный лист на двор Бучемль Каменецкого повета⁴⁷. Подлинная грамота была составлена на пергамене и скреплена вислой великокняжеской печатью; ее текст сохранился в трех списках XVI–XVII вв. и неоднократно публиковался⁴⁸. Пожалование было оформлено «на вечность», т. е. Бучемль передавался Зузину в вотчинное владение, однако распоряжался он этим имением и ранее, имея на него «першую данину» великого князя. Датировать это первое пожалование можно только широким промежутком времени с июля 1492 г., когда Александр стал править в Литве, по июль 1506 г., когда Зузин получил по своему челобитью подтвердительную грамоту.

Как будет показано далее, в первой половине XVI в. все известные владения эмигрантов Зузиных располагались только в Бучемле и его окрестностях. Михаил Борисович не имел вотчин в Каменецком повете, хотя

мировича о своем намерении вернуть Михаилу Борисовичу великокняжеский престол: «Ино тепер(ь) бы вам то звездомо было, што ж Михайло Тферский мой холоп был, ино я его хочу на его отъчynu опять кн(я)зем вчынити» (LM. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Užrašymų knyga 5. Vilnius, 2012. № 457. P. 289).

⁴⁶ В этот день часть выморочных имений Михаила Борисовича была отдана другому владельцу, что маркирует верхнюю возможную дату его смерти. Соответствующий документ датирован 7013 г. декабря 13, индикта 8; впервые он был опубликован в середине XIX в. под неверной датой 1505 г. (Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846. Т. I. № 218. С. 365–366). Правильная датировка была предложена в повторном издании документа 1993 г. (LM. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Užrašymų knyga 5. Vilnius, 1993. № 155. P. 270). Несмотря на это, в некоторых современных изданиях декабрь 1505 г. по-прежнему указывается в качестве того времени, не позднее которого скончался последний великий князь тверской (см., например: Клог Э. Княжество Тверское. С. 367; Кучкин В.А. Михаил Борисович // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. М., 2000. Т. III. С. 621; Кузьмин А.В. Михаил Борисович // Большая российская энциклопедия. М., 2012. Т. XX. С. 483–484).

⁴⁷ В документах первой половины XVI в. административно-территориальная единица с центром в Каменце, в 1560-е гг. вошедшая в Берестейское воеводство, синхронно именовалась и «волостью», и «поветом». Здесь и далее используется второй термин. В Каменецком районе Брестской области Белоруссии ныне компактно (на площади около 1,5 км²) расположены три населенных пункта с названием Бучемль (бел. Бучамля).

⁴⁸ Ревизия пуц и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском. Вильна, 1867. С. 164–165; Акты Литовской метрики. Варшава, 1897. Т. I. Вып. 2. № 765–766. С. 192–193; LM. Knyga Nr. 5. Vilnius, 1993. № 167. P. 282–283; Ibid. Vilnius, 2012. № 571. P. 386–387; Ibid. Knyga Nr. 25. № 101. P. 161–162.

одно из его имений Лососин (Лососная), составлявшее при нем единый землевладельческий комплекс с селами Белавичи, Гощево и рядом других «приселков», располагалось относительно неподалеку (менее 100 км от Бучемля) в соседнем Слонимском повете. В 1504 г. Лососин был пожалован князю В.Л. Глинскому «вечно и непорушно», «со всем по тому, как держал княз(ь) Михайло Борисович Тверский»⁴⁹. Такая формулировка могла бы указывать на то, что и тверской князь распорядился этим имением как вотчиной, а значит, имел право жаловать здесь землю своим боярам и слугам. С его пожалованиями впоследствии должны были бы считаться великие князья литовские, подтверждая их собственными грамотами, однако ни один подобный документ не известен. Позднее у Зузиных не было имений в Слонимском повете. Вероятно, Бучемль первоначально был передан Алексею Андреевичу в «хлебокормление» после перехода на службу к Александру Казимировичу. Если этот переход состоялся до смерти Михаила Борисовича, Зузины должны были утратить полученные от него вотчины⁵⁰, если после, то земельные раздачи тверского князя могли быть признаны незаконными, а имения его бояр — отняты в казну, как это случилось после кончины великого князя Ивана Рязанского⁵¹.

Имя Алексея Зузина в источниках более не встречается, ему наследовали сыновья Федор и Роман. *Федко Сузин* впервые фигурирует в реестре раздачи жалованья «князем, паном и дворяном», датированном февралем 1509 г.⁵² В качестве великокняжеского дворянина он упомянут и во всех последующих документах. Роман Алексеевич умер ранее начала 1515 г., а его вдова, землянка Каменецкого повета *Романовая Сузиновая Людмила*, в течение 1515–1517 гг. вела несколько тяжб со своим дедом Федором Алексеевичем. В частности, по показаниям Людмилы, он ворвался в унаследованный ею от мужа дом, «збил» и «съсоромотил» ее, вынес все ценности и прилюдно угрожал дальнейшей расправой («как дей есми тогда тебе бил, и ещо буду тебе бити»); позднее обе стороны предъявляли друг другу финансовые претензии⁵³.

⁴⁹ ЛМ. Кнуга Nr. 5. Vilnius, 2012. № 559. P. 374–375.

⁵⁰ См., например, положение подтвердительной грамоты князю В.М. Верейскому на г. Любеч и другие вотчины (1499 г.) о праве его бояр сменить господаря, но лишившись при этом своих имений (Ibid. № 209. P. 129).

⁵¹ *Ерусалимский* К.Ю. На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб., 2018. С. 109–110.

⁵² ЛМ. Кнуга Nr. 8 (1499–1514). *Užrašymų knyga 8*. Vilnius, 1995. № 558. P. 407.

⁵³ Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиею (далее — РИБ). СПб., 1903. Т. 20. № 166, стб. 221–223; № 337, стб. 447–448; № 363, стб. 490; № 372, стб. 501–502.

У Романа и Людмилы Зузиных была дочь, мужем которой к 1517 г. стал господарский дворянин Федор Плюсков — представитель разделившегося в начале XVI в. смоленского рода Плюсковых, частью выехавших в Москву и пополнивших прослойку «литвы дворовой», а частью оставшихся служить в Литве⁵⁴. Еще до замужества неназванной по имени Зузиной между ее матерью и Федором Зузиным был осуществлен раздел родового имения Бучемль, сначала утвержденный Сигизмундом I Старым, но затем, после вмешательства Плюскова, признанный неправомерным по причине сокрытия несовершеннолетия девушки на момент заключения сделки. В июле 1517 г. великий князь литовский постановил заново разделить «тое именье, двор и люди вси, и земли пашныи и бортные, и сеножати того именья», но результат повторного раздела неизвестен⁵⁵. В 1525 г., когда Федора Зузина уже не было в живых (об этом далее), Бучемль был назван «двором» Федора Плюскова⁵⁶.

За время своей службы Ф.А. Зузин несколько расширил отцовские владения в Каменецком повете. Он получил от Сигизмунда I Старого жалованную грамоту на две «пустовские земли», видимо, прилегавшие к границам Бучемля. Это произошло в бытность каменецким наместником князя С.А. Чарторыйского (1507–1518 гг.)⁵⁷, который ввел Зузина во владение («увязал») только одной из «пустовщин». В 1516 г. Федор Алексеевич бил об этом челом великому князю, прося его заменить вторую землю на тяглового человека с его хозяйством⁵⁸. Из грамоты от 18 июня 1523 г. выясняется, что до апреля 1518 г., когда наместничество в Каменце было передано другому лицу, князь Чарторыйский успел решить вопрос с наделением землей Зузина, вскоре получившего на новые владения и великокняжеский лист. Кроме того, Зузин приобрел земельный участок у каменецкого мещанина⁵⁹.

Уйдя из жизни между июлем 1517 г. и июнем 1523 г. и не оставив, по всей видимости, прямых наследников, Федор Алексеевич завещал все свое имущество двоюродному брату Григорию Васильевичу Зузи-

⁵⁴ Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. / 3-е изд., испр. и доп. М., 2019. С. 235, 240, 241, 278.

⁵⁵ LM. Knyga Nr. 11 (1518–1523). Užrašymų knyga 11. Vilnius, 1997. № 18. P. 53–54.

⁵⁶ Ibid. Knyga Nr. 14 (1524–1529). Užrašymų knyga 14. Vilnius, 2008. № 770. P. 316.

⁵⁷ Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. Warszawa, 2020. T. VIII. Ziemia Brzeska i województwo Brzeskie. XVI–XVIII wiek. S. 65.

⁵⁸ LM. Knyga Nr. 9 (1511–1518). Užrašymų knyga 9. Vilnius, 2002. № 642. P. 351.

⁵⁹ Ревизия пущ и переходов звериных. С. 160–161; LM. Knyga Nr. 12 (1522–1529). Užrašymų knyga 12. Vilnius, 2001. № 202. P. 232.



Побег великого князя Михаила Борисовича из Твери.
 Миниатюра из Лицевого летописного свода. 70-е гг. XVI в.

ну, в руках которого остался и «тестамент» (завещание) родственника. В 1523 г. Григорий Сузин получил подтверждение на «пустовщину», тяглого человека и купленную в Каменце землю; наличие вотчинных прав Зузиных на Бучемль в документах более не оговаривалось⁶⁰.

⁶⁰ Там же.

Это первое упоминание отца будущего опричника в источниках, хотя в то время он уже нес дворянскую службу. Как землевладелец Каменецкого повета, *Гришко Сузинов* снаряжал со своего имения одного вооруженного всадника (1528 г.)⁶¹; впоследствии он упоминался в числе господарских дворян, получавших жалованье из государственной казны (1537 г.)⁶². В 1552 г. один из Зузиных — либо сам Григорий Васильевич, либо кто-то из его сыновей (Василий или Богдан) — был отправлен для взыскания многолетних недоимок с еврейского населения Литовского государства, но поручение выполнить не смог. Некое должностное лицо (видимо, земский подскарбий Иван Горностай) сообщало об этом Сигизмунду II Августу: «Тых часов послал был Зузина, и [жыдове его] бить хотели, и подвод не дали, и пешого назад отправили, а в Берестыи сами гроши побрали»⁶³.

«Пан» Григорий *Сузин* еще был жив в 1559 г., когда в Каменецком повете проверялись имущественные документы местной шляхты. Им была явлена упомянутая выше великокняжеская грамота 1523 г. К этому времени владельческие права на Бучемль окончательно утратили не только Зузины, но и Плюсковы. Имение принадлежало четверым другим собственникам (князю Василию Мосальскому, панам Юрию Болобану, Яну Чапле и Григорию Калиховичу), которые предоставили королевским ревизорам грамоту 1506 г., полученную А.А. Зузиным от Александра Казимировича. Подданные Григория Зузина и владельцев Бучемля совместно пользовались частью угодий в Беловежской пуще, что дополнительно указывает на смежность их имений⁶⁴.

В переписи литовского войска 1567 г. фигурирует известный росписи Зузиных 1576 г. Богдан *Сузин*, выставявший «з ыменяя своего Ходосович»⁶⁵ одного всадника и еще одного конного воина «над повинность свою». Имеющаяся подле его имени помета о том, что во время переписи он «з листом ехал до повету», свидетельствует о его дворянской службе, общей для всех эмигрантов Зузиных⁶⁶.

⁶¹ Перяпіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 523. Кніга публічных спраў 1. Мінск, 2003. С. 99. Л. 107.

⁶² LM. Knyga Nr. 21 (1536–1537). Užrašymų knyga 21. Vilnius, 2019. № 5. P. 26.

⁶³ Ibid. Knyga Nr. 37 (1552–1561). Užrašymų knyga 37. Vilnius, 2011. № 24. P. 118.

⁶⁴ Ревизия пущ и переходов. С. 160–161, 164–165.

⁶⁵ Ныне агрогородок Ходосы (бел. Хадасы), расположенный в 12,5 км по прямой к северо-востоку от Бучемля.

⁶⁶ РИБ. Пг., 1915. Т. 33. Стб. 1192. Прим. 7.

К середине 60-х гг. XVI в. Богдан Григорьевич оставался единственным представителем своего рода, служившим в Литве. Другая ветвь Зузиных пресеклась к началу 1520-х гг. со смертью Федора Алексеевича, отец Богдана умер либо не служил по старости, а брат Василий, ни разу не упомянутый в источниках литовского происхождения, уже находился при дворе Ивана IV. Очевидно, многочисленные *Сузины* (польск. *Suzin*), известные из документов последующего времени, являлись потомками этого Богдана⁶⁷. Перейдя, судя по составу имен, в католицизм или протестантизм, Сузины в дальнейшем по-прежнему были связаны с Берестейским воеводством и до конца XVIII в. занимали прочное положение в иерархии местных чинов и должностей⁶⁸. Еще позднее фамилия Зузиных значилась среди дворянских родов Гродненской губернии⁶⁹, а частью имения Ходосы Сузины продолжали владеть и в XX в.⁷⁰

Говоря в 1576 г. о высоком положении, которое его родичи занимали на службе в Тверском и Литовском великих княжествах, Василий Григорьевич Зюзин указывал в своей «памяти»: «... а во Твери... да и в Литве был дед мой у своего государя боярин, а дядя... мой Федор Зюзин, меньшей брат батьку, в Литве был на Щитово место справца гетманства дворного, а с ним был в меньших товарищех князь Ондрей Озерецкой»⁷¹. В актовых источниках не выявлены сведения о Василии Андреевиче Зюзине, хотя кажется вполне логичным, что сохранивший верность великому князю Михаилу Борисовичу и последовавший за ним в изгнание «боярин» дол-

⁶⁷ На вероятность происхождения польского шляхетского рода Сузиных, пользовавшегося гербом Рох III, от выходцев из Твери Зюзиных указали составители «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона». Здесь же отмечено, что Богдан Григорьевич Сузин был «пожалован поместьями» в Литве в 1596 г. (Сузины // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1901. Т. 32. С. 25).

⁶⁸ Алфавитный указатель ко II, III, IV и V томам актов, изданных Виленскою Археологическою комиссиею. Вильна, 1872. С. 86–87; *Urządnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego*. S. 386–387.

⁶⁹ Алфавитный список дворянских родов Гродненской губернии, внесенных в дворянскую родословную книгу. Гродна, 1900. С. 16. Каменец-Литовская волость, где в XVI в. располагались имения Зузиных, входила в Брестский уезд Гродненской губернии Российской империи.

⁷⁰ *Несцярчук А.М.* Замкі, палацы, паркі Берасцейшчыны X–XX стагоддзяў. Мінск, 2002. С. 183.

⁷¹ РИС. С. 4.

жен был находиться в ряду наиболее приближенных к своему сюзерену лиц. Исходя из времени упоминания в источниках, названный следом двоюродный дядя В.Г. Зюзина Федор Алексеевич был, скорее, старшим, а не «меньшим» братом Григория Васильевича.

Следует проанализировать сообщение о том, что Федор занял «Щитово место» на уряде «справцы гетманства дворного» и служил совместно с князем Озерецким. Вне сомнения, Зюзиным были упомянуты реальные личности, однако занимали ли они, как и сам Федор Зузин, столь высокое положение? Крупной политической фигурой, действовавшей в Литве во второй половине XV в., был Якуб Немирович Щит. Его сыновья усвоили прозвание Щит или Щитович; в первой трети XVI в. двое из них входили в состав рады Великого княжества Литовского. Ими были Ян Якубович — мечник в 1509–1510 гг., господарский маршалок в 1510–1518 гг. (ум. в 1521 г.) и Миколай Якубович — господарский маршалок в 1522–1531 гг.⁷² Хронологически В.Г. Зюзин должен был иметь в виду Яна Щитовича, старшего из братьев.

Среди князей Друцких-Озерецких известен только один князь Андрей, который был сыном основателя этой ветви рода Ивана Федоровича, выехавшего в Москву в 1508 г. в результате мятежа Глинских. Князь Андрей Иванович Озерецкий был современником Федора Зузина, однако его первое упоминание в документах — причем в контексте имущественного разбирательства, а не в связи с занятием какой-либо должности — относится только к 1522 г., когда Зузина, возможно, уже не было в живых. Значительно позднее, с 1547 г., князь Озерецкий занимал уряд наместника (старосты) оршанского⁷³.

Под «справцем гетманства дворного» нужно понимать непосредственно должность дворного (или «дворянского», позднее «польного») гетмана, которая неизвестна источникам ранее 1520 г., когда с этим титулом был упомянут Ю.М. Радзивилл. Следующим дворным гетманом в 1535–1539/40 гг. был киевский воевода Андрей Якубович Немирович⁷⁴. Как и Щиты/Щитовичи, Немирович восходил к конюшему великого князя Витовта Яну Немире, однако прозванием Щит не пользовался. В любом случае А.Я. Немирович действовал на этом

⁷² *Boniecki A.* Poczet rodów w Wielkiém Księstwie Litewskiém w XV i XVI wieku. Warszawa, 1887. S. 343–344; *Urządnicy centralni i dostojnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku: spisy.* Kórnik, 1994. S. 87, 89, 97, 243.

⁷³ *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 360–361.

⁷⁴ *Urządnicy centralni.* S. 45.

уряде уже после смерти Федора Зузина, который, в свою очередь, в 1509–1523 гг. упоминался только со служилым титулом господарского дворянина — т. е. являлся рядовым служилым человеком при дворе великих князей литовских и не занимал сколь-либо значимых должностей.

Таким образом, приходится усомниться в правдивости показаний В.Г. Зюзина о чрезмерно высоком для эмигранта статусе его двоюродного дяди Федора Алексеевича. Вместе с тем стоит отметить, что судьбы, разбиравшие в 1576 г. местнический спор между Зюзиным и Нагим, имели возможность удостовериться в реальности фигур Щита и князя Озерецкого. Ян Якубович Щит, сопровождаемый Сигизмундом Герберштейном, находился с посольством в Москве в 1517 г.⁷⁵ Отец князя Озерецкого упоминался в источниках московского происхождения в числе выехавших с князьями Глинскими лиц, в 1509 г. велись переговоры о выезде из Литвы его жены; князь Андрей Иванович неоднократно фигурировал в качестве оршанского наместника в русских посольских документах первой половины 1550-х гг.⁷⁶

Поводом для отъезда в Москву самого В.Г. Зюзина якобы послужило местническое столкновение с Евстафием Воловичем: «а яз... был в Литве, да Остафей Волович у одного дела со мною, и меня Остафьем учили отводить, и яз, не хотя Остафья меньше быть, того для и к государю отъехал»⁷⁷. Для оценки правдоподобности этих слов необходимо установить возможные сроки выезда Зюзина. В.Б. Кобрин считал, что он выехал «на Русь только при Василии III»⁷⁸; по мнению С.Н. Попова, это произошло «в самый разгар опричнины»⁷⁹; М.М. Бенцианов полагает, что «на московскую службу В.Г. Зюзин перешел где-то в конце 1540-х гг.»⁸⁰. Из наказной памяти русским послам 1581 г. известно, что он выехал из Литвы в правление Сигизмунда II Августа, т. е. между 1548 и 1572 гг.: «от(ъ)ехал от прежнего государя Жигимонта Августа короля, а не от нынешнего государя вашего Стефана короля»⁸¹.

⁷⁵ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — СБРИО). СПб., 1882. Т. 35. С. 500–547, 589, 601.

⁷⁶ Там же. С. 490–494. Там же. СПб., 1887. Т. 59. С. 349, 355, 382, 457, 484, 486, 531; Зимин А.А. Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 г. // Советские архивы. 1970. № 5. С. 71.

⁷⁷ РИС. С. 4.

⁷⁸ Кобрин В.Б. Опричина. С. 133.

⁷⁹ Попов С.Н. Тверская знать. С. 170.

⁸⁰ Бенцианов М.М. «Литвины» и «паны». С. 119.

⁸¹ Цит. по: Ерусалимский К.Ю. Московиты в Польско-Литовском государстве. С. 189.

Зюзин не был включен в Тысячную книгу 1550 г., в которой тысячниками 3-й статьи по Суздаю значились его двоюродные дядья Бахтеяр, Беляница, Стрет, Иванис и Мисюр Зюзины, сыновья Григория Страдника⁸². Имя Василия Григорьевича дважды внесено в Дворовую тетрадь. Сначала оно вписано сразу после его дядьев-«суздальцев» (по М.М. Бенцианову — «однофамильцев Зюзиных»). Вторым раз оно единственным помещено вслед за подзаголовком «Изо Твери же нововыезжей» к рубрике «Помещики тверские» с пометой «Из Суздаля»⁸³. Определение «нововыезжий» здесь, безусловно, следует относить к выезду Зюзина из Литвы, а не к его перемещению по службе из Твери в Суздаль либо в обратном направлении⁸⁴. Расположение имени Зюзина в самом конце «тверской» рубрики и сразу после имен родичей в «суздальской» рубрике в целом коррелирует с наблюдениями А.А. Зимина как о прямом хронологическом порядке пополнения Дворовой тетради новыми боярами и окольными, так и о внесении их имен рядом с именами ближайших родственников (братьев)⁸⁵. Б.Н. Флоря указал, что оба этих способа фиксации новых имен практиковались и при пополнении списка дворовых детей боярских⁸⁶. Таким образом, Дворовая тетрадь была пополнена именем Зюзина уже после создания ее первоначального текста, т. е. в период между 1551/52 г. (датировка А.А. Зимина)⁸⁷ либо 1553/54 г. (датировка А.Л. Корзинина)⁸⁸ и 1560/61 г. — до тех пор, пока этот источник являлся действующим. Из почти 10-летнего периода, в течение которого В.Г. Зюзин мог покинуть Литву и попасть в состав Государева двора, более предпочтительной кажется его вторая половина, поскольку первое упоминание Зюзина на московской службе относится только к ноябрю 1562 г. Тогда он в числе других «дворян»

⁸² Тысячная книга. С. 64. Л. 126 об.

⁸³ Там же. С. 153. Л. 115; С. 198. Л. 148.

⁸⁴ С одной стороны, пометы «Изо Твери» и «Из Суздаля» противоречат друг другу и нет ясности, какую из них следует считать более ранней. С другой стороны, можно предположить, что сразу после выезда из Литвы В.Г. Зюзин прибыл в Тверь, где некогда служили его предки. Далее, выяснив текущее место службы живущих родичей и подтвердив родство с ними, он получил возможность приписаться к компактной родовой корпорации Зюзиных — дворовых детей боярских по Суздаю.

⁸⁵ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 372–373.

⁸⁶ Флоря Б.Н. Несколько замечаний о Дворовой тетради как историческом источнике // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 50.

⁸⁷ Зимин А.А. Реформы. С. 373.

⁸⁸ Корзинин А.Л. К вопросу о датировке Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. Ч. 2 // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. № 2. С. 115–116.

сидел за столом у князя И.Д. Бельского во время приема литовского посланника⁸⁹.

В середине 1570-х гг., когда разбирался местнический спор между Зюзиным и Нагим, Евстафий Богданович Волович был одной из центральных фигур внутренней и внешней политики Речи Посполитой, его имя было широко известно в Москве. До времени возможного отъезда Зюзина он только начинал выстраивать карьеру, апогеем которой стало получение должности великого канцлера литовского (1579 г.). До конца 1540-х гг. Волович был писарем виленского воеводы и канцлера Я.Ю. Глебовича, затем являлся подстаростим берестейским (1550–1551 гг.), господарским писарем (1551–1566 гг.), державцей медницким (1552–1561 гг.), господарским маршалком (1553–1561 гг.), старостой могилевским (1554–1556 гг.), маршалком надворным (1561–1569 гг.), в 1561 г. стал земским подскарбим⁹⁰. Еще в 1553 г. Е.Б. Волович находился с Великим посольством в Москве⁹¹.

Представить ситуацию, при которой В.Г. Зюзина начали бы «отводить», т. е. отстранять от занимаемой должности или «места» в пользу Воловича, довольно сложно. Как говорилось выше, в Литовской метрике и близких ей комплексах не были выявлены прямые упоминания Зюзина, но маловероятно, что его положение в иерархии чинов Литовского государства разительно отличалось от дворянского статуса его родичей. Получение им любого, даже незначительного территориального уряда или служба в государственной канцелярии в любом случае была бы отмечена в источниках. Сомнительно также, что указанный Зюзиным местнический «случай» вообще мог иметь место в Литве, где установленный порядок получения чинов и должностей в составе рады, сложившаяся последовательность рассаживания панов-рады по «лавицам» вокруг монарха⁹² либо назначения на областные уряды не становились предметом местнических разбирательств. Соответственно, заявление В.Г. Зюзина о службе «у одного дела» с одним из наиболее видных политиков Литвы середины — второй половины XVI в. кажется не более чем вымыслом, призванным

⁸⁹ СБРИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 94.

⁹⁰ Urzędnicy centralni. S. 76, 91, 129, 251; Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. / 2-е выд. Мінск, 2007. Т. 1. С. 382.

⁹¹ СБРИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 381–420.

⁹² См. об этом: *Любавский М.К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / Подгот. к печати Д.В. Карев; авт. вступ. ст. Д.В. Карев. Минск, 2012. С. 275–276.

возвысить его «место» при дворе литовских господарей в глазах судей и царя, разбиравших спор 1576 г.

Таким образом, сразу несколько представителей рода Зюзиных последовательно сохраняли верность своему государю Михаилу Борисовичу, сначала бежав с ним из осажденной Твери, а затем не покинув его в ходе неудавшейся попытки реванша осенью–зимой 1486 г., о которой сообщает Типографская летопись⁹³. Их отъезд был воспринят как измена, что, вполне вероятно, стало поводом для преследования их родственников, не сумевших или не пожелавших отправиться в Литву. Предполагаемая опала сказалась на карьере части потомков Андрея Зузы, долгое время не имевших возможности пробиться в состав Государева двора. Обстоятельства перехода Зузиных-эмигрантов на службу к великим князьям литовским неизвестны — этот переход мог произойти как до, так и сразу после смерти тверского князя. Статус господарских дворян, общий как минимум для двух ветвей рода, позволил Зузиным занять определенное положение в среде служилой знати Великого княжества Литовского, но никто из них не достиг тех служебных высот, на которые впоследствии ссылался В.Г. Зюзин. Путем семейных разделов их родовые вотчины в Каменецком повете постепенно дробились, а центр этих владений, Бучемль, по неясным причинам был ими утрачен. Следует полагать, что именно неудовлетворенность материальным и служебным положением могла побудить В.Г. Зюзина отъехать в Московское государство, где он добился больших успехов и пользовался доверием царя Ивана IV. «Тягаясь в отечестве» с Ф.Ф. Нагим, литовский уроженец В.Г. Зюзин продемонстрировал тонкое понимание системы местничества, умение аргументированно вести борьбу с соперником при поддержке родичей, а также глубокие познания в своей родословной, особо отмеченные М.Е. Бычковой⁹⁴. Его сильно преувеличенные показания о служеб-

⁹³ ПСРА. Пг., 1921. Т. 24. С. 236.

⁹⁴ Исследовательница писала, что поданная Зюзиным родословная роспись «еще раз свидетельствует о том, что в XVI в. в памяти людей хорошо сохранялась история своих семей, они могли составлять полностью свою родословную до четвертого колена, зная всех ближайших родственников и не путая их старшинства» (Бычкова М.Е. Родословные книги XVI в. как исторический источник. М., 1975. С. 132).

ных достижениях Зузиных в Литве, видимо, должны были компенсировать более чем полувековой разрыв между боярством Афанасия Шетнева и включением его дядьев (как и его самого) в состав Государева двора.

Пример эмигрантов Зузиных демонстрирует, что дальнейшее изучение созданных в Великом княжестве Литовском письменных источников в перспективе может дать материал для хотя бы частичной реконструкции персонального состава «малой дружины», бежавшей с тверским князем Михаилом Борисовичем в сентябре 1485 г.



Впрочем, Иванису Зюзину как раз пришлось поправлять некоторые ошибки в росписи племянника («то Василей пропаметовал»), касавшиеся, главным образом, старшинства их современников Шетневых, о которых Василий Григорьевич знал только понаслышке.



REFERENCES

1. Akty Litovskoi metriki [Acts of the Lithuanian Metrica]. Warsaw, 1897, vol. 1, issue 2. 200 p.
2. Akty, odnosiaschiesia k istorii Zapadnoi Rossii [Acts Related to the History of Western Russia]. St. Petersburg, 1846, vol. 1. 428 p.
3. Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoi Rusi kontsa XIV — nachala XVI v. [Acts of the Socio-Economic History of Northeastern Russia of the Late XIV — Early XVI Century]. Moscow, 1964, vol. 3. 688 p.
4. *Alekseev A.I.* Sinodik Chudova monastyria v Moskovskom Kremle [Synodic of the Chudov Monastery in the Moscow Kremlin]. Vestnik tserkovnoi istorii [Bulletin of Church History]. 2019, no. 3–4 (55–56), p. 5–239.
5. Alfavitnyi spisok dvorianskikh rodov Grodnenskoj gubernii, vnesennykh v dvorianskuiu rodoslovnuiu knigu [Alphabetical List of Noble Families of the Grodno Province Included in the Noble Genealogy Book]. Grodno, 1900. 17 p.
6. Alfavitnyi ukazatel' ko II, III, IV i V tomam aktov, izdannykh Vilenskoju Arkheograficheskoiu komissieju [Alphabetical Index to Volumes 2, 3, 4 and 5 of the Acts Issued by the Vilna Archaeological Commission]. Vilnius, 1872. 165 p.
7. *Ankhimuk Iu.V.* Chastnye razriadnye knigi s zapisiami za posledniuiu chetvert' XV — nachalo XVII veka [Private Books of Ranks with Records for the Last Quarter of the XV — Beginning of the XVII Centuries]. Moscow, 2005. 464 p.
8. *Bentsianov M.M.* «Litviny» i «pany». Vykhodtsy iz Velikogo kniazhestva Litovskogo na moskovskoi sluzhbe v XV–XVI stoletiiakh [«Litvins» and «Pans». Natives of the Grand Duchy of Lithuania in the Moscow Service in the XV–XVI Centuries]. Studia Historica Europae Orientalis. Issledovaniia po istorii Vostochnoi Evropy [Research on the Pistory of Eastern Europe]. Minsk, 2019, no. 12, p. 86–125.
9. *Boniecki A.* Poczet rodów w Wielkiem Księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku. Warszawa, 1887. 425 s.

10. *Borzakovskii V.S.* Istoriia Tverskogo kniazhestva [The History of the Tver Principality]. St. Petersburg, 1876. 434 p.
11. *Bychkova M.E.* Rodoslovnye knigi XVI vv. kak istoricheskii istochnik [Genealogical Books of the XVIth Century as a Historical Source]. Moscow, 1975. 215 p.
12. *Cherepnin L.V.* Obrazovanie Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekakh [Formation of the Russian Centralized State in the XIV–XV Centuries]. Moscow, 1960. 899 p.
13. Dukhovnaia zheny Alekseia Ivanovicha Godunova Ol’gi Vasil’evny, urozhdennoi Zuzinoi, 1625 goda [The Will of Alexei Ivanovich Godunov’s wife Olga Vasilyevna, nee Zyuzina, in 1625]. Chteniia v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh [Readings at the Imperial Society of History and Antiquities of Russia]. Moscow, 1868, book no. 4, part 5, p. 1–5.
14. *Erusalimskij K.Iu.* Moskovity v Pol’sko-Litovskom gosudarstve vtoroj poloviny XVI — nachala XVII v.: dis. ...dokt. ist. nauk: 24.00.01 [Muscovites in the Polish-Lithuanian State of the Second Half of the 16th — early 17th Century: Dissertation for the Degree of Doctor of History]. Moscow, 2011. 1055 p.
15. *Erusalimskii K.Iu.* Na sluzhbe korolia i Rechi Pospolitoi [At the Service of the King and the Republic]. Moscow, Saint Petersburg, 2018. 1012 p.
16. *Eskin Iu.M.* Mestnichestvo v Rossii XVI–XVII vv.: Khronologicheskii reestr [Mestnichestvo in Russia of the XVI–XVII Centuries: Chronological Register]. Moscow, 2021. 352 p.
17. *Floria B.N.* Neskol’ko zamechaniï o Dvorovoi tetradi kak istoricheskom istochnike [A Few Remarks on the Gentry Notebook as a Historical Source]. Arkheograficheskii ezhegodnik za 1973 god [Archeographic Yearbook for 1973]. Moscow, 1974, p. 43–57.
18. *Floria B.N.* O putiakh politicheskoi tsentralizatsii Russkogo gosudarstva (na primere Tverskoi zemli) [On the Ways of Political Centralization of the Russian State (on the Example of the Tver Land)]. Obshchestvo i gosudarstvo feodal’noi Rossii: Sb. st., posviashchennykh 70-letiiu akad. L.V. Cherepnina [Society and the State of Feudal Russia: Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Academician L.V. Cherepnin]. Moscow, 1975, p. 281–290.
19. *Iaroslavtseva S.I.* Blizhnei dumy dvorianin Vasiliï Grigor’evich Ziuzin — vkladchik Zlatoustovskogo monastyria [Near Duma Nobleman Vasily Grigoryevich Zyuzin — Contributor to the Zlatoust Monastery]. Zlatoustovskie chteniia. Sb. докладов nauchno-prakticheskoi

- konferentsii. 6–7 fevralia 2020 g. [Zlatoust Readings. Collection of Reports of the Scientific and Practical Conference. February 6–7, 2020]. Moscow, 2021, p. 258–279.
20. *Iaroslavtseva S.I.* Rod Ivanisa Ziuzina, vkladchika Zlatoustovskogo monastyria [The Family of Ivanis Zyuzin, a Contributor to the Zlatoust Monastery]. Zlatoustovskie chteniia. Sb. dokladov nauchno-prakticheskoi konferentsii. 16–17 fevralia 2021 g. [Zlatoust Readings. Collection of Reports of the Scientific and Practical Conference. February 16–17, 2021]. Moscow, 2022, p. 107–126.
 21. *Kazakoŭ A.U.* Emigratsyia znatsi z ruskikh kniastvaŭ u Vialikae kniastva Litoŭskae (40-ia gg. XV — 30-ia gg. XVI st.): dys. ... kand. gist. navuk: 07.00.03 [Emigration of the Nobility From the Russian Principalities to the Grand Duchy of Lithuania (the 40s of the 15th — 30s of the 16th Century). Dissertation for the Degree of Candidate of History]. Minsk, 2011. 154 p.
 22. *Khoroshkevich A.L.* Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii kontsa XV — nachala XVI v. [The Russian State in the System of International Relations of the Late XV — Early XVI Century]. Moscow, 1980. 294 p.
 23. *Kliug E.* Kniazhestvo Tverskoe (1247–1385 gg.) [Principality of Tver (1247–1385)]. Tver, 1994. 431 p.
 24. *Kobrin V.B.* Oprichnina. Genealogiia. Antroponimika [Oprichnina. Genealogy. Anthroponymy]. Moscow, 2008. 369 p.
 25. *Koniavskaiia E.L.* Tver': ot Mikhaila Aleksandrovicha do Mikhaila Borisovicha [Tver: From Mikhail Alexandrovich to Mikhail Borisovich]. Rus' v XIII–XV vekakh. Novye otkrytiia v oblasti arkheologii i istorii [Rus in the XIII–XV Centuries. New Discoveries in the Field of Archaeology and History]. Moscow, 2021, p. 74–86.
 26. *Korzinin A.L.* K voprosu o datirovke Dvorovoi tetradi 50-kh gg. XVI v. Ch. 2 [On the Issue of Dating the Gentry Notebook of the 50s of the XVI Century. Part 2]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia [Bulletin of the St. Petersburg University. History]. 2009, no. 2, p. 98–118.
 27. *Krom M.M.* Mezh Rus'iu i Litvoi. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskikh otnoshenii kontsa XV — pervoi treti XVI v. [Between Russia and Lithuania. Borderlands in the System of Russian-Lithuanian Relations at the End of the XV — First Third of the XVI Century]. Moscow, 2019. 338 p.
 28. *Kuchkin V.A.* Mikhail Borisovich [Mikhail Borisovich]. Otechestvennaia istoriia. Istoriia Rossii s drevneishikh vremen do 1917 goda: entsiklopediia

- [Russian History. The History of Russia From Ancient Times to 1917: Encyclopedia]. Moscow, 2000, vol. 3, p. 621.
29. *Kuz'min* A.V. Mikhail Borisovich [Mikhail Borisovich]. Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia [The Great Russian Encyclopedia]. Moscow, 2012, vol. 20, p. 483–484.
 30. *Kuz'min* A.V. Tverskoi boiarskii rod Shetnevnykh, Ziuzinykh i Sadykovykh v XIII — pervoi polovine XVI v. (problemy genealogicheskogo issledovaniia) [Tver Boyar Family of the Shetnevs, Zyuzins and Sadykovs in the XIII — First Half of the XVI Century (Problems of Genealogical Research)]. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia» [Electronic Scientific and Educational Journal «History»]. 2015, vol. 6, issue 1 (34), access mode: <https://history.jes.su/s207987840000964-9-2/>, paid.
 31. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Užrašymų knyga 5. Vilnius, 1993. 401 p.
 32. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 8 (1499–1514). Užrašymų knyga 8. Vilnius, 1995. 708 p.
 33. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 11 (1518–1523). Užrašymų knyga 11. Vilnius, 1997. 226 p.
 34. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 25 (1387–1546). Užrašymų knyga 25. Vilnius, 1998. 460 p.
 35. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 12 (1522–1529). Užrašymų knyga 12. Vilnius, 2001. 854 p.
 36. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 9 (1511–1518). Užrašymų knyga 9. Vilnius, 2002. 615 p.
 37. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 14 (1524–1529). Užrašymų knyga 14. Vilnius, 2008. 645 p.
 38. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 37 (1552–1561). Užrašymų knyga 37. Vilnius, 2011. 632 p.
 39. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5 (1427–1506). Užrašymų knyga 5. Vilnius, 2012. 586 p.
 40. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 21 (1536–1537). Užrašymų knyga 21. Vilnius, 2019. 350 p.
 41. *Liubavskii* M.K. Ocherk istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva do Liublinskoi unii vkluchitel'no / Podgot. k pečati D.V. Karev; avt. vstup. st. D.V. Karev [An Essay on the History of the Lithuanian-Russian State Before the Union of Lublin Inclusive. Prepared for Publication by D.V. Karev, Introduction by D.V. Karev]. Minsk, 2012.
 42. *Mordovina* S.P., *Stanislavskii* A.L. Sostav Osobogo dvora Ivana IV v period «velikogo kniazheniia» Simeona Bekbulatovicha [The

- Composition of the Special Court of Ivan IV During the «Great Reign» of Simeon Bekbulatovich]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1976 god* [Archeographic Yearbook for 1976]. Moscow, 1977, p. 153–193.
43. *Nestsiarchbuk* L.M. Zamki, palatsy, parki Berastseishchyny X–XX stagoddziaŭ [Castles, Palaces, Parks of the Brest Region of the X–XX Centuries]. Minsk, 2002. 336 p.
 44. *Novye rodoslovnnye knigi XVI v.* / Podgot. k pech. M.E. Bychkova [New Genealogical Books of the XVI Century. Prepared for Publication by M.E. Bychkova]. *Redkie istochniki po istorii Rossii* [Rare Sources on the History of Russia]. Moscow, 1977, issue 2. 186 p.
 45. *Obshchii gerbovnik dvorianskikh rodov Vserossiiskoi imperii* [General Armorial of Noble Families of the Whole Russian Empire]. Parts 4–5.
 46. *Perapis voiska Vialikaga kniastva Litoŭskaga 1528 goda. Metryka Vialikaga kniastva Litoŭskaga. Kniga 523. Kniga publichnykh spraŭ 1* [The Census of the Army of the Grand Duchy of Lithuania in 1528. The Metrica of the Grand Duchy of Lithuania. Book 523. The Book of Public Affairs 1]. Minsk, 2003. 444 p.
 47. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. T. 15. St. Petersburg, 1863. 504 p.
 48. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. T. 23. St. Petersburg, 1910. 342 p.
 49. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. T. 24. Petrograd, 1921. 272 p.
 50. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. T. 26. Moscow; Leningrad, 1959. 413 p.
 51. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. T. 27. Moscow; Leningrad, 1962. 418 p.
 52. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. T. 35. Moscow, 1980. 306 p.
 53. *Popov S.N. Tverskaia znat' na moskovskoi gosudarevoi sluzhbe v kontse XV – pervoi polovine XVI v.: dis. ...kand. ist. nauk: 07.00.02* [Tver Nobility in the Moscow Sovereign's Service at the End of the XV – First Half of the XVI Century. Dissertation for the Degree of Candidate of History]. St. Petersburg, 2006. 203 p.
 54. *Possevino A. Istoricheskie sochineniia o Rossii XVI v.* [Historical Writings About Russia of the XVI Century]. Moscow, 1983. 272 p.
 55. *Reviziia pushch i perekhodov zverinykh v byvshem Velikom kniazhestve Litovskom* [Revision of Forests and Animal Crossings in the Former Grand Duchy of Lithuania]. Vilna, 1867. 381 p.

56. Rossiiskii Gosudarstvennyi Arkhiv Drevnikh Aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]. F. 79. Op. 1. D. 12; F. 210. Op. 9. Stb. 1, stp. 2.
57. Rodoslovnaia kniga po trem spiskam [The Genealogical Book According to Three Lists]. Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh [Temporary of the Imperial Moscow Society of History and Antiquities of Russia]. Moscow, 1851, book 10, dual pagination, p. 1–286.
58. Rodoslovnye rospisi tverskoi aristokratii kontsa XVII veka (publikatsiia L.E. Shabaeva) [Genealogical Records of the Tver Aristocracy of the Late XVII Century (published by L.E. Shabaev)]. Rossiiskaia genealogiia: nauchnyi al'manakh [Russian Genealogy: a Scientific Almanac]. Moscow, 2017, issue 2, p. 176–280.
59. Russkaia istoricheskaia biblioteka, izdavaemaia Imperatorskoiu Arkheograficheskoiu komissieiu [The Russian Historical Library, published by the Imperial Archaeological Commission]. St. Petersburg, 1903, vol. 20. 1120 p.
60. Russkaia istoricheskaia biblioteka, izdavaemaia Imperatorskoiu Arkheograficheskoiu komissieiu [The Russian Historical Library, published by the Imperial Archaeological Commission]. Petrograd, 1915, vol. 33. 702 p.
61. Russkii istoricheskii sbornik, izdavaemyi Obshchestvom istorii i drevnostei rossiiskikh [Russian Historical Collection published by the Society of History and Russian Antiquities]. Moscow, 1842, vol. 5. 406 p.
62. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. St. Petersburg, 1882, vol. 35. 952 p.
63. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. St. Petersburg, 1887, vol. 59. 708 p.
64. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. St. Petersburg, 1892, vol. 71. 946 p.
65. Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Leningrad, 1977, issue 12. 368 p.
66. Suziny [The Suzins]. Entsiklopedicheskii slovar' / Izd. F.A. Brokgauz, I.A. Efron [Encyclopedic Dictionary by F.A. Brockhaus, I.A. Efron]. St. Petersburg, 1901, vol. 32, p. 25.

67. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka Vladimira Dalia [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. St. Petersburg; Moscow, 1880, vol. 1. 723 p.
68. Tysiachnaia kniga 1550 g. i Dvorovaia tetrad' 50-kh godov XVI v. [The Best Thousand Book of 1550 and the Gentry Notebook of the 1550s]. Moscow; Leningrad, 1950. 456 p.
69. Urzędnicy centralni i dostojnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku: spisy. Kórnik, 1994. 255 s.
70. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. Warszawa, 2020. T. VIII. Ziemia Brzeska i województwo Brzeskie. XVI–XVIII wiek. 405 s.
71. *Vershinin K.V.* Rogozhskii vtoroi letopisets nachala XVI v. [Rogozhsky Second Chronicler of the Beginning of the XVI Century]. Srednevekovaia Rus' [Medieval Russia]. Moscow, 2022, issue 15, p. 163–212.
72. *Veselovskii S.B.* Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvishcha i familii [Onomasticon. Old Russian Names, Nicknames and Surnames]. Moscow, 1974. 382 p.
73. Vyalikaje knyastva Litouskaje: Encyklapiedyja. V 2 t. [Grand Duchy of Lithuania: Encyclopedia: In 2 v.]. 2nd edition. Minsk, 2007, vol. 1. 688 p.
74. *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. XXV, 698 s.
75. *Zimin A.A.* Reformy Ivana Groznogo [Reforms of Ivan the Terrible]. Moscow, 1960. 512 p.
76. *Zimin A.A.* Novoe o vosstanii Mikhaila Glinskogo v 1508 g. [New Information About the Uprising of Mikhail Glinsky in 1508]. Sovetskie arkhivy [Soviet Archives]. 1970, no. 5, p. 69–73.
77. *Zimin A.A.* Feodal'naia znat' Tverskogo i Riazanskogo velikikh kniazhestv i moskovskoe boiarstvo kontsa XV — pervoi treti XVI v. [The Feudal Nobility of the Tver and Ryazan Grand Principalities and the Moscow Boyars of the Late XV — first third of the XVI Century]. Istoriia SSSR [History of the USSR]. 1973, no. 3, p. 124–142.



Ключевые слова:

присоединение Твери к Московскому государству, род Зюзиных (Сузиных),
 Великое княжество Литовское, служилые люди-эмигранты, местничество.

Andrey A. Bondarenko

TVER BOYARS ZYUZINS ON SERVICE IN LITHUANIA AND MOSCOW



As a result of the events of the autumn of 1485, Tver was annexed to the Moscow State and the last Grand Prince of Tver Mikhail Borisovich fled to Lithuania accompanied by a small number of loyal people. Among them were several boyars of the Zyuzins as evidenced by the materials of the mestnichestvo court case of 1576 between Vasilii Zyuzin and Fyodor Nagoy. The article reconstructs the composition of the «Lithuanian» branch of the Zyuzin (Zuzin) family whose representatives predictably do not appear in the Russian genealogical records of the 16–17 centuries.

The sources do not contain any indications of the Zuzin emigrants' service to the Prince of Tver noting that after his death they served the Grand Dukes of Lithuania and successfully assimilated into the Lithuanian nobility. By the middle of the XVI century the Zuzins lost the family estate of Bucheml in the Kamenetsky povet (district) and failed to achieve a high status possessing the service title of hospodar's (lord's) «noblemen». It was probably this state of affairs that prompted Vasilii Grigoryevich Zyuzin to leave the Grand Duchy of Lithuania for Moscow where he made a successful career in the Oprichnina and Special Courts and was a person close to Tsar Ivan IV. His blood brother Bogdan stayed in Lithuania and gave rise to the Polish szlachta (noble) family of Suzins who lived in the vicinity of Bucheml as far back as the beginning of the XX century.

The analysis of the oral testimony and written «memories» presented by V.G. Zyuzin in the 1576 mestnichestvo court case allows us to conclude that he greatly exaggerated the service achievements of the representatives of his clan in Lithuania, although he mentioned the real historical figures well known in Moscow. The attempt to exalt the Zuzins' «place» in the Lithuanian court was designed to compensate for the half-century gap between the rank of a boyar of their relative Afanasiy Shetnev and the incorporation of Vasilii Zyuzin and his father's cousins into the Tsar's court.

Key words: Annexation of Tver to the Moscow State, the Zyuzin (Suzin) family, Grand Duchy of Lithuania, Service Class Emigrants, Mestnichestvo.

Andrey A. Bondarenko — C.Sc. (History), Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

 **Бондаренко Андрей Андреевич** 

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института российской истории РАН. SPIN-код: 2541-3355



DOI: 10.35549/HR.2024.2024.49.002

А.Ю. Конев

ТОБОЛЬСКИЙ КРЕМЛЬ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ «КАМЕННОГО ГОРОДОВОГО СТРОЕНИЯ» В СИБИРИ¹



Истории создания выдающегося архитектурного памятника — ансамбля Тобольского кремля посвящено значительное число работ. Их подробный обзор в данном случае не представляется возможным в силу объема и специфической задачи настоящей статьи, поэтому ограничусь лишь перечислением наиболее интересных и актуальных из них².

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ (№ FWRZ-2021-0006) при содействии проекта «Фронтиры. Границы России» (АНО «Руниверс»).

² *Абрамов Н.А.* О старинных каменных строениях в Тобольске // Тобольские губернские ведомости. 1864. № 44. С. 380–381; № 45. С. 385–388; *Кириллов В.В.* Постройки Семена Ремезова в Тобольске (Приказная палата и Дмитриевские ворота Тобольского кремля) // Архитектурное наследство. М., 1962. № 14. С. 109–124; *Кочедамов В.И.* Тобольск. Как рос и строился город. Тюмень, 1963; *Кириллов В.В.* Ансамбль Тобольского кремля (Опыт создания общегородского публичного центра раннепетровского времени) // Русское искусство первой четверти XVIII века. Материалы и исследования. М.: Наука, 1974. С. 53–67. *Копылова С.В.* Каменное строительство в Сибири (конец XVII–XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1979. 255 с.; *Баландин С.Н.* Начало русского каменного строительства в Сибири // Сибирские города XVII — начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 174–196; *Носов К.С., Муратова С.Р., Балюнов И.В.* Оборонительные стены Тобольского кремля: историко-архитектурный очерк // Научный диалог. 2021. № 8. С. 414–437. *Носов К.С., Муратова С.Р.*

Основным предметом обсуждения в данной публикации выбран один, но весьма значимый аспект названной темы — вопрос о назначении и характере «каменного городского строения» Тобольска конца XVII — первой трети XVIII в., когда сложилось архитектурно-композиционное ядро того, что позднее стало называться кремлем. В соответствии с этим я обратил внимание на выводы некоторых авторов, которые вызывают возражения и будут критически рассмотрены.

Начало каменного строительства в Сибири и Тобольске связано с возведением по инициативе сибирского митрополита Павла Софийско-Успенского собора, колокольни и Святых ворот с церковью Сергия Радонежского (1683–1688 гг.), а также стен и башен Софийского двора в 1690-е гг. Строительство велось присланными из Москвы мастерами бригады Василия Ларионова³. В июле 1697 г. тобольский воевода А.Ф. Нарышкин получил грамоту с царским указом «в Тоболску описать впредь для всякого опасения и пожарного случая [выделено мною. — А.К.] на скольких саженьях вокруг мочно б город меньшей каменной з башнями построить»⁴. Как известно, к составлению соответствующих чертежей и расчетов был определен тобольский сын боярский С.У. Ремезов. Роспись (смета) этого «городового строения» была выполнена каменных дел подмастерьем Г.С. Тютиным, возводившим ранее стены и башни Софийского двора. Реализация проекта началась при воеводе М.Я. Черкасском 9 мая 1700 г. с закладки здания Приказной палаты, как и было указано — на территории Малого (Вознесенского) города взамен деревянных укреплений и располагавшихся здесь зданий воеводской администрации⁵.

В своей публикации 1974 г. известный историк архитектуры, искусствовед В.В. Кириллов высказал тезис о том, что «в ремезовских проектах кремля мы видим попытки преодоления крепости и создания нового гражданского центра». Исходя из того, что строительство началось с административного здания, а не стен и башен, причем не с уязвимой

Каменно-кирпичная фортификация конца XVII — первой половины XVIII в. на территории Зауралья и Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 104–115.

³ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 178. Музейное собрание. Д. 2214. Сибирская летопись Ивана Черепанова. Л. 357 об.–358; 363 об., 364 об.; Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири... С. 20, 22, 87–88, 131–132.

⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 124. Оп. 3. Стб. 1377. Л. 216.

⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Стб. 1377. Л. 186; Кочедамов В.И. Тобольск... С. 51–53, 56; Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири... С. 28, 90.

северной стороны, а с южной, «откуда открывалась эффектная панорама», он заключил, что уже «в ходе строительства кремль терял свой военно-оборонительный смысл», а его стены выступали лишь «средством организовать пространство». В этой связи он обращает внимание на меньшее число возведенных башен и расположение основной части построек по линии стен. В.В. Кириллов полагает, что «к началу XVIII в. идея крепостного центра полностью себя изжила, хотя видимость кремля еще сохранялась». Такое архитектурное решение, по его мнению, «было вчерашним днем русской архитектуры», поэтому сибирская администрация теряла интерес к достройке спроектированного С.У. Ремезовым «каменного города» в Тобольске⁶.

Без должной критики точка зрения о том, что в процессе строительства кремль утратил военно-оборонительное значение и стал лишь неким «прообразом административного центра сибирского города XVIII в.», была поддержана в монографии С.В. Копыловой⁷. Позднее, уже в упрощенной трактовке, эта идея воспроизводилась в научно-популярной и публицистической литературе, вошла в моду при характеристике тобольского кремлевского ансамбля в различных СМИ и на туристических ресурсах.

В новейшей историографии идеи В.В. Кириллова получили развитие в публикациях К.С. Носова и С.Р. Муратовой. Они пошли дальше и распространили соответствующие оценки своего предшественника на доремезовские каменные постройки — комплекс зданий и сооружений Софийского двора, который является самой значительной на сегодняшний день частью кремлевского ансамбля в Тобольске. Основное предназначение его каменно-кирпичных крепостных оград, созданных в конце XVII—начале XVIII в., они видят в репрезентативной функции. Отмечу, что некоторые выводы этих исследователей носят откровенно умозрительный характер, например, такой: «В архитектурном плане, насколько можно судить по ограде Софийского двора, от которой хоть что-то сохранилось до наших дней, стены Тобольского кремля носили скорее символически-декоративный, чем боевой характер»⁸. При этом в качестве дополнительного аргумента используется некорректное сравнение параметров восстановленных в конце 1950-х — 1960-х гг. тобольских

⁶ Кириллов В.В. Ансамбль Тобольского кремля... С. 65.

⁷ Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири... С. 38.

⁸ Носов К.С., Муратова С.Р., Балюнов И.В. Оборонительные стены Тобольского кремля... С. 433.

стен и башен с таковыми же у смоленского, ростовского кремлей и ряда северорусских монастырей. Следующий их тезис является нарушением логики в установлении причинно-следственных связей и обнаруживает незнание предмета, относительно которого делается заключительный вывод: «в Тобольском кремле остались незавершенными воротные системы в северной стене и южные ворота — Дмитриевские. Такое отношение к оборонительным оградкам объясняется в первую очередь отсутствием в первой половине XVIII в. реальной военной опасности в регионе»⁹. Наконец, еще одно суждение вызывает просто недоумение: «При выборе места для вышеописанных памятников¹⁰ максимально использовался рельеф местности. Ставили их на высоком мысу на берегу рек. *Вполне вероятно, делалось это не столько из военных соображений, сколько для представительского вида* [выделено мною. — А.К.]»¹¹.

Начну с разбора последнего тезиса. Тобольская каменная крепость строилась взамен предшествовавших ей деревянных оборонительных сооружений. Как известно, все первые русские города (остроги) в Сибири основывались при слиянии двух рек (большой и ее притока) «на высоких крутоярах, укрепленных самой природой», при этом как минимум одна сторона острожной стены примыкала к реке¹². Очевидное целеполагание при выборе места никак не связано с «представительским видом», а впечатление, которое могли производить соответствующие сооружения (неважно, из дерева или из кирпича), было лишь сопутствующим результатом такой локации, обусловленной задачей контроля за округой и обороной при нападении. И еще, ни в одном из указов, связанных с разработкой проекта и строительством тобольского «каменного города», ни слова не говорится о том, что он должен был придать какой-то «столичный» вид городу, о чем так любят порассуждать историки архитектуры и краеведы. Другой вопрос, как мыслили свои постройки их создатели. Безусловно, что каждая из них имела свой образец и соответствующую времени архитектурно-эстетическую стилистику. Не следует забывать, что по замыслу правительства в самом начале XVIII в. каменные крепости должны были быть созданы не только в Тобольске и Верхотурье, но еще в Тюмени и Таре, находившихся в непосредственной близости от беспокойных южных сибирских гра-

⁹ Носов К.С., Муратова С.Р. Каменно-кирпичная фортификация... С. 113.

¹⁰ Имеются в виду Далматовский монастырь, Верхотурский и Тобольский кремли.

¹¹ Носов К.С., Муратова С.Р. Каменно-кирпичная фортификация... С. 112.

¹² Кабо Р.М. Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII — первая половина XIX в.). М.: Гос. изд-во географ. литературы, 1949. С. 32.

ниц. Можно ли в этом случае всерьез полагать, что «каменное городовое дело» было связано с какой-то особенной заботой Москвы о представительном внешнем виде Тобольска, тогда еще не имевшего статуса губернского центра? Безусловно, нет. Напомню, что Сибирская губерния была формально учреждена в 1708 г., а реально открыта лишь в 1711 г.

Безусловно, одним из наиболее интересных и эффектных сооружений с ярким историко-символическим наполнением стали спроектированные С.У. Ремезовым и построенные в 1714–1717 гг.¹³ при губернаторе М.П. Гагарине южные Дмитриевские ворота, известные сейчас как Рентерея или Шведская палата. Образцом для проекта, как считают исследователи, послужила Сухарева башня, а посвящение связано с Дмитрием Солунским, в день памяти которого 26 октября 1582 г. воинство Ермака вошло в столицу Сибирского ханства. Надвратная церковь над палатами для хранения казны так и не была возведена, что лишь почеркнуло утилитарное (а не триумфальное, как мыслил С.У. Ремезов) назначение этой постройки. В арке Рентереи сохранились металлические петли от больших воротных створов¹⁴, закрывавших в XVIII в. проход в верхний город, что также свидетельствует о защитной функции сооружения в прошлом. Дмитриевские ворота имеют мощные стены. Ущелье Прямого (Базарного) взвоза, над которыми они поставлены, простреливалось с высоких тогда башен западной стены¹⁵ Софийского двора.

Замечу, что строительство надвратной церкви в XVII в. не обязательно являлось свидетельством декоративности и полной утраты фортификационного значения воротной башни, а с точки зрения сакральной даже усиливало его. В качестве примера такого органичного сочетания можно привести созданную в 1670 г. Воскресенскую надвратную церковь Ростовского кремля (митрополичьего двора) с фланкирующими ее северный фасад двумя большими крепостными башнями. Учитывая особенности окраинного положения Тобольска, сохранение оборонительного потенциала крепостных ворот даже в сочетании с надвратной

¹³ Датировка, предложенная С.В. Копыловой. См.: *Копылова С.В.* Каменное строительство в Сибири... С. 37.

¹⁴ *Загваздина Я.Г.* Рентерея в Тобольске: история и современность // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина, 15–17 апреля 2015 г. Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2015. Т. X. Ч. 1. С. 62.

¹⁵ Одна из этих башен, Павлинская, дошла без верхнего яруса, а вторая, наугольная грановитая, порядка 17 метров высотой, в середине XVIII в. была разобрана и заменена декоративной четырехугольной башенкой, похожей на парковый павильон.

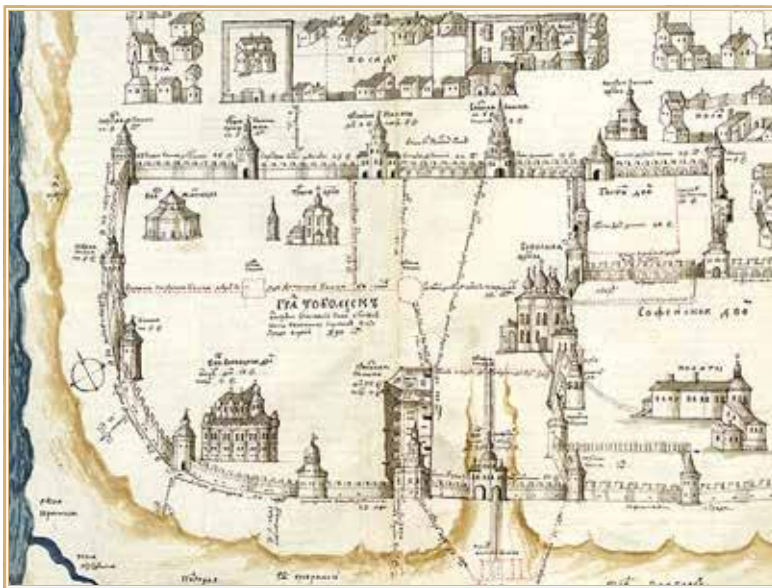


Рис. Объемный чертеж С.У. Ремезова
к одному из последних вариантов «каменного города».
Содержит часть изображения построенного к тому времени Софийского двора.
РНБ. Ф. 885. Эрм. 237. СЧК. Л. 21

церковью представляется для рубежа XVII–XVIII вв. вполне закономерным явлением.

Следует также обратить внимание, что стена, соединявшая Павлинскую башню Софийского двора с Дмитриевскими воротами, отличалась своими внушительными параметрами: она имела внизу ширину около 1,8 м и высоту (с зубцами) около 9 м. В ходе раскопок на рубеже 1950–1960-х гг. были обнаружены поддерживавшие ее три мощные арки. Основная стена двора имела более скромные размеры. В.И. Кочедамов, имевший возможность видеть начальный этап реставрации Тобольского кремля, пишет: «лицевая сторона стены толщиной всего в 1,5 кирпича (45 см) примыкала к аркатуре, по верху которой шел боевой ход. Арки пролетом около 4,2 м опирались на пилоны размером 0,65х0,8 м или 0,8х1,0 м и составляли одно целое с внешней стеной. В арочных нишах высотой около 3,6 м на высоте человеческого роста в стене были устроены отверстия нижнего боя. Стена завершалась зубцами, имевшими высоту 1,9 м, а ширину 1,07 м и толщину 0,45 м»¹⁶. При этом исследователь не ставит под сомнение фортификационное назначение этой части кремлевского ансамбля.

¹⁶ Кочедамов В.И. Тобольск... С. 34.

Очевидно, что облегченные параметры стен были связаны с близостью к осыпающейся бровке и наличием превосходного естественного укрепления с трех сторон (кроме северной), которым являлся высокий Троицкий мыс. С севера город был защищен сооруженным в 1688 г. оборонительным земляным валом с деревянными башнями. О параметрах несохранившихся стен и башен, возведенных на территории «Малого города», можно судить лишь предположительно, учитывая данные соответствующих проектных чертежей С.У. Ремезова из «Служебной чертежной книги» (например, рис.)¹⁷.

Следует подчеркнуть, что В.В. Кириллов, К.С. Носов и С.Р. Муратова в упомянутых публикациях не уделили внимания внешнеполитическим обстоятельствам соответствующего отрезка сибирской истории и проигнорировали фронтальное положение территорий, примыкавших к Тобольску с юга. В этой связи следует подробнее рассмотреть ситуацию, сложившуюся на внешнем сибирском контуре в интересующий нас период. Она была достаточно напряженной.

В 1690 г. был захвачен и сожжен «киргисскими воинскими людьми» Тарханский острожек, находившийся в 100 верстах южнее Тобольска. Тогда он был последним укрепленным пунктом на старинном пути из Казачьей орды к главному сибирскому центру¹⁸. В 1694 г. тобольский воевода А.Ф. Нарышкин получает известие об объединенном войске «башкирцев и Тевкихановых людей¹⁹», собравшихся идти под тобольские слободы войной²⁰. Не случайно в наказе от 1 сентября 1697 г. вновь определенному в Тобольск воеводой ближнему боярину князю М.Я. Черкасскому помимо прочего было указано «писать начальным людям со служилыми людьми», чтобы они «стояли бережно и опасно, чтобы воинские люди казачьи орды под города и под слободы внезапно не пришли и порухи никакой войной не учинили». Вполне закономерно, что интересами безопасности, а не какими-то иными соображениями, определена в этом наказе и актуальность планируемого в Тобольске

¹⁷ Российская национальная библиотека (РНБ). Ф. 885 — Эрмитажное собрание. 237. Ремезов С.У. Служебная чертежная книга [1699–1734] (СЧК). Л. 20–21, 138, 144.

¹⁸ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. Т. 1. С. 176; Сыскное дело о походе в Хиву // Русский архив. Кн. 3. М., 1867. С. 401. Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. СПб.: Алетейя, 2010. С. 223.

¹⁹ Имеются в виду воины казахского хана Тауке (Таввакул-Мухаммад-Бахадур-хан Гази).

²⁰ Актовые источники... С. 182.

«каменного городского строения», которое «по самой нужде надобно, для того, что город Тобольской и церкви, и Приказная палата преж сего горели многажды, ...и в том убытки и нищета чинилась многая и *от прихода неприятельских людей опасность* [выделено мною. — А.К.]»²¹. Очевидно, что защита от пожаров была напрямую связана с сохранением обороноспособности города, который неоднократно в XVII столетии оказывался из-за уничтожения огнем городских стен и башен без надежных крепостных сооружений.

В начале XVIII в. южные границы Сибири и Урала были такими же беспокойными, как и в минувшем столетии. Источники угрозы оставались те же — башкиры и кочевники Средней Азии. Их прихода с тревогой ожидали весной и летом 1709 г. В марте царской грамотой было указано не только укрепить южные остроги и слободы, но чтобы и в самом Тобольске и около города «служилым людям быть с ружьем, и запас всякой ко всякому случаю был во всякой готовности»²². В июне тобольским воеводам пришло сообщение от приказчика Уктуских заводов, что «ханов сын стоит в сборе с башкирцами и с каракалпаками в восьми тысячах, и хотят итить войною на заводы и в слободы и под города Тоболеск, и Тюмень, и Верхотурье»²³.

В ноябре 1723 г. полковник Леонтий Парфеньев сообщал в губернскую канцелярию, что «неприятели казачья орда послаблением бывшего губернатора Гагарина с прошлого 1716 году приближались кочевать к пограничным слободам... и кочуют по Ишиму и другим рекам и его величества людей разоряют, в полон увозят и побивают, и скот отгоняют, пожитки грабят»²⁴. Не случайно, что в 1723 и 1724 гг. генерал-майор Г.В. де Геннин дважды писал Петру I и доносил Военной коллегии о том, что «казачья орда нападают... всякой год русских разоряют и в полон берут», и если бы «Бог Сибири не хранил, то б оные варвары могли и всю Сибирь без помешательства им разорить, и в Тобольск въехать». Обращая внимание на уязвимость Тобольска с юга по причине того, что существующие слободы не могут быть надежной опорой для сопротивления набегам «понеже крепости плохи» и нет «довольного числа полков», Г.В. де Генин предлагает создать линию укрепленных форпостов по ру-

²¹ Законодательство Петра I. 1696–1725 годы. М.: Зерцало, 2014. С. 20, 32.

²² Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1 (1700–1713). СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1882. С. 367.

²³ Там же. С. 382.

²⁴ Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области (ГБУТО ГА ТО). Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1891. Л. 11.

бежу от Екатеринбурга до Ишима и Тары с переводом в эти приграничные районы крестьян и драгун для обеспечения надлежащей защиты²⁵. И только в 1738 г. в ответах на анкету В.Н. Татищева сообщалось, что «город Тоболск окружен многими городами и острогами ... и опасности никакой не имеет»²⁶.

Приведенные источники со всей очевидностью свидетельствуют, что актуальность «каменного городского строения» в Тобольске с оборонительной целью в полной мере сохранялась не только в конце XVII в., но всю первую треть XVIII столетия. Характерно, что даже новый тобольский гостиный двор напоминал небольшую цитадель, а на территории «Малого города», пусть с перерывами и не в полном соответствии с проектом С.У. Ремезова, продолжали до 1719 г. строиться стены, башни и иные крепостные сооружения. Следует отметить, что к концу XVII в. Тобольск по составу населения оставался, как основательно отмечает В.Д. Пузанов, «военным городом» с численностью служилого населения без малого 2400 человек и «нарядом», насчитывавшим «36 пицалей с жаграми²⁷, 9 карабинов, 11 мушкетов, 847 пицалей новых и 1000 бердышей»²⁸. В 1700 г. в Тобольск было прислано из Москвы еще 85 железных пушек и к ним 17 тысяч ядер²⁹.

С.У. Ремезов в своих проектах также отводил важную роль артиллерийскому оснащению, которое должно было компенсировать не столь внушительные размеры стен и башен. Прежде всего это касалось северной крепостной линии. Именно там должна была располагаться оружейная палата, а на участке в 22 сажени между нею и Спасской башней планировалось устроить пушечный стан (см. рис.)³⁰.

Учитывая, что значительная часть кремлевских стен и башен утрачена, а другие дошли в измененном виде, исключительно важное значение имеют свидетельства современников-очевидцев, которые оставили свои заметки и дали оценки архитектурному облику и фортификационным сооружениям Тобольска. Еще в июле 1692 г. следовавший в Китай

²⁵ Законодательные акты Петра I 1696–1725. Сборник документов: В 3 т. Т. 2–3. М.: Древлехранилище, 2020. С. 698–699.

²⁶ Трофимова О.В., Коновалова Е.Н. Топографические описания Западной Сибири XVIII века. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. С. 104.

²⁷ Жагра — род пальника для воспламенения заряда артиллерийских орудий.

²⁸ Пузанов В.Д. Военные факторы... С. 123, 134.

²⁹ Первое столетие сибирских городов. XVII век / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 137.

³⁰ РНБ. Ф. 885. Эрм. 237. СЧК. Л. 21, 144.

Избрант Идес так писал о вновь отстроенном каменном Софийском дворе: «большой каменный монастырь с высокими сторожевыми башнями, который сам по себе может служить цитаделью»³¹.

Одно из наиболее ранних описаний тобольской каменной крепости мы находим в дневниках англичанина Джона Белла Антермонского, отправившегося с русским посольством Л.В. Измайлова в Китай и в декабре 1719 г. оказавшегося в Западной Сибири. Он пишет: «Тобольск укреплен кирпичною стеной [в оригинале «a strong brick-wall», т.е. «мощной кирпичной стеной». — А.К.] с четверугольными башнями и бастионами по расстояниям и снабжен множеством военных снарядов. Внутри города находятся губернаторские палаты³², разные казенные строения, многие церкви построены из кирпича, между прочими соборная и архиепископские палаты». При этом Белл отмечает, что «завсегда находится в Тобольске от пяти до шести тысяч человек обученного войска, как конницы так и пехоты... Сей гарнизон, присовокупляясь к природной крепости места, защищает его ото всех набегов живущих в соседстве татар»³³

Итак, этот иностранец свидетельствует о значимой фортификационной составляющей Тобольского кремля и подтверждает, что в начале XVIII в. существовала реальная опасность осады сибирской столицы. При этом административная часть Тобольска, находясь на возвышенности и будучи защищена не только стенами, но и хорошо вооруженным гарнизоном, была фактически неприступна. Интересно, что англичанин упоминает о бастионах, позднее не отмечавшихся ни современниками, ни планами города, поэтому вопрос о их существовании в 1710–1720-е гг. пока остается открытым.

В ответах на анкету В.Н. Татищева конца 1730-х гг. укрепленный центр Тобольска описывается следующим образом: «Каменной городской замок поставлен внутри города на горе на плоском и сухом месте, а земляной вал за городом на плоском же и сухом месте и при озерах, ...

³¹ Избрант Идес и Адам Бранд. Записки о русском посольстве в Китае (1692–1695). М.: Главная редакция восточной литературы, 1967. С. 80.

³² В англоязычном оригинале губернаторские и архиепископские палаты названы дворцами. Судя по всему, под «губернаторским дворцом» имелась в виду приказная палата.

³³ Travels from St. Petersburg in Russia, to diverse parts of Asia in two volumes, by John Bell, of Antermoney. Glasgow, 1763. Vol. I. P. 185, 188. Цит. по: Белевы путешествия через Россию и разные азиатские земли; а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Пер. с фр. М. Попов. Часть первая. СПб.: Императорская Академия наук, 1776. С. 165, 168.

а крепость природная в Тобольске гора высокая, на которой оной построена»³⁴. И вновь обращает на себя внимание акцент на роли естественной защиты верхнего города от возможных нападений.

Подробная информация о тобольских укреплениях, относящаяся уже к 1741 г., содержится в экспедиционных материалах Г.Ф. Миллера: «Крепость, если смотреть снизу, придает городу величественный вид. Но она построена нерегулярной, поскольку при ее основании необходимо было следовать рельефу местности. Она не имеет также бастионов и других защитных сооружений, устроенных по правилам фортификации, а вместо этого — башни для стрельбы, которые расположены по стенам на определенном расстоянии друг от друга. Крепость посредством внутренней стены с севера на юг разделена на две почти равные части, которые, если не принимать во внимание небольшие выступы и вогнутости стены, составляют квадраты со сторонами в 90 саженей. Западная часть, напротив Иртыша, образует собственно крепость. В другой, или восточной, части находится архиерейский дворец вместе с другими относящимися к нему пристройками. Отсюда эта часть называется архиерейским двором... Гостиный двор стоит сразу за архиерейским двором со стороны суши, но таким образом, что его фасад обращен в сторону противоположную крепости, а крепостная стена... примыкает к одному из внешних углов торгового дома». Отметив стоящие в один ряд с южной стеной губернскую канцелярию и рентерею, Г.Ф. Миллер пишет, что «в крепости имеются еще и деревянные здания: главное караульное помещение, затем — стоящие вдоль стены, идущей по берегу Иртыша, дом для заключенных, провиантский дом и сарай, в котором хранятся крупные орудия»³⁵.

Таким образом, отсутствие бастионов, с точки зрения Г.Ф. Миллера, не дискредитировало полностью оборонительных возможностей тобольской крепости. Линия стен, следовавшая рельефу Троицкого мыса, и расположение башен создавали на отдельных участках хорошие возможности для ведения фланкирующего огня. Архиерейский двор так же рассматривается им частью, хотя и особенной, крепостного ядра города. Северная стена крепости, примыкая к башне гостиного двора, включала его в общую оборонительную систему. Не слу-

³⁴ Трофимова О.В., Коновалова Е.Н. Указ. соч. С. 100.

³⁵ Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. С. 236, 237, 238.

чайно, что арсенал гарнизона занимал пространство между гостиным и архиерейским дворами.

Вполне определенное впечатление о тобольской фортеции в 1763 г. вынес сосланный в Сибирь прусский подданный И.Л. Вагнер. Он, в частности, пишет, что в Тобольске «...архиерейский дом, также каменный, построен на горе, против крепости, а та гора, на которой живет губернатор, высока, крута и окружена стеною. Место это похоже на цитадель; около стены устроена земляная насыпь, на которой расставлены пушки, а в самой стене сделаны бойницы для того, чтобы с них стрелять в неприятеля»³⁶. Сообщение о наличии пушечной артиллерии и возможности ведения огня со стен крепости не оставляет сомнения в наличии определенного уровня боевой готовности города даже в мирный период сибирской истории.

Серьезным фактором, повлиявшим на ход строительства и на отклонения от проекта, представленного в Сибирский приказ С.У. Ремезовым, являлись дороговизна и трудности с обеспечением стройки рабочей силой и материалами. Согласно смете, составленной в 1698 г. каменных дел подмастерьем Г. Тютинным, на все постройки требовалось «44 255 рублей, 4 алтына, пол пяты деньги»³⁷. Чтобы понять масштаб предполагаемых затрат, замечу, что совокупный объем поступлений Сибирского приказа за 1701 г. (без учета переходящего остатка предыдущего года) в денежном выражении составлял 47 721 руб.³⁸ Не удивительно, что рассчитанной в смете суммы в казне не оказалось. Воеводе М.Я. Черкасскому было указано взять часть суммы из таможенных денег в Верхотурье и Тобольске. Для снижения расходов еще на этапе подготовки (заготовка и сплав леса, добыча глины, обжиг кирпича, доставка извести) тобольским воеводам предписывалось соответствующие работы выполнять всем городом и уездом «исподволь» и «ценою небольшою». К производству кирпича и ломке камня привлекали ссыльных, «гулящих людей» и даже

³⁶ Карнович Е.П. Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1893. С. 54. Названный автор цитирует книгу: «Участь Иоганна-Людвига Вагнера, испытанная им во время государственной его ссылки русскими от 1759 до 1763 года, описанная им самим, с присовокуплением дополнительных сведений и наблюдений о Сибири и царстве Казанском», изданную в Берлине в 1789 году, затем на французском языке в Берне в 1790 году. Остается не вполне ясным, что имеется в виду под «земляной насыпью», это дополнительная защита непосредственно за северной стеной кремля (на планах города не зафиксирована) или старый земляной вал, построенный на северной окраине Тобольска в 1688 г.

³⁷ РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Стб. 1377. Л. 217.

³⁸ Первое столетие сибирских городов... С. 161–171.

«тюремных сидельцев». При этом местному населению следовало разъяснить, что замена деревянного города каменным избавит от пожаров и поэтому с них уже «никогда на таковое городовое строение ни подвод, ни денег и никаких поборов не спросят»³⁹.

При возобновлении строительства после длительного перерыва, уже при М.П. Гагарине, в условиях ведения Россией Северной войны, финансирование тобольской стройки также было сопряжено с существенными трудностями. Безусловно, это сказывалось на сроках возведения, внешнем облике построенных объектов и их числе. Так, из восьми башен, включая воротные первоначального ремезовского проекта, было построено всего две в северо-западной части крепости и двое ворот в северной стене.

Другим существенным обстоятельством, ограничивавшим параметры возводимых укреплений, было то, что они строились вдоль бровки Троицкого мыса на слабых грунтах. Соответствующий опыт, по-видимому, уже был наработан еще до начала каменного строительства. Сохранилось свидетельство, что еще в 1688 г., чтобы не осыпалась гора, слободскими крестьянами и беломестными казаками был «состроен деревянной обруб на 630-ти саженьях с клетками и насыпан был землею»⁴⁰. В самом конце XVII в. он разрушился во время ледохода на Иртыше. В наказе воеводе М.Я. Черкасскому указывалось, «а в которых местах подле Иртыша гора против большого и меньшего города осыпается и льдом и водой подмывает, осмотреть и радеть, чтобы те места, где осыпается укрепить, чтобы впредь каменному строению и городу и башням порухи... не учинилось»⁴¹.

Итак, на основании вышесказанного можно сделать вывод, что назначение служить защитой как от пожаров, так и от неприятелей прослеживается и при проектировании крепостных сооружений, и на разных этапах «каменного городского строения» в Тобольске конца XVII — начала XVIII в. Функции церковного и административно-хозяйственного назначения объединенных в единый ансамбль Софийского двора и «Малого города» не отменяли его оборонительный характер всю первую половину XVIII столетия. Примечательно, что даже в 1760-х гг. то, что мы называем кремлем, обозначалось на ситуационных и проектных планах термином «крепость».

³⁹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 21. Оп. 4. Д. 13. Л. 132 об.-135.

⁴⁰ ОР РГБ. Ф. 178 — Музейное собрание. Д. 2214. Сибирская летопись Ивана Черепанова. Л. 373 об.-374.

⁴¹ Законодательные акты Петра I... С. 20.

Облегченный вариант стен и башен Софийского двора, медленное возведение спроектированного С.У. Ремезовым «каменного города» и отступления от его проекта объясняются:

- 1) соразмерностью потенциальным угрозам и выгодным расположением на высокой террасе, усиливавшим оборонительный потенциал этих сооружений;
- 2) подвижностью (слабостью) грунтов Троицкого холма и связанной с этим необходимостью снижения нагрузки на бровку мыса;
- 3) дороговизной строительных работ и производства кирпича, трудоемкостью поднятия строительных материалов на гору;
- 4) наличием укрепленного северного оборонительного вала;
- 5) введением в 1714 г. запрета на каменное строительство в России, кроме столицы.

В завершение подчеркну, что наличие артиллерии и значительного гарнизона в Тобольске, возведение земляного вала на северной окраине и строительство каменной крепости создавали необходимые и достаточные условия для ведения обороны как на ближних подступах, так и в самом городе, прежде всего в его нагорной части, учитывая, что южные и западные крепостные стены, находясь на 50–60 метровой высоте крутого берега, были практически неприступными.





REFERENCES

1. *Abramov N.A.* O starinnyh kamennyh stroeniyah v Tobol'ske [About ancient stone buildings in Tobolsk] // Tobol'skie gubernskie vedomosti. 1864. № 44. S. 380–381; № 45. S. 385–388.
2. Aktovye istochniki po istorii Rossii i Sibiri XVI–XVIII vekov v fondah G.F. Millera [Acts and documents relating to Russian and Siberian history of 16th–18th centuries in G.F. Müller's archives] / Otv. red. N.N. Pokrovskij. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1993. T. 1. 250 s.
3. *Balandin S.N.* Nachalo russkogo kamennogo stroitel'stva v Sibiri [The beginning of Russian stone construction in Siberia] // Sibirskie goroda XVII – nachala XX veka. Novosibirsk, 1981. S. 174–196.
4. Belevy puteshestviya cherez Rossiyu i raznye aziatskie zemli; a imenno: v Ispagan, v Pekin, v Derbent i Konstantinopol' [Bell's travels through Russia and various Asian lands; namely: to Ispagan, to Beijing, to Derbent and Constantinople] / Per. s fr. M. Popov. Chast' pervaya. SPb.: Imperatorskaya Akademiya nauk, 1776. 250 s.
5. *Elert A.H.* Ekspedicionnye materialy G.F. Millera kak istochnik po istorii Sibiri [Expedition materials G.F. Miller as a source on the history of Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 1990. 247 s.
6. *Izbrant Ides, Adam Brand.* Zapiski o russkom posol'stve v Kitae (1692–1695) [Notes on the Russian embassy in China (1692–1695)]. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1967. 404 s.
7. *Kabo R.M.* Goroda Zapadnoj Sibiri. Ocherki istoriko-ekonomicheskoy geografii (XVII–pervaya polovina XIX v.) [Cities of Western Siberia. Essays on historical and economic geography (XVII—first half of the XIX centuries)]. M.: Gos. izd-vo geograf. literatury, 1949. 220 s.
8. *Karnovich E.P.* Zamechatel'nye i zagadochnye lichnosti XVIII i XIX stoletij [Remarkable and mysterious personalities of the 18th and 19th centuries]. SPb.: Izdanie A.S. Suvorina, 1893. 471 s.
9. *Kirillov V.V.* Postrojki Semena Remezova v Tobol'ske (Priказnaya palata i Dmitrievskie vorota Tobol'skogo kremlya) [Buildings of Semyon Remezov in Tobolsk (Mandative chamber and Dmitrievsky Gate of

- the Tobolsk Kremlin)] // *Arhitekturnoe nasledstvo*. M., 1962. № 14. S. 109–124.
10. *Kirillov V.V.* Ansambl' Tobol'skogo kremlya (Opyt sozdaniya obshchegorodskogo publichnogo centra rannepetrovskogo vremeni) [Ensemble of the Tobolsk Kremlin (Experience of creating a citywide public center of the early Peter the Great)] // *Russkoe iskusstvo pervoj chetverti XVIII veka. Materialy i issledovaniya*. M.: Nauka, 1974. S. 53–67.
 11. *Kochedamov V.I.* Tobol'sk. Kak ros i stroilsya gorod [Tobolsk. How the city grew and was built]. Tyumen', 1963. 156 s.
 12. *Kopylova S.V.* Kamennoe stroitel'stvo v Sibiri (konec XVII–XVIII v.) [Stone construction in Siberia (late XVII–XVIII centuries)]. Novosibirsk: Nauka, 1979. 255 s.
 13. *Nosov K.S., Muratova S.R., Balyunov I.V.* Oboronitel'nye steny Tobol'skogo kremlya: istoriko-arhitekturnyj ocherk [Defensive Walls of Tobolsk Kremlin: a Historical and Architectural Sketch // *Nauchnyi dialog*. 2021. № 8. 414–437.
 14. *Nosov K.S., Muratova S.R.* Kamunno-kirpichnaya fortifikaciya konca XVII — pervoj poloviny XVIII v. na territorii Zaural'ya i Zapadnoj Sibiri [Stone-brick fortification of the end of the 17th — first half of the 18th centuries on the territory of Western Siberia] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022. № 485. S. 104–115.
 15. *Puzanov V.D.* Voennye faktory russkoj kolonizacii Zapadnoj Sibiri [Military factors of Russian colonization of Western Siberia]. SPb.: Aletejya, 2010. 432 s.
 16. *Pamyatniki sibirskoj istorii XVIII veka. Kn. 1 (1700–1713)* [Primary sources of Siberian history of the 18th century. Book 1 (1700–1713)]. SPb.: Tip. Ministerstva vnutrennih del, 1882. 551 s.
 17. *Pervoe stoletie sibirskih gorodov. XVII vek* [The first hundred years of Siberian cities. 17th century] / *Otv. red. N.N. Pokrovskij*. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1996. 190 s.
 18. *Sysknoe delo o pohode v Hivu* [Detective case about the trip to Khiva] // *Russkij arhiv*. Kn. 3. M., 1867. S. 395–402.
 19. *Trofimova O.V., Konovalova E.N.* Topograficheskie opisaniya Zapadnoj Sibiri XVIII veka [Topographical descriptions of Western Siberia of the 18th century]. Tyumen': TyumGNGU, 2013. 456 s.
 20. *Travels from St. Petersburg in Russia, to diverse parts of Asia in two volumes, by John Bell, of Antermomy*. Glasgow, 1763. Vol. I. 357 p.

21. *Zagvazdina* Y.G. Rentereya v Tobol'ske: istoriya i sovremennost' [Rentery in Tobolsk: history and modernity] // Balandinskie chteniya: sbornik statej nauchnyh chtenij pamyati S.N. Balandina, 15–17 aprelya 2015 g. Novosibirsk: Novosib. gos. arhit.-hud. akad., 2015. T. X. Ch. 1. S. 61–68.
22. Zakonodatel'nye akty Petra I 1696–1725. Sbornik dokumentov v 3-h t [Legislative acts of Peter I 1696–1725. Collection of documents in 3 volumes]. T. 2–3. M.: Drevlekhranilishche, 2020. 848 s.
23. Zakonodatel'stvo Petra I. 1696–1725 gody [Legislation of Peter I. 1696–1725]. M.: Zercalo, 2014. 461 s.



Ключевые слова:

русская архитектура XVII–XVIII вв., крепость, Сибирь, С.У. Ремезов.

Alexey Yu. Konev

TOBOLSK KREMLIN: DEBATABLE ISSUES OF THE STONE CITY BUILDING HISTORY IN SIBERIA



The article is devoted to a controversial topic related to the purpose of stone fortifications, created in Tobolsk in the late 17th and first decades of the 18th centuries. The author criticizes the point of view of V.V. Kirillov and K.S. Nosov, who proposed that by the time of the construction of the walls and towers of the Sofia Courtyard and the creation according to the project of Semen Remezov fortress/kremlin the walls had lost their fortification significance. Kirillov and Nosov believed that these buildings performed exclusively representative functions and served as the locations of the corresponding church and secular administrative institutions and services. Konev notes through analysis of primary sources, including orders to Tobolsk voivodes, messages from Siberian administrators and the descriptions of the Tobolsk fortress by travelers of the 18th century demonstrate the continued relevance of the defensive significance of the Kremlin ensemble and the correspondence of its fortifications to the potential threats that existed at that time.

Keywords: Russian Architecture of the 17th-18th Centuries, Fortress, Siberia, Semen Remezov, «Kamennoe Gorodovoe Stroenie» (Stone City Building)

Alexey Yu. Konev – Ph.D. in History, Leading Researcher at the Institute of the Problems of Northern Development, subdivision of Federal Research Center Tyumen Scientific Center of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen Scientific Center SB RAS)

 **Конеv Алексей Юрьевич** 

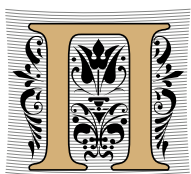
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института проблем освоения Севера Федерального исследовательского
центра «Тюменский научный центр Сибирского отделения
Российской академии наук». SPIN-код: 2336-0421



DOI: 10.35549/HR.2024.2024.49.003

С.В. Решетников

ЗАПАДНЫЕ ОКРАИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII в.: ВЗГЛЯД ИЗ ФРАНЦИИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА



После победы Российской империи в Северной войне в 1721 г. в период правления Петра I к России были присоединены новые западные территории в виде Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии и части Карелии (Старой Финляндии). Появившаяся на горизонте петровская империя показала свою силу в Европе, что привело к возникновению к ней интереса со стороны европейских государств. Установление на европейской арене малоизвестного государства закладывало у дипломатов и министров французского двора отрицательную концепцию «Русской угрозы», а с другой стороны, формировало у ряда философов и литераторов положительную идею «русского миража»².

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10064, <https://rscf.ru/project/23-78-10064/> в Санкт-Петербургском государственном университете.

² Митрофанов А.А., Промыслов Н.В., Прусская Е.А. «Русская угроза» во французской прессе конца XVIII — начала XIX в. // Французский ежегодник: К 225-летию Французской революции. 2015. С. 345–346.

В результате присоединения новых территорий в Россию вошли ранее неизвестные для нее этнические и религиозные группы в лице прибалтийских народов. Они стали уникальной для страны культурной и этнической средой, разбавив православное большинство страны. Западные окраины стали не только стратегически важными для обеспечения безопасности и обороноспособности империи, но и служили платформой для экономического развития и расширения влияния страны в Европе.

Французский взгляд на западные окраины Российской империи важен потому, что Франция в XVIII в. являлась одним из ведущих европейских государств и важным участником международных отношений. После приобретений России в результате Северной войны и дальнейшего укрепления влияния Российского государства в Речи Посполитой, начиная с участия в Войне за польское наследство 1733–1735 гг., а также в связи с расширением территорий после победы в Русско-шведской войне 1741–1744 гг., Европа, и в том числе Франция, столкнулась с изменением системы международных отношений и новой ролью, которую приобрела Россия. После приобретения Россией новых западных территорий во французском общественном мнении широко распространился стереотип «Русской угрозы», который был связан с ее военными успехами³.

В последние десятилетия выходили многие обобщающие работы по теме российско-французских отношений А.А. Митрофанова⁴, Э. Каррер д'Анкосс⁵, Н.В. Промыслова⁶, П.П. Черкасова⁷. Отдельно также стоит выделить коллективное исследование А.А. Митрофанова, Н.В. Промыслова и Е.А. Прусской⁸. В них тема западных

³ Промыслов Н.В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2016. С. 57.

⁴ Митрофанов А.А. Французская политическая элита периода Революции XVIII века о России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2020.

⁵ Каррер д'Анкосс Э. Екатерина II. Золотой век в истории России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.

⁶ Промыслов Н.В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2016. С. 57.

⁷ Черкасов П.П. Двуглавый орел и Королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700–1775. М.: Наука, 1995; он же: Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774–1792. М.: Наука, 2004. С. 373.

⁸ Митрофанов А.А., Промыслов Н.В., Пруская Е.А. Россия во французской прессе периода Революции и Наполеоновских войн (1789–1814). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2019.

окраин Российской империи в XVIII в. хотя и не была центральной, но затрагивалась в связи с рассмотрением других вопросов. В ходе исследований авторы опирались в основном на материалы французской прессы, публицистики и донесений дипломатов того времени. Исследователями рассматривались западные окраины Российской империи в контексте истории «польского вопроса» и русско-шведских войн 1741–1743 и 1788–1790 гг.

В своих работах А.А. Митрофанов рассматривал проблему западных окраин Российской империи через отражение двусторонних отношений России и Франции во французской прессе и в среде французской политической элиты. В исследовании «Французская политическая элита периода Революции XVIII века о России» Митрофанов отмечал, что после падения монархии во Франции ввиду принудительного отхода от прошлого порядка число приверженцев оптимистического взгляда на Россию очень быстро сократилось, а число критиков российского двора стремительно увеличивалось⁹. Интересно, что в период действия первого Комитета общественного спасения (апрель — июль 1793 г.) со стороны органа существовала мысль, что Россия, Австрия и Испания являются честолюбивыми государствами и стали великими державами благодаря своему соседству с малыми государствами¹⁰. После Второго и Третьего раздела Речи Посполитой в глазах французских революционеров образ России был уже прочно связан с образом деспотизма и идеей о неизбежном захвате ею соседних земель. Интересно, что при переходе Франции к якобинской диктатуре в дипломатической инструкции революционеру Ж.-Ф. Ребелю, данной ему от имени Конвента в марте 1794 г., говорилось: «Безусловно, мы можем вести с Россией только политическую войну, принимая во внимание расстояние, разделяющее наши страны. А чтобы успешно вести эту войну, необходимо поднять Польшу, донских казаков и Украину, бывшую союзницу шведского короля Карла. Эту воинственную и прежде свободолюбивую нацию покорил царь Петр. Нужно возродить у этой нации чувство свободы, чтобы она могла скинуть ярмо, под которым стенает, и чтобы дерево свободы рас-

⁹ Митрофанов А.А. Французская политическая элита периода Революции XVIII века о России. С. 144.

¹⁰ Там же. С. 149.



Французская карта западных окраин Российской империи в XVIII в.
1755 г.

цвело в Киеве»¹¹. Это свидетельствует о том, что французские революционеры видели возможность поднять на западных окраинах Российской империи восстание путем разжигания сепаратистских настроений.

В своем другом исследовании «Россия во французской прессе периода Революции и Наполеоновских войн (1789–1814)» автор отмечал, что Второй и Третий раздел Речи Посполитой и восстание Т. Костюшко передвинули для французской общественности «поль-

¹¹ Там же. С. 153.

ский вопрос» на первый план. Так, во французской газете *Moniteur* касаясь политики России в польском вопросе говорилось: «Русские достигли высшей степени наглости, присущей тиранам. Не удовлетворившись тем, что унизили нацию, разрушили военные силы, заключили в тюрьмы или отправили в Сибирь самых честных и храбрых поляков, они теперь заняты тем, что по частям расхищают эту несчастную страну»¹². С учетом того, что освещение во французской прессе восстания в Варшаве 17 апреля 1794 г. основывалось на слухах или на тех, кто объявлял себя очевидцами этих событий, данная оценка из газеты подтверждала в глазах французской общественности негативный образ России, как угнетателей свободы на своих западных окраинах¹³.

Известная исследовательница Э. Каррер д'Анкосс в своей работе «Екатерина II. Золотой век в истории России» указывала, что Польша для России представляла важную ставку в российской политике и поэтому императрица ни на какие компромиссы в этом вопросе идти не желала¹⁴. По словам историка, русские монархи считали необходимым вернуть оставшиеся на стороне Речи Посполитой все еще православные земли Украины и Белоруссии, что и стало причиной активности Российской империи во внутрипольских делах. Еще в 1763 г. Россия стремилась воспользоваться междуцарствием и присоединить к себе Витебскую, Полоцкую и Мстиславскую губернии¹⁵. По мнению Каррер д'Анкосс, русская императрица, «будучи уверенной, что Франция не рискнет пойти на конфронтацию, [...] все же приняла меры предосторожности в атмосфере возбуждения, окружавшей подготовку к голосованию (в сейме. — *Прим. С.Р.*): приказала ввести в Польшу новые русские войска под предлогом обеспечения покоя во время выборов. Выдвинула она также религиозные проблемы, потребовав для православных гражданских прав, которых у них не было или которых не стало»¹⁶. После, в 1768 г. Россия вмешалась во внутренние дела Речи Посполитой и стала официальным гарантом будущего страны, что предупредило будущие разделы Польши. По мнению исследовательницы, Россия, таким образом, использовала

¹² Цит. по: Митрофанов А.А., Промыслов Н.В., Прусская Е.А. Россия во французской прессе... С. 70.

¹³ Там же. С. 71.

¹⁴ Каррер д'Анкосс Э. Екатерина II. Золотой век в истории России. С. 103.

¹⁵ Там же. С. 107.

¹⁶ Там же. С. 109.

православие как инструмент присоединения к себе будущих западных окраин¹⁷.

Исследователь Н.В. Промыслов в работе «Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года» приводил интересный факт, что до Отечественной войны французским читателям преподносили западные губернии Российской империи в лице Лифляндии только в рубрике «Россия». Это, по мнению автора, создавало в глазах читателей то, «...что данная территория, с еще не до конца определенными границами, стала самостоятельной географической единицей»¹⁸. В преддверии начала войны с Россией Наполеон Бонапарт планировал сепарировать часть западных окраин Российской империи путем объединения их герцогства в Варшавское и Литовское княжество¹⁹.

П.П. Черкасов в своем ставшем уже классическим исследовании «Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения» уделил особое внимание Русско-шведской войне 1788–1790 гг., в преддверии которой король Швеции Густав III вынашивал планы вернуть своей стране ранее утраченные территории. Густав увидел, что для него представляется уникальная возможность попытаться провести успешную кампанию против России, пока та отправила свои основные силы на войну с Турцией (1787–1791 гг.)²⁰. По словам Черкасова, «король не учел двух обстоятельств, оказавшихся для него роковыми: он явно недооценил возможность противника вести войну на два фронта, доверившись угодливым донесениям своего посланника в Петербурге [...] о якобы совершенно плачевном состоянии России, а также не предвидел, что развязанная им война с самого начала станет крайне непопулярной в шведском обществе»²¹. В итоге развязавшая войну Швеция ее проиграла и по итогам Верельского мирного договора она отвергла все свои территориальные претензии к России. Российская империя окончательно закрепила свои западные окраины.

Тема западных окраин Российской империи в XVIII в. рассматривалась также и в различных специальных работах уже упомя-

¹⁷ Там же.

¹⁸ Промыслов Н.В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. С. 66.

¹⁹ Там же.

²⁰ Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774–1792.. С. 379.

²¹ Там же. С. 384.

нутых ранее А.А. Митрофанова²² и Н.В. Промыслова²³, а также у Г.В. Ибнеевой²⁴, Ю.А. Михайловой²⁵ и Г.В. Носовой²⁶. В рамках отдельного исследования объединяли свои силы также А.А. Митрофанов, Н.В. Промыслов и Е.А. Прусская²⁷.

По мнению Г.В. Ибнеевой, в 1-й половине XVIII в. отношение Российской империи к Прибалтийским губерниям (Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии) определялось желанием задействовать инфраструктуру, а также все экономические и людские ресурсы региона для вестернизации России. Исследовательница отмечала, что сложившиеся структуры должны были послужить прототипом устройства европеизированной страны, формируя тем самым мост между Россией и немецким западом²⁸. Для достижения этой цели Екатерина II решила подтвердить права и преимущества остзейским (прибалтийским) сословиям, жалованные прежними государями. При этом она не переставала ставить целостность империи на передний план своей политики. В связи с этим характерны ее слова о Прибалтийских губерниях, что «сии провинции... надлежит легчайшими способами привести к тому, что б они обрусели и пере-

²² Митрофанов А.А., Оливье-Шахновская Ж. Образ России в прессе революционной Франции 1789–1792 гг. (на примере газеты «Монитёр») // Европа. 2005. № 5. С. 86–100; Митрофанов А.А. Образ России во французском памфлете 1789 года «Об угрозе политическому балансу Европы» // Россия и Франция. XVIII–XX века. 2006. Вып. 7. С. 57–76; *он же*. Русско-французские отношения в зеркале бонапартистской пропаганды (1800–1801 гг.) // Французский ежегодник. 2006. С. 130–145; *он же*. Два «полюса» французской «Россики» эпохи Революции XVIII в. Малле дю Пан и Шантро о екатерининской России // Чертковский исторический сборник: Образ и люди Российской империи. 2018. Вып. 1. С. 39–48.

²³ Промыслов Н.В. Поход в Россию в 1812 году как новый французский эпос // Родина. 2012. № 6. С. 23–24; *он же*. Россия во французской прессе эпохи Революции и Наполеоновских войн // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 2. С. 102–112.

²⁴ Ибнеева Г.В. Путешествие Екатерины II в Остзейский край в 1764 г. // Россия и Балтия. 2004. Вып. 3. С. 15–35.

²⁵ Михайлова Ю.А., Промыслов Н.В. Прибалтийские немцы и русское общество в 1812 г.: к проблеме формирования образа // Россия и Балтия. 2008. Вып. 5. С. 11–31; Михайлова Ю.А. Сведения французской разведки о Прибалтийских губерниях Российской империи в 1812 году (по материалам Военного архива сухопутных сил Франции) // Россия и Балтия. 2015. Вып. 7. С. 64–80.

²⁶ Носова Г.В. Экономическая политика Российской империи в Прибалтийских губерниях в эпоху Наполеоновских войн // Россия и Балтия. 2015. Вып. 7. С. 7–32.

²⁷ Митрофанов А.А., Промыслов Н.В., Прусская Е.А. «Русская угроза» во французской прессе конца XVIII — начала XIX в.

²⁸ Ибнеева Г.В. Путешествие Екатерины II в Остзейский край в 1764 г. С. 16.

стали бы глядеть, как волки в лесу...»²⁹ — из секретной инструкции 1764 г. генерал-прокурору А.А. Вяземскому.

Ю.Л. Михайлова и Н.В. Промыслов в своей совместной публикации «Прибалтийские немцы и русское общество в 1812 г.: к проблеме формирования образа» отмечали, что Польские и Прибалтийские губернии воспринимались Россией как проблемные пограничные территории. Они указывали, что соседствующие с Польшей губернии считались более опасными с точки зрения потенциального отделения из-за близости герцогства Варшавского³⁰.

Г.В. Носова в публикации «Экономическая политика Российской империи в Прибалтийских губерниях в эпоху Наполеоновских войн» затрагивала проблему взаимоотношения Российского государства с жителями Прибалтики в конце XVIII — начале XIX в. По ее мнению, Россия пыталась добиться лояльности местного населения путем публикации манифеста от 15 апреля 1795 г., который гарантировал сохранение прав собственности и свободы вероисповедания при обеспечении населения Прибалтики правами исконных жителей империи. Такой манифест стал возможен в условиях российского абсолютизма, в условиях малочисленности населения Прибалтийских губерний (менее 3% населения от всей Российской империи)³¹.

В заключение можно сделать вывод о том, что, несмотря на отсутствие комплексного исследования по теме западных окраин Российской империи XVIII в., данный вопрос затрагивался в ряде обобщающих и специальных работ по теме российско-французских отношений. Так, проблема западных окраин рассматривалась в контексте истории «польского вопроса» и русско-шведских войн. Падение монархии во Франции привело к увеличению числа критиков российского двора, что, в свою очередь, оказало влияние на формирование образа России, связанного с деспотизмом и экспансией соседних с ней земель. Период перехода Франции к якобинской диктатуре ознаменовался изменением взглядов французских революционеров на западные окраины Российской империи. Теперь они видели возможность для поднятия восстания на этих территориях

²⁹ Цит. по: Там же. С. 18.

³⁰ Михайлова Ю.Л., Промыслов Н.В. Прибалтийские немцы и русское общество в 1812 г. ... С. 12.

³¹ Носова Г.В. Экономическая политика Российской империи в Прибалтийских губерниях в эпоху Наполеоновских войн... С. 9.

путем разжигания на них сепаратистских настроений. В эпоху наполеоновской Франции западные окраины Российской империи преподносились как еще неокрепшие территории России. В то же время король Швеции Густав III видел в Русско-турецкой войне (1787–1791 гг.) возможность вернуть своему королевству ранее утраченные территории Прибалтики и Карелии. В самой же России в канун Отечественной войны 1812 г. Польские и Прибалтийские губернии воспринимались как проблемные пограничные территории, население которых необходимо было сделать лояльным к себе. При этом Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую губернии видели еще также как своеобразный мост между Россией и немецким западом.





REFERENCES

1. *Carrère d'Encausse L.H.* Yekaterina II. Zolotoy vek v istorii Rossii (Catherine II. The Golden Age in the History of Russia). M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), Fond «Prezidentskiy tsentr B.N. Yeltsina», 2010. 503 s.
2. *Cherkasov P.P.* Dvuglavyy orel i Korolevskiye lilii. Stanovleniye russo-frantsuzskikh otnosheniy v XVIII veke, 1700–1775 (Double-headed eagle and Royal lilies. The formation of Russian-French relations in the XVIII century, 1700–1775). M.: Nauka, 1995. 438 s.
3. *Cherkasov P.P.* Yekaterina II i Lyudovik XVI. Russo-frantsuzskiye otnosheniya, 1774–1792 (Catherine II and Louis XVI. Russian-French relations, 1774–1792). M.: Nauka, 2004. 521 s.
4. *Ibneeva G.V.* Puteshestviye Yekateriny II v Ostzeykiy kray v 1764 g. (Catherine II's Journey to the Baltic Region in 1764) // *Rossiya i Baltiya*. 2004. Vyp. 3. S. 15–35.
5. *Mikhailova Yu.L., Promyslov N.V.* Pribaltiyskiye nemtsy i russkoye obshchestvo v 1812 g.: k probleme formirovaniya obraza (Baltic Germans and Russian society in 1812: to the problem of forming the image) // *Rossiya i Baltiya*. 2008. Vyp. 5. S. 11–31.
6. *Mikhailova Yu.L.* Svedeniya frantsuzskoy razvedki o Pribaltiyskikh guberniyakh Rossiyskoy imperii v 1812 godu (po materialam Voyennogo arkhiva sukhopotnykh sil Frantsii) (Information of French intelligence about the Baltic provinces of the Russian Empire in 1812 (based on materials of the Military Archive of the French Ground Forces)) // *Rossiya i Baltiya*. 2015. Vyp. 7. S. 64–80.
7. *Mitrofanov A.A.* Frantsuzskaya politicheskaya elita perioda Revolyutsii XVIII veka o Rossii (The French political elite of the XVIII century Revolution about Russia). M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2020. 246 s.
8. *Mitrofanov A.A.* Dva «polyusa» frantsuzskoy «Rossiki» epokhi Revolyutsii XVIII v. Malle dyu Pan i Shantro o ekaterininskoy Rossii (Two «poles» of French «Russica» of the Revolution era of the XVIII century. Mall du Pan and Chantre about Catherine's Russia) // *Chertkovskiy istoricheskiy sbornik: Obraz i lyudi Rossiyskoy imperii*. 2018. Vyp. 1. S. 39–48.
9. *Mitrofanov A.A.* Obraz Rossii vo frantsuzskom pamflete 1789 goda «Ob ugroze politicheskomu balansu Evropy» (The image of Russia in the

- French pamphlet of 1789 «On the threat to the political balance of Europe») // Rossiya i Frantsiya. XVIII—XX veka. 2006. Vyp. 7. S. 57–76.
10. *Mitrofanov A.A., Promyslov N.V., Prusskaya E.A.* «Russkaya ugroza» vo frantsuzskoy presse kontsa XVIII — nachala XIX v. («Russian Threat» in the French Press at the End of the 18th — Beginning of the 19th Century) // Frantsuzskiy yezhegodnik: K 225-letiyu Frantsuzskoy revolyutsii. 2015. S. 345–346.
 11. *Mitrofanov A.A., Promyslov N.V., Prusskaya E.A.* Rossiya vo frantsuzskoy presse perioda Revolyutsii i Napoleonovskikh voyn (Russia in the French press during the Revolution and Napoleonic Wars) (1789–1814). M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2019. 238 s.
 12. *Mitrofanov A.A., Olivier-Shakhnovskaya Z.* Obraz Rossii v presse revolyutsionnoy Frantsii 1789–1792 gg. (na primere gazety «Monityor») (The image of Russia in the revolutionary French press, 1789–1792 (based on the newspaper «Monitor»)) // Evropa. 2005. No. 5. S. 86–100.
 13. *Mitrofanov A.A.* Russo-frantsuzskie otnosheniya v zerkale bonapartistkoy propagandy (1800–1801 gg.) (Russian-French relations in the mirror of Bonapartist propaganda (1800–1801)) // Frantsuzskiy yezhegodnik. 2006. S. 130–145.
 14. *Nosova G.V.* Ekonomicheskaya politika Rossiyskoy imperii v Pribaltiyskikh guberniyakh v epokhu Napoleonskikh voyn (Economic policy of the Russian Empire in the Baltic provinces during the Napoleonic Wars) // Rossiya i Baltiya. 2015. Vyp. 7. S. 7–32.
 15. *Promyslov N.V.* Frantsuzskoe obshchestvennoe mneniye o Rossii nakane i vo vremena voyny 1812 goda (French public opinion about Russia on the eve and during the War of 1812). M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2016. 252 s.
 16. *Promyslov N.V.* Pokhod v Rossiyu v 1812 godu kak novyy frantsuzskiy epos (The campaign to Russia in 1812 as a new French epic) // Rodina. 2012. No. 6. S. 23–24.
 17. *Promyslov N.V.* Rossiya vo frantsuzskoy presse epokhi Revolyutsii i Napoleonovskikh voyn (Russia in the French press of the era of the Revolution and the Napoleonic Wars) // Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda. 2015. No. 2. S. 102–112.



Ключевые слова:

Российская империя в XVIII в., российско-французские отношения, западные окраины Российской империи, «Русская угроза», раздел Речи Посполитой, Прибалтика в XVIII в.

Stepan V. Reshetnikov

WESTERN PERIPHERIES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 18TH CENTURY: A VIEW FROM FRANCE AND THE HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE



The article considers the view of the Russian Empire's western peripheries in the 18th century through the lens of relations between Russia and France. The Russian Empire's victory in the Northern War and the Second and Third Partition of the Polish-Lithuanian Commonwealth predetermined Russia's negative image in the eyes of the French public and politicians. Now, they viewed Russia as one of the competitors on the European scene. The analysis of historiography allows us to consider the evolution of the French view of the expansion of the Russian Empire's borders in the 18th century and trace changes in the attitude to Russia's western peripheries. The article is intended to contribute to the understanding of the relations between Russia and France and the contemporary political map of Europe. In France, the Russian Empire's western peripheries were considered in the context of the history of the 'Polish issue' and the Russo-Swedish wars. After the Great French Revolution, the number of Russia's critics in France increased dramatically. The image of Russia was then associated with despotism and expansion of its neighbours. The French revolutionaries viewed the former Polish territories as still unfortified parts of Russia. This set the stage for a discussion on the possibility of raising a revolt in these territories by fomenting separatist sentiments in them. The same policy was chosen by Napoleon Bonaparte, who, in anticipation of his future war with Russia, planned to separate a certain part of the Russian Empire's western peripheries from it.

Keywords: Russian Empire in the 18th Century, Relations Between Russia and France, Russian Empire's Western Peripheries, «Russian Threat», Partition of the Polish-Lithuanian Commonwealth, Baltic States in the 18th Century.

Stepan V. Reshetnikov — Junior Researcher at the Institute of History, St. Petersburg University.

 Решетников Степан Владимирович 

младший научный сотрудник Института истории СПбГУ.

SPIN-код: 6336-1171



DOI: 10.35549/HR.2024.2024.49.004

А.В. Батиев

АРМЯНСКАЯ КОЛОНИЯ НА ДОНУ ПО МАТЕРИАЛАМ «ТОПОГРАФИЧЕСКОГО И СТАТИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ТОРГОВОГО ГОРОДА НАХИЧЕВАНА В 1807 ГОДУ» Б.Б. КАМПЕНГАУЗЕНА¹



конец XVIII — начале XIX в. среди городов северо-восточного побережья Азовского моря самым населенным был г. Нахичеван² — центр армянской колонии, основанной в конце 1779 г. в Нижнем Подонье армянами — переселенцами из Крымского ханства. Впоследствии Нахичеван уступил пальму первенства Таганрогу, а затем и стремительно растущему ближнему соседу и конкуренту Ростову-на-Дону, в состав

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания ЮНЦ РАН № 122020100350-2 «Стабильность южного макрорегиона: политико-правовые, социальные и этнокультурные аспекты». Автор благодарит к.и.н. П.А. Авакова, обратившего его внимание на описываемое дело.

² Армяне называли город Нор (Новый) Нахичеван. В 1838 г. во избежание путаницы с отправкой бумаг и «самих арестантов» вместо «Нахичевана Таганрогского градоначальства в Нахичеван Армянской области и наоборот» император Николай I повелел 15 февраля город «находящийся в ведомстве Таганрогского градоначальника именовать впредь Нахичеван на Дону». См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗ-II). СПб., 1838. Т. 13. № 10976. Мягкий знак в конце названия в русском языке утвердился явочным порядком в конце XIX в.

которого он и был включен в конце 1928 г. Но до этого было еще далеко, а пока город поражал путешественников своим развитием, благоустроенностью и неожиданным восточным колоритом³.

Разностороннее исследование истории армянской колонии Новая Нахичевань было сделано В.Б. Бархударяном⁴. Помимо его монографии следует отметить работу первого нахичеванского «летописца» Г.С. Патканяна⁵, исследования Е.О. Шахазиза⁶, мемуары И.М. Келле-Шагинова, содержащие также большой пласт исследовательских материалов⁷. Из современных авторов необходимо отметить работы С.С. Казарова⁸. Тем не менее ранний период истории города исследован недостаточно полно, в том числе в силу ограниченности введенных в оборот источников. Практически весь массив дел Нахичеванского армянского магистрата от основания города до 1870 г. хранится в Национальном архиве Армении (фонд 139 «Ново-Нахичеванский армянский магистрат» с более

³ *Озерецковский Н.Я.* Путешествие по России, 1782–1783: Дневник. СПб.: Лики России, 1996. С. 127–128; *Краснянский М.Б.* Записки академика Палласа 1793 года в Ростове на Дону и его окрестностях / Записки Ростовского на Дону общества истории, древностей и природы [Электронный ресурс]. Т. 2. 1914. С. 203–207; *Безбородко И.А.* Вояж из Петербурга чрез Москву, Воронеж, Новочеркасск, Георгиевск Кавказской губернии, к минеральным водам, горячим и кислым и обратный путь в Малороссию 1812 года с мая 16 числа графа Илии Андреевича Безбородко / Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. Ч. 10. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1908. С. 8; *Гутри М.* Письма о Крыме, Одессе и Азовском море. М.: Тип. Н.С. Всеволожского, 1810. С. 220; Архив Раевских / Изд. П.М. Раевского; ред. и примеч. Б. Л. Модзалевского. Т. 1–5. СПб.: тип. М.А. Александрова, 1908–1915. Т. 1 [Письма 1791–1829 гг.] / [Авт. предисл. П. Раевский]. 1908. С. 520.

⁴ *Бархударян В.Б.* История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917). Ереван: Айастан, 1996. 528 с.

⁵ *Патканян Г.* История Новой Нахичевани. Нахичевань-на-Дону, типография С.А. Авакова. 1917. 121 с. (на арм. яз.). О Г. Патканяне см.: *Шахазиз Е.* Тер-Габриэл Патканянц: биографический историко-этнографический очерк в 12 главах / Пер. с арм. Г.М. Григоряна. Ростов-н/Д. Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2023. 112 с.

⁶ *Шахазиз Е.* Исторические зарисовки. Тифлис: Типография Т.М. Ротиняна. 1903. 239 с. (на арм. яз.); *его же:* Исторические зарисовки / Пер. Г.М. Григоряна. Ростов-н/Д. Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2002. 184 с.; *его же:* Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Монастырь Сурб Хач Нового Нахичевана / Пер. с арм. Ш.М. Шагиняна. Ростов-н/Д. ЗАО «Книга», 2005. 240 с.

⁷ *Келле-Шагинов И.М.* Моя единственная жизнь. Дневники и воспоминания. Ростов-н/Д. Старые русские, 2015. 320 с.

⁸ *Вартанян В.Г., Казаров С.С.* Армянская Апостольская церковь на Дону. Ростов-н/Д. РГПУ, 2001. 148 с.; *Казаров С.С.* Нахичеванское купечество. Конец XVIII — начало XX века. Ростов-н/Д. Ковчег, 2012. 144 с.; *его же:* Нахичеванская элита. Конец XVIII — начало XX века. Ростов-н/Д. Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2021. 154 с.

чем двумя тысячами дел, значительная часть которых составлена на нахичеванском диалекте армянского языка). Однако и в центральных российских архивах содержится достаточно много документов официальной переписки и отчетности с подробными сведениями об организации и жизнедеятельности армянской колонии. В этом ряду, как важный содержательный источник, выделяется «Топографическое и статистическое описание торгового города Нахичевана в 1807 году», составленное Таганрогским градоначальником бароном Балтазаром Балтазаровичем Кампенгаузенем⁹.

Биография Б.Б. Кампенгаузена сегодня в общих чертах известна из дореволюционных изданий, хотя его жизнь и деятельность заслуживают специального исследования. Балтазар Балтазарович родился в Лифляндии 5 января 1772 г., умер в Петербурге 11 сентября 1823 г. Он был высокообразованным человеком — с 1789 по 1791 г. слушал лекции в Лейпцигском, Виттенбергском и Геттингенском университетах, в Геттингене был избран в члены королевского общества наук и в корреспонденты королевского института исторических знаний за доклад «*Entwürfe zu physikalischen Völker-Religions und Kultur-Karten des russischen Reichs*» («Проекты физических карт народов, религий и культуры Российской империи»). В 1802 г. камергер Б.Б. Кампенгаузен получил назначение в порты Черного и Азовского морей, «для исследования причин дурного состояния в них торговли и для лучшего устройства на юге России карантинной части, ввиду господствовавшей в Персии и Турции чумы. Кампенгаузен успел раскрыть в таможенных множестве беспорядков и с устранением их таможи Азовского моря в пять месяцев доставили сборов в несколько раз более, чем прежде получалось в течение целого года. В 1803 г. Б.Б. Кампенгаузен устраивал карантин в Одессе, Дубоссарах и по Днепру»¹⁰.

В сентябре 1805 г. Б.Б. Кампенгаузен стал вторым после А.А. Дашкова градоначальником портового города Таганрога. Через министра внутренних дел графа В.П. Кочубея новый градоначальник обратился к императору с представлением, в котором, в силу неудобств, вызванных значительной отдаленностью Ростова, Нахичевана и Мариуполя от губернского центра в Екатеринославе, просил о присоединении в административном отношении указанных городов с их округами к Таган-

⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444.

¹⁰ Русский биографический словарь. Ибак — Ключарев. Издан под наблюдением председателя Императорского русского исторического общества А.А. Половцова. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1897. С. 443–444.



Б.Б. Кампенгаузен. Гравюра 1820-х годов

рогу. 31 октября 1807 г. последовал указ: «Приняв во внимание важность трех вышеозначенных городов для таганрогской торговли и описываемые вами неудобства настоящего образа их управления», император повелел: «1) Города Ростов, Нахичеван и Мариуполь ныне же присоединить к ведомству Таганрогского градоначальства по части торговли, полиции и купеческой навигации. По всем сим предметам управление их должно состоять на тех же самых основаниях и обращаться в тех же пределах власти, какие постановлены для управления Таганрогом. 2) Часть казенная и судная, за исключением дел торговых, кои обращаться будут в Коммерческие суды, подобно тому, как сие существует в Одессе и Таганроге, имеют оставаться и в сих городах в настоящей от губернского управления зависимости и отношениях»¹¹. Детальные распоряжения по присоединению трех городов к Таганрогскому градоначальству и разграничению предметов ведения были оставлены на усмотрение Б.Б. Кампенгаузена по согласованию с губернскими властями. Годом позже, в ответ на прошение Б.Б. Кампенгаузена, специально приехавшего в Санкт-Петербург, последовал указ 12 июня 1808 г., которым

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (ПСЗ-1). СПб.: Тип. II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Т. 29. № 22671.

все судебные места в названных городах были оставлены в «надлежащей связи с губернскими высшей инстанции местами, как в указе 1803 года генваря 27 предписано»¹², а градоначальнику предоставлено исключительное право надзора за присутственными местами «в соблюдении должного порядка по производству дел и в скорейшем оных отправлении. Кроме этого, градоначальнику решено было поручить «особо и ревизию дел уголовных о чиновниках, ведомству его принадлежащих, с полною властью и правом...; дела же уголовные о жителях тех городов должны быть отсылаемы по-прежнему на рассмотрение и утверждение к гражданскому губернатору»¹³.

Б.Б. Кампенгаузен как выдающийся администратор¹⁴ проявлял к делу научно-систематический подход. Результатом такого отношения стали четыре важных источника по истории северо-восточного Приазовья — «Топографическое и статистическое описание» Мариуполя, Ростова-на-Дону, Таганрога и Нахичевана. Интерес исследователя и систематизатора Б.Б. Кампенгаузен проявлял и позднее. Так, в 1817 г. им была написана записка «О древностях Новороссийского края»¹⁵.

«Топографическое и статистическое описание торгового города Нахичевана в 1807 году», хранящееся в РГИА, представляет собой копию с исходного документа. Оригинал хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки¹⁶. На 37 листах приведены наиболее подробные на начало XIX в. сведения о городе Нахичеване, сгруппированные в три части — «А. Город Нахичеван», «В. Нахичеванские слободы или селения» и «С. Управление», которые в свою очередь содержат разделы, пункты и подпункты.

Вступление к «Описанию» посвящено переселению армян из Крыма на Дон, причиной которого послужили, по мнению Кампенгаузена,

¹² ПСЗ-И. Т. 27. №. 20600.

¹³ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 579. Оп. 1. Д. 188; ПСЗ-И. Т. 30. № 23084; Памятная книжка Таганрогского градоначальства на 1865 год. Таганрог: Тип. при канцелярии Таганрог. градоначальства, 1865. С. 171; *Филевский П.П.* История города Таганрога 1698—1898. М.: Типо-лит. К.О. Александрова, 1898. С. 188.

¹⁴ Таганрогский историк П.П. Филевский не случайно писал, что «никто из таганрогских администраторов столько не сделал для города, как он; это был образец энергии и понимания нужд края, где действовать он был призван». — *Филевский П.П.* Указ. соч. С. 187.

¹⁵ *Конкин Д.В.* «Область сия есть почти единственная классическая страна какою мы обладаем»: Записка барона Б.Б. Кампенгаузена «О древностях Новороссийского края» (1817 г.) // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* 2021. Вып. XXVI. С. 528—539.

¹⁶ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 68. Д. 232.



План города Нахичевана, 1811 г.

опасения христиан гонений со стороны татарского правительства после ожидаемого выхода из Таврии российских войск¹⁷. Автор допускает неточность, когда пишет, что армяне «вместе с мариупольскими греками переведены были на временное жительство в разные места Екатеринославской губернии, где и жили по 1780 год», тогда как уже осенью 1779 г. армяне были в окрестностях крепости Дмитрия Ростовского. Второе, более серьезное недоразумение связано с численностью переселенцев, добравшихся до нового приюта (Нор-Нахичевана). Кампенгаузен сообщает, что «из вышедших в 1778 из Таврии 14000 умерло около 4300, так что для поселения в Нахичеване осталось только 9700 душ»¹⁸. Эта оценка стала расхожей в исторических и популярных работах. На самом деле, в 1778–1779 гг. «на месте временного жительства» — вблизи Екатеринослава (современный г. Днепр) — таких огромных потерь не было. Согласно поименной переписи, произведенной в ноябре 1779 г., уже на Дону армян всех возрастов было 14 тыс. чел.¹⁹ За два месяца народилось 79 детей, а умерло 262 чел. и на 1 января 1780 г. в новообразованной ко-

¹⁷ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 2 об.–3.

¹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹ Келле-Шагинов И.М. Указ. соч. С. 244.

лонии насчитывалось 13 817 чел. По данным И.М. Келле-Шагинова, армянское население колонии быстро сокращалось — уже в начале 1782 г. оно составляло 11 799 чел., а в конце — 11 223 чел. Указанные цифры подтверждаются архивными источниками. Так, в ведомости от 2 декабря 1782 г., которую составил «губернаторской таваришц Ларион Алексеев», указывается, что «по ревизии находится: в Нахичеване с селениями — мужеска пола 5939, женска — 5672 души»²⁰ (итого — 11 611 чел.). Цифры в обоих источниках, как видим, достаточно близкие. Таким образом, огромные потери были понесены уже на новом месте. Самый минимум в первое десятилетие основания колонии составлял в 1788 г. 10 112 чел. Спустя еще восемь лет, в 1796 г. по результатам пятой ревизии в Нахичеване было насчитано всего 8487 жителей, в пяти армянских селениях учтено 2020 поселян. Итого — 10 507 чел.²¹ На 1824 г. приводятся еще более скромные цифры — 7511 жителей Нахичевана²².

В 1807 г. этнодемографическая и сословная ситуация в Нахичеване, по данным барона Кампенгаузена, выглядела следующим образом: в городе проживали одни армяне. Из них обоего пола «отставных ... чиновников» 81 чел., купцов 3-й гильдии 790 (8,9%), мещан 7614 (85,8%), поселян 285. К ним прибавилось 106 «вновь вышедших из заграницы армян»²³. О числе лиц духовного звания в «Описании...» сведений не содержится. Итого — 8876 чел. В «Отчете Таганрогского градоначальника Совету министра внутренних дел по управлению градоначальством» на 1810 г. указана чуть меньшая численность нахичеванцев — 8704 чел.²⁴

Существенное снижение численности жителей Нахичевана, обусловленное неустроенностью переселенцев и неожиданно тяжелыми природными условиями²⁵, объяснялось также самочинным возвращением обратно в Крым порядка 2–2,5 тыс. чел. за 1779–1820 гг.²⁶ Одной

²⁰ Аваков П.А. «О селениях... армянских, вышедших из Крыма, Вашей светлости доносить я должен» // Исторический архив. 2018. № 6. С. 179.

²¹ Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии. Т. 1. Ростовский на Дону уезд и Таганрогское градоначальство. Екатеринослав: Печатано в губернской типографии. 1884. С. 58.

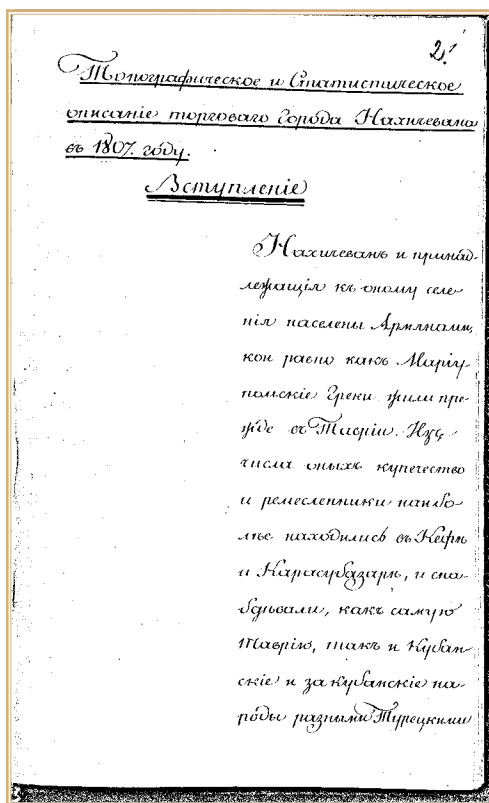
²² Памятная книжка для Екатеринославской губернии на 1864. Екатеринослав: Тип. Я. Чаусского, 1864. С. 189.

²³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 10 об.

²⁴ Бархударян В.Б. Указ. соч. С. 96.

²⁵ См., напр.: Богданян А.М. Из прошлого. О переселении армян из Крыма. 2-е изд. Ростов н/Д, Ростовское кн. изд-во, 1989. С. 11.

²⁶ Араджиони М.А. Формирование армянских общин в Восточном Крыму (конец XVIII — первая половина XIX века) // Исследования по арменистике в Украине. Вып. 1. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2008. С. 79–93.



Топографическое и статистическое описание торгового города Нахичевана в 1807 г. Снимок страницы рукописи (РГИА. Ф. 1409 Оп. 1 Д. 2444 Л. 2)

из правительственных мер борьбы с самовольным возвращением в Крым было требование от нахичеванцев оплаты «податей за беглых армян». За 1805–1807 гг. они составили в сумме 965 руб.²⁷ Эти расходы нахичеванского бюджета не были единичными: в 1799 г. у армянского магистрата истребован налог за армян, вернувшихся в Крым, в размере 3000 руб.²⁸

Таким образом, можно констатировать, что тенденция к сокращению городского населения сохранялась. И лишь в середине — второй половине численность армянского населения Нахичевана выросла. Так, в 1871 г., по сведениям городского головы, в городе проживало 13 452 жителя армяно-григорианского вероисповедания²⁹.

Под «армянскими поселянами» в городе в «Описании...» Б.Б. Кампенгаузена имелись в виду крестьяне, которые после переселения оставались жить в городе. Всего, по ревизским сказкам 1782 г., в Нахичеване было пе-

²⁷ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 33.

²⁸ Бархударян В.Б. Указ. соч. С. 359.

²⁹ ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 41. Л. 15.

реписано 253 семейства таких поселян, общей численностью 1186 чел.³⁰ Часть из них со временем перешла жить из города в села. Так, в 1814 г. 152 городских жителя изъявили желание перейти в разряд крестьян и были приписаны к селам Чалтырь и Топти (Крым)³¹. Но и в 1871 г. в городе все еще оставались 288 поселян³². В 1880 г. тридцать семейств «сабанчи» (пахари) выселились из Нахичевана и основали шестое армянское селение Катеринован (Катериновка) на реке Самбек³³. Общее число жителей армянских селений в 1807 г. составляло 2048 чел.: в Чалтыре — 619, Крыму — 599, Султан Салах — 301, Салах — 331 и Несветае — 198³⁴. Таким образом, в Нахичеванской армянской колонии в 1807 г. проживало всего 10 924 чел.

Екатерина II жалованной грамотой от 14 ноября 1776 г. указала армянам «отвести в Азовской губернии особенную от прочих селений округу крепости Святого Димитрия Ростовского»³⁵. Значительная часть выделенной земли была расположена на левом — низком, затапливаемом при половодьях берегу Дона. Переселенцы, понимая неудобства освоения такого участка, заручились согласием Г.А. Потемкина и договорились обменять их на земли на правом берегу. Окончательное решение последовало 28 октября 1794 г., когда по ходатайству армянского общества дополнительно отведено было еще 8 тыс. десятин между реками Тузлов и Самбек³⁶. Обмен землями был завершён 2 июля 1800 г.³⁷ В итоге, как указывает Кампенгаузен, не слишком углубляясь в историю вопроса, «городовая земля состоит более на правом, а частью и на левом берегу реки Дона, где в черте оной находится Темерницкое озеро»³⁸. Площадь земли удобной 13 949 десятин, неудобной 6060 десятин 578 сажень, итого 20 009 десятин и 578 са-

³⁰ Ревизские сказки крымских армян 1782 года: сборник документов. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2019. С. 125–157.

³¹ Бархударян В.Б. Указ. соч. С. 138–139.

³² ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 41. Л. 15.

³³ Шахазиз Е. Исторические зарисовки. С. 37.

³⁴ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 26 об.

³⁵ ПСЗ-I. Т. 20. № 14942.

³⁶ Келле-Шагинов И.М. Указ. соч. 250.

³⁷ ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 41. Л. 3; Краснянский М.Б. Исторический очерк гг. Ростова и Нахичевана н-Д, по данным городского музея в г. Ростове н-Д, Ростов-на-Дону: Электротип. М. И. Гүзман, [1911]. С. 24–25; Шахазиз Е. Исторические зарисовки. С. 229–230; Келле-Шагинов И.М. Указ. соч. С. 254–255; Бархударян В.Б. Указ. соч. С. 107–109, 137–147.

³⁸ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 5–5 об. Темерницкое озеро не сохранилось. На этом месте сейчас находится гребной канал.

жен³⁹. Указанные размеры городских земельных владений сохранялись в дальнейшем⁴⁰, и земля была одним из важных источников городского бюджета: даже спустя 70 лет поступления за землю составляли почти две трети городских доходов (20 892 из 32 502 руб., согласно отчету городского головы за 1876 г.⁴¹).

Жители армянских сел владели 64 809 десятинами удобной земли и 3160 — неудобной, всего — 67 960 десятинами 587 саженьями. Она вся находилась на правом берегу реки Дона за исключением «малой болотистой частицы, против Чалтырской слободы по левую сторону Дона простирающейся, в коей для продовольствия жителей топливом косятся камыши»⁴².

На выделенной земле на месте форштадта крепости Димитрия Ростовского под названием Полуденка были основаны город и пять сел.

Селение Орталан («Ошталан» — в соответствии с нахичеванским диалектом) было названо по селу в Крыму (Кампенгаузен пишет о «славной слободе Урталанк близ Карасубазара»⁴³), откуда родом было множество переселенцев. На новой родине у местных жителей были куплены на средства казны тридцать три двора для переселенцев⁴⁴. Название Чалтырь установилось позднее по местному названию реки Мокрый Чалтырь, на которой расположилось селение. Второе крупное селение — Крым, армянами изначально называлось Топти⁴⁵. В официальных бумагах использовался также местный (донской) топоним Средняя Кошкина, поскольку селение находилось в Кошкиной балке⁴⁶. В этом же урочище расположились Султан Салы (назывались также Малые Салы), которые порой в документах и на картах также называли в соответствии с местным топонимом Верхняя Кошкина.

Б.Б. Кампенгаузен ошибочно размещает еще два селения — Салы и Несветай в Кошкиной балке. Но Салы (Буюк-Салы или Большие Салы) обосновались в верховьях реки Темерник, они названы по соот-

³⁹ 1 десятина = 2400 кв. саженьям = 10 925,4 м² ≈ 1,0925 га. 1 кв. сажень = 9 кв. аршинам ≈ 4,55225 м².

⁴⁰ См., напр.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 82; ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 41. Л. 3.

⁴¹ ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 144. Л. 3.

⁴² РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 27–27 об.

⁴³ Там же. Л. 26–26 об. Сегодня — это село Земляничное близ Белогорска (Карасубазара) в Крыму.

⁴⁴ Аваков П.А. Указ. соч. С. 176.

⁴⁵ Также названо по крымскому селу Топти (современная Тополевка).

⁴⁶ В наши дни балка и речка, протекающая по ней, называются Хавалы.



Церковь монастыря Сурб Хач в шести верстах от Нахичевана.
Дореволюционная фотография

ветствующему селению в Крыму (сегодня — село Грушовка). Самое маленькое селение на реке Тузлов сохранило местное название Несветай (река Сухой Несветай впадает в Тузлов напротив селения Несветай).

При основании армянских селений для переселенцев были куплены за счет казны на местах 12 (Салы), 40 (Несветай) и в Кошкиной балке в трех селениях — 117 дворов⁴⁷.

В каждом селении на 1807 г. уже были построены по одной каменной церкви. Кроме того, в Чалтыре функционировали 12, в Крыму — 8, в Султан Салах — 5, в Салах — 4 и в Несветае — 3, а всего — 32 ветряные мельницы⁴⁸.

«Землею сею помянутые селения пользуются нераздельно. Часть обрабатывается хлебопашеством, другая оставлена для сенокоса, а самая большая для пастьбы скота и населения выходящих впродь из заграницы армян. Между тем на излишних сенокосных местах пользуются соседственные жители сенокосом, с платежом при хорошем урожае по 5, а при худшем по 10 коп. с копны сена; за скот же покупаемый после сенокоса на подножной летний и осенний корм с каждой штуки рогатого скота и лошадей от 10 до 20 коп. с овец по 1 копейке»⁴⁹.

⁴⁷ Аваков П.А. Указ. соч. С. 177.

⁴⁸ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 26 об.-27.

⁴⁹ Там же. Л. 27 об.-28 об.

Использование обширных земельных угодий городскими жителями потребовало создания хуторов. На 1807 г. функционировали «29 хуторов для скотоводства и хлебопашества городских жителей, и при них 11 садов и одна по Темернику водяная и 2 ветреных мельницы. Общество положило отвести землю еще для 40 хуторов городским жителям, прочую же сберечь для вновь переселяющихся»⁵⁰. Некоторые из хуторов сохранились до наших дней (напр. х. Халыбо-Адабашев). Точно так же хутора создавались и поселянами, однако Б.Б. Кампенгаузен о них не упоминает.

В шести верстах от Нахичевана был построен монастырь Сурб Хач (Святого Креста), «в которой обыкновенно съезжаются по праздникам городские жители и в котором находится одна церковь, архиерейский дом, несколько покоев для приезжающих, одна мельница⁵¹ и сад»⁵². Из других источников известно, закладка монастыря состоялась в 1783 г., само строительство — в 1786-м, а освящение — 27 ноября 1792 г.⁵³ В отчете Нахичеванского магистрата таганрогскому градоначальнику П.А. Папкову за 1811 г. указан «один монастырь с каменною вокруг оградой, в нем находится одна церковь, архиерейский дом в 32 покоя, при нем водяная мельница»⁵⁴.

Сведения о городских строениях, приводимые Б.Б. Кампенгаузенем, дают достаточно полное представление о состоянии города в 1807 г. В Нахичеване имелось 1739 жилых домов (241 каменный, 1272 деревянных, 221 «земляной», 5 камышовых⁵⁵). Обращает на себя внимание большое число лавок — 397 каменных и 18 деревянных и в дополнение к ним 25 каменных, 10 деревянных и 35 земляных магазинов⁵⁶. Из Крыма на Дон армяне перенесли с собой и культуру потребления кофе⁵⁷.

⁵⁰ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 6 об.

⁵¹ «Армянский ассессор Аврамов из Нахичевана запрудил течение этого ручья каменной плотиной в самой узкой его части и устроил здесь хорошую мельницу с тремя поставами. Он же устроил здесь ферму и гостиницу». — *Краснянский М.Б.* Заметка академика Палласа. С. 205.

⁵² РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 6–6 об.

⁵³ *Шахазиз Е.* Новый Нахичеван. С. 170.

⁵⁴ Там же. С. 181.

⁵⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 7–7 об.

⁵⁶ Магазин «здание или помещенье, для складки и хранения каких-либо запасов». — *Толковый словарь Даля.* 3-е изд. Т. 2. СПб.-М.: Тип. Товарищества М.О. Вольф, 1905. С. 748.

⁵⁷ *Казаров С.С.* Турецкие кофейни Нахичевани-на-Дону как элемент повседневности донских армян / Актуальные проблемы социальной истории и социальной работы [Текст]: Сб. науч. ст. / Под ред. П.Я. Циткилова. Новочеркасск: Лик, 2017. С. 53–55.

В Нахичеване на 1807 г. насчитывалось 16 кофейных домов (8 каменных и 8 деревянных), которые до середины XIX в. были излюбленным местом времяпровождения местных армян, своего рода заменителями клубов. Трактир в городе был всего один каменный, но питейных домов — 5 (3 каменных и 2 деревянных). Постоялых дворов было 2 каменных⁵⁸.

Отзывы путешественников о благоустроенном городе подтверждаются статистикой, приведенной Б.Б. Кампенгаузеном — 72% строений (из 1252) были покрыты железом и черепицей, оставшиеся 236 — тесом, 136 — «дубьями»⁵⁹ и 581 — камышом⁶⁰.

Беднейшие слои нахичеванцев пользовались поддержкой городского хозяйства, за счет которого содержалась «одна богадельня на две половины для мужеского и женского пола, в коей можно помещать до 50 человек, но находится в оной только 14 душ». Городская беднота 812 душ (живущих в 213 избах) получала «в пополнение недостаточного от собственных работ содержания, от добровольных дателей разные пособия»⁶¹. Сверх этого, «определенные по выбору общества из первейших людей два попечителя» собирали с сограждан добровольные подаяния (ежегодно от 1500 до 2000 руб.) для помощи неимущим, особенно в зимнее время⁶².

К числу общественных зданий, принадлежащих городу, относились:

а.) Магазин каменной с деревянным кофейным домом в 1802 году в 2930 руб. обошедшийся.

б.) Магистрат каменной в том же году построенной и стоивший 9207 руб.

с.) Тюрьма деревянная, в 1792 году построенная за 180 руб.

д.) Тюрьма каменная, в 1803 году построенная за 1162 руб.

е.) Дом деревянный, в 1791 году построенный за 1900 руб.

ф.) Постоялый двор каменный, в 1804 году построенный за 6725 руб.

г.) Дворец деревянный, в 1786 году построенный, по случаю ожидаемого приезда государыни императрицы Екатерины II во время путешествия в Таврию, а потом по просьбе архиепископа Иосифа городу

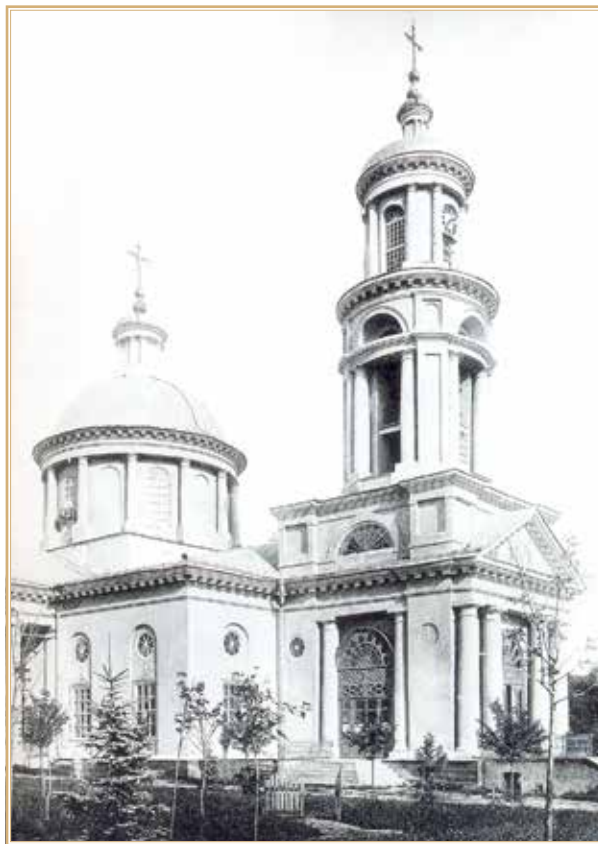
⁵⁸ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 7.

⁵⁹ «Луб, лубок [-ка] м. (луп, лупить) вообще, подкорье, исподняя кора, покрывающая блонь; особ. липовое, идушее на кровли (под тес), на мочала, а с молодых лип на лыко». — Толковый словарь Даля. Т. 2. С. 700.

⁶⁰ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 7 об.

⁶¹ Там же. Л. 36–36 об.

⁶² Там же. Л. 36 об.–37.



Собор Григория Просветителя. Освящен в 1807 г. *Дореволюционная фотография*

пожалованный, которым ныне и содержится. В нем помещается теперь духовная канцелярия, магистратская канцелярия и проч.

н.) Богадельня каменная о шести покоях, выстроенная в 1788 году и покрытая черепицею»⁶³.

Вместе с основанием города нахичеванцы сразу же озаботились строительством церквей — первоначально деревянных, на смену которым пришли каменные. Б.Б. Кампенгаузен пишет о семи храмах (ошибочно, всего на то время было шесть церквей), но называет и приводит сведения о времени постройки пяти церквей в городе и одной в монастыре:

«а.) Соборная во имя св. Георгия первосвятителя армянского, выстроенная покойным архиепископом Иосифом в 1785 году из сбора добровольных дателей.

б.) Св. Тарасия, каменная выстроенная усердием нахичеванского гражданина Качунова с тремя товарищами.

⁶³ Там же. Л. 8–9.

с.) Св. Георгия, каменная выстроенная 1791 г. за 15378 руб.

д.) Св. Николая Чудотворца каменная приходская построенная 1798 г. за 13473 руб.

е.) Вознесения Господня, каменная построенная 1798 г. за 11191 руб.

ф.) Во имя честного и животворящего креста в монастыре, построенная покойным архиепископом Иосифом⁶⁴. (Из этих церквей в настоящее время сохранилась только монастырская, без колокольни.)

Б.Б. Кампенгаузен не упоминает о школах в Нахичеване, хотя из разных источников известно о наличии в городе в описываемый период двух школ — имени Саака и Месропа⁶⁵, а между нахичеванским магистратом и таганрогским градоначальством шла оживленная переписка по вопросам организации и деятельности этих школ.

Проблема водоснабжения в городе решалась благодаря обустройству двух больших общественных и пяти «партикулярных небольших в садах» родников, а также 168 колодцев, выкопанных жителями на улицах при домах. В 131 из них была пресная вода, а в 37 — горькая⁶⁶. Мощение улиц в Нахичеване и Ростове началось только в середине XIX в. А пока «на некоторых из них положены хозяевами домов по сторонам доски для пешеходцов». Везде на улицах были поставлены столбы для освещения, но само освещение «чинится только в праздничные дни»⁶⁷.

Нахичеван был городом не только купеческим, но и ремесленным. В 1793 г. по архивным данным из 7567 жителей Нахичевана 2451 занимались ремеслом⁶⁸. Из «Описания...» Кампенгаузена мы узнаем о 770 ремесленниках и их специализации⁶⁹:

⁶⁴ Там же. Л. 9 об.—10.

⁶⁵ Чориян С.К. От церковно-приходской школы к высшему городскому училищу (училище святых Саака и Месропа в Нахичевани-на-Дону) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 3. С. 89–93. *его же*. О судьбе открытого в 1811 г. в Нахичевани-на-Дону приходского училища / Актуальные проблемы социальной истории, философии и социальной работы. Двадцать третьи Всероссийские научные чтения. Тезисы докладов и сообщений научно-теоретической конференции. ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет», Новочеркасский инженерно-медицинский институт имени А.К. Кортунова. Новочеркасск, 2022. С. 40–41.

⁶⁶ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 10.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Бархударян В.Б. Указ. соч. С. 166.

⁶⁹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 11–11 об.

		мастер.	учен. и проч.	итого
a	Серебряников	26	42	68
b	Медников	5	4	9
c	Кузнецов	7	25	32
d	Иконописцов	1	-	1
e	Часовых мастеров	1	-	1
f	Каменщиков	20	50	70
g	Сапожников	57	62	119
h	Плотников	4	-	4
i	Портных	7	18	25
k	Шапошников	10	7	17
l	Штукатурщиков	6	-	6
m	Шубников	22	28	50
n	Золотошвеев	12	37	49
o	Колесников	2	-	2
p	Кожев. и сафьянников	8	20	28
q	Печников	2	-	2
r	Садовников	5	-	5
s	Хлебников	18	18	36
t	Мясников	15	23	38
u	Тебенщиков	8	24	32
v	Ремесленников, делающих шерстяные торбы	4	2	6
w	Ремесленников, бьющих хлопчатую бумагу	8	12	20
x	Ремесленников, делающих трубки	5	-	5
y	Бондарей	3	-	3
z	Свечников	5	-	5
aa	Шмухмеров	20	54	74
bb	Полстников	14	33	47
cc	Золото-мотальников	4	12	16
	Итого	299	471	770

Но хозяйственная деятельность Нахичевана не ограничивалась торговлей и ремеслами. По состоянию на 1807 г. Нахичевану принадлежали три рыбных завода, четыре кожевенных, один «сафьянной» и «кожевенной», один «водочной», шесть черепичных, один «кирпичной», пять известных и пять сальных и свечных. Бойни, сальные кожевенные и черепичные заводы находились внутри города⁷⁰. Всего — 26 заводов. Два рыбных завода располагались «по Дону, а один на Азовском море на Самбекской косе. Ловится рыба наиболее тарань, сельдю, чехонь, судак и изобильнее зимою и осенью нежели весною. Зимою продается она замораживаемой, осенью просольной, весною соленою и вяленою, покупается же на заводах российскими и малороссийскими промышленниками, иногда продается самими тех заводов хозяевами. Работы на сих заводах производятся наемными людьми, кои по примеру всех рыбных по Азовскому морю заводов, пользуются половиною получаемой от оных прибыли»⁷¹.

«Земляной» «кожевенный» завод был выстроен в 1787 г., «каменный» — в 1803 г., два деревянных — в 1798 и 1799 гг.; кожевенный и «сафьянный» каменный завод был выстроен в 1806 г. Каменный «водочный» завод выстроен в 1796 г. Черепичные заводы «все домашние, с печами и камышовыми сараями, заведены в разные годы начиная от 1781-го по 1800 год». «Кирпичный» завод выстроен в 1800 г. и состоит из двух печей и четырех сараев. «Известные» заводы построены на берегу реки Дон. На этих заводах работали в общей сложности 115 человек — пять хозяев сальных заводов, шесть мастеров, десять подмастерьев, 15 учеников, 11 рабочих, 68 сезонных (четыре летних месяца) работников (кирпичный, черепичные и известные заводы)⁷². Сверх того, в Нахичеване работали 150 «колодецекопателей», 120 «земледельцов» и 500 простых рабочих⁷³.

Статистические сведения об объемах производства, закупках расходных материалов, оплате труда и выручке за проданную продукцию позволяют оценить масштаб хозяйственной деятельности Нахичевана. Так, кож (коровьих и бычачьих) выделывалось в год до 1300 шт., сафьяна (из козлиных шкур) до 2500 шт. Кроме того, производилось до 9000

⁷⁰ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 10 об.

⁷¹ Там же. Л. 11 об. –12 об.

⁷² Там же. Л. 11 об. –18.

⁷³ Там же. Л. 19–19 об.

ведер французской водки⁷⁴, 225 тыс. шт. черепицы, 400 тыс. шт. кирпича, 5750 четвертей извести (из добываемого поблизости дикого камня), до 700 пудов свечей. За счет собственных садов производилось до 2500 ведер вина. Крайне неравномерно шла выделка шелка: в 1805 г. — 15, в 1806 г. — 65, в 1807 г. — только 8 фунтов. Ежегодно закупалось до 1300 шкур коровьих и бычьих, козлиных — до 3000 шт. в Нахичеване и Черкасске, большие объемы таких материалов, как корень кермека⁷⁵ — в задонских селениях, известь, канцелярское семя⁷⁶ из-за границы, «деревянные листья епрах из Крыма и Кавказской линии»⁷⁷. Для производства французской водки из-за границы закупались нардек⁷⁸, изюм, «вино испорченное», бекмез⁷⁹, с Дона привозился свежий виноград.

Благодаря «Описанию» Кампенгаузена мы узнаем не только объемы и стоимость закупок, но и основные регионы поставок материалов в Нахичеван, объемы и выручку за произведенные товары, размеры оплаты труда мастеров и рабочих, цены на основные продукты питания⁸⁰.

Продовольственные припасы «наиболее доставляются из окружающих мест, исключая мыло и постное масло. Соль доставляется из Крыму, лесные материалы Волгою и Доном привозятся. Овцы и рогатый скот частью из Перекопской степи пригоняются. Камень под самым городом ломается. Камыш, бурьян⁸¹ — и проч. растет в городских

⁷⁴ Спирт виноградный (коньяк, виноградная водка). Центром ее производства был город Коньяк, название которого стало применяться сначала для обозначения местной виноградной водки, а затем, как общий термин, для обозначения известного высшего сорта виноградной водки. Коньяк составляет высший продукт, получаемый из вина. Грубые сорта вина дают менее ценные продукты — так называемую виноградную водку. См.: Энциклопедический словарь. Т. 31. Издатели Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон. СПб.: Типо-литография И.А. Эфрона. 1900. С. 255–257.

⁷⁵ Корни кермека используются в качестве дубителя, при этом кожа приобретает красновато-бурый цвет. Используется также как краситель.

⁷⁶ Канцелярское семя (бакан, кошениль, кошенильный червец) — название нескольких видов насекомых из отряда полужесткокрылых, из самок которых добывают вещество, используемое для получения красного красителя — кармина.

⁷⁷ Видимо, сумах кожевенный, дубильный, произрастающий в горах Крыма и Кавказа. Дубильными веществами, содержащимися в молодых ветвях и коре стволов, пользуются для дубления овечьих, козлиных и телячьих кож, получая светлый сафьян.

⁷⁸ Нардек — арбузный мёд, очищенный и сильно упаренный сок, получаемый из мякоти зрелых плодов арбуза. Имеет консистенцию мёда, коричневый цвет, сладкий вкус и содержит не менее 60% сахара.

⁷⁹ Бекмез (дошаб) — вываренный, концентрированный фруктовый (виноградный, абрикосовый или тутовый) сок густой консистенции, без добавления сахара.

⁸⁰ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 12–22.

⁸¹ Использовались в качестве топлива.

землях. Вино виноградное покупается в Черкаске Донское, в Крыму Крымское, а в Таганроге иностранное. В сем последнем порте покупаются также иностранные сухие фрукты и деревянное масло⁸². Железо покупается в самом Нахичеване и Ростове с барок, привозящих оное из Сибири. Шелковые, бумажные, шерстяные и проч. материалы покупаются Нахичеванцами в Астрахани, при Крымском и Таганрогском портах, и на разных внутренних российских ярмонках, где они и снабжаются также сахаром, кофею и проч.»⁸³. Собственной ярмарки в Нахичеване не было, но была в соседнем Ростове. Нахичеванцы весь XIX в. безуспешно пытались получить разрешение на открытие у себя ярмарки.

Первоначально часть барок, идущих Волгой и Доном, выгружала товары в Нахичеване, откуда они затем доставлялись лодками в Таганрогский порт. Но в начале XIX в. большая их часть «с железом, дровами, икрой и сарачинским пшеном⁸⁴» приставала к Ростовской пристани, а некоторые начали ходить и до самого Таганрога. Стремясь сохранить конкурентные преимущества, нахичеванцы отделяли свою набережную и отстраивали 17 каменных магазинов (складов) для товаров⁸⁵.

Как отмечал Б.Б. Кампенгаузен, нахичеванцы «к судоходству ...несродны»⁸⁶; но зато весьма активно занимаются внутренней сухопутной торговлей, «покупая в Таганроге и в Крыму разные вина, фрукты, деревянное масло, табак, разные азиатские материи и другие вещи, доставляют их, а равно собственные изделия на Кавказскую линию в Черноморию к закубанцам и кавказским народам»⁸⁷. Нахичеванские купцы прочно основались в предместье Георгиевска, называемом ими «малым Нахичеваном», имели «лавочные ряды» в Екатеринодаре, активно ездили на российские ярмарки, «а особливо Макарьевскую, Коренную и Харьковскую, променивая там на российские товары собственные свои изделия, и покупаемые ими при портах товары»⁸⁸. Торговали нахичеванцы и с Астраханью, покупая там икру, рис, хлопок, шелк и про-

⁸² Оливковое масло низкого сорта, полученное в конце отжима. Применялось в лампадах (лампадное масло).

⁸³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 21–22.

⁸⁴ Сарачинское (сорочинское, сарацинское) пшено — рис.

⁸⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 23 об.–24.

⁸⁶ Там же. Л. 24.

⁸⁷ Там же. Л. 24–25.

⁸⁸ Там же. Л. 25–25 об.

чие товары⁸⁹. «Лавки их наилучшие во всем здешнем краю, особливо по красным товарам⁹⁰. До 45 человек занимается иностранной торговлей, отпуском российских товаров за границу и получением за оные иностранных чрез Таганрогский и Крымские порты; внутренней же до 800 человек, большей частию в роде разнощиков»⁹¹.

Сельское хозяйство было развито неравномерно, «хлебопашество не из изобильнейших», зато скотоводство изобильное, скота имелось у поселян, а на хуторах и у городских жителей крупного рогатого скота — 12 400 голов, лошадей 7600 голов, овец 87 700 голов. Из них 1 тыс. голов крупного рогатого скота, 4 тыс. лошадей и 5 тыс. овец покупались городскими жителями «в Дербетской Калмыцкой орде, в Черномории и на Кавказской линии» для реализации на разных ярмарках⁹².

Бюджет Нахичевана в 1805—1807 г. составил соответственно 4740,95, 6056,4 и 5856,92 руб. (в среднем в год 5,5 тыс. руб.). Основной источник во все три года — общественные сенокосы (2005, 2464 и 2675 руб. в год), второй по значимости источник доходов — городские терезы⁹³ (800, 1341 и 916 руб. в год). На третьей позиции оказались доходы «с ярмоночных лавок». Но они были крайне неравномерными — от 1005 руб. в 1805 г. до 845 руб. в 1806 г. и минимальных 120 руб. в 1807 г. Близкими были суммы, полученные «с общественных лавок и проч.» — 450, 714 и 791 руб. Здесь динамика положительная. Такую же динамику обнаруживает еще один источник — «рыбные ловли»: 399, 566 и 672 руб. Последним по значимости были суммы, получаемые «за протесты векселей» — 80, 125 и 81 руб. Похожие, хотя и не совпадающие полностью, данные об общей сумме доходов (4901, 6098 и 6309 руб. за соответствующие годы) приведены в позднем документе — сводной «Ведомости о суммах городских доходов и расходов по городу Нахичевану за каждый год со времени введения от 3 мая 1858 г.»⁹⁴.

Общая сумма доходов в 1805—1807 г. составила 16 654 руб. 27 коп. Почти вся она (15 140 руб.) ушла на содержание аппарата управления — магистрат, полицию и тюрьму. Но помимо этого, средства были потрачены «на починки общественных домов, мостов и караул к оным, а рав-

⁸⁹ Там же. Л. 25.

⁹⁰ Красный товар — текстиль, ткани, мануфактура.

⁹¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 25 об.—26.

⁹² Там же. Л. 28 об.

⁹³ Весы (тюрк.).

⁹⁴ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 122. Л. 5.

но на починку домов самобеднейших жителей» (4713 руб. 67 коп.), «на выжигание в общественных местах камыша и проч.» (27 руб. 25 коп.), «на содержание дорог» (132 руб. 72 коп.), «на содержание почтовых лошадей» (4140 руб.), «на депутатов, посылаемых в Москву, Екатеринослав, Одессу и проч.» (3328 руб. 95 коп.), «на заплату податей за беглых армян» (965 руб.)⁹⁵.

Как указывает Кампенгаузен, расход всегда превосходит приход. «Недостаток пополняется добровольными раскладами с домов и семейств по промыслам и состоянию жителей оных располагаемыми. В таковых раскладках участвуют сельские жители с городскими, платя вообще пятую часть всей раскладки, по расчетам между собою, городские же остальные четыре части живущие в хуторах, имущие участвуют в оной наравне с городскими, а неимущие наравне с сельскими жителями. С городских жителей собрано в 1807 году за 1806 и 1807 годы 7354, а остается в недоимке 4354 руб. из коих однако только 800 надежны ко взысканию. Следующие же с селений за 1806 год 2024 и за 1807 2464 рублей, с общего согласия донныне не взысканы, до продажи ими заготовленной пшеницы остановленной войною»⁹⁶.

По сводной ведомости, составленной в 1858 г., сумма «добровольной складки» от горожан в 1805—1807 гг. составила 3000, 5500 и 9800 руб. (итого — 18 300 руб.). Относительно поселян отмечено, что им «предоставлялось на волю участвовать в добровольной складке четвертою или пятою частью против городских жителей»⁹⁷. Однако из итоговых цифр прихода и расхода бюджета видно, что в эти годы поступлений от поселян не было⁹⁸.

Благодаря добровольным складкам нахичеванская администрация могла нанимать людей для выполнения разного рода личных повинностей, от которых в таком случае освобождались жители колонии⁹⁹. Временным способом восполнить городские доходы было заимствование у местных купцов (на 1807 г. городской долг составлял 4300 руб.)¹⁰⁰.

В именном указе 30 марта 1783 г., данном генерал-губернатору Потемкину, Екатерина II разрешала в селениях греческих, армянских и римского закона «иметь греческий и римского закона суд, також Ар-

⁹⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 33–34.

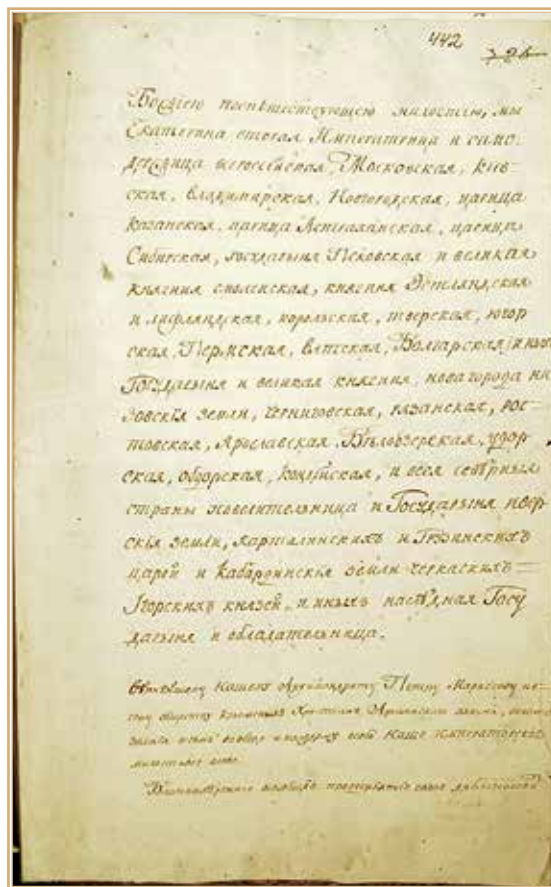
⁹⁶ Там же. Л. 34–35.

⁹⁷ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 122. Л. 5.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 35–35 об.

¹⁰⁰ Там же. Л. 35 об.—36.



Жалованная грамота вышедшим из Крыма христианам армянского закона, 14 ноября 1779 г. Черновик, с исправлениями. РГАДА. Ф. 16. Д. 689. Ч. 1. Л. 442–444 об.

мянский магистрат в 1783 г., на содержание которых и отпускаемо будет ежегодно сверх полагаемой в штате суммы по 4674 рубли; состоять же им под ведением и апелляцией тех мест, коих то свойственнее по силе и разуму Учреждений наших»¹⁰¹.

Организация самоуправления в нахичеванской армянской колонии в ранний период ее существования известна в общих чертах благодаря сведениям, приводимым первым «летописцем» Нахичевана Габриелом Паткянном, обзорной работе Е. Шахазиза и еще более краткой характеристике, данной В.Б. Бархударяном. В описаниях организации управления Нахичевана порой отсутствует привязка сведений, приводимых авторами, к конкретному времени. Притом что система самоуправления Нахичевана развивалась и видоизменялась. Не хватает информации не только о второстепенных должностях, но даже и о том, когда, как

¹⁰¹ ПСЗ-І. Т. 21. № 15700.



Архиепископ Иосиф Аргутинский-Долгоруков

и на каких основаниях в Нахичеване появился и действовал институт городского головы. «Описание» Кампенгаузена проливает свет на часть этих вопросов, кроме последнего.

Жалованная грамота 14 ноября 1779 г. называла только один орган управления новой колонии — магистрат, который получал всю полноту власти. Первый магистрат, по свидетельству Г. Патканяна, был сформирован 14 января 1780 г.¹⁰² Из известных материалов не видно, чтобы судей магистрата избирали по жребию, как это определено в грамоте Екатерины II. А из дел XIX в. следует, что на все должности избирались голосованием.

По состоянию на 1807 г. Нахичеванский магистрат управлял «городом и причисленными к оному селениями по части полицейской, хозяйственной и судебной»¹⁰³. В магистрате по высочайше утвержденному 19 июля 1784 г. штату¹⁰⁴ с жалованьем от казны числились избираемые нахичеванским обществом: председатель (120 руб.), четыре заседателя (по 100 руб.), секретарь¹⁰⁵ (200 руб.), канцелярские служители (458 руб.). Итого — 1178 руб.¹⁰⁶ Кампенгаузен приводит общую сумму

¹⁰² Патканян Г. Указ. соч. С. 43.

¹⁰³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 29 об.

¹⁰⁴ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 13 об.-14.

¹⁰⁵ Секретарь магистрата был представителем центральной власти в магистрате и назначался исключительно «из российских».

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 29 об.

без учета оклада четверем смотрителям (урядникам) в селах (см. ниже полицейскую службу), что в итоге и составило бы 1418 руб., о которой пишут все другие источники¹⁰⁷.

Впоследствии, по информации таганрогского градоначальника, общественными приговорами из городских доходов (и добровольной складки) жалование было прибавлено: секретарю — до 600 руб., канцелярским служителям — до 512. Сверх того, была увеличена численность служащих магистрата — были созданы должности с соответствующим жалованием за счет из средств колонии: секретарь по армянским делам — 220 руб., помощник секретаря — 180 руб., два переводчика — 335 руб. на обоих, счетчик — 150 руб., писарь Словесного суда — 90, двое старост — 450 руб., два сторожа — 144 руб. на обоих, телал¹⁰⁸ для публикации — 25 руб. Итого — 2856 руб. А всего, по подсчетам Кампенгаузена, 4034 руб.¹⁰⁹ В эти подсчеты вкралась ошибка: по расходам на дополнительные штаты показаны лишние 150 руб. — либо пропущена еще одна должность с жалованием в 150 руб., либо 150 руб. посчитаны дважды.

Председателем магистрата в это время был Хазез Петрос Ованнисян, судьями — Манук Туфликян, Погос Арутюн Хатранян, Карапет Хачатрян Алексанян, Мкртич Назарян, армянским секретарем (писарем) — Пехливанянц и начальником городской полиции — Хачерес Мхитарян. Секретарем магистрата в описываемый период был коллежский секретарь Т.Н. Любенков¹¹⁰.

Остается загадкой, почему в «Описании... Нахичевана» Кампенгаузен ни словом не упоминает о наличии такой должности в Нахичеване, как городской голова — так, как будто бы его и не было. Между тем из архивных дел известны имена городских голов, выборы которых начались по преподанным от Екатеринославского наместнического правления правилам с 1794 года¹¹¹. Городским головой с 1806

¹⁰⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 4.

¹⁰⁸ Глашатай, вестник (чего-либо) (*тур.*).

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 30.

¹¹⁰ Патканян Г. Указ. соч. С. 69; Макидонов А.В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье: Просвіта, 2011. С. 98, 142; Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1783 от Рождества Христова. СПб.: Имп. Академия наук, 1783. С. 477; Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1804 от Рождества Христова. СПб.: Имп. Академия наук, 1804. С. 74. Формулярный список Т. Любенкова на 1798 г. см.: Панкеев О.С. Групові формулярні списки чиновництва Новоросійської губернії за 1798 рік. Запоріжжя, 2011. С. 57.

¹¹¹ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 122. Л. 4–4 об.

по 1809 г. был первостатейный гражданин Христофор Халач (Хачерес Галаджев)¹¹².

Достаточно скромное место в «Описании... Нахичевана» в части, посвященной управлению, заняли сведения об опекунах. Совет 24 опекунов был создан в 1795 г. в качестве заместителя шестигласной думы. Функции его были достаточно широки¹¹³. В 1800 г. по итогам конфликта городской элиты с архиепископом И. Аргутинским, закончившегося победой духовного лица, Совет был реформирован и расширен до 36 членов (включая в это число городского голову и членов магистрата)¹¹⁴. Однако сведений о том, чтобы этот орган впоследствии действовал именно в расширенном составе, не имеется (возможно, в связи с его смертью 2 марта 1801 г. по пути в Эчмиадзин). Напротив, все свидетельства говорят в пользу сохранения прежнего формата.

По данным Кампенсаузера, «общество выбирает присяжных опекунов из первейших своих сочленов, кои ревизуют городской расход, по поданному им на армянском языке отчету... Опекунов сих 20, кои еженедельно собираются по одному разу и рассуждают о всех вообще нуждах общественных»¹¹⁵. Уменьшение численности опекунов до двадцати, по всей видимости, объясняется отсутствием практики периодических выборов нового состава совета или же кооптации дополнительных членов взамен выбывших.

Описание полиции Нахичевана Б.Б. Кампенсаузер выделил в «особенную» часть. В городе «для полиции по приговору общества и выбору одного определен один чиновник, в роде пристава, с жалованьем по 150 руб. в год»¹¹⁶. Первым главой полиции был в 1780 г. выбран сотник Степан Чалхушьян (Чалохушев, Челехушев)¹¹⁷, в 1806–1832 гг. управляющим полицией был сотник (губернский секретарь) Хачерес (Христо-

¹¹² Батиев Л.В., Минасян Э.Г. Документы по истории самоуправления Нахичевани-на-Дону в конце XVIII — середине XIX в. из Национального архива Армении // Новое прошлое. 2019. № 2. С. 227.

¹¹³ См.: Батиев Л.В. Двадцать четыре попечителя Нахичевани-на-Дону (из истории одного полузабытого органа) // Научные ведомости Белгородского университета. Серия: История. Политология. 2020. Т. 47. № 2. С. 318–326.

¹¹⁴ Батиев Л.В. Самоуправление Нахичевани-на-Дону (1779 — начало 1870-х гг.). Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. С. 50–53, 89–94.

¹¹⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 32 об.—34.

¹¹⁶ Там же. Л. 30 об.

¹¹⁷ Чалхушьян Г.Х. История города Ростова-на-Дону. Историческая записка о городе Ростове-на-Дону. Глава XV [Электронный ресурс] URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m1/22/art.aspx?art_id=802 (дата обращения: 10.07.2023). См. также: Патканян Г. Указ. соч. С. 43.

фор) Мхитарян (Никитич) Мясников¹¹⁸. В 1815 г. «Нахичеванский полицмейстер сотник Мясников» был представлен Таганрогским градоначальником к награждению¹¹⁹.

В ведении главы полиции, но «под главным управлением магистрата» состояли наемные караульные и «рассылщики» — шесть конных¹²⁰ и шесть пеших¹²¹, на жалованье которым уходило в год 1559 руб. 97 коп.¹²² Кроме этого, указывает Б.Б. Кампенсаузен, с 1803 г. в Нахичеване появились будочники, ночные стражи для наблюдения за порядком на улицах — 44 чел. и в гостиных дворах — 9 чел. Жители Нахичевана и лавочники либо сами осуществляли «патрулирование», либо нанимали стражей за свой счет¹²³. По сведениям Г. Патканяна, пожарные функции также были в ведении городской полиции¹²⁴. Кампенсаузен указал лишь на наличие в городе специального инвентаря (55 крючьев, 20 топоров, 2 трубы, 6 лестниц, 5 водовозных бочек) и 19 «водовозников с особыми бочками», а также прибитые на домах доски «с означением кому с чем быть в случае пожаров для пособия»¹²⁵.

Управление в каждом селении осуществляли «1. Один урядник или смотритель по штату 1784 года, получающий от казны жалованья

¹¹⁸ Патканян Г. Указ. соч. С. 69, 108; Месяцослов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1809. Ч. 2. СПб.: Имп. Академия наук, 1809. С. 468; Месяцослов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1810. Ч. 2. СПб.: Имп. Академия наук, 1810. С. 208; Месяцослов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1811. Ч. 2. СПб.: Имп. Академия наук, 1811. С. 218; Месяцослов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1812. Ч. 2. СПб.: Имп. Академия наук, 1812. С. 226; Месяцослов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1815. Ч. 2. СПб.: Имп. Академия наук, 1815. С. 233; Месяцослов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1818. Ч. 2. СПб.: Имп. Академия наук, 1818. С. 237; Месяцослов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1821. Ч. 2. СПб.: Имп. Академия наук, 1821. С. 243.

¹¹⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1815 г. Д. 14.

¹²⁰ Нахичеванцы называли их «атлы харавул» (конный караул, атлы — всадник по-турецки).

¹²¹ Они назывались «бешлы». Предположительно, от тюркского «беш» (пять).

¹²² РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 30 об. Подробности о полицейской команде — «атлы (от турецкого «атлы» — всадник) е» и «бешлы», как их называли в Нахичевани, см.: Патканян Г. Указ. соч.; Шахазиз Е. Исторические зарисовки.

¹²³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 31.

¹²⁴ Патканян Г. Указ. соч. С. 43.

¹²⁵ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2444. Л. 31–31 об.



Герб Нахичевана, высочайше утвержден 29 июля 1811 г.

60 руб. 2. Один атаман, выбираемый селением»¹²⁶. Из отчета сенатора М.М. Жемчужникова 1844 г. видно, что управление селом вместе с атаманом осуществлялось также четырьмя стариками (старейшинами)¹²⁷. Об этом же докладывал магистрат в 1864 г. Обязанностью сельских управ было «приведение в исполнение распоряжений градского головы и армянского магистрата, до их сословий относящихся, и разборы маловажных дел местных обывателей. Вопросы же по предметам до интересов и нужд сельского общества относящиеся обсуждались в собрании избранных на мирском сходе, коих приговоры представлялись на утверждение совету городских попечителей»¹²⁸.

Жалованной грамотой Екатерины II от 14 ноября 1779 г. предусматривалось, что «для всех нужных случаев определяются особые начальники из российских, коим в судопроизводство сих поселян отнюдь не мешаясь, быть токмо охранителями и их заступать»¹²⁹. Должность эта вскоре получила название смотрителей. Смотрители первоначально существовали как в городе, так и в селениях в качестве «охранителей и заступников». Но достаточно скоро они превратились в обычных полицейских. В самом Нахичеване первые смотрители из русских офицеров (их должность называлась в справочнике также «городничий») известны в 1782–1783 гг.: «в Нахичеване за городничего: премьер-майор Иван Макарьевич Володимеров»¹³⁰. Но уже на сле-

¹²⁶ Там же. Л. 32.

¹²⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 42. Д. 6812. Л. 95–95 об.

¹²⁸ НАА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 173. Л. 45 об.–46.

¹²⁹ ПСЗ-1. Т. 20. № 14942.

¹³⁰ Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето 1783 от Рождества Христова. С. 477; Макидонов А.В. Указ. соч. С. 98.

дующий — 1784 г. — «пример-майор Иван Володимеров; секунд-майор Андрей Сибиряков» названы «смотрителями». В Нахичеване эта должность оказалась, по-видимому, избыточной, вследствие создания в городе собственной полицейской службы. В селениях смотрители просуществовали до полного упразднения Нахичеванской армянской колонии в качестве полицейских чинов, действующих под управлением магистрата. Статус, правовые основания, содержание и порядок деятельности сельских смотрителей подробно изложены в «Инструкции смотрителям армянских селений ведомства Нахичеванского армянского магистрата»¹³¹.

«Топографическое и статистическое описание торгового города Нахичевана в 1807 году», составленное бароном Балтазаром Кампенгаузом за сравнительно недолгий срок пребывания в должности таганрогского градоначальника, представляет собой ценный источник по истории раннего периода развития Нахичеванской армянской колонии. Оно охватывает практически все стороны жизни колонии и рисует образ успешного, достаточно хорошо организованного и эффективно развивающегося южнороссийского торгово-ремесленного центра с армянским населением, оказавшимся на Нижнем Дону в результате организованного царским правительством переселения из Крыма.



¹³¹ ГАРО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 47. Время составления «Инструкции» не указано, но из текста ясно, что это произошло не ранее апреля 1822 г.



REFERENCES

1. *Avakov P.A.* «I must inform your lordship about the villages...of Armenians who came out of the Crimea» [«O seleniyah... armyanskih, vyshedshih iz Kryma, Vashej svetlosti donest' ya dolzhen» // *Istoricheskij arhiv*] // *Historical Archive*. 2018. № 6. С. 169–181.
2. *Aradz'hioni M.A.* Formation of Armenian communities in Eastern Crimea (late XVIII – first half of XIX centuries) [Formirovanie armyanskih obshchin v Vostochnom Krymu (konec XVIII – pervaya polovina XIX veka) // *Issledovaniya po armenistike v Ukraine. Vyp.1*] // *Studies on Armenistics in Ukraine*. Vol.1. Simferopol: PE «Enterprise Phoenix», 2008. С. 79–93.
3. *Archive of the Raevskys* [*Arhiv Raevskih*] / Ed. by P. M. Raevskiy; Ed. and notes by B. L. Modzalevsky. T. 1–5. St. Petersburg; type. M. A. Alexandrov, 1908–1915. T. 1 [Letters 1791–1829] / [Author. preface by P. Raevsky]. 1908. XV, [1], 574 p.
4. *Barkhudaryan V.B.* History of the Armenian Colony of New Nakhchivan (1779–1917) [*Istoriya armyanskoj kolonii Novaya Nahichevan' (1779–1917)*]. Yerevan: Hayastan, 1996. 528 c.
5. *Batiev L.V.* Twenty-four trustees of Nakhchivan-on-Don (from the history of one half-forgotten body) [Dvadcat' chetyre popechitelya Nahichevani-na-Donu (iz istorii odnogo poluzabytogo organa) // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*] // *Scientific Vedomosti of Belgorod University. Series: History. Politology*. 2020. T. 47. № 2. С. 318–326.
6. *Batiev L.V., Minasyan E.G.* Documents on the history of self-government of Nakhchivan-on-Don in the late 18th–mid 19th century from the National Archive of Armenia [Dokumenty po istorii samoupravleniya Nahichevani-na-Donu v konce XVIII – seredine XIX v. iz Nacional'nogo arhiva Armenii // *Novoe proshloe*] // *New Past*. 2019. № 2. С. 218–230.
7. *Batiev L.V.* Self-government of Nakhchivan-on-Don (1779 – early 1870s) [Samoupravlenie Nahichevani-na-Donu (1779 – nachalo 1870-gg.)]. Rostov-on-Don: Ed. UNC RAS, 2022. 302 c.
8. *Bezborodko I.A.* Voyage from St. Petersburg through Moscow, Voronezh, Novocherkassk, Georgievsk of the Caucasian province, to the mineral

- waters, hot and acidic and the return journey to Malorossiya 1812 from May 16 count Iliа Andreevich Bezborodko / Papers relating to the Patriotic War of 1812. Ч. 10 [Voyazh iz Peterburga chrez Moskvu, Voronezh, Novoчерkassk, Georgievsk Kavkazskoj gubernii, k mineral'ny'm vodam, goryachim i kislym i obratnyj put' v Malorossiу 1812 goda s maya 16 chisla grafa Iliа Andreevicha Bezborodko / Bumagi, otnosyashchiesya do Otechestvennoj vojny 1812 goda. ЧН. 10]. М.: Partnership printing A.I. Mamontov, 1908. С. 1–22.
9. *Bogdanyan A.M.* From the Past. About the resettlement of Armenians from the Crimea [Iz proshlogo. O pereselenii arмян iz Kryma]/ 2nd ed. Rostov-on-Don: Rost. book publishing house, 1989. 16 с.
 10. *Vartanyan V.G., Kazarov S.S.* Armenian Apostolic Church on the Don [Arмянskaya Apostol'skaya cerkov' na Donu]. Rostov-on-Don: Russian State Pedagogical University, 2001. 148 с.
 11. *Gutri M.* Letters about the Crimea, Odessa and the Sea of Azov [Pis'ma o Kryme, Odesse i Azovskom more]. Moscow: N.S. Vsevolozhsky publishing house, 1810. VIII, 293 p.
 12. *Kazarov S.S.* Nakhchivan elite. End of XVIII – beginning of XX centuries [Nahichevanskaya elita. Konec XVIII – nachalo XX veka]. Rostov-on-Don; Taganrog: Ed. or Southern Federal University, 2021. 154 с.
 13. *Kazarov S.S.* Nakhchivan merchant class. End of XVIII – beginning of XX century [Nahichevanskoe kupechestvo. Konec XVIII – nachalo XX veka]. Rostov-on-Don: Kovcheg, 2012. 144 с.
 14. *Kazarov S.S.* Turkish coffee houses of Nakhchivan-on-Don as an element of everyday life of Don Armenians / Actual problems of social history and social work: a collection of scientific articles [Tureckie kofejni Nahichevani-na-Donu kak element povsednevnosti donskih arмян / Aktual'nye problemy social'noj istorii i social'noj raboty: sb. nauch. St.] / Edited by P.Y. Tsitkilov. Novoчерkassk: Lik, 2017. С. 53–55.
 15. *Kelle-Shaginov I.M.* My only life. Diaries and memories [Moya edinstvennaya zhizn'. Dnevnik i vospominaniya]. Rostov-on-Don: Old Russians, 2015. 320 с.
 16. *Konkin D.V.* «This region is almost the only classical country that we possess»: A note by Baron B.B. Kampenhausen «on the antiquities of the Novorossiysk Territory» (1817) // Materials on archeology, history and ethnography of Tavria [«Oblast' siya est' pochno edinstvennaya klassicheskaya strana kakoyu my obladaem»: Zapiska barona B.B. Kampengauzena «o drevnostyah Novorossijskogo kraя» (1817 g.) // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii]. 2021. Issue XXVI. С. 528–539.

17. *Krasnyansky M.B.* Notes of Academician Pallas 1793 in Rostov on Don and its environs / Notes of Rostov on Don Society of History, Antiquities and Nature [Electronic resource]. T. 2. 1914. C. 203–207.
18. *Krasnyansky M.B.* Historical sketch of the cities of Rostov and Nakhchivan n-D. according to the data of the city museum in Rostov n-D. [Istoricheskij ocherk gg. Rostova i Nahichevana n-D. po dannym gorodskogo muzeya v g. Rostove n-D]/ Rostov and Nakhchivan n-D. on the data of the city museum in Rostov n-D. Rostov-on-Don: electrical printing house M.I. Guzman, [1911]. 35 c.
19. *Makidonov A.V.* Personal composition of the administrative apparatus of Novorossiia of the XVIII century [Personal'nyj sostav administrativnogo apparata Novorossii XVIII veka]. Zaporozhye: Prosvita, 2011. 336 c.
20. *Ozeretskovsky N.Ya.* Journey across Russia, 1782–1783: Diary [Puteshestvie po Rossii, 1782–1783: Dnevnik]. SPb.: Liki Rossii, 1996. C. 127–128.
21. Memorable book for Yekaterinoslav province for 1864 [Pamyatnaya knizhka dlya Ekaterinoslavskoj gubernii na 1864]. Yekaterinoslav: Printing house. Я. Chaussky, 1864. 323, 29, 26 c.
22. Memorable book of Taganrog city government for 1865 [Pamyatnaya knizhka Taganrogskogo gradonachal'stva na 1865 god]. Taganrog: Printing house. at the Chancellery of Taganrog city administration, 1865.
23. *Pankiev O.S.* Group formulary lists of officials of the Novorossiysk province for 1798 [*Pankeev O.S.* Grupovi formulyarni spiski chinovnictva Novorosijs'koï gubernii za 1798 rik. Zaporizhzhya]. Zaporizhzhia, 2011. 126 p.
24. *Patkanyan G.* History of New Nakhchivan [Istoriya Novoj Nahichevani]. Nakhchivan-on-Don: Printing house of S.A. Avakov. 1917. 121 c. (in Armenian).
25. Revision tales of Crimean Armenians in 1782: a collection of documents [Revizskie skazki krymskih armyan 1782 goda: sbornik dokumentov]. Simferopol: SAU RK «Mediacenter named after I. Gasprinsky», 2019. 760 c.
26. Russian State Library. Department of manuscripts [Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka. Otdel rukopisej]. Ф. 68. Д. 232.
27. Russian biographical dictionary. Ibak — Klyucharev [Russkij biograficheskij slovar'. Ibak — Klyucharev]. St. Petersburg: Printing house Main Directorate of Udelovs, 1897. 756 c.
28. Collection of statistical data on the Ekaterinoslav Province. T. 1. Rostov on Don uyezd and Taganrog township [Sbornik statisticheskikh

- svedenij po Ekaterinoslavskoj gubernii. T. 1. Rostovskij na Donu uezd i Taganrogskoe gradonachal'stvo]. Ekaterinoslav: Printed in the provincial printing house. 1884. III, VI, 319, IX, 76, 69, VI p.
29. Dahl's Explanatory Dictionary [Tolkovyj slovar' Dalja]. Izd. 3. T. 2. SPb.-M.: Printing house. Partnership M.O. Wolf, 1905. 1017 c.
 30. *Filevskiy P.P.* History of the city of Taganrog 1698–1898 [Istoriya goroda Taganroga 1698–1898]. M.: Printing house. K.O. Aleksandrov, 1898. 376 c.
 31. *Chalkbushyan G.H.* History of the city of Rostov-on-Don. Historical note about the city of Rostov-on-Don. Chapter XV [Istoriya goroda Rostova-na-Donu. Istoricheskaya zapiska o gorode Rostove-na-Donu. Glava XV] [Electronic resource] URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m1/22/art.aspx?art_id=802 (date of address: 10.07.2023).
 32. *Choriyan S.K.* From church-parish school to the higher city school (the school of St. Sahak and Mesrop in Nakhchivani-na-Donu) // *Izvestiya vuzov. North Caucasian region. Social Sciences* [Ot cerkovno-prihodskoj shkoly k vysshemu gorodskomu uchilishchu (uchilishche svyatyh Saaka i Mesropa v Nahichevani-na-Donu)] // *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*. 2021. № 3. С. 89–93.
 33. *Choriyan S.K.* On the fate of the parochial school opened in 1811 in Nakhchivani-na-Donu parochial school / Actual problems of social history, philosophy and social work. Twenty-third All-Russian scientific readings. Theses of reports and messages of the scientific-theoretical conference. FGBOU VO «Don State Agrarian University», Novocherkassk Engineering and Reclamation Institute named after A.K. Kortunov [O sud'be otkrytogo v 1811 g. Nahichevani-na-Donu prihodskogo uchilishcha / Aktual'nye problemy social'noj istorii, filosofii i social'noj raboty. Dvadcat' tret'i vserossijskie nauchnye chteniya. tezisy dokladov i soobshchenij nauchno-teoreticheskoy konferencii. FGBOU VO «Donskoj gosudarstvennyj agrarnyj universitet», Novocherkasskij inzhenerno-meliorativnyj institut imeni A.K. Kortunova]. Novocherkassk, 2022. С. 40–41.
 34. *Shakhbaziz E.* Historical Sketches. Translation by G.M. Grigoryan [Istoricheskie zarisovki. Per. G.M. Grigoryana]. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Publishing House, 2002. 184 c.
 35. *Shakhbaziz E.* Historical sketches [Istoricheskie zarisovki]. Tiflis: T.M. Rotinyan's Printing House. 1903. 239 c. (in Armenian).
 36. *Shakhbaziz E.* New Nakhchivan and New Nakhchivans. Surb Khach Monastery of New Nakhchivan / Translated from Armenians

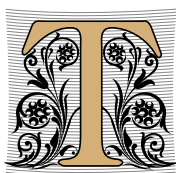
- Sh.M. Shahinian [Novyj Nahichevan i novonahichevancy. Monastyr' Surb Hach Novogo Nahichevana / Per. s armyan. SH.M. SHaginyana]. Rostov-on-Don: CJSC «Book», 2005. 240 с.
37. *Shakhaziz E.* Ter-Gabriel Patkanyants: biographical historical and ethnographic sketch in 12 chapters; Transl. from Armenian by G.M. Grigoryan [Ter-Gabriel Patkanyanc: biograficheskij istoriko-etnograficheskij ocherk v 12 glavah; Per. s armyanskogo G.M. Grigoryana]. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 2023. 112 с.
38. Encyclopedic Dictionary [Enciklopedicheskij slovar']. T. 24. Publishers F.A. Brockhaus and I.A. Efron. St. Petersburg. Printing house of I.A. Efron. 1898. 474 с.
39. Encyclopedic Dictionary [Enciklopedicheskij slovar']. T. 31. Publishers F.A. Brockhaus and I.A. Efron. St. Petersburg. Printing house of I.A. Efron. 1900. 475 с.

**Ключевые слова:**

жители, земля, строения, промышленность, торговля, управление.

Levon V. Batiev

THE ARMENIAN COLONY ON THE DON ACCORDING TO THE MATERIALS OF TOPOGRAPHICAL AND STATISTICAL DESCRIPTION OF THE TRADING TOWN OF NAKHCHIVAN IN 1807 BY BARON BALTHASAR VON CAMPENHAUSEN



The article, based on the archival source – the first full description of the Nakhchivan Armenian colony, compiled by the Governor of Taganrog, Baron Balthasar von Campenhausen – comprehensively examines the organization and activities of the town of Nakhchivan (on the Don) and its surrounding villages, founded in accordance with the charter of Catherine II by Armenians resettled from the Crimea in 1778–1779.

The author of the article, following the compiler of the «Description», analyzes the composition of the colony's population, its social (class) and professional structure, the land supply of townspeople and settlers and the importance of land holdings for the city's budget. Information about the number and condition of dwelling houses, stores, coffee houses, taverns, inns, as well as churches and other urban public buildings, characterization of the urban economy, water supply and its improvement give a fairly complete picture of the life of the city. B.B. Kampenhausen's «Description» proves that not only trade (local and transit), but also crafts and industrial production (fish, tannery, brick, tile and other factories) were developed in Nakhchivan. In addition, the financial state of the city and the organization of its management are also considered.

Key words: Inhabitants, Land, Buildings, Industry, Commerce, Government.

Levon V. Batiev – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Political Science and Law at Federal State Budgetary Institution of Science Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (UNC RAS).

 **Батиев Левон Владимирович** 

кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политологии и права, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (ЮНЦ РАН).

SPIN-код: 5033-0099



DOI: 10.35549/HR.2024.2024.49.005

А.М. Глушич

СОВЕТСКИЕ СПОРТСМЕНЫ ЗА РУБЕЖОМ В 1920-е гг.: ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ СПОРТИВНОЙ ДИПЛОМАТИИ



Советское государство начало использовать спорт как орудие внешнеполитической работы вскоре после своего возникновения, с начала 1920-х гг. Более точной датой возникновения спортивной дипломатии можно считать 22 июня 1921 г., когда был создан Красный спортивный Интернационал (КСИ) — руководящий орган всего «рабочего революционного» спорта. Ему, в тесной связи с Высшим советом физической культуры (ВСФК) СССР, предстояло решать задачи, поставленные перед спортом советскими лидерами — преодоление международной изоляции молодого государства через неполитическое взаимодействие, а затем — демонстрацию преимуществ социалистического образа жизни и формирование из спортивных обществ за рубежом ядра ячеек самообороны при коммунистических партиях.

В историографии темы на указанные явления доминирует взгляд «сверху» — анализируются, прежде всего, идеологические аспекты противостояния буржуазного, «рабочего» (условное название в отчетах советских органов для спортивного движения, возглавляемого социал-демократическим Люцернским Спортинтерном, АСИ, созданным

в 1920 г.) и «красного» спорта¹. Также в центре внимания находятся институциональные конструкции и связи: борьба КСИ и ЛСИ в публичном поле и сложная совместная работа КСИ и ВСФК, в которой точек противоречия было больше, чем объединяющих факторов².

В то же время практически незатронутым остается большой пласт данных, касающихся повседневности спортивно-дипломатической работы, а именно — работа с самими спортсменами, на плечи которых и ложилась реализация спортивно-дипломатических практик на низовом, прикладном уровне. Исследователями затронуты отдельные аспекты. Порядок комплектования команд для заграничных выездов частично освещен в диссертации А.А. Васильева³, А.В. Хорошевой обозначена проблема положения спортсменов в условиях конфликта управленческих институтов, а также охарактеризованы достижения и роль спортсменов в главном рабоче-спортивном турнире десятилетия — Спартакиаде-1928⁴. Тем не менее остается немало лакун, касающихся повседневности спортивной работы за рубежом. Кем и откуда были спортсмены, которым доверяли представлять честь молодого государства перед глазами иностранцев, с какими трудностями они сталкивались в ходе поездок, как воспринимали самих себя в новой реальности — раскрытию этих вопросов о месте простых атлетов в системе отношений СССР с миром посвящена данная статья.

¹ *Arnaud P., Riordan J. Sport and International Politics: Impact of Facism and Communism on Sport. New York: Routledge, 1996. 240 p.*

² См., напр.: *Steinberg D. The Workers' Sport Internationals 1920–28 / Journal of Contemporary History. 1978. Vol. 13. No. 2. P. 233–251; Gounot A. Sport or Political Organization? Structures and Characteristics of the Red Sport International, 1921–1937 / Journal of Sport History. 2002. 28(1):23–9. P. 23–39; Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Красный спортивный Интернационал и зарождение советской спортивной дипломатии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. Сер. 6. Вып. 2. 2012. С.107–114; Хорошева А.В. Деятельность Красного спортивного Интернационала в 1933–1937 гг. // Российская история. 2018. № 5. С. 105–115; Хорошева А.В. Высший совет физической культуры (1920–1936): от координации к жесткому контролю // Уроки Октября и практики советской системы (1920–1950-е годы). Материалы X Международной научной конференции. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 848–857.*

³ *Васильев А.А. Зарождение и развитие международных связей советского спорта в 1920-е гг. [Текст]: Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. (07.00.02) / Саратов: СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2001. 209 с.*

⁴ *Хорошева А.В. Деятельность Красного спортивного Интернационала в конце 1920-х — начале 1930-х гг. // Вестник Московского университета. История. Сер.8. 2018. № 5. С. 86–105; Хорошева А.В. «Пролетарская» Спартакиада 1928 г. и «буржуазное» Олимпийское движение // Свободная мысль. 2018. № 2. С. 5–22.*

Институциональный контекст: спортсмены между двух огней

Спортсмены логичным образом оказывались на острие новой дипломатической практики, напрямую взаимодействуя с внешним окружением. Однако вопрос о том, как именно осуществлять это взаимодействие, отнюдь не имел однозначного ответа из-за противоречий между двумя руководящими организациями — Красным Спортинтерном и ВСФК.

КСИ как орган, ответственный за «красный» спорт в мировом масштабе, ставил вопрос о совершенствовании уровня подготовки советских спортсменов через встречи с лучшими зарубежными клубами на второй план, активно проводя борьбу за запрет любых контактов с буржуазными организациями (в которых, конечно, и сосредоточивалась спортивная «элита» практически во всех странах). Главенствующей целью КСИ видел дипломатическую (налаживание и поддержание контактов) и политико-пропагандистскую работу (как можно большую массовость движения, а также вовлечение спортсменов в демонстрации и митинги за рубежом и в дело формирования ячеек самообороны на местах). Таким образом, складывался парадокс — главным критерием качества спортивной поездки был не результат соревнования, а «неспортивная», закулисная работа атлетов по популяризации принципов «красного» спорта и вовлечению зарубежных коллег в свои ряды. Отсюда вытекали и тезисы о первостепенности «товарищества и отсутствия грубости» в ходе игр, даже если это скажется на итоге состязаний.

Исходя из этого, КСИ четко определял цели поездок советских спортгрупп за рубеж: 1) установление политической товарищеской смычки между секциями; 2) перенесение за границу подчинения спортивного движения боевым задачам пролетариата; 3) демонстрацию послеоктябрьского русского спорта как живой революционной пропаганды⁵. Эти требования подтверждают, что главным «грехом» для рабочих команд, отправляющихся в заграничные поездки, КСИ считал аполитичность их членов⁶.

Для ВСФК же, как органа внутреннего управления, было характерно стремление поднимать уровень советского спорта через состязания с иностранными спортсменами и именно через победы доносить до внешнего окружения преимущества советских методов встраивания физической культуры и спорта в жизнь общества. Этот тезис не раз формулировался на страницах «Красного спорта» — не вести пропаган-

⁵ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 105. Л.68.

⁶ Там же. Д. 73. Л.28.



Входной билет секретаря Красного Спортинтерна от СССР Ивана Афанасьевича Жолдака на заседание Политсекретариата Коминтерна, «шефа» КСИ (1929)

дистскую работу в ущерб спорту, но превращать спортивные успехи в политические⁷.

Такая модель была куда ближе самим участникам соревнований. Стоит учитывать тот факт, что большая часть спортсменов высочайшего уровня, которых обычно отправляли представлять честь СССР в 1920-е гг., еще не были воспитанниками «пролетарской системы» физической культуры и соревновались за рубежом ранее как представители Российской империи, которая, разумеется, не требовала от них ничего, кроме непосредственно побед. Они вполне органично влились в новую государственную реальность, многие даже являлись добровольцами в РККА в ходе Гражданской войны, но доминирующим все равно оставалось стремление представлять страну исключительно на аренах посредством своих лучших навыков.

«Пропагандистская» модель совершенно не соответствует и банальной психологии спортсменов, смысл профессиональной жизни которых сводится к совершенствованию собственных навыков ради стабильных успехов на состязаниях. Как показывает практика, советские атлеты зачастую охотно общались с зарубежными коллегами, задавали множество вопросов и отвечали на них сами, но осваивать новые компетенции и становиться грамотными марксистами с целью транслировать идеологию не на бытовом, а на профессиональном уровне — таких прецедентов «идейности» спортсменов не встречаем ни разу за рассмотренное нами десятилетие.

Но полностью игнорировать требования КСИ, конечно, не могли, а потому делегациями обычно выбиралась компромиссная модель. В ее

⁷ Красный спорт. 1926. №3. С. 1.

рамках советские спортсмены никогда не выступали инициаторами митингов и демонстраций (тут играла свою роль не только позиция участников, но и нежелание слишком явно провоцировать местные власти). В то же время если таковые были запланированы в принимающем городе, то делегация присоединялась к ним, причем старалась занять «видное» место во главе колонны, как это было, например, во время демонстраций в Берлине и Лейпциге⁸ или парада во французском Сен-Дени, где спортсмены вовсе шли рядом с представителями мэрии⁹. Не стеснялись и выступить на мероприятиях местных компартий. Наконец, посещали и приемы в советских пол- и торгпредствах, на которых присутствовали представители местных коммунистических сил¹⁰.

От атлетов в этих форматах не требовали яростно пропагандировать тезисы КСИ, достаточно было обратиться к массам с «приветом» от Спортинтерна и ВСФК, благодарностью за прием и надеждой на дальнейшее укрепление связей¹¹. А далее начиналась, на деле, самая важная часть — неформальное общение. В отчете о поездке в Германию в 1926 г. сопровождающий от немецкого спортивного союза Леш упоминает град вопросов о жизни в СССР, которыми встречали делегацию в каждом городе: «Как вы живете? Что вы зарабатываете и сколько времени работаете? Что вы едите, как вы спите? Не возвращают ли сейчас предприятия их бывшим владельцам?»¹² И именно в рамках бесед рабочих с рабочими (в сочетании с яркими победами на спортплощадках) наиболее эффективно раскрывался потенциал поездки как инструмента спортивно-дипломатической работы.

В такой конфигурации спортсмены чувствовали себя не профессиональными пропагандистами, а скорее частью большого культурного процесса. Идеологическая работа велась на уровне живого общения и прямой коммуникации с рабочими, в то же время не отвлекая участников от главной цели — победы в соревновании. Благодаря этому удавалось успешно преодолевать общую политическую безынициативность атлетов, отмечавшуюся в отчетах сопровождающих лиц¹³. И вновь выгодоприобретателями оказывались все участники: руководители делегаций отчитывались перед КСИ о посещении неспортивных меро-

⁸ Красный спорт. 1926. №44. С.1.

⁹ Там же. №6. С. 2.

¹⁰ Там же. №46. С. 3.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 79. Л. 60.

¹² Там же.

¹³ Там же. Оп. 2. Д. 109. Л.12.

приятый политического толка, местные пролетарии получали возможность пообщаться с советскими рабочими в неформальной среде (чего вряд ли удалось бы добиться, если бы инициатива шла от самой команды, учитывая строгий полицейский контроль за приезжими), а сами спортсмены исполняли формально возлагаемую на них функцию дипломатов, не ощущая при этом значительного идеологического давления на себя.

В итоге в отношении спортивных результатов молодое Советское государство явно могло занести 1920-е гг. себе в актив. Из 29 крупных выездов за рубеж в период 1923–1927 гг.¹⁴ лишь в двух из них советские команды по суммарным показателям уступили хозяевам соревнований — в 1926 г. команда футболистов Донбасса вернулась домой с негативным балансом мячей, 18:16, после турне по Германии¹⁵, а год спустя советские лыжники оказались слабее финнов¹⁶. В остальном налицо доминирование СССР во встречах с зарубежными рабочими клубами, причем и теми, которые представляли АСИ. Имидж сильного советского спорта сформировался за рубежом уже в первое десятилетие существования СССР.

Далее сосредоточимся на практических аспектах выездов за рубеж от их начала до завершения, выделяя основные тенденции и проблемы.

До выезда: отбор и подготовка спортсменов

КСИ как наднациональный орган не мог самостоятельно комплектовать спортивные делегации СССР для поездок за рубеж, в его праве было лишь дать оценку составу и прокомментировать саму поездку постфактум. За составление команды полностью отвечал ВСФК, что обуславливало ряд положений.

Для того чтобы реализовать тезис о пропаганде через победы, эти победы должны быть поставлены на поток, только в этом случае возможно сформировать образ советского спорта как непоколебимого лидера рабоче-спортивного движения, доказать, что пролетарский тип физической культуры создает наилучшие условия для совершенствования тел рабочих.

Но и здесь проявилась разница в понимании сущности этого явления. Истинная пролетарская физкультура, по мнению КСИ, зиждилась на двух основах: массовости и доступности. Эти принципы старались

¹⁴ Красный спорт. 1927. № 44, 45, 46.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л.188.

¹⁶ Красный спорт. 1927. №1. С. 2.

продвигать и в отношении зарубежных выездов. В официальных рекомендациях Спортинтерн требовал постоянно ротировать составы делегаций, привлекая к состязаниям широкую обойму спортсменов, и не допускать выезда за границу одного состава участников больше чем на один раз¹⁷. Объяснялось это боязнью обострения тенденций к профессионализму в СССР, создания привилегированной группы спортсменов.

На деле же за границу выезжали, во-первых, одни и те же спортсмены, во-вторых, выезды не были массовыми, ВСФК предпочитал сформировать небольшую по количеству, но максимально качественную делегацию, учитывая постоянный дефицит средств для обеспечения команд за рубежом. Более того, даже провинившиеся спортсмены высокого ранга (а провинности варьировались от банального желания состязаться с буржуазными командами¹⁸ до откровенных нарушений закона¹⁹, о чем будет сказано ниже) получали лишь строгое внушение от ВСФК, но не отстранялись от дальнейших выездов.

За второе десятилетие XX в. встречаем лишь один пример действительно массового выезда за рубеж. Делегация, которая отправилась представлять СССР летом 1927 г. в Хельсинки, была беспрецедентной по своему количеству — 250 спортсменов²⁰. Однако причина крылась не в желании угодить КСИ и уж тем более не в смене курса, а лишь в направленности на вовлечение физкультурников провинции накануне всесоюзных отборов на Спартакиаду-1928. Лидерами ВСФК была поставлена задача: с целью демонстрации физкультурной массовости разрешить поехать на соревнования абсолютно всем желающим спортсменам. На этот срок они должны были взять отпуск и, что важно, самостоятельно оплатить свою поездку. Все визовые вопросы брал на себя НКВД²¹.

Таким любопытным образом советский «рабочий революционный спорт» смог произвести должное впечатление на иностранцев, финский физкультурный праздник начался с пяти тысячной рабочей демонстрации²². Но спортивный итог со стороны руководителей был жестким и не оставлял надежду на продолжение подобных мероприятий: из-за громоздкости делегации происходят две обратные, но неизменно негативные тенденции; в одних видах спорта, где советские спортсмены

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 99. Л. 26.

¹⁸ Там же. Д. 79. Л. 66.

¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 94. Л. 65.

²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 240. Л. 150.

²¹ Красный спорт. 1927. №3. С. 1.

²² Там же. №26. С. 1.



Сборная Харькова по футболу (1924). Спустя год эта команда под именем Харьковской команды имени Красного Спортинтерна отправится представлять СССР в турне по Германии

особенно сильны (например, конькобежном), происходит их тотальная доминация, что смущает спортсменов других стран, а в других (например, лыжном, успехи в котором были значительно скромнее) выходит скорее не состязание, а просто «представительство» целой ватаги советских спортсменов, которые по итогу ничему не учатся, а только напрасно получают материальное обеспечение²³.

Констатируем две тенденции: огромное желание рядовых спортсменов выезжать за границу даже с полной оплатой проезда и совершенное нежелание ВСФК работать с подобными запросами, никак не повышающими имидж «непобедимого советского спорта».

Продолжая ратовать за массовость в любом виде, КСИ активно выдвигал и установки на вовлечение в спортивное взаимодействие с внешним миром физкультурников периферии. Однако, исходя из отчетных данных, наблюдается колоссальный перевес в доле отправляемых за границу команд в пользу «сборных команд» сначала РСФСР, а затем СССР. Фактически же это означало комбинацию из лучших московских и ленинградских спортсменов. Ленинград оставался главными «воротами» для связи со Скандинавией, москвичи активно ездили в Германию, Чехословакию, Францию. Встречаем и два крупных выезда футболистов из столицы УССР Харькова (в 1925 — в Германию и 1928 — в Австрию).

²³ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 94. Л. 64.

Выезды из «нецентральных» городов и регионов можно пересчитать по пальцам одной руки. Команда шахтеров-футболистов Донбасса для посылки в Германию (1926) была действительно и провинциальной, и сборной: спортсмены представляли Макеевку, Горловку, Кадиевку, Сталино и Рутченково²⁴. «Немецкий» выезд планировался и для сборной команды Закавказья (1925), но правительство Германии не выдало им виз, как объяснялось в советских отчетах — из-за событий, связанных с силовым захватом большевиками силами РККА власти в Грузии, и распространившейся в тот момент в Европе контрпропаганды меньшевиков относительно этих событий²⁵. Потому в этих республиках выезды ограничились восточным направлением — большая делегация из грузинского Батуми посетила Трапезунд (1925)²⁶. Из республик Средней Азии отметился Туркменистан — местная спортивная команда выехала в крупный персидский город Мешхед (1927)²⁷.

Даже когда за границу отправляли делегации шахматистов, которые в теории были наиболее обособлены от крупных секций, состав команд не удивлял разнообразием: представительная сборная СССР в Германии (1926) состояла из двух ленинградцев, двух харьковчан и одного жителя подмосковного Серпухова²⁸.

Очевидно, что комплектование команд для выездов характеризуется чрезвычайной степенью централизованности. Это выглядит логичным по ряду причин: более развитая транспортная связь столиц с зарубежьем, концентрация лучших спортсменов (особенно футболистов, несмотря на формальный запрет переходов из одного клуба в другой) в столичных секциях, наконец, сыгранность этих команд и их опыт международных встреч, который они начали нарабатывать еще с 1923 г., регулярно принимая у себя соперников с севера и запада Европы. Даже сама вышеупомянутая команда украинских горняков постоянно подчеркивала свою слабость относительно ранее посылаемых команд²⁹. В свою очередь, зарубежная пресса тоже знала о том, что сильнейшие команды СССР — московские, ленинградские и харьковские, и желала видеть на своих полях именно их. Когда в Австрию на встречу с местной рабочей сборной приехала команда с лучшими игроками Москвы и Ле-

²⁴ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л. 182.

²⁵ Красный спорт. 1925. №37. С. 1.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 118. Л. 41.

²⁷ Красный спорт. 1927. №17. С. 1.

²⁸ Красный спорт. 1926. №18. С. 2.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л. 196.

нинграда (1928), то эта встреча стала позиционироваться в газетах как «определение лучшей команды обоих спортивных Интернационалов»³⁰.

Учитывая стремление ВСФК поддерживать образ практически непобедимого советского спорта, логично, что директивы КСИ о массовом вовлечении физкультурников периферии были проигнорированы почти полностью. Единственным исключением оставался восточный фронт работы, но и конкуренция с турецкими и особенно персидскими атлетами, где спорт как таковой только зарождался, была значительно ниже. Реальным вариантом же попасть за рубеж для физкультурников периферии оставался, прямо говоря, только переезд в «спортивные центры» Советского государства — Москву, Ленинград и Харьков.

Образ спортсмена для выезда за рубеж в 1920-е гг., таким образом, выглядит весьма четко: представитель физкультурной секции Москвы, Ленинграда или Харькова, воспитанник еще имперской системы физической подготовки, не раз доказывавший ранее на внутренних и внешних соревнованиях способность на достойном уровне соревноваться даже с буржуазными спортсменами (например, В.А. Ипполитов был чемпионом Европы 1913 г. по конькобежному спорту, а Я.Ф. Мельников — последним чемпионом и рекордсменом Российской империи по этому виду спорта). Косвенным подтверждением этому служат и частые нападки в западной рабочей прессе относительно «профессионализма» русских спортсменов, которым однажды даже пришлось доказывать свою пролетарскую сущность работой у станка во время экскурсий по заводам³¹. Авторы заметок явно были в курсе спортивного прошлого выезжавших за рубеж советских спортсменов.

Как же проходила подготовка команд, когда состав уже был сформирован? Ее пытались сделать как можно более комплексной.

В инструкциях указывалось, что необходимо проводить совместные тренировки и упражнения перед отъездом. Московские команды обычно играли перед выездами с местными соперниками (например, командами пиццевиков, металлургов и т.д.). В отношении команд из других городов это не имело смысла, ведь конкуренция среди местных объединений была намного ниже и не позволяла получить должного соревновательного элемента. А поэтому команды сначала выезжали в Москву, где проводили несколько матчей с лучшими секциями столицы, и лишь потом отправлялись на выезд. Так было и в 1925 г. с харьковской и закавказской команда-

³⁰ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 109. Л. 15.

³¹ Там же. Оп. 1. Д. 239. Л. 38.

ми³², и в 1926 г. с донбасскими шахтерами-футболистами, которые проводили тренировочные матчи сначала в Харькове, а затем в Москве.

Любопытный факт: в отчете о сборах команды Донбасса указывается, что эти матчи, проигранные футболистами, сильно ударили по моральному духу спортсменов и пришлось даже проводить ряд бесед с футболистами, не привыкшими к такой степени подготовленности противников. С технической же стороны эта практика была, безусловно, верной и подчеркивала курс ВСФК на поддержание соревновательного уровня даже редких провинциальных делегаций³³.

Разумеется, проводилась и определенная идеологическая подготовка. По стандартным инструкциям КСИ следовало собрать комфракцию команды на инструктаж Секретариата, разъяснить всем членам политические задачи поездки, проинструктировать о состоянии дел в рабочем спортивном движении (например, о состоянии переговоров с ЛСИ), а также дать ряд практических указаний (например, не вступать в отношения с буржуазными спортсменами, не требовать комфорта, не пить, определить 2–3 человек с правом давать интервью зарубежным рабочим изданиям)³⁴.

После такого собрания (скорее сугубо информирующего характера) подготовительный «норматив» считался выполненным и наступало время выезда.

Пребывание за границей: бытовые трудности и внимание масс

Несмотря на то, что ВСФК дотировался государством в немалых объемах, большая часть этих средств уходила на организацию соревнований внутри СССР. Регулярной проблемой в отношении зарубежных выездов было постоянное стремление чиновников сэкономить на всех этапах организации. Вопиющий случай произошел во время поездки советской команды, возглавляемой секретарем КСИ Рейснером, в Норвегию (1927). Т. Курбатов из Союза железнодорожников, разрабатывавший смету, во-первых, не внес в нее расходы на поездки внутри Норвегии, а во-вторых, занижил стоимость проезда между странами. Дефицит составил крайне значительные 60 руб. на человека, которые пришлось ком-

³² Красный спорт. 1925. №33. С. 1.

³³ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л. 182.

³⁴ Там же. Д. 82. Л. 3.

пенсировать силами местной компартии³⁵. Это обусловило язвительное возмущение норвежцев, в частности, редактора местной партийной газеты, уточнившего, «нет ли у России других методов пропаганды, кроме посылки за границу дорого обходящихся спортивных команд»³⁶.

Поездка футболистов во Францию (1926) также принесла колоссальный перерасход в 1300 руб. относительно сметы. Эта сумма в итоге была принята к оплате ВСФК³⁷. Не вполне понятно, на что надеялись чиновники, раз за разом неадекватно занижая изначальные расходы и вынуждая команды и руководителей самостоятельно изыскивать средства за рубежом, но это точно не сказывалось благоприятно ни на престиже команды, ни на настроении самих спортсменов.

Обеспечение приезжих спортсменов со стороны принимающей стороны также было скромным. Советско-германский договор о соревнованиях (1926) предусматривал расход в 2,5 доллара на человека в день³⁸, но на практике эта сумма обычно оказывалась меньше. Например, смета Зимнего праздника физической культуры в Берлине в 1929 г. подразумевала 5—6 марок ежедневного обеспечения на человека, что по тогдашнему курсу соответствовало примерно 1,5 доллара³⁹.

Один из важнейших директивных постулатов КСИ для делегаций состоял в запрете требовать большего комфорта, чем готова была предоставить принимающая сторона. Условия проживания зачастую оставляли желать лучшего — за неимением значительных средств у заграничных секций приезжих обычно размещали в квартирах самих членов местных спортивных клубов⁴⁰. В случае более крупных форумов (праздников физкультуры) для размещения могли использоваться школы⁴¹.

Таким положением дел пытались воспользоваться буржуазные организации. Так, в 1926 г. основным «аргументом» футбольного клуба из Ревеля (совр. Таллин), который просил прислать команду из Ленинграда для состязаний, были места для спортсменов в лучшей гостинице города. И ВСФК, и даже НКВД высказались одобрительно, и только невероятные усилия КСИ помешали этой встрече⁴². Впрочем, наиболее крепкие

³⁵ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 150. Л. 90.

³⁶ Там же. Л. 91.

³⁷ Там же. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 648. Л. 37.

³⁸ Там же. Ф. 537. Оп. 2. Д. 99. Л. 101.

³⁹ Там же. Оп. 1. Д. 175. Л. 160.

⁴⁰ Красный спорт. 1924. №11. С. 3.

⁴¹ Красный спорт. 1927. № 27. С. 2.

⁴² РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 98. Л. 35, 74.

и относительно богатые рабочие секции (например, в Финляндии и некоторые региональные — в Германии) предоставляли русским вполне комфортабельные отели недалеко от места состязаний⁴³.

Советские делегации нередко указывали на проблемы с транспортом и питанием. Украинские футболисты (1926) вынуждены были передвигаться по Германии исключительно в сидячих вагонах, но даже там приходилось нередко стоять, уступая место женщинам с детьми и пожилым людям. А подобные турне обычно включали в себя посещение 5–7 городов (в данном случае — Берлина, Бремена, Гамбурга, Золингена, Эссена, Нюрнберга и Мюнхена, т.е. всей Германии с севера на юг)⁴⁴.

Аналогичной была и ситуация с проездом от границ СССР до места назначения: в Берлин или Париж добирались трое суток либо в жестких, либо в сидячих вагонах и, следовательно, практически без сна. Ситуацию, по отзывам спортсменов, осложняло то, что команды обычно прибывали под самое начало соревнований и совершенно не имели возможности отдохнуть, вступая в соревнования с затекшими мышцами. Все это серьезно сказывалось на общих физических кондициях приезжих команд и результатах состязаний⁴⁵.

Впрочем, и тут исключением числится Финляндия — местный союз ТУА стабильно предоставлял приезжим делегациям для передвижения по своей территории билеты в мягкие, комфортабельные вагоны-купе на двоих⁴⁶.

Если же добираться приходилось морем, то здесь последствия бывали еще серьезнее. После путешествия на пароходе спортсмены жаловались на морскую болезнь, которая серьезно влияла на функциональную готовность. А боксеры, которых сразу по прибытии отправляли на взвешивание, теряли из-за этого в весе и могли вовсе попасть в другую категорию, в которой ранее никогда не выступали, что влияло и на масштабность представительства делегации, и на соревновательную стратегию⁴⁷.

Главной претензией относительно рациона были нехватка или отсутствие хлеба. Насчет этого иронизировали сами сопровождающие, указывая, что это типичная особенность всех русских, «даже и не спортсменов — есть больше хлеба, чем картошки»⁴⁸. Донбасские футболи-

⁴³ Красный спорт. 1927. № 39. С. 2.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л. 185.

⁴⁵ Красный спорт. 1926. № 26. С. 1.

⁴⁶ Красный спорт. 1927. № 39. С. 2.

⁴⁷ Там же. № 7. С. 2.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 150. Л. 140.



Спортсмены из Финляндии — старейшие соперники советских команд (с 1922 года).
 На фото — финская делегация на Спартакиаде-1928 в Москве

сты шахтеры (1926) жаловались на то, что за всю поездку они ни разу не поели украинского борща⁴⁹, а общее качество питания оценивали как «никуда не годное». Причем отмечалось это в том разделе отчета, где пояснялись причины ряда поражений в матчах с немцами (наряду с общей усталостью от новых впечатлений и бесконечных переездов).

Такие претензии могут показаться весьма наивным оправданием, но на деле резкая смена рациона, непривычная и некачественная пища серьезным образом влияет на готовность к физическим нагрузкам⁵⁰, поэтому замечания делегаций были вполне уместны, равно как и указания на аналогичные оплошности советских поваров в отношении питания иностранцев во время проведения Спартакиады-1928 в Москве⁵¹.

Однако это недовольство высказывалось закрытым образом и зачастую даже не принимающей стороне, а в отчетах для комиссии внешних сношений ВСФК. Обуславливается это как вышеуказанным тезисом КСИ о недопустимости требований комфорта и позиционированием советских команд как «эталонных» пролетариев, так и осознанием крайне слабых финансовых возможностей «красных» рабочих объединений на Западе. Поэтому каких-либо дискуссий со стороны ВСФК с зарубежными секциями относительно улучшений обеспече-

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л. 189.

⁵⁰ Борисова О.О. Питание спортсменов: зарубежный опыт и практические рекомендации: уч.-метод. пособие. М.: Советский спорт, 2007. С. 56–59.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 135. Л. 36.

ния приезжих советских команд никогда не велось, а потому советские спортсмены нередко должны были бороться не только с соперниками, но и с тяжелыми условиями выездов.

Но материальные тяготы сполна компенсировались новыми культурными впечатлениями и вниманием масс к делегации.

Ниже будет сказано о достаточно строгом контроле за делегацией со стороны местных властей и крайне ограниченных возможностях для посещения предприятий. В то же время даже в самых сложных для работы городах практически не было ограничений в плане демонстрации гостям преимуществ западного образа жизни. Делегациям охотно показывали местные театры, питейные заведения, иногда — больницы, проводили большие экскурсии по центру города. В Париже, например, удавалось посетить музеи Лувр, Трокадеро и Дом инвалидов, Эйфелеву башню, аквариум, собор Парижской Богоматери и Пантеон, местный кинотеатр и цирк и даже взглянуть на заседание палаты депутатов⁵². В Берлине обязательно водили на выдающиеся спортивные объекты — центральный Грюнвальдский стадион и искусственный каток «Спорт-Палас»⁵³. Но походы на заводы или рудники старались пресекать⁵⁴. При этом сами спортсмены отнюдь не были разочарованы подобным положением вещей и отмечали важность культурных впечатлений для расширения кругозора. Для них подобные экскурсии не были в тягость, а, наоборот, вызывали огромный интерес⁵⁵.

Если говорить о том, насколько большой ажиотаж вызывали непосредственно соревнования с участием советских команд за рубежом, то конкретными цифрами оперировать сложно, ведь в официальных отчетах обычно указывались абстрактные «несколько тысяч» или же данные о сборах. Но из имеющихся данных можно констатировать, что среднее количество зрителей варьировалось от 2500 до 20 тыс.⁵⁶ или даже 25 тыс. человек⁵⁷, в зависимости от страны (больше всего — в Германии и Финляндии, немного меньше — в Австрии и Франции) и силы приезжей команды.

Много это или мало? На деле, такие цифры вполне сопоставимы с посещаемостью футбольных матчей Олимпийских игр 1928 г., где

⁵² Красный спорт. 1926. № 6. С. 2.

⁵³ Красный спорт. 1927. № 14. С. 2.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л. 185.

⁵⁵ Там же. Л. 190.

⁵⁶ Красный спорт. 1926. № 4. С. 2.

⁵⁷ Там же. № 33. С. 2.

среднее количество зрителей равнялось примерно 11 тыс., и московской Спартакиады-1928 (≈ 13 тыс. чел.), т.е. цифры адекватны как в отношении показателей буржуазного спорта, так и крупнейшего рабоче-спортивного форума 1920-х гг.

Приезд русских не оставался без внимания и у той части зарубежной публики, которая не имела никакого отношения к пролетариату и его революционной борьбе. Полпред СССР в Норвегии А.М. Коллонтай, не раз принимавшая советские делегации, отмечала (1927): «Наши спортсмены имели огромный успех в широких массах. Рабочие их тепло приветствовали вдвойне: как первоклассных спортсменов и как представителей первой в мире республики трудящихся»⁵⁸.

Визиты гостей из СССР всегда собирали немалое количество репортеров: как пишущих, желающих расспросить о жизни в СССР, так и фотокорреспондентов. Это касалось и печатных органов местных компартий («Роте Фане» в Германии или «Арбайтер бладет» в Дании), и спортивных изданий различного профиля (немецкая рабочая газета «Дойче арбайтер спорт цайтунг» и «буржуазная» французская «Авто»)⁵⁹, и даже изданий, не имевших отношения ни к коммунистической идеологии, ни к рабочему спорту.

Сами спортсмены описывали необычайный ажиотаж шведских СМИ в связи с приездом русских в 1927 г. Фотографии членов команды были заранее размещены на первых полосах, в каждом из селений команду встречали корреспонденты и операторы буржуазных изданий (как, например, стокгольмская «Политикен»), а сопровождавших команду любопытствующих порой было так много, что переодеваться приходилось прямо в холле отеля среди толпы⁶⁰. Это было обусловлено и тем, что советские спортсмены ранее не приезжали в Швецию, ведь ее спорт оставался исключительно буржуазным, а потому такая делегация была для жителей страны чем-то абсолютно новым, и посмотреть на «других», сравнить их со стереотипными описаниями большевиков в прессе желали все.

Впрочем, иногда внимание масс было весьма своеобразным. В одном из отчетов представитель КПГ Леш, сопровождавший делегацию, пишет о том, что при использовании советскими спортсменами трамвая в немецких городах сидевшие там «дамы и господа» предпочитали

⁵⁸ Коллонтай А.М. Дипломатические дневники. Т. 1. С. 339.

⁵⁹ Красный спорт. 1925. № 46. С. 3.

⁶⁰ Красный спорт. 1927. № 15. С. 2.

поскорее покинуть его, к удовольствию самой делегации, которая получала свободные места. Леш иронично отмечает, что они, вероятно, «боялись заразиться бациллой большевизма»⁶¹.

Спортсмены и сами были не прочь спровоцировать неискующую публику из России публику. В ходе той же поездки в 1925 г. в Дрездене секретарь коммунистической фракции ландтага Элдредт смог достать для всей делегации билеты в правительственную ложу Дрезденской оперы. Рабочие, не имеющие парадных костюмов, явились в повседневной одежде, шокировали своим видом «местную буржуазию» и вызвали скандал.

Внешний вид советских команд действительно мог эпатаживать публику. Русские делегации далеко не всегда одевались «по европейской погоде», о чем сами же писали с иронией, указывая на удивление местных при виде спортсменов в толстовках, высоких сапогах и даже шубах весной в Германии или Австрии⁶².

На следующий день ситуация в опере обсуждалась в парламенте, и на замечания о том, что билеты в ложу положены только членам правительства, ландтага и их ближайшим родственникам, сам Элдредт ответил: «Но что вы хотите, господа, это ведь мои ближайшие родственники»⁶³.

Так или иначе, все описанные эпизоды объяснялись тем, что Советский Союз и его граждане были для местных жителей антиподами привычному порядку вещей. Не зря статья в «Дойче арбайтер спорт цайтунг» о приезде летом 1925 г. русской делегации получила название «Завеса над Россией приподнимается»⁶⁴, а шанс взглянуть на «настоящих, живых большевиков» называли поводом для посещения состязания даже теми, кто совсем не интересовался спортом⁶⁵.

Таким образом, пребывание за рубежом отнюдь не было курортным выездом для спортсменов в силу достаточно сложных условий обеспечения, но в контексте культурного обмена такие практики были исключительными, а потому оставались настоящей привилегией для элитных атлетов и почти недостижимой мечтой для рядовых физкультурников.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 239. Л. 39.

⁶² Красный спорт. 1926. № 18. С. 2.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 82. Л. 38.

⁶⁴ Там же. Д. 237. Л. 18.

⁶⁵ Красный спорт. 1926. № 4. С. 2.

Спортсмен под надзором: осуществление контроля за делегацией

Выезд за границу, конечно, подвергал участников множеству соблазнов, а потому необходимо было обеспечить адекватный надзор. Контроль за спортсменами за рубежом стоит разделить на внутренний (со стороны руководителя команды) и внешний (таможня, полиция, сопровождающие от местных спортивных союзов).

Относительно первого стоит отметить, что до 1925 г. он не был слишком жестким. Например, во время поездки легкоатлетов в Чехословакию в 1924 г. после основных соревнований спортсмены разделились и отправились в небольшое турне по городам страны, оставшись при этом вообще без прямого начальствующего надзора⁶⁶. Спортсмены могли самостоятельно давать интервью зарубежной прессе, хотя КСИ и просил выделять для этого 2–3 наиболее идеологически подкованных человека⁶⁷.

Ситуация изменилась после поездки конькобежцев в Финляндию в феврале 1925 г. Представители этого вида спорта, особенно наиболее элитные участники, победители международных соревнований еще во времена Российской империи (Мельников и Ипполитов), были привилегированными и несменяемыми членами подобных делегаций. Потому случившееся на этих соревнованиях не выглядит неожиданностью.

Во-первых, они самовольно выехали на состязания на день раньше срока, оставив в недоумении всю делегацию. Во-вторых, один из группы (Козлов) до выезда обменял советскую валюту на финскую не только для себя, но и по паспортам двух провинциальных спортсменов. Однако эту валюту не передал им, а уехал в Финляндию вместе с деньгами, оставив коллег с совзнаками, которые нельзя было перевозить через границу. За это Козлов был отстранен от соревнований руководителями делегации, а дело передано на разбирательство в ВСФК.

Несмотря на запрет провоза советской валюты, по прибытии в Финляндию таковой оказалось в совокупности на 2000 руб., которые пришлось срочно менять в советском торгпредстве, что было встречено, исходя из отчета, «с презрительным отношением». И здесь отличился тот самый Козлов — он прибыл в торгпредство раньше, представился делегатом от конькобежцев и разменял 700 руб. В итоге пришедших

⁶⁶ Красный спорт. 1924. № 8. С. 3.

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 82. Л. 3.

позже официальных представителей сначала приняли за самозванцев и доказывать свою правоту пришлось с помощью мандатов.

Часть же перевезенных совзнаков в виде червонцев (купюр условным номиналом в 10 руб.) и вовсе попала на черную биржу Хельсинки. Причем спортсмены действовали через знакомых, имена которых выяснить не удалось. Руководитель делегации заключал, что в ходе поездки в этой части команды было мало спортивного, но гораздо больше «покупательского и торгового интереса»⁶⁸.

Также советские конькобежцы самовольно отлучились из расположения команды, выпили, нарушив тем самым «сухой закон» Финляндии. А затем Ипполитов и Ларионов подрались прямо в центре города, собрав толпу финнов, которым пришлось разнимать атлетов.

Завершилась поездка скандалом на таможне. У спортсменов массово изымались предметы роскоши из шелка и парфюмерия. Везли их как в тюфяках спального вагона, так и на себе. Вся делегация в итоге была тщательно досмотрена, с атлетов буквально снимали женские чулки, панталоны, кофточки и куски шелковой материи — в сумме на 2000 руб. На конькобежцев-чемпионов были официально заведены карточки контрабандистов⁶⁹.

После этой поездки меры контроля за спортсменами были несколько усилены. В отчете указано: во время поездки Калинин, Мельников, Ипполитов и Кушин «выходили гулять с лицами, неизвестными ни нам, ни полпредству». Из отчетов же за последующие годы видно, что делегации всегда передвигались по городам организованно и совместно, индивидуальные выходы в принципе не практиковались. Общение с прессой также стало уделом исключительно руководителя команды, спортсмены могли общаться только с европейскими «коллегами» — пролетариями.

Но в то же время отмечаем, что в дальнейшем и пара Мельников — Ипполитов, которая последовательно выступала за соревнования с буржуазными спортсменами, противореча официальной линии⁷⁰, и даже отличившийся финансовыми махинациями Козлов продолжали соревноваться за рубежом. Политика ВСФК в пользу защиты лучших спортсменов успешно преодолевала протесты КСИ о «политической ненадежности»⁷¹ и предпочитала руководствоваться принципом, суть которого можно выразить формой «усиленно надзирать, но не наказывать».

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 94. Л. 65.

⁶⁹ Там же. Л. 64.

⁷⁰ Там же. Д. 75. Л. 18.

⁷¹ Там же. Оп. 1. Д. 105. Л. 66.



Немецкий (Грюнвальдский) стадион в Берлине (1928), один из старейших в Германии, на почтовой открытке. Этот стадион обязательно показывали советским делегациям как выдающийся пример спортивной архитектуры

Требования к уровню сопровождающих также не был статичен. В первой половине 1920-х гг. сопровождающим мог стать любой чиновник ВСФК, что нередко вызывало обвинения со стороны КСИ в отсутствии авторитетных и политически выдержанных сопроводителей⁷². Во второй половине десятилетия требования к такой работе стали жестче. С командами стали ездить чиновники более высокого ранга: Бажанов (до этого три года работавший личным помощником Сталина), Адамский (секретарь Чичерина), Рейснер (секретарь КСИ)⁷³.

Кроме того, из-за частых казусов и даже конфликтов, связанных с некорректной работой переводчиков, переименовывавших высказывания команды, старались выбирать руководителя со знанием языка той страны, куда отправлялась команда⁷⁴. В контексте изучаемого периода наиболее актуальным был немецкий язык, что было связано и с наибольшей интенсивностью связей, и с большим вниманием компартии Германии, которая выделяла своего члена для помощи делегации, а значит, общение поневоле превращалось и в политический диалог. Таким образом, в 1920-е гг. руководитель прошел путь от символического со-

⁷² РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 105. Л. 66.

⁷³ Там же. Л. 90.

⁷⁴ Там же. Оп. 2. Д. 109. Л. 14–15.

провожающего к организатору, контролирующему все сферы деятельности команды.

Но куда более строгим был надзор внешний. Власти стран Европы прекрасно осознавали риски распространения коммунистической пропаганды через неполитические практики, а потому стремились противостоять этому на всех уровнях.

На границе проводился тщательный осмотр багажа на предмет ввозимой красной литературы, знамен и прочих пропагандистских материалов⁷⁵, причем изымались даже старые, годичной давности, выпуски «Известий», используемые для защиты одежды от пыли⁷⁶. Чтобы провезти знамена КСИ и московского Совета физической культуры в Чехословакию (1924), пришлось задействовать административный ресурс высокого уровня. Сначала в Кенигсберге Адамскому, секретарю Чичерина, пришлось убеждать пограничников, что знамена едут не в Германию, а в Чехословакию. А пройти с ними чешскую границу удалось только благодаря разрешительным документам советского полпреда в Германии Крестинского⁷⁷.

Советские спортсмены отдельно упоминали резко негативную реакцию латвийских пограничников на слово «товарищу», вызывавшее едкие замечания («Тамбовский волк вам товарищу») и особо пристальное внимание к багажу на въезде в Прибалтику⁷⁸. В Финляндии, имевшей наиболее длительный опыт взаимодействия с СССР в сфере спорта, службы охраны правопорядка были готовы к пресечению всего, что могло бы служить «политизации» спорта. В купе по дороге к Хельсинки делегации сопровождали, как их именовали, члены «тайной полиции» в штатском. Такая практика присмотра была, видимо, настолько привычной, что об этом, совершенно не стесняясь, писали в газетных отчетах, иронично отмечая «заботливость» местных органов⁷⁹.

Строгость полицейского контроля внутри страны зависела от настроения принимающей стороны, причем нормы варьировались от города к городу. Это хорошо видно на примере Германии. Во время поездок по югу страны (Нюрнберг и Мюнхен) любые приветствия на вокзалах запрещались, команды старались привозить ночью и сразу же отправлять в гостиницу. При встрече на перронах их зачастую не только оцепляли полицией, что вполне логично при любых массовых мероприятиях,

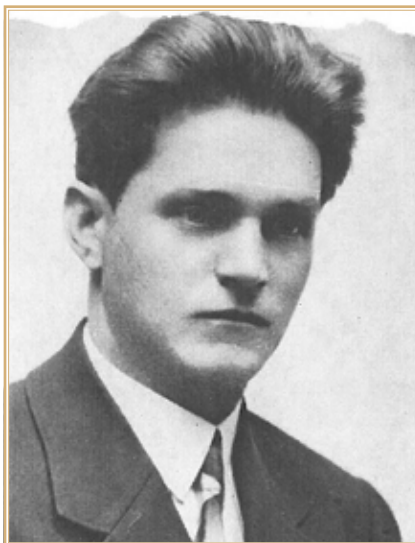
⁷⁵ Красный спорт. 1927. № 39. С. 2.

⁷⁶ Красный спорт. 1925. № 39. С. 2.

⁷⁷ Красный спорт. 1924. № 11. С. 3.

⁷⁸ Красный спорт. 1925. № 39. С. 2.

⁷⁹ Красный спорт. 1927. № 27. С. 2.



Секретарь Красного Спортинтерна от Чехословакии с 1929 г. Карел Аксамит

но и останавливали за несколько часов продажу железнодорожных билетов, чтобы сосредоточить все внимание на контроле за делегацией⁸⁰. Допускались к встрече лишь небольшие группы официальных лиц от рабочих союзов⁸¹. Даже на сами матчи команды выходили под конвоем полиции, вероятно, для предотвращения возможных провокаций и столкновений со стороны зрителей. В отдельных случаях использовались и усиленные наряды конной полиции.

В таких «недружественных» регионах даже бытовое общение бралось под контроль. «Каждое наше слово было строго регламентировано, игра в футбол, разговоры о футболе, наше общество — футболисты, и вопрос исчерпан. Даже пиво пили из оригинального футбольного ботика», — так характеризовал ситуацию сопровождающий команды украинских футболистов-горняков Хмара в 1926 г.⁸² Также сопровождающие рекомендовали кричать похвалы в адрес тогдашнего главы Веймарской республики Гинденбурга, чтобы «полиции нравилось» и она «не обижалась»⁸³. Общаться с рабочими удавалось лишь через лидеров их объединений в полуподпольном формате.

Другая ситуация складывалась в более «демократичных» районах. В том же 1926 г. в Берлине и Лейпциге команды передвигались относи-

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 101. Л. 68.

⁸¹ Красный спорт. 1926. № 33. С. 1.

⁸² РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л. 185.

⁸³ Там же. Л. 184, 188.

тельно свободно и даже ходили на экскурсии по заводам, общаясь с местными пролетариями⁸⁴. Относительно пребывания в Дрездене отдельно отмечалось, что немецкие рабочие и коммунисты «не покидали делегацию ни на шаг», постоянно организовывая вечера встреч с командой⁸⁵. Интересно, что вечера эти в Германии обычно были платными. Таким образом стремились частично окупить расходы на организацию состязаний. Советские спортсмены, описывая общение на этот счет с немецкими коллегами, отмечали, что тем ради попадания на вечер порой приходилось отказываться от ужина⁸⁶, а часть из них и вовсе были безработными и тратили на встречу последние сбережения⁸⁷. Столь высок был интерес и желание масс лично пообщаться с людьми «из-за занавеса».

Аналогичная региональная дифференциация наблюдалась в Чехословакии. В 1924 г. после рабочего праздника в Карлсбаде, где меры контроля были стандартными и даже ненавязчивыми, часть советской делегации по приглашению местной компартии отправилась в Кошице. Сам Б. Громов, атлет и участник визита, открыто писал о том, что их позвали в этот промышленный центр именно потому, что область (Словакия) была самой революционно настроенной в стране, оппозиционной к правительству Т. Масарика. Соответственно, приезд был обставлен вызывающе: десятитысячная толпа с красными знаменами на вокзале и демонстрация с оркестром прямо по центру города и даже самодельная статуя Ленина перед трибуной стадиона во время состязаний, а также запись всего мероприятия на пленку с последующей отсылкой в Москву⁸⁸.

Поэтому логично, что русских спортсменов в числе троих человек не выпускали из-под наблюдения. За ними следовали во всех местах, вплоть до совместного подъема на колокольню в ходе обзорной экскурсии, ночью дежурили у окон отеля, заграничные паспорта были задержаны для фотографирования (на вопросы команды о том, что делать, если паспорта вдруг понадобятся, полиция отвечала, что в этом городе спортсменов и так все знают, а кроме полицейских никто команду не тронет). А в день состязаний на улицы даже были выведены несколько танков.

При этом сами атлеты отнюдь не были образцами послушания: стремились разными способами улизнуть от сопровождающих или не-

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 99. Л. 80.

⁸⁵ Там же. Л. 81–82; 93.

⁸⁶ Красный спорт. 1925. № 39. С. 2.

⁸⁷ Красный спорт. 1926. № 14. С. 2.

⁸⁸ Красный спорт. 1924. № 10. С. 2.

ожиданно развернуться и напугать их⁸⁹. Стоит согласиться, что, учитывая контекст ситуации, действия местного военного начальника, бывшего генерала Колчака Р. Гайды, ответственного за обеспечение безопасности в ходе визита, выглядят вполне оправданными.

Таким образом, степень надзора за спортсменами варьировалась в зависимости от страны и даже региона пребывания. Это выражалось в первую очередь в допуске к коммуникации с рабочими организациями, что было, по сути, второй главной целью любой поездки по мнению ВСФК (после самого соревнования). Преодолеть сопротивление властей и полиции там, где они строго запрещали подобное взаимодействие, не удалось, а потому уповать оставалось лишь на «пропаганду через победы».

Однако там, где принимающая сторона давала чуть больше свободы, наблюдался колоссальный ажиотаж масс относительно советских спортсменов: их окружали вниманием, стремились расспросить о жизни в СССР, организовать массовую торжественную встречу и демонстрацию. Именно такие выезды можно отнести к наиболее успешным и комплексным вариантам встреч.

Тем не менее и здесь полиция стабильно сопровождала команды в целях недопущения провокаций и однозначно благожелательно относилась лишь к самим состязаниям и визитам в культурные и даже развлекательные места города, резонно считая это более безопасным и удобным для контроля времяпровождением.

После поездки: возвращение домой и рефлексия

По возвращении из заграничной поездки руководитель делегации давал письменный отчет различной степени формальности (четких правил для таких документов не существовало), а также вместе с капитаном команды выступал с устным докладом перед комиссией внешних сношений ВСФК. Происходило это либо во II Доме Советов, где обычно проводились заседания ВЦИК⁹⁰, либо в здании Университета трудящихся Востока⁹¹. После этого поездке давалась оценка по основным показателям: поведение команды, спортивные результаты, политические достижения. Эти итоги далеко не всегда совпадали. Если спортив-

⁸⁹ Красный спорт. 1924. № 10. С. 3.

⁹⁰ Красный спорт. 1926. № 7. С. 2.

⁹¹ Красный спорт. 1925. № 39. С. 1.

ные результаты обычно признавались успешными, то упреки в том, что команда не принимала активного участия в демонстрациях, а ее руководство недостаточно усердно вело разоблачительную работу в адрес местных реформистских физкультурных органов, были регулярными⁹². После такого разбора вопрос считался закрытым.

Но в отдельных случаях, когда турне прошло особенно успешно и вызвало широкий ажиотаж в прессе, приезжающей делегации устраивали торжественную встречу. Так было, например, с футболистами, вернувшись в Москву из турецкого турне в 1925 г.⁹³, а также из Франции в январе 1926 г. Их встречали секретарь КСИ Рейснер, член президиума ВСФК Иттин, московские физкультурники и оркестр. Как чиновники, так и члены команды выступали с речами и о самой поездке, и об успехах советского спорта в целом, а сама встреча была заснята для кинохроники⁹⁴.

Разумеется, у участников таких успешных выездов брали интервью для финального отчета в «Красном спорте». При этом спортсмены с удовольствием придавали еще большей значимости своим триумфам. Например, капитан вышеупомянутой команды футболистов, вернувшись из Франции, тов. Ратов через заметку «Интересные параллели» подвел итог глобального характера. Их команда проездом сыграла один матч в Берлине, обыграв местную команду Рабочего спортивного союза со счетом 7:0. В то же время, по словам спортсменов, в 1923 г. команда РСФСР играла «с тем же составом немцев» и выиграла 6:0, а украинская команда в 1925 г. победила 3:0. Отсюда делается вывод: несмотря на то, что текущая команда очевидно слабее «сборной РСФСР и сборной УССР», успех по счету оказался еще значительнее, что «очевидно свидетельствует о непрерывном развитии и повышении класса советских футболистов»⁹⁵.

Стоит отметить, что харьковская команда, посетившая в 1925 г. Германию, конечно, не считалась сборной УССР и не именовалась так ни в отчетах, ни на страницах прессы ни до, ни после данной заметки. Кроме того, эта команда проиграла матч дрезденской футбольной команде со счетом 3:1, т.е. отнюдь не была эталонной в плане результатов⁹⁶. Сравнить же с матчем сборной РСФСР, сыгранным с разрывом в 3 года и отличающимся лишь одним забитым в ворота соперников голом — несостоятельная практика по определению. Тем не менее по-

⁹² РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 190. Л. 1.

⁹³ Красный спорт. Экстренный выпуск от 07.06.1925. С. 1.

⁹⁴ Красный спорт. 1926. № 5. С. 1.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Красный спорт. 1927. № 44. С. 3.

добное конструирование тезисов о прогрессе спорта в целом исходя из простейшей статистики — характерная и регулярно использовавшаяся практика в советской спортивной прессе, уделявшей меньшее внимание разбору хода игр в пользу цифр на табло и потому воспринимавшей подобные послы от самих спортсменов.

Охотно тиражировали особо звучные тезисы зарубежной прессы и руководителей делегаций. Так, матч между сборной РСФСР и РСС Австрии подавался как определение лучшей футбольной команды обоих Интернационалов⁹⁷ (советская сторона, конечно, одержала победу). А не слишком удачная поездка футболистов Донбасса в 1925 г. (итоговый счет всех матчей — 18:16 в пользу Германии, впервые в истории подобных выездов) преподносилась как относительный успех: «самая слабая из когда-либо выезжавших за границу советских команд» практически не уступила немцам⁹⁸.

Подобная рефлексия об итогах выезда была полезна всем сторонам: руководящие органы подкрепляли имидж советского спорта как безоговорочного лидера рабочего движения, зритель мог с полным основанием гордиться своими командами и страной, а сами спортсмены неформально легитимизировали свое право и в дальнейшем стабильно выезжать за рубеж для состязаний.

Советские спортсмены высокого уровня, которые имели привилегию представлять СССР на международной арене, в первое десятилетие существования спортивной дипломатии были далеки от того идеального представления о физкультурнике-пролетарии, которым их хотели видеть руководители Красного Спортинтерна. Они не ставили во главу угла товарищеский дух в ходе состязаний и целенаправленную идеологическую работу, но осуществляли успешную непрямую пропаганду через блестящие регулярные победы и неформальное общение с зарубежными рабочими.

При этом идеологический блок не был отринут полностью: в ходе комплексной подготовки для команд, помимо тренировочных состязаний, обязательно проводились информирующие инструктажи от чиновников КСИ, чтобы в ходе участия в стихийных встречах или демонстрациях спорт-

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 109. Л. 15.

⁹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 240. Л. 190.

смены могли выверенно вести себя и общаться с пролетарскими массами. Тем не менее во избежание рисков со второй половины 1920-х гг. коммуникативную нагрузку (выступления на митингах и интервью зарубежным изданиям) практически целиком переложили на руководителей делегаций.

Практически во всех сферах, касающихся материального обеспечения поездки (финансовой, жилищной, транспортной, бытовой), спортсмены испытывали значительные стеснения, связанные с постоянным желанием советских чиновников экономить и бедностью большинства европейских рабочих секций. Эти проблемы не обсуждались в открытую и не могли служить оправданием неудач, а потому команды нередко должны были побеждать, преодолевая и внешние обстоятельства. Тем не менее культурные впечатления от заграницы и возможность соревноваться с иностранцами перевешивали недостатки и выезд за рубеж был желанным для любого спортсмена. При этом по отчетным документам мы встречаем лишь один вопиющий эпизод, когда во главу угла был поставлен «покупательский интерес» (выезд конькобежцев в Хельсинки в 1925 г.), что позволяет констатировать — материальная составляющая не была для советских спортсменов базисной мотивацией для участия в поездке в изучаемое нами десятилетие.

За спортсменами, особенно после 1925 г., был установлен достаточно строгий контроль, как внутренний, так и внешний. Но их цели были разными: сопровождающие от ВСФК стремились предотвратить возможные эксцессы в виде отлучек членов команды, употребления алкоголя или неосторожных высказываний, местные же представители полиции ограждали делегацию от слишком близкого знакомства с местным пролетариатом и посещения незапланированных локаций.

Необходимым аспектом было создание позитивного имиджа прошедшего выезда после возвращения команды. И важную роль здесь играли «живые» впечатления самих спортсменов, которые охотно делились мнением о степени сопротивления за рубежом, неизменно постулировали заметно более высокий уровень советского спорта, а также делились историями о преодолении трудностей, которые создавались властями стран на границе или в процессе пребывания в местах состязания. Через такую практику оформлялся образ спортсмена, непобедимого не только на спортивной площадке, но и вне ее, готового открывать СССР миру через спорт, несмотря на все чинимые ему преграды.





REFERENCES

1. *Arnaud P., Riordan J.* Sport and International Politics: Impact of Facism and Communism on Sport. New York: Routledge, 1996. 240 p.
2. *Bogolyubova N.M., Nikolaeva YU.V.* Krasnyj sportivnyj Internacional i zarozhdenie sovetskoj sportivnoj diplomatii [The Red Sports International and the Birth of Soviet Sports Diplomacy] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of St. Petersburg University. Political science. International relations]. 2012. № 2. P. 107–114.
3. *Borisova O.O.* Pitanie sportsmenov: zarubezhnyj opyt i prakticheskie rekomendacii [Nutrition of athletes: foreign experience and practical recommendations]. M.: Sovetskij sport, 2007. 132 p.
4. *Gounot A.* Sport or Political Organization? Structures and Characteristics of the Red Sport International, 1921–1937 // Journal of Sport History. 2002. 28(1):23–9. P. 23–39.
5. *Horosheva A.V.* «Proletarskaya» Spartakiada 1928 g. i «burzhuaznoe» Olimpijskoe dvizhenie [The «Proletarian» Spartakiad of 1928 and the «bourgeois» Olympic Movement] // Svobodnaya mysl' [Free Thought]. 2018. № 2. P. 5–22.
6. *Horosheva A.V.* Deyatel'nost' Krasnogo sportivnogo Internacionala v konce 1920-h — nachale 1930-h gg. [The work of the Red Sports International in the late 1920s — early 1930s] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Istoriya [Bulletin of the Moscow University. History]. 2018. № 5. P. 86–105.
7. *Horosheva A.V.* Deyatel'nost' Krasnogo sportivnogo Internacionala v 1933–1937 gg. [The work of the Red Sports International in 1933–1937] // Rossijskaya istoriya [Russian History]. 2018. № 5. P. 105–115.
8. *Horosheva A.V.* Vysshij sovet fizicheskoj kul'tury (1920–1936): ot koordinacii k zhestkomu kontrolyu [The Supreme Council of Physical Culture (1920–1936): from coordination to strict control] // Uroki Oktyabrya i praktiki sovetskoj sistemy. Materialy X mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Lessons of October and practices of the Soviet system. Materials of the X International Scientific Conference]. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2018. P. 848–857.

9. *Kollontaj A.M.* Diplomaticheskie dnevniki. T. 1 [Diplomatic Diaries. Vol. 1]. M.: Academia, 2001. 528 p.
10. *Steinberg D.* The Workers' Sport Internationals 1920-28 // Journal of Contemporary History. 1978. Vol. 13. No. 2. P. 233–251.
11. *Vasil'ev A.A.* Zarozhdenie i razvitie mezhdunarodnyh svyazej sovetskogo sporta v 1920-e gg. [The origin and development of international relations of Soviet sports in the 1920s]. PhD Diss. Saratov: SGU im. N.G. Chernyshevskogo, 2001. 209 p.

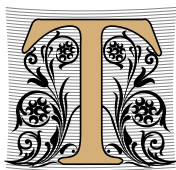


Ключевые слова:

спортивная дипломатия, Красный спортивный Интернационал (КСИ), Люцернский спортивный Интернационал (ЛСИ), Высший совет физической культуры (ВСФК), советский спорт, повседневные практики.

Anton M. Glushich

SOVIET SPORTSMEN ABROAD IN 1920: DAILY PRACTICE OF SPORTS DIPLOMACY



The article examines the daily practices of sports diplomacy of the USSR in the 1920s: the preparation of teams for foreign trips, their organization, the system of control over the delegation, and the self-positioning of athletes within the new reality of international interaction. It concludes that athletes, despite the constant intentions of the Red Sports International about the importance of systematic propaganda work, preferred to prove the advantages of the lifestyle of the young Soviet state through victories on sports grounds and informal communication with foreign proletarians, rather than through direct ideological activity. It was established that the governing bodies within the USSR selected athletes of the highest level from Moscow, Leningrad, and Kharkov for trips, who often had experience of competitions as part of the teams of the Russian Empire. Athletes of the periphery were often not involved in foreign contacts due to poor preparedness. Work abroad was carried out under constant police supervision, the intensity of which depended on the political positions of local authorities. The material conditions of staying abroad were quite difficult due to the poverty of European proletarian sports cells. This was compensated by a wide range of cultural impressions and the constant attention of the masses to the delegations from the USSR. In the 1920s, international meetings, which regularly ended with loud triumphs of Soviet athletes, became an important tool for overcoming foreign policy isolation, and became one of the «showcases» of the Soviet project.

Keywords: Sports Diplomacy, Red Sport International (RSI), Lucerne Sports International (LSI), Supreme Council of Physical Culture (SCPC), Soviet Sport, Everyday Practices.

Anton M. Glushich — Postgraduate at the Higher School of Economics National Research University, Lecturer at Sevastopol State University.

 Глушич Антон Михайлович 

аспирант в Национальном исследовательском университете
 «Высшая школа экономики», преподаватель в Севастопольском
 государственном университете. SPIN-код: 4973-0752



DOI: 10.35549/HR.2024.2024.49.006

Д.Е. Мишин

«ШАПУРОВ РОВ» И САСАНИДСКО-АРАБСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В IV–VII вв.



ержавы древности и Средневековья, обладавшие протяженными границами, в ряде случаев обеспечивали их защиту, создавая мощные оборонительные рубежи, опиравшиеся на фортификационные возможности местности. Можно вспомнить римскую границу на Рейне, византийскую на Дунае или русскую засечную черту; символом таких мероприятий по праву считается Великая Китайская стена. Такие оборонительные рубежи создавали и Сасаниды. Хорошо известны построенные ими укрепления Дербента и Закавказья в северной части державы, в Тамишэ, Гургане и Дамгане на северо-востоке. Немалую важность имела для Сасанидов и безопасность границ на западе и юго-западе, где во владения державы вторгались арабы. Эти вторжения были особенно опасны в IV в.; царь Шапур II (307/8–379/80) вел против них беспощадную борьбу, которая в источниках считается существенной частью содержания его правления. Отдельные столкновения на границах державы имели место и в последующие времена: набеги арабов из племенного объединения бану Ийад и походы Гассанидов по Евфрату в VI в., знаменитое сражение при зу Каре между арабами бану Шайбан и сасанидским войском в 602 г. Хотя арабы до начала их великих завоеваний (30-е гг.

VII в.) не считались основными противниками Сасанидской державы, ее цари уделяли внимание устройству границ, через которые они могли напасть. Настоящая работа имеет своей целью установить, что представляла собой граница Сасанидской державы на западе и юго-западе.

В повествовательных источниках мы находим несколько относительно подробных описаний этой границы. Ибн ал-Факих (писал в 902–904 гг.) повествует:

«Хит и Ана были приданы к округу (*tassūdġ*) ал-Анбара. Когда царем стал Ануширван¹, ему сообщили, что сообщества (*tawāʿif*) арабов проходят в ближайшие к пустыне части Савада. Тогда он повелел восстановить стены города, известного как Уллайс. Его построил Шапур Проби-вающий плечи², который сделал его крепостью (*maslaḥa*)³ для охраны того, что было поблизости от пустыни. Он (Шапур. — Д.М.) велел также прокопать, начиная от Хита, ров, пересекающий близкие к Евфрату части пустыни, приходящий в Казиму⁴ со стороны Басры и впадающий в море. На нем он построил сторожевые заставы (*manāẓir*) и дворцы (*djawāsik*), укрепив его крепостями (*masālih*), чтобы это не давало пустынным попасть в Савад»⁵.

¹ Сасанидский царь Хосров I Ануширван (531–579).

² Т.е. Шапур II.

³ Перевод арабского *maslaḥa* как «крепость» условен. Слово *maslaḥa*, строго говоря, означает гарнизон или место, где он расположен. Оно сходно с аналогичным по значению среднеперсидским понятием *pabrag* (перс. *pabreh*), употребление которого в изучаемом здесь регионе зафиксировано в форме *fibridġ*, как называлось одно место в районе Убуллы (Muʿdġam al-buldān li... Yāḳūt. Beirut: Dār Ṣādir, 1977. Т. 4. Р. 242, 281). В то же время вероятно, что сасанидские гарнизоны размещались в укрепленных местах. Поэтому для того, чтобы передать понятие *maslaḥa* одним словом, используется наиболее близкий эквивалент — «крепость».

⁴ Северо-восточное побережье Аравии.

⁵ Kitāb al-buldān. Taʿlīf ... Ibn al-Faḳīh. Ed. Y. Al-Nādī. Beirut: ʿĀlam al-kutub, 1996. Р. 388. Передачи этого сообщения мы находим и в иных источниках — у Ибн Русты (писал в конце IX — первой трети X в.) и, в двух местах, в географической энциклопедии Йакута (род. в 1178–1180 гг., ум. в 1229 г.), где рву дано весьма удачное, как представляется, название — «Шапуров ров», *khandaq Sābūr* (Kitāb al-aʿlāk an-nafīsa auctore... Ibn Rosteh et Kitāb al-buldān auctore... al-Jakūbī. Ed. M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1892. Р. 107–108; Muʿdġam al-buldān... 1977. Т. 2. Р. 392, Т. 4. Р. 72). Между этими передачами есть некоторые расхождения. Название города, укрепления которого были отстроены, в издании труда Ибн ал-Факиха — اللیس, т.е. Уллайс, однако у Ибн Русты — ألس, а в одной из передач Йакута, данной, заметим, со ссылкой на Ибн ал-Факиха — ألس. Две последние формы следует интерпретировать как название места Алус на Евфрате. Вопрос о том, идет речь об Уллайсе или Алусе, рассмотрен ниже. Другие расхождения менее существенны. В тексте Ибн Русты нет упоминания о дворцах. Далее, у Ибн ал-Факиха арабы проходят (يعبرون) в Савад, тогда как в обоих текстах Йакута стоит похожая по написанию форма يغیرون со

Об этом рве Ибн ал-Факих упоминает в еще одном фрагменте:

«К ней принадлежат и источники воды ат-Таффа, такие как Айн ас-Сайд, ал-Куткутана, ар-Рухайма, Айн Джамал и подобные им. Там есть источники воды, предназначенные для тех, кто был поставлен в крепости за Шапуровым рвом, который он прокопал между собой и арабами и иными⁶. Так произошло потому, что Шапур дал им эту землю в наделы, и они обрабатывали ее, причем он не принуждал их платить

значением «нападают» (на Савад); это близко к *أغار ت* («напали») Ибн Русты. Для полноты изложения следует отметить, что пересказ рассматриваемого известия дан также в географической энциклопедии Абу Убайда ал-Баكري (ум. в 1094/5 г.). Версия ал-Баكري, однако, менее ценна, так как заметно сокращена по сравнению с приведенными выше текстами; кроме того, работы по устройству рва в ней приписаны Хосрову I, что не соответствует более ранним передачам и, очевидно, неверно (*Mu'djam mā ista'djam min asmā' al-bilād wa al-mawāqif. Ta'rif... al-Bakrī. Ed. M. al-Saqqā. Beirut: 'Ālam al-kutub, 1983. P. 914*).

⁶ Этот фрагмент соответствует тексту Йакута, по которому можно понять, что означает начальное «к ней»; это область ат-Тафф, т.е. приевфратские районы. В то же время Ибн ал-Факих расходится с ал-Балазури (ум. в 892 г.), который тоже дает пересказ данного фрагмента. Текст ал-Балазури таков:

قالوا كانت عيون الظف مثل عين الصيّد والقططانة والرهيمة وعين جمل وذواتها للموكلين بالمسالح التي وراء السواد وهي عيون خندق سابور الذي حفره بينه وبين العرب الموكلين بمسالح الخندق وغيرهم

«Говорили: “Источники воды ат-Таффа, такие как Айн ас-сайд, ал-Куткутана, ар-Рухайма, Айн Джамал и подобные им, принадлежали тем, кто был поставлен в крепости, расположенные за пределами Савада. Это — источники воды “Шапурова рва”, который он прокопал между собой и арабами, поставленными в крепости возле рва, а также иными».

У Ибн ал-Факиха:

وعيون منها عيون الظف مثل عين الصيّد والقططانة والرهيمة وعين جمل وذواتها وبها عيون كانت للموكلين بالمسالح التي وراء خندق سابور الذي حفره بينه وبين العرب وغيرهم

(перевод см. выше)

Итак, если Ибн ал-Факих упоминает просто о поставленных в крепости воинах, то ал-Балазури считает их арабами. Как представляется, передача Ибн ал-Факиха вернее. Сасанидским царям не было смысла прокапывать ров между ними и их собственными гарнизонами, тем самым отрезая последние от основной массы войск. С другой стороны Шапур II, которому, как мы видели, приписывается создание рва, начал свое правление с борьбы против вторжений арабов. Поэтому ров должен был выполнять роль преграды, отделявшей владения Шапура от арабов; именно это мы и видим в тексте Ибн ал-Факиха. В передаче Кудамы ибн Джафара (жил во второй половине IX — первой половине X в.) о Шапурове рве повествуется так же, как у Ибн ал-Факиха, но без упоминания об «иных» в конце. Йакут в одном месте дает собственную трактовку своих источников, указывая: «Шапуров ров — в земле Куфы; Шапур прокопал его между собой и арабами из страха перед злом, бывшим в них». Это позволяет считать, что фрагмент *الموكلين بالمسالح الخندق* («поставленными в крепости возле рва») появился в тексте ал-Балазури в результате ошибки переписчика, который еще раз скопировал стоящее ранее *الموكلين بالمسالح*. Ссылки на источники даны в примечании 8.

поземельную подать⁷. Когда было сражение при зу Каре, и помог Аллах арабам Пророком Своим — да благословит его Аллах и приветствует! — арабы захватили часть этих источников; другая часть осталась в руках персов. Когда же мусульмане пришли в Хиру, а персы бежали — после того, как большинство [источников,] что были в их руках, заполнились водой до предела, а то, что было в руках мусульман, осталось [в прежнем состоянии,] мусульмане сохранили это»⁸.

Еще одно важное свидетельство сохранилось в труде Ибн ал-Джаузи (1116/7–1201). Автор этих строк уже публиковал перевод данного известия⁹, однако его важность для изучения рассматриваемого вопроса и необходимость уточнить некоторые детали заставляют вновь обратиться к тексту.

«Он (Шапур II. – Д.М.) приказал прорыть канал, начало которого было у Хита, и вывел его недалеко от ал-Кадисийи, а затем [продолжил] до Казимы и далее до моря. На нем он поставил сторожевые заставы (*manāzir*), укрепления (*rawābiṭ*) и крепости (*masāliḥ*)¹⁰. В этих сторожевых заставах он разместил пехоту и конницу [...] Эта река называлась разделительной преградой (*al-ḥādʒiz*); то был ал-Атик (*al-ʿAtīq*). За этим каналом он (Шапур II. – Д.М.) поселил *дихкан*-ов¹¹ и раздал им наделы. Они были подмогой¹² людям в крепостях. И было так, что, если кто-либо из арабов подходил ночью, те (воины в крепости. – Д.М.) зажигали огонь, а если утром — пускали дым. И по этому знаку жители деревни узнавали, что случилось, и приходили к ним. Из этих крепостей — крепость (*ḥiṣn*) М.х.и.б (مهيب), сторожевая застава (*manzara*) в Хатире (خطيرة), сторожевая застава (*manzara*) в Хадисат ан-нур, сторожевая застава (*manzara*) в ал-Анбаре, сторожевая застава (*manzara*) в Дайр ал-Джамаджим, сторожевая застава (*manzara*) в ал-Кадисийе и крепость (*ḥiṣn*) в зу Каре»¹³.

⁷ В тексте источника поземельная подать обозначена арабским термином *kharāj* (харадж).

⁸ Kitāb al-buldān... 1996. С. 225–226. Ср. Futūḥ al-buldān. Taṣnīf... al-Balādhurī. Ed. ʿA.A. al-Ṭabbāʿ, ʿU.A. al-Ṭabbāʿ. Beirut: Muʿassasat al-maʿārif, 1987. P. 419; al-Kharādʒ wa ṣināʿat al-kitāba li Ḳudāma bin Djaʿfar. Ed. M.Ḥ. al-Zubaydī. Baghdad: Dār al-Rashīd li-l-nashr, 1981. P. 369; Muʿdjam al-buldān... 1977. T. 2. P. 392, T. 4. P. 36.

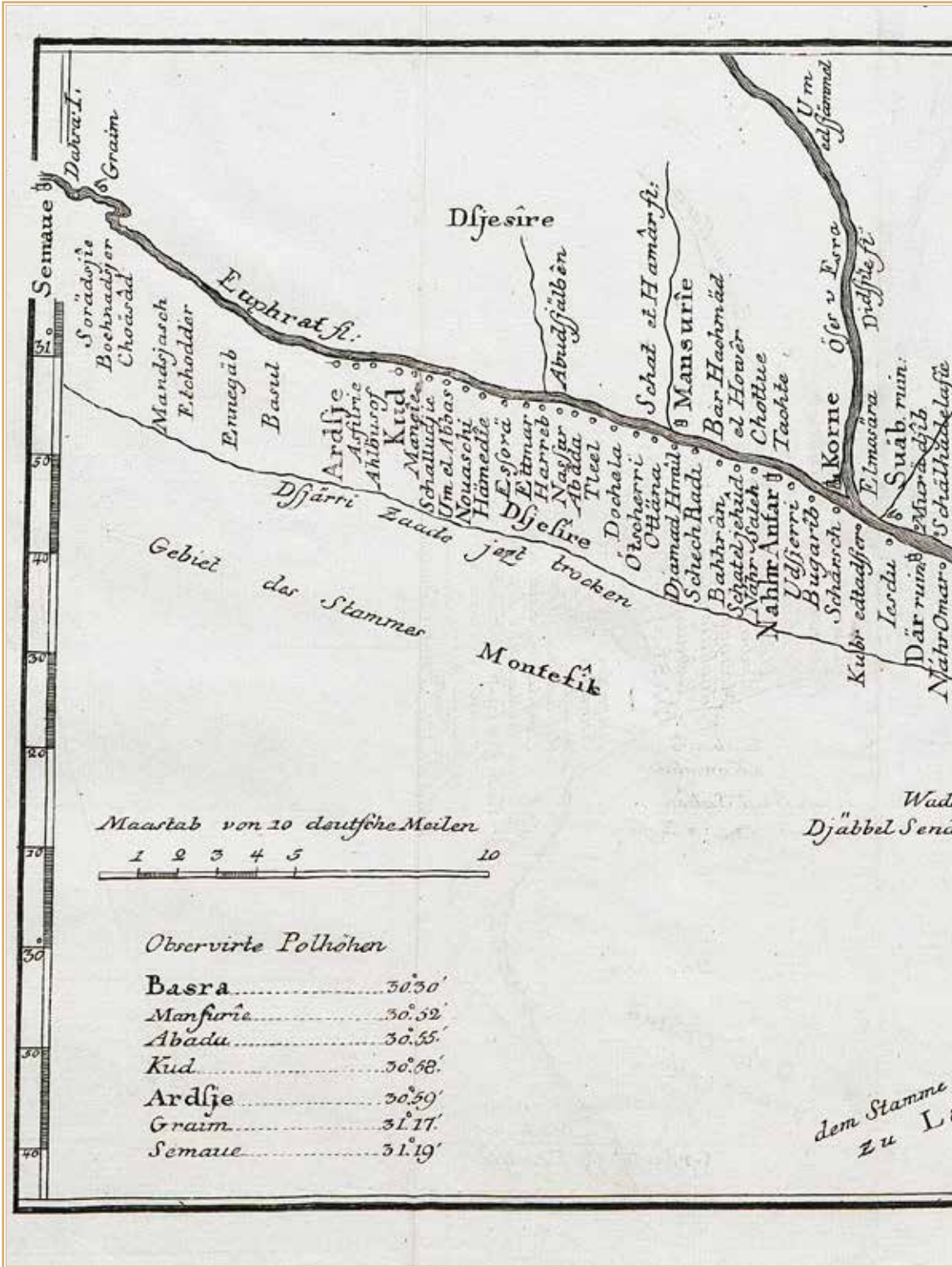
⁹ Мишин Д.Е. Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и получение в истории Мискавейха. М.: ИВ РАН, 2014. С. 280.

¹⁰ В издании ошибочно *مسالج*, а не *مسالِح* (*masāliḥ*).

¹¹ Слово *дихкан* в Средневековье означало различные реалии; здесь оно, кажется, употребляется в смысле «глава рода» или «глава семейства».

¹² Скорее *رداء*, чем *رداء* издания.

¹³ al-Muntaẓam fi tārikh al-mulūk wa al-umam li... Ibn al-Djawzī. Ed. Maḥmūd ʿA. ʿAṭā, Muṣṭafā ʿA. ʿAṭā. Beirut: Dār al-kutub al-ʿilmiyya, 1992. Pt. 2. P. 84.

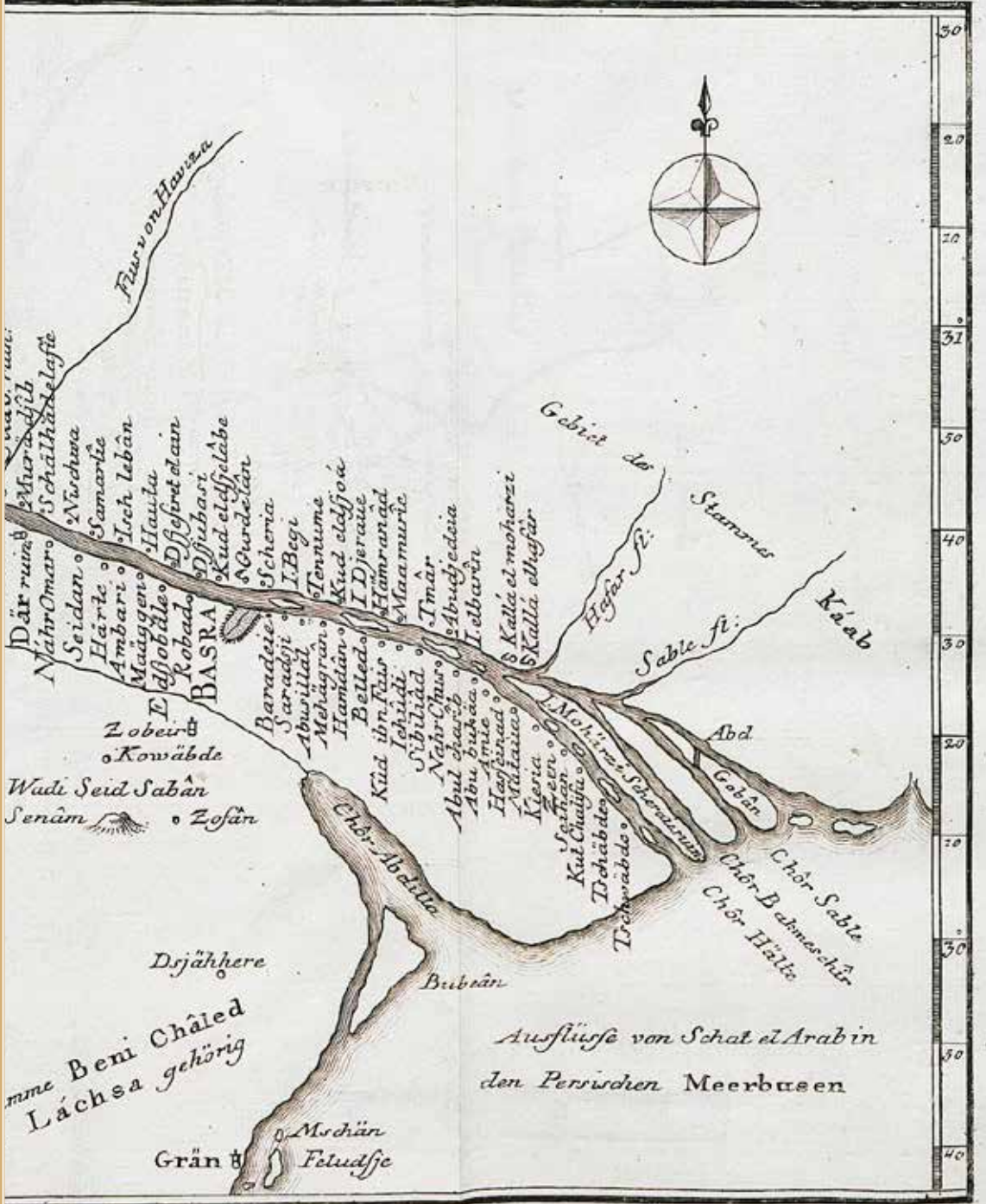


Карта бассейна реки Шатт ал-араб с указанием Djarrri Zaade (Djarrri Saade).

C. Niebuhrs Reisebeschreibung nach Arabien und andern unliegenden Ländern.

Zweyter Band. Kopenhagen, 1778. Tab. XL.

Tab. XL.



Итак, в приведенных фрагментах раз за разом упоминается прокопанный при Шапуре II ров от Хита до Персидского залива; следуя Йакуту, мы называем его «Шапуров ров». Расстояние только от Хита до Басры по прямой составляет около 550 км, что заставляет задаться вопросом, насколько реальны сообщения о столь масштабных работах. Между тем видеть в сообщениях о рве вымысел мусульманских авторов или их источников было бы неправильно. Немецкий путешественник К. Нибур (1733–1815) писал:

«В старой Басре еще видно русло пересохшей реки или скорее прокопанного канала, который арабы называют *Dsjarri Saade* или *Haffar Saade*¹⁴. Он был отведен из Евфрата перед маленьким городом Хит, в 6 днях пути от Хиллы, к Куфе, а оттуда — дальше к Басре, где он примерно в 3 немецких милях ниже города впадал в морской залив, называемый *Chôr abdilla*. Арабы рассказывают, что с обеих сторон от этого канала произрастали деревья, и он делал землю вокруг плодородной на большой территории. Вода не поступает сюда уже много лет, и некогда плодородная земля представляет собой пустыню, куда направляются лишь бедуины»¹⁵.

Данный фрагмент — часть описания Басры. Далее, повествуя о Куфе, К. Нибур возвращается к теме канала и пишет:

«Здесь еще видно русло *Dsjarri Saade*... Однако вода сюда более не поступает; земля вокруг пустынна, а в городе нет жителей»¹⁶.

По картам, составляющим приложения к тексту К. Нибура, видно, где, по его сведениям, находился канал. На иллюстрации 40 (Tab. XL) он проходит от *Setaie*, т.е., видимо, от ас-Самавы, параллельно Евфрату и западнее его, между Басрой и аз-Зубайром (старой Басрой) и впадает в залив, в котором находится остров Бубийан¹⁷. С известным приближением можно сказать, что на участке между Басрой и Персидским заливом канал, о котором повествует К. Нибур, находился там, где в наши дни протекает современный канал Шатт ал-Басра. На другой карте канал начинается к юго-западу от эль-Фаллуджи и пролегает восточнее Кербелы и Куфы, тогда как основное течение Евфрата проходит через Хиллу¹⁸.

Вскоре после К. Нибура об этом канале упомянул французский путешественник Г.А. Оливье (1756–1814):

¹⁴ Т.е. арабские *djary Sa'da* (поток Сады) и *hafr Sa'da* (ров Сады) соответственно.

¹⁵ C. Niebuhrs Reisebeschreibung nach Arabien und andern umliegenden Ländern. Zweyter Band. Kopenhagen, 1778. S. 223.

¹⁶ Ibid. S. 261.

¹⁷ Ibid. Tab. XL.

¹⁸ Ibid. Tab. XLI.

«В девяти лье к югу от Хиллы когда-то был арабский город, именовавшийся *Cufa* или *Koufab* (Куфа. — Д.М.), от которого сохранились лишь некоторые остатки; он находился на канале, отведенном от Евфрата, в плодородной и обильной земле. Этот канал, ныне безводный, арабы называют *Dsjarri-Saadé*...»¹⁹

К. Нибур отождествил *Dsjarri-Saadé* с Паллакопой — отведенным от Евфрата каналом, по которому, согласно Арриану (род. ок. 90–95 гг., ум. ок. 175 г.), Александр Македонский доплыл до озер у аравийской земли²⁰. О Паллакопе впоследствии писал Дж.М. Киннейр (1782–1830), который отметил:

«Он (канал. — Д.М.) отведен от Евфрата с правой стороны; тот его участок, где еще есть вода, доходит до [пространства] в пределах пяти миль от Машхад Али (Куфы. — Д.М.); оставшаяся часть суха и почти занесена песком, однако остатки Паллакопы можно проследить от Неджефского моря до города *Zobeir* (аз-Зубайр. — Д.М.) и *Khore Abdalla*»²¹.

Там же Дж.М. Киннейр сообщает, что примерно за 20 лет до издания его книги канал был частично расчищен на средства правителя индийского княжества Ауа и потому получил от арабов название *Hindi*²², т.е. «индийский».

Ценные сведения о канале сообщает А. Мусил (1868–1944), который в описаниях своих поездок упоминает о нем несколько раз. Первое такое упоминание относится к области, расположенной к юго-западу от Хита:

«Ответвляясь сразу после излучины ал-Укуба²³, старый забившийся канал *Žeri Sa'de* уходит на юго-восток через плодородную равнину Абу

¹⁹ Olivier G.A. Voyage dans l'Empire othoman, l'Égypte et la Perse. T. IV. Paris, 1803/4. P. 412.

²⁰ C. Niebuhrs... 1778. S. 223–225. Ср. *Arr. Anab.* VII. 21. 1–7. *Arrian.* Ed. and tr. I. Robson. Vol. II. London: William Heinemann Ltd, Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1946. P. 276–279. Паллакопа упоминается и у Плиния Старшего (род. в 23–24 гг., ум. в 79 г.), как река *Pallaconta* (*Plin. H.N.* VI. XXX, 118. С. *Plinius Secundus d.Ä.* Naturkunde. Buch VI. Geographie: Asien. Hrsg. K. Brodersen. Zürich, Düsseldorf: Artemis und Winkler, 1996. S. 86–87).

²¹ *Kinneir J.M.* A Geographical Memoir of the Persian Empire. London, 1813. P. 284. *Khore Abdalla* — *Chôr abdilla* К. Нибура, залив, в котором находятся острова Варба и Бубийан.

²² *Kinneir J.M.*, 1813. P. 284. Впоследствии о канале ал-Хиндийя упоминает У.Ф. Эйнсуорт (1807–1896), бывший в приевфратском регионе в 1835–1836 гг. (*Ainsworth W.F.* A Personal Narrative of the Euphrates Expedition. London, 1888. Vol. II. P. 2).

²³ Вероятно, современная Акаба возле Мухаммади, где Евфрат после течения в южном направлении поворачивает на восток.

Тибан. В начале этого канала оба его берега прочно обложены камнем; левый берег был оснащен достаточно толстой стеной, вероятно, призванной служить плотиной и не давать водам Евфрата размыть долину Абу Тибан»²⁴.

Далее А. Мусил пишет:

«Мы проехали с восточной стороны канала *Žeri Sa'de* через поля, составляющие часть долины Абу Тибан... Справа, на плодородной равнине, стоял развалившийся курган Тлел ал-адда; в 6.55 он должен был быть справа от нас. К востоку от него канал *Sa'de* вновь присоединяется к Евфрату, который наталкивается на скалистую излучину ал-Асвад и затем заметно поворачивает на юг»²⁵.

Из этого можно было бы заключить, что канал отходил от Евфрата лишь на небольшое расстояние и не достигал даже эр-Рамади, не говоря уже о Басре. Однако затем, дав описание Куфы, А. Мусил сообщает:

«К западу от старинного канала *Sa'de*, где мы стояли с 7.20 до 7.30, постепенно поднимается ввысь скалистый, усеянный рассыпанными камнями холм»²⁶.

В описании другой поездки А. Мусила, из ал-Мусаййиба в эль-Фаллуджу, мы читаем:

«С 11.10 мы ехали верхом вдоль скалистой возвышенности *al-Fâzlijje*²⁷, которое доходит почти до самого Евфрата, а в 11.22 пересекли древний канал огромных размеров, который поблизости отделяется от Евфрата; наш проводник назвал его *Žeri Sa'de*»²⁸.

В последнее время наши представления о «Шапурове рве» значительно обогатились за счет данных геологии. Группа ученых (Дж. Джоттери, М.Б. Аллен и Т.Дж. Уилкинсон) провела исследование местности с использованием современных технологий; результатом этой работы стало выявление русл древних рек и каналов и нанесение их на карту. Один из таких каналов отождествлен с «Шапуровым рвом». Согласно авторам исследования, он был одним из ответвлений древнего канала Паллуккату (вероятно, тождественного упомянутой выше Паллакопе), отходил от него примерно в районе современной Кербелы, протекал

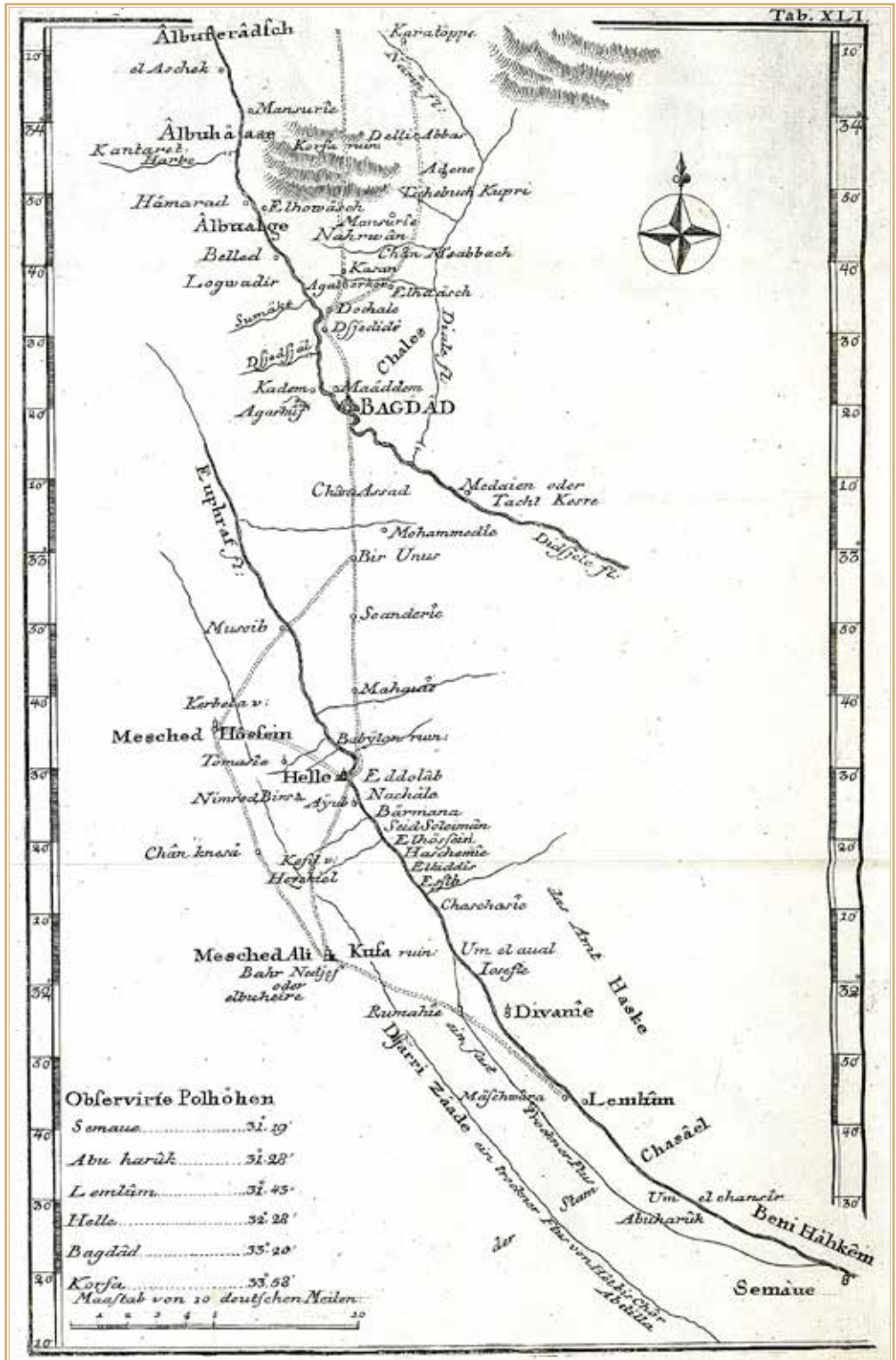
²⁴ *Musil A. The Middle Euphrates. A Topographical Itinerary. New York: The American Geographical Society, 1927. P. 32.*

²⁵ *Ibid.* По-видимому, речь идет о течении Евфрата на участке от ал-Бунимра до Хан Абу-р-райата.

²⁶ *Ibid.* P. 37.

²⁷ Вероятно — ал-Фадилийя около Джурф ас-Сахра.

²⁸ *Musil A., 1927. P. 122.*



Карта течения Евфрата в районе Куфы с указанием Dsjarri Zaade (Dsjarri Saade).
 С. Niebuhrs Reisebeschreibung nach Arabien und andern umliegenden
 Ländern. Zweyter Band. Kopenhagen, 1778. Tab. XLI.

к западу от современного течения Евфрата, на юго-восток, и вновь при-
мыкал к сети каналов к югу (с небольшим отклонением в сторону за-
пада) неподалеку от Куфы²⁹. По-видимому, основанием для такого ото-
ждествления послужило то, что обнаруженное русло канала, согласно
карте, находилось западнее всех остальных каналов и, следовательно,
в наибольшей степени подходило для того, чтобы быть рубежом Саса-
нидской державы.

Сопоставляя данные геологии со сведениями путешественников,
мы можем отметить как сходство, так и различия. Сходство наблюда-
ется в том, что согласно всем названным источникам «Шапуров ров» на
одном из участков пролегал недалеко от Куфы. В то же время ров (как
его изображают средневековые авторы) и канал, о котором говорят за-
падные авторы Нового времени, протягивается от Хита до Басры, т.е. по
значительно бóльшей территории, чем на карте, построенной на дан-
ных геологии. С другой стороны, следует обратить внимание на то, что
Ибн ал-Джаузи, начав рассказ о канале, далее говорит о реке ал-Атик,
которую называет разделительной преградой между сасанидскими вла-
дениями и арабами. По словам Йакута, ал-Атик — одна из рек, на кото-
рые Евфрат разделяется, пройдя в своем течении Хит. Самой большой
из этих рек Йакут называет Нахр Сура (*Nahr Sūrā*) или Нахр Хиллат
бани Мазйад³⁰. Примерно так же повествует и Ибн Серапион (писал
ок. 900 г.), который упоминает о Евфрате, протекающем возле Куфы,
а затем сообщает, что другой рукав реки, Верхняя Сура, больше и шире
Евфрата³¹. Евфрат Ибн Серапиона, очевидно, тождествен «основной
части» Евфрата (*mu'zam al-Furāt*), на которой, согласно ал-Йакуби

²⁹ Jotheri J., Allen M.B., Wilkinson T.J. Holocene Avulsions of the Euphrates River in the Najaf Area of Western Mesopotamia: Impacts on Human Settlement Patterns // *Geoarchaeology*. 2016. P. 10, 12.

³⁰ Mu'djam al-buldān... 1977. Т. 4. P. 241–242. Cp. al-Rawḍ al-mi'ṯār fī khabar al-aḳṯār. Ta'rif... al-Ḥimyarī. Ed. I. 'Abbās. Beirut: Maktabat Lubnān, 1975. P. 408. Об ал-Атике как одном из рукавов Евфрата упоминает также Мустауфи Казвини (род. ок. 1281/2, ум. после 1339/40) (*The Geographical Part of the Nuzhat-al-Qulūb composed by Ḥamd-Allāh Mustawfī of Qazwīn*. Ed. G. Le Strange. Leyden, London, 1915. P. 210). Во времена Шапура II именно река, которую Йакут называет Нахр Хиллат бани Мазйад (в целом тождественная нынешней реке Шатт ал-Хилла, протекающей рядом с развалинами Вавилона), считалась основным течением Евфрата. Во второй половине IV в. Руф Фест Авиен утверждал, что Евфрат протекает через Вавилон и разделяет его на две части (*Avien. Descr. Orb.* 1160; *van de Woestijne P. La Descriptio orbis terrae d'Avienus*. Brugge: De Tempel, 1961. P. 63).

³¹ *Le Strange G. Description of Mesopotamia and Baghdād, written about the year 900 A.D. by Ibn Serapion // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1895. P. 16.

(ум. в 904/5 г. или позднее), стояла Куфа³². С другой стороны, по словам ал-Масуди (ум. в 956 г.), «большая часть воды Евфрата уходила в область Хиры, река которой видна и теперь; она называется ал-Атик. На ней было сражение мусульман с Рустамом — битва при ал-Кадисийе»³³. При этом ал-Атик не следует отождествлять с «Шапуровым рвом». Незадолго до битвы при ал-Кадисийе предводитель мусульманского войска Сад ибн Аби Ваккас, давая по просьбе халифа Умара (634–644) и в письме к нему описание местности, сообщал, что «ал-Кадисийа — между рвом (*al-khandak*) и ал-Атиком»³⁴. Сопоставляя эти сведения, мы вправе, кажется, выдвинуть следующую гипотезу: ал-Атик в целом тождествен каналу от Хита до Басры и современному Шатт ал-Хиндийя. Понятие «Шапуров ров» означало одно или несколько ответвлений от ал-Атика к западу от него, прежде всего отмеченный учеными-геологами канал от Кербелы до Куфы.

Известно, что уже Шапур II, а возможно — и его предшественники проводили фортификационные работы, направленные на предотвращение набегов арабов. Аммиан Марцеллин (род. ок. 330 г., ум. прибл. в 391–400 г.) повествует, что после гибели императора Юлиана Отступника (361–363) во время его похода на Сасанидскую державу (363 г.) римляне, отступая вдоль Тигра, достигли крепости *Sumere*, т.е. Самарры, а затем встали лагерем в месте, именовавшемся *Charcha*. Далее сообщается:

«...там мы находились в безопасности, ибо по берегам были рукотворные валы, сделанные для того, чтобы сарацины (*Saraceni*) не совершали постоянных набегов на Ассирию; никто более не тревожил нападениями наши войска»³⁵.

³² Kitāb al-a'lāk... 1892. P. 309.

³³ *al-Mas'ūdī*. Murūdj al-dhahab wa ma'ādin al-djawhar. Ed. Ch. Pellat. Pt. 1. Beirut: al-Djāmi'a al-lubnāniyya, 1966. P. 117.

³⁴ *Annales quos scripsit... at-Tabari*. Ed. M.J. De Goeje et al. Prima series. IV. Rec. P. De Jong, E. Frym. Lugduni Batavorum, 1890. P. 2229. Несколько далее в том же источнике сообщается, что передовой отряд войска Сада выдвинулся вперед и встал в ал-Кадисийе, между ал-Атиком и рвом (*Annales... 1890. P. 2230*).

³⁵ *Amm. XXV. 6, 8. (Ammianus Marcellinus*. Tr. J.C. Rolfe. Vol. II. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, London: William Heinemann Ltd, 1981. P. 524–525). *Charcha*, о которой идет речь, вероятно, тождественна Карх Самарра Йакута, где впоследствии был дворец Ашнаса, тюркского клиента аббасидского халифа ал-Мутасима (833–842) (*Mu'djam al-buldān... 1977. T. 4. P. 449*). Возможно, укрепления, упомянутые Аммианом Марцеллином — «стена Ашнаса» (*sūr Ashnās*) примерно в 11 км к северу (с легким уклоном на запад) от большой мечети Самарры (разумеется, с учетом последующих перестроек и дополнений).

Можно предполагать, что такие работы включали в себя не только строительство укреплений, но и устройство каналов, в частности — «Шапурова рва».

Дошедшие до нас сведения о сасанидских укреплениях в приевфратских областях в основном сводятся к описаниям отдельных крепостей, многие из которых упомянуты в приведенных выше фрагментах. Двигаясь с севера на юг, мы получаем картину, представленную ниже.

Ана. Эта крепость известна в основном под своим сирийским названием Аната, которое использует, в частности, Аммиан Марцеллин. Ана существовала и до Сасанидов; еще Исидор Харакский (жил во второй половине I в. до н.э. — первой половине I в. н.э.) в описании пути вниз по Евфрату к Селевкии называет среди этапов на нем остров Ἐναθῶν, на котором находился город³⁶. Ана стала владением Сасанидов в результате похода Шапура I (240–271) вверх по Евфрату, в Сирию (251 или 252 г.). В дальнейшем Сасаниды удерживали ее. В повествовании Аммиана Марцеллина о походе Юлиана Отступника на Сасанидскую державу (363 г.) Аната (*Anathan*) предстает как первая персидская крепость, взятая римскими войсками. В изображении Аммиана Марцеллина Аната — крепость, омываемая водами Евфрата³⁷, т.е. находящаяся на острове, как и у Исидора Харакского³⁸. Из описаний путешественников, на которые сделаны ссылки, видно, что крепость Аната находилась на одном из островов, расположенных недалеко от современной Аны.

Thilutha, Achaiacala и *Хадисат ан-нура*. По словам Аммиана Марцеллина, римляне, двигаясь от Аны вниз по Евфрату, подступали к двум крепостям, расположенным на островах, омываемых водами реки —

³⁶ Parthian Stations by Isidore of Charax. Ed. W. Schoff. Philadelphia, 1914. P. 4.

³⁷ *Amm.* XXIV. 1, 6 (*Ammianus Marcellinus*, 1981. P. 402–403.

³⁸ Примерно так же описывают Ану (Анату) и более поздние авторы. Ал-Истахри (X в.): «Ана — маленький город посреди Евфрата; его окружает один рукав (*khalidj*) Евфрата» (*Descriptio ditionis moslemicae auctore... al-Istakhrī*. Ed. M.E. De Goeje. Lugduni-Bataavorum: E.J. Brill, 1927. P. 87). Ф.Р. Чени (1789–1872; фрагмент относится к концу 1830 г.): «На островах есть много остатков старинных построек: на одном — развалины дворца персидского царя Ардашира, на другом — обширной крепости, на третьем остатки моста, который одно время стоял поперек реки, а на четвертом, самом большом — высокий и красивый персидский минарет» (*Chesney F.R. Narrative of the Euphrates Expedition carried on by Order of the British Government during the years 1835, 1836, and 1837*. London, 1868. P. 66). У.Ф. Эйнсуорт: «На самом большом из всех [островов], к юго-востоку, были развалины некогда обширной крепости. Эта старая островная крепость была соединена с арабским (западным. — Д.М.) берегом лежащим в развалинах мостом...» И далее: «Крепость на острове представляет собой то, что во времена Юлиана было известно как Аната» (*Ainsworth W.F.* 1888. Vol. I. P. 406, 410).

Thilutha и *Achaiacala*; о первой из них сообщается, что она находилась на возвышенности³⁹. Уже давно была высказана идея, что *Thilutha* тождественна острову *Anatelbes*, где в 1580 г. остановился с товарищами итальянский путешественник Г. Бальби; последний сообщает, что там были видны основания крепостных стен, которые, по словам плывших с ними на корабле «мавров», были разрушены землетрясением⁴⁰. Этот остров, в свою очередь, отождествляется с островом Θύλαβους Исидора Харакского⁴¹. Остров находился в 12 или 14 км к юго-востоку от Аны⁴².

Определить местонахождение *Achaiacala* труднее в связи с отсутствием каких-либо параллелей. В литературе ее отождествляли с Хадисат ан-нура и островом Биджан⁴³. Из этих двух идентификаций более предпочтительной кажется первая. Название *Achaiacala*, очевидно, представляет собой латинскую передачу сирийского *hāyklā* — слова, употребляющегося в значении «дворец» или «храм». Насколько можно судить по сведениям о сделанных на Биджане находках, таких крупных построек на этом маленьком острове не было, а укрепление представляло собой сторожевой пост⁴⁴. Напротив, Хадиса или Хадисат ан-нура являлась, судя по всему, бóльшим по размеру поселением, в котором могли быть дворец или культовое сооружение. В описании Йакута Хадисат ан-нура — крепость, расположенная на острове посреди вод Евфрата⁴⁵. Г. Бальби повествует: «Наконец мы прибыли в город, который называется Хадиса (*Aditi*), имеет цитадель (*castello*), как вышеназванный город Ана (*Anna*), и вроде бы более заселен; он находится на острове...»⁴⁶ Такой представляет Хадисат ан-нуру и Ф.Р. Чени: «Расположенный на острове

³⁹ *Amm.* XXIV. 2, 1–2 (Ammianus Marcellinus, 1981. P. 408–411).

⁴⁰ *d'Anville M.* L'Euphrate et le Tigre. Paris, 1779. P. 65; *Viaggio dell'Indie orientali di Gasparo Balbi.* Venetia, 1590. P. 14.

⁴¹ *Chaumont M.-L.* Études d'histoire parthe: V. La route royale des Parthes de Zeugma à Séleucie du Tigre d'après l'Itinéraire d'Isidore de Charax // *Syria.* T. 61. Fasc. 1/2 (1984). P. 97; *Parthian Stations...* 1914. P. 4, 5, 24.

⁴² *Gawlikowski M.* La route de l'Euphrate d'Isidore à Julien // *Géographie historique au Proche-Orient (Syrie, Phénicie, Arabie, grecques, romaines, byzantines).* Actes de la Table Ronde de Valbonne, 16–18 septembre 1985. Ed. P.-L. Gatier, B. Helly, J.-P. Rey-Coquais. Paris: Editions du CNRS, 1988. P. 85; *Musil A.*, 1927. P. 239.

⁴³ *Gawlikowski M.*, 1988. P. 90; *Musil A.*, 1927. P. 239.

⁴⁴ *Gawlikowski M.* L'île de Bidjân sur le Moyen-Euphrate. Une forteresse assyrienne et romaine // *Archéologia.* 178. 1983. P. 30.

⁴⁵ *Mu^sdjam al-buldân...* 1977. T. 2. P. 230. Cp. *Marāšid al-iṭṭilā^s ‘alā asmā² al-amkina wa al-buḳā^s li Šafi al-dīn...* al-Baghdādī. Ed. ‘A.M. al-Bidjāwī. Beirut: Dār al-ma‘rifa, 1954. P. 387.

⁴⁶ *Viaggio...* 1590. P. 16.

город заключал в себе, по-видимому, около 300 домов, построенных на возвышенности, окруженной пригодной для обороны стеной, которую омывала река»⁴⁷. Под островом, вероятно, понимается нынешняя Хавиджат Хадиса, на которой сохранились остатки старинных укреплений. Заслуживает внимания и то, что, согласно приведенному выше фрагменту труда Ибн ал-Джаузи, Хадисат ан-нура была отстроена Шапуром II, т.е. именно тем царем, против которого предпринял поход Юлиан. В то же время нельзя не признать, что однозначных оснований для отождествления *Achaiacala* с Хадисат ан-нура пока не имеется, и речь может идти о двух разных крепостях.

Хит (М.х.и.б Ибн ал-Джаузи). Форма **مهيب** не встречается в других источниках, вследствие чего приходится искать графическую конъектуру. Привлекательное на первый взгляд чтение **المسيب** (ал-Мусаййиб) наталкивается на то возражение, что в средневековых источниках ал-Мусаййиб не упоминается. Вероятнее всего, речь идет о Хите (**هيت**); до некоторой степени это подкрепляется тем, что Ибн ал-Джаузи, перечисляя крепости, движется с северо-запада на юго-восток. Представляется верным высказанное в литературе предположение о том, что Хит можно отождествить с городом *Diacira* Аммиана Марцелина или городом *Дакира* Зосима (писал при бл. в 498–518 гг.), в котором воины Юлиана Отступника во время похода 363 г. нашли большие запасы продовольствия⁴⁸. Название города, явно происходящее от сирийского *d-kīrā* (букв. — «связанный с битумом»), кажется переложением ассирийского названия *Nitum*, изначально имевшего значение «битум». По словам Зосима, Дакира находилась справа для плившего по Евфрату, т.е. на западном берегу реки. На западный берег Евфрата Хит помещают также мусульманские географы X в. ал-Истахри и ал-Мухаллаби (ум. в 990/1 г.); первый из них упоминает о цитадели⁴⁹. Другой географ X в., ал-Мукаддаси, отмечал, что Хит велик по размерам и обнесен сте-

⁴⁷ Chesney F.R. Narrative of the Euphrates Expedition carried on by Order of the British Government during the years 1835, 1836, and 1837. London, 1868. P. 73.

⁴⁸ Cameron H. Making Mesopotamia: geography and empire in a Romano-Iranian borderland. Leiden, Boston: Brill, 2019. P. 121. Ссылки на источники см.: *Amm.* XXIV. 2, 3 (*Ammianus Marcellinus*, 1981. P. 410–411); *Zos.* III. XV, 2 (*Zosime. Histoire nouvelle. Tome II. 1^{ère} partie (Livre III)*). Ed. F. Paschoud. Paris: Société d'édition «Les belles lettres», 1979. P. 30).

⁴⁹ *Descriptio ditionis ...1927*. P. 77 (ал-Истахри). Слова ал-Мухаллаби известны в передаче Абу-л-Фида (1273–1331) (*Géographie d'Aboulféda*. Ed. M. Reinaud, [W.] McGuckin de Slane. Paris, 1840. P. 299).

ной⁵⁰. Эти сведения соответствуют описанию, данному Ж.-Б.Л.Ж. Руссо (1780–1831), который побывал в тех местах в начале XIX в. и, заметим, констатировал, что Хит расположен на западном берегу Евфрата. Далее мы читаем: «это место... кажется мне очень древним, ибо в окрестностях его видны многочисленные груды развалин; их расположение указывает на то, что там находился огромный город, от которого сегодня остается лишь цитадель; она и является Хитом»⁵¹. Из текста Аммиана Марцеллина видно, что в 363 г. в *Diacira* была высокая цитадель (*arch*)⁵².

*ал-Анбар*⁵³. Географические сведения об ал-Анбаре, сасанидском Пероз-Шапуре, рассмотрены автором этих строк в отдельной статье, которая на данный момент сдана для публикации в «Вестнике МГУ». Вкратце отметим, что Пероз-Шапур ныне не существует; его местонахождением считается «Анбарский холм» (ат-Талл ал-Анбари), расположенный в Саклавийе, районе эль-Фаллуджи. В сасанидскую эпоху он был отстроен царем Шапуром I, который, успешно завершив кампанию против римского императора Гордиана III в 243–244 гг., переименовал это поселение, первоначально называвшееся Мисихи, в Пероз-Шапур («Победоносный Шапур»). В целях настоящей работы следует заметить, что в ряде средневековых источников, которые, как считается, воспроизводят сведения, восходящие к сасанидской эпохе, постройка Пероз-Шапура (ал-Анбара) приписывается Шапуру II⁵⁴. Разумеется, нельзя исключать, что в исторической памяти Шапур II в каком-то от-

⁵⁰ Descriptio imperii moslemici auctore... al-Moqaddasi. Ed. M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1906. P. 123.

⁵¹ Rousseau J.-B.L.J. Voyage de Bagdad à Alep (1808). Pub. L. Poinssot. Paris, 1899. P. 84–85.

⁵² См. ссылку в прим. 48.

⁵³ Следуя здесь маршруту движения римской армии Юлиана, описанному у Аммиана Марцеллина и Зосима, мы опускаем некоторые упомянутые ими места, относительно которых источники не дают достаточного объема доказательств в пользу того, что они были крепостями. Такова, например, расположенная между Хитом и ал-Анбаром *Ozogardana* Аммиана Марцеллина, несомненно тождественная Зарагардии Зосима. Аммиан Марцеллин сообщает, что *Ozogardana* была поселением (*oppidum*), которое жители покинули из страха перед римлянами (*Amm.* XXIV. 2, 3 (*Ammianus Marcellinus*, 1981. P. 410–411)). Зосим называет Зарагардию городом, но этим и ограничивается (*Zos.* III. XV, 3 (*Zosime...* 1979. P. 31)). История таких поселений выходит за рамки настоящего исследования.

⁵⁴ al-Akhbār al-tiwāl. Ta'lif Abī Ḥanīfa... al-Dīnawarī. Ed. 'A. 'Āmir. Cairo: Wizārat al-thaqāfa wa al-irshād al-ḳawmī (al-Iḳlīm al-djanūbī), al-Idāra al-'amma li-l-thaqāfa, 1960. P. 49; Annales quos scripsit... at-Tabari. Ed. M.J. De Goeje et al. Prima series. II. Rec. J. Barth, Th. Nöldeke. Lugduni Batavorum, 1881–1882. P. 839; Eutychii Patriarchae Alexandrini Annales. Ed. L. Cheikho. Pars prior. Beryti, Parisiis, 1906. P. 132; Ferdowsi's Shahnameh. Ed. S. Naficy. Tehran: Beroukhim, 1935. Vol. 7. P. 2062; Kitāb al-buldān... 1996. P. 333; Mu'djam al-buldān... 1977. T. 1. P. 257. T. 4. P. 283.

ношении заслонила Шапура I, заслуги которого стали приписывать ему. Но возможно, что и Шапур II отстраивал Пероз-Шапур, который был важнейшим стратегическим пунктом и позволял контролировать продвижение со стороны Евфрата к Ктесифону. По словам современника Шапура II Аммиана Марцеллина, Пероз-Шапур был защищен двумя рядами стен, за которыми находилась цитадель⁵⁵, а Зосим описывает его как самый большой город в Ассирии после Ктесифона⁵⁶.

Хатира. Данный топоним — самый неясный из всех упомянутых выше. Хатира (خطيرة) в источниках не упоминается. С точки зрения графики наиболее близкой формой следует считать (ал)-Хазира (الحظيرة), однако под этим названием мы находим лишь одно селение, о местонахождении которого можно сказать лишь то, что оно находилось примерно между Багдадом и Баладом⁵⁷. Можно предположить также, что переписчик ошибся, и исходной формой было خطرنية, т.е. Хутарнийя — название селения, которое, судя по сообщениям Ибн Хордадбега, находилось поблизости от Вавилона, т.е. от ал-Хиллы⁵⁸.

Айн ат-тамр, ал-Куткутана, Барик, ар-Рухайма. Айн ат-тамр, очевидно, тождествен нынешнему Айн ат-тамру примерно в 50 км к западу от Кербелы. По сообщению ал-Балазури, в Айн ат-тамре стоял большой сасанидский гарнизон, оказавший в 634 г. упорное сопротивление войскам Халида ибн ал-Валида⁵⁹. В конце VI в. наместником Айн ат-тамра был Ийас ибн Кабиса ат-Таи, который служил Сасанидам и командовал их войском в битве при зу Каре. Еще дальше на юго-восток находилась ал-Куткутана (по всей вероятности — нынешняя ат-Тактакана), упоминаемая у Ибн ал-Факиха в числе источников воды, которыми пользовались сасанидские гарнизоны. В рассказах о сражении при зу Каре мы читаем, что двумя персидскими отрядами, входившими в состав сасанидского войска, командовали предводители гарнизонов ал-Куткутаны и Барика⁶⁰, расположенного недалеко от ал-Узайба⁶¹. Со-

⁵⁵ *Amm.* XXIV. 2, 12 (*Ammianus Marcellinus*, 1981. P. 416–417).

⁵⁶ *Zos.* III. XVIII, 6 (*Zosime*, 1979. P. 36).

⁵⁷ *Mu'djam al-buldān...* 1977. T. 2. P. 274, 443.

⁵⁸ *Kitāb al-masālik wa'l mamālik* (Liber viarum et regionum) auctore... Ibn Khordādhbeh et Excerpta e *Kitāb al-kharādj* auctore Kodāma ibn Dja'far. Ed. M.J. De Goeje. Lugduni-Bataavorum, 1889. P. 8, 10 (ар. текст).

⁵⁹ *Futūh al-buldān...* 1987. P. 345. См. также: *al-Akhbār...* 1960. P. 112.

⁶⁰ *Annales...* 1881–1882. P. 1030. *Sharḥ naḳā'iq Djarīr wa al-Farazdaq.* Ed. M.I. Ḥuwwar, W.M. Khāliṣ. Abu Dhabi: al-Madjma' al-thaqāfi, 1998. P. 792–793.

⁶¹ Наиболее точное указание дает Ибн Джубайр (1145/6–1217), который, повествуя о том, как проехал мимо ал-Узайба (о нем см. ниже), отмечает: «Нам сообщили,

гласно К. Нибуру, ат-Туктекана (*El tuktegâne*) находилась на кратчайшем пути из Басры в Алеппо⁶². Английский путешественник Дж. Кармайкл, проезжавший по тем местам в 1751 г., видел «несколько холмов, которые на расстоянии напоминали строения; говорят, что в одном из них, расположенном справа и называемом *Tick de Gana*, есть вода»⁶³. На том же пути находился, видимо, и упоминаемый у Ибн ал-Факиха источник ар-Рухайма, тождественный *Rahâme* К. Нибура, *Rackma* Дж. Кармайкла и современному Араб ар-рухайма⁶⁴.

Уллайс. Проблема выбора между Уллайсом и Алусом, отмеченная в прим. 5, легко решается в пользу первого из этих мест, так как Алус, расположенный на острове в течении Евфрата приблизительно в 12,5 км к югу от Хадисы (см. выше)⁶⁵, не закрывал проход из Аравийской пустыни в Савад. В то же время определить местонахождение Уллайса можно только приблизительно. Согласно одному дошедшему до нас известию, он находился в начале земли Ирака со стороны пустыни⁶⁶, т.е. к западу от Евфрата, в местностях, прилегающих к Аравии. С другой стороны, Уллайс известен главным образом по одному эпизоду 633 г., когда отряд из войска Халида ибн ал-Валида нанес поражение правителю Уллайса. Вслед за этим Халид двинулся на крепость Амгишайа, о которой сообщается, что она была большим поселением (*miṣr*), подобным Хире, стоявшим на реке Фурат ба-Дакла; Уллайс был крепостью (*maslaḥa*), подчиненной ей.

что поблизости от него находится Барик» (*Riḥlat Ibn Djubayt*. Ed. Ḥ. Naṣṣār. Cairo: Maktabat Miṣr, 1955. P. 196). На то, что Барик стоял поблизости от ал-Узайба, указывает стих ал-Мутанабби (915/6–955): «Вспомнил я, как между ал-Узайбом и Бариком наносили удары наконечники копий наших, скакали быстроногие кони». Комментарий этого стиха Абу-л-Бака ал-Укбари (1142/3–1219/20) объяснял, что ал-Узайб и Барик — два места в области Куфы (*Dīwān Abī-l-Ṭayyib al-Mutanabbī bi sharḥ Abī-l-Bakāʿ al-ʿUkbarī al-musammā bi al-Tibyān fī sharḥ al-dīwān*. Ed. M. al-Saqqā, I. al-Abyārī, ʿA. Shilbī. [Cairo:] Maṭbaʿat Muṣṭafā al-Bābī al-Ḥalabī wa awlādī-hi bi-Miṣr, 1936. Pt. 2. P. 317). В область Куфы Барик помещают также ал-Бакри и Йакут; последний отмечает, что Барик был границей между ал-Кадисийей и Басрой (*Muʿdjam al-buldān... 1977. T. 1. P. 319; Muʿdjam mā istaʿdjam... 1983. P. 221*). К сожалению, источники не дают никаких описаний Барика. Его название, которое буквально означает «сияющий», похоже на названия лахмидских дворцов области Хиры. Возможно, Барик был укрепленной загородной резиденцией Лахмидов, в которой был размещен и сасанидский гарнизон.

⁶² C. Niebuhrs... 1778. S. 236.

⁶³ *The Desert Route to India Being the Journals of Four Travellers by the Great Desert Caravan Route between Aleppo and Basra 1745–1751*. Ed. D. Carruthers. London: Hakluyt Society, 1929. P. 165.

⁶⁴ C. Niebuhrs... 1778. S. 236; *The Desert Route...* 1929. P. 166, 168.

⁶⁵ *Musil A.*, 1927. P. 37.

⁶⁶ *Marāṣid...* 1954. P. 113.

Захватив это поселение, Халид разрушил его⁶⁷. Согласно ряду источников, затем Халид двинулся дальше и сразился с наместником Хиры Азад-вехом, командующим сасанидскими гарнизонами пограничья, в месте слияния двух рек. Одержав победу, Халид, по одним рассказам, встал в Хаффане, а по другим — двинулся далее на Хиру⁶⁸. Согласно источникам, Хаффан находился в 4 *фарсах*-ах или 6 милях, т.е. примерно в 20 км от ал-Кадисийи⁶⁹, недалеко от Евфрата⁷⁰. Это соответствует расстоянию от ал-Кадисийи до аш-Шинафийи, неподалеку от которой ныне сливаются два рукава Евфрата — Шатт ал-Хилла и Шатт ал-Хиндийя. Если считать, что сражение произошло в месте этого слияния, получается, что Уллайс и Амгишайа находились на пространстве от аш-Шинафийи до Басры. Однако отступать очень далеко на юг было бы неправильно, так как название Фурат ба-Дакла носил округ (*tassūdj*) области Нижний Вех-Кавад, к которому относился также расположенный неподалеку от Хиры ас-Сайлахун⁷¹. С учетом этого мы можем предположить, что Уллайс и Амгишайа находились между нынешними аш-Шинафийей и ас-Самавой. У последней соединяются два рукава Евфрата, расходящиеся у ал-Кадисийи; если так было и в рассматриваемую здесь эпоху, возможно, что один из них фигурирует в рассказах мусульманских историков под названием Фурат ба-Дакла. Это предположение подкрепляется и тем, что немногим выше ас-Самавы Шатт ал-Хиндийя впадал в болота⁷²; маловероятно, что через них шли набеги арабов, для защиты от которых был отстроен Уллайс.

Дайр ал-джамаджим. Сведений о месторасположении Дайр ал-джамаджим в источниках очень мало; его не упоминают, в частности, путешественники. Согласно географическим энциклопедиям ал-Бакри и Йакута, он находился к западу от Евфрата, в 7 *фарсах*-ах (ок. 40 км)

⁶⁷ Annales... 1890. P. 2037–2038. См. также Mu'djam al-buldān... 1977. Vol. I. P. 254.

⁶⁸ Annales... 1890. P. 2019; Futūḥ al-buldān... 1987. P. 339; al-Kharādj... 1981. P. 354.

⁶⁹ Из этих указаний первое принадлежит ат-Табари (839–922/3), (Annales... 1879–1880. P. 295), второе — ал-Масуди (Kitāb at-tanbih wa'l ischrāf auctore al-Masūdi. Ed. M.J. De Goeje. Lugduni-Batavorum, 1894. P. 390). В данном случае миля составляет около 3 км, что более подробно рассматривается на примере ал-Кадисийи ниже.

⁷⁰ Это видно из того, что незадолго до сражения при ал-Кадисийе сасанидский полководец Рустам, направившись на рекогносцировку местности, проехал вдоль ал-Атика в сторону Хаффана, а затем вернулся к мосту Кантарат ал-Атик (Annales... 1893. P. 2267).

⁷¹ Kitāb al-buldān... 1996. P. 386; Kitāb al-masālik... 1889. P. 8.

⁷² A Handbook of Mesopotamia. Vol. II. Irak, the Lower Kārūn, and Luristan. S.I.: Admiralty War Staff, Intelligence Division, 1917. P. 147.

от Куфы на пути в Басру⁷³. Следует учесть, что в описываемую эпоху расстояние измерялось не по прямой, с помощью карты и циркуля, а посредством сложения длин отрезков, составлявших путь между двумя точками. Применяя этот подход, мы можем заключить, что Дайр ал-джамаджим должен был находиться между современными ал-Мишхабом и ал-Кадисийей. Колоритное название Дайр ал-джамаджим, которое, вероятнее всего, переводится как «Монастырь черепов», связано с рядом легенд, согласно одной из которых, во времена Хосрова I Ануширвана арабы из племенного объединения бану Ийад нанесли там поражение сасанидскому войску⁷⁴.

ал-Кадисийя и ал-Узайб. Согласно наиболее ранним указаниям, у Ибн Хордадбега (ум. ок. 912/3 г.) и Ибн Русты, ал-Кадисийя находилась в 15 милях от Куфы⁷⁵. Если исходить из протяженности арабской мили в 1855 м, эти утверждения, вероятнее всего, неверны, так как тогда ал-Кадисийя оказывается в 27–28 км от Куфы, т.е. около современного ал-Мишхаба. Более правдоподобными представляются указания ал-Истахри и ал-Мукаддаси о том, что между Куфой и ал-Кадисийей — 1 переход (*marḥala*)⁷⁶. Несколько бóльшие расстояния дает ал-Идриси (ум. в 1164/5 г.) — 2 перехода⁷⁷ или даже 3⁷⁸. Этому можно предложить следующее объяснение. А. Мусил подробно описывает свою поездку из Куфы в ал-Кадисийю. Хотя практически все упоминаемые им топонимы отсутствуют на современных картах, можно ориентироваться на то, что он вместе со спутниками выехал из лагеря близ Куфы 9 апреля 1915 г. в 7.05 утра и прибыл в ал-Кадисийю в 3.28 пополудни⁷⁹. Таким образом, поездка заняла немногим более 8 часов. К сожалению, А. Мусил не сообщает, верхом на каких животных они передвигались. Если исходить из обычной скорости идущего без поклажи верхового животного (ок. 5,5 км в час), за время поездки путешественники должны были преодолеть 40–45 км, что примерно соответствует расстоянию между Куфой и нынешней ал-Кадисийей. При этом длина перехода как меры длины

⁷³ Mu'djam al-buldān... 1977. T. 2. P. 503; Mu'djam mā ista'djam... 1983. P. 573.

⁷⁴ Мишин Д.Е. Бану Ийад в доисламскую эпоху // Восток (Oriens). 2018. №3. С. 33.

⁷⁵ Kitāb al-a'lāk... 1892. P. 175; Kitāb al-masālik... 1889. P. 125 (ар. текст).

⁷⁶ Descriptio ditionis... 1927. P. 79; Descriptio imperii... 1906. P. 134.

⁷⁷ al-Idrīsī. Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant». Fasc. 4. Ed. A. Bombaci, U. Rizzitano, R. Rubinacci, L. Vecchia Vaglieri. Neapoli, Romae: Istituto Universitario Orientale di Napoli, Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1974. P. 381, 383.

⁷⁸ *al-Idrīsī*, 1976. P. 666.

⁷⁹ *Musil A.*, 1927. P. 107–109.

в некоторых мусульманских правовых школах (к которым, вероятно, принадлежали авторы исходных сообщений) составляла 44,5 км. Все это позволяет хотя бы в первом приближении считать данные ал-Истахри и ал-Мукаддаси достоверными и искать средневековую ал-Кадисиййу в районе ал-Кадисиййи нынешней. Между тем следует сделать поправку на то, что ал-Кадисиййа X в., к которому относятся указания ал-Истахри, находилась рядом с доисламской ал-Кадисиййей, но не точно на ее месте. Это видно по описанию ат-Табари маневров мусульманских войск перед сражением при ал-Кадисиййе: «Сад расположился в ал-Кадисиййе, в Кудайсе, а Зухра — перед мостом Кантарат ал-Атик, в том месте, где ал-Кадисиййа находится в наши дни»⁸⁰. Этот мост, обнаружение хотя бы фрагментов которого было огромным подспорьем для историка, находился между противостоявшими друг другу войсками. Через него проехал посол мусульман, направлявшийся на встречу с командующим сасанидским войском Рустамом⁸¹. Когда впоследствии Рустам повел свое войско на решающую битву, он хотел переправиться по тому же мосту, однако мусульмане не дали ему это сделать, вследствие чего пришлось засыпать ал-Атик и переправляться по насыпи⁸². Зухра ибн Абдиллах ат-Тамими командовал передовым отрядом, выдвинутым в сторону противника; Сад с главными силами стоял позади, ближе к пустыне, куда можно было отступить. Таким образом, ал-Кадисиййа находилась не совсем рядом с ал-Атиком, а на некотором расстоянии от него.

По словам ал-Мукаддаси, в ал-Кадисиййе была глиняная крепость (*hiṣn*)⁸³. Она не называется сасанидской, но это восполняется словами ал-Идриси о том, что ал-Кадисиййу построили цари Персии — Сасаниды⁸⁴. До нас дошла легенда о том, как Хосров II Парвиз (590–628) поставил в ал-Кадисиййе гарнизон; авторы источников приводят ее со ссылкой на известного средневекового знатока древностей Хишама ал-Калби (род. ок. 738 г., ум. в 819/20 или 821/22 г.):

«Ал-Кадисиййа была названа так потому, что восемь тысяч тюрков из хазар нажимали на Хосрова, сына Хормузда⁸⁵. Тогда кадис⁸⁶ из Гера-

⁸⁰ Annales... 1890. P. 2233.

⁸¹ Annales... 1893. P. 2273.

⁸² Annales... 1893. P. 2285.

⁸³ Descriptio imperii... 1906. P. 117.

⁸⁴ al-Idrīsī, 1974. P. 381.

⁸⁵ Т.е. на Хосрова II, сына Хормузда IV (579–590).

⁸⁶ Судя по тому, что далее этот человек именуется ан-Нариман, кадис (*kādis*) — титул, а не имя. Вероятно, *kādis* следует сблизжать с *kādbish-shāb*, указываемым у Ибн

та написал ему: “Если избавляю я тебя от нужды обороняться от этих тюрков, дашь ли мне что скажу?” Он (Хосров. — Д.М.) сказал: “Да”. Тогда ан-Нариман послал к жителям селений [сказать:] “Я расселю у вас тюрков, а вы сделайте то, что я велю вам”. Ан-Нариман послал и к тюркам, говоря: “Расселитесь по всей земле моей!” Они так и сделали, а он разместил восемь тысяч человек из них в обиталищах сподвижников своих в Герате. Затем ан-Нариман послал к обладателям этих обиталищ, говоря им: “Пусть каждый из вас убьет того, кто встал у него на постой, а наутро принесет мне волосы с усов и бороды его”. Они сделали это и перебили их (тюрков. — Д.М.) до единого, а наутро принесли ему волосы с усов и бород их. Он же свил их в веревку и послал ее Хосрову, [велев] сказать ему: “Выполнил я то, что был должен тебе; выполни и ты то, о чем я договорился с тобой”. Тогда Хосров послал [сказать ему:] “Прибуди ко мне”. И ан-Нариман прибыл к нему. Хосров сказал: “Говори, [чего хочешь]”. Ан-Нариман сказал: “Чтобы ты пожаловал мне трон (*sarīr*), подобный твоему, возложил на голову мою корону, подобную твоей, и пировал со мной с утра до ночи”. И он (Хосров. — Д.М.) сделал это для него, а затем сказал: “Выполнил ли я [обещанное]?” Он (ан-Нариман. — Д.М.) сказал: “Да”. Тогда Хосров сказал ему: “Нет, клянусь Богом, ты никогда не увидишь Герата — [ведь если это случится,] ты сядешь со своими и расскажешь им, что произошло”. И он (Хосров. — Д.М.) поселил его (ан-Наримана. — Д.М.) на место ал-Кадисийи, чтобы он (ан-Нариман. — Д.М.) был ему защитником от арабов. И это место было названо ал-Кадисиййа — от кадиса гератского. Ан-Нариман прибыл [туда] с четырьмя тысячами человек, и они пребывали в ал-Кадисийе. Когда же было сражение при ал-Кадисийе, соратники ан-Наримана, сына ан-Наримана, приковали себя [друг к другу] цепями, чтобы не бежать и были все перебиты; дочь же ан-Наримана вернулась в Мерв»⁸⁷.

Говоря об ал-Кадисийе, мы не можем, разумеется, не упомянуть о форпосте, прикрывавшем его со стороны пустыни — ал-Узайбе. В описании пути мусульманских паломников из Багдада в Мекку (где, заме-

Хордадбега в числе титулов правителей, которым основатель Сасанидской державы Ардашир I (225–240) пожаловал титулы *шах*-ов, т.е. подчиненных Сасанидам местных царей (Kitāb al-masālik... 1889. P. 17).

⁸⁷ Muʿdjam al-buldān... 1977. T. 4. P. 292. В другом пересказе этой легенды, у Зикрийа ал-Казвини (ум. в 1283/4 г.), говорится, что правитель Герата построил ал-Кадисиййу и жил там (Āthār al-bilād wa akhbār al-ʿibād. Taṣnif Zikriyā?... al-Ḳazwīnī. Beirut: Dār Ṣādir, 1960/61. P. 239). Cp. Muʿdjam mā istaʿdjam... 1983. P. 223, 270, 1042.

тим, фигурирует рассмотренное выше утверждение о том, что между Куфой и ал-Кадисийей — 15 миль) говорится:

«От ал-Кадисийи до ал-Узайба — 6 миль; это крепость (*maslaha*), бывшая у персов на пути в пустыню. Между ал-Узайбом и ал-Кадисийей — две непрерывные стены, по обеим сторонам которых — финиковые пальмы. Если выйдешь из него (ал-Узайба. — Д.М.) — попадешь в пустыню»⁸⁸.

Из рассказов ат-Табари видно, что в представлениях мусульман VII в. существовало два ал-Узайба — Узайб ал-хиджанат или собственно ал-Узайб и Узайб ал-кавадис⁸⁹; предположительно, это были сама крепость и ее предместья, расположенные в направлении ал-Кадисийи. О том, где стоял ал-Узайб, можно судить по тому, что Ибн Джубайр проехал от него до находившейся рядом с ним ар-Рухбы, а оттуда вскоре попал в ал-Кадисийю⁹⁰. Примерно в 15,5 км от ал-Кадисийи находится Хан ар-рахба, который, судя по всему, тождествен ар-Рухбе Ибн Джубайра. В этом случае указание на 6 миль кажется неверным, однако мы можем найти ему объяснение, исходя из расстояния от Куфы до ал-Кадисийи. В описании пути паломников оно составляет 15 миль, в действительности — 40–45 км. Значит, на данном отрезке в миле — 3 км или немногим менее; тогда получается, что ал-Узайб стоял примерно в 18 км от ал-Кадисийи, действительно рядом с ар-Рухбой. Для более точного определения местонахождения ал-Узайба необходимы полевые исследования, в рамках которых было бы, несомненно, интересно выяснить, имеют ли к нему какое-либо отношение развалины дворца Каср Зубайда, расположенные примерно в 3 км от Хан ар-рахбы.

По словам ат-Табари, когда воины, посланные Садом, приблизились к ал-Узайбу, единственный оставшийся там защитник крепости выехал из нее и поскакал к ал-Кадисийи, однако Зухра через некоторое время догнал его возле рва (*al-khandak*) и поразил ударом копья⁹¹. Тем самым ров был позади ал-Узайба, между ним и ал-Кадисийей; та же, в свою очередь, находилась между рвом и ал-Атиком, как и доносил халифу Сад ибн Аби Ваккас.

зу *Кар*. Это место, где арабы из племени бану Шайбан в 602 г. нанесли поражение сасанидскому войску, упоминается во многих источни-

⁸⁸ Kitāb al-a'lāk..., 1892. P. 175. Ср. al-Kharādī... 1981. P. 78; Mu'djam al-buldān... 1977. T. 4. P. 92.

⁸⁹ Annales... 1890. P. 2228, 2230, 2231.

⁹⁰ Riḥlat... 1955. P. 196–197.

⁹¹ Annales... 1890. P. 2231–2232.

ках, однако почти нигде не уточняется, где именно оно было. В комментарии Салаба (815/6–904) к собранию стихов Маймуна Подслеповатого (*al-Aʿshā*) мы находим фрагмент, который, вероятно, восходит к Абу Убайде Мамару ибн ал-Мусанне (ум. в 824/5 или 828/9 г.); согласно ему, зу Кар находился между Басрой и Куфой⁹². Ал-Бакри, ссылаясь на того же Абу Убайду, писал, что зу Кар находился рядом с иракским Савадом, т.е. с приевфратскими землями. Далее он повествует, опять-таки ссылаясь на Абу Убайду, что бакриты победили персов при зу Каре не один раз, а два, причем первое сражение называлось также «день Айн Сайда», а один из предводителей арабов до битвы разбил шатер между зу Каром и Айн Сайдом⁹³.

Айн Сайд. Как показано выше, Ибн ал-Факих назвал Айн ас-Сайд в числе источников воды, которыми пользовались сасанидские гарнизоны. Однако нельзя исключать, что вокруг этих источников уже в доисламское время было поселение. Португальский путешественник Педро Тейшейра, проезжавший по тем местам в 1604 г., писал, что караван, в котором он находился, остановился недалеко от нескольких колодцев, «которые находятся среди развалин большого древнего поселения, от которого взору предстают только остатки зданий, эти колодцы и несколько пальм; это поселение именовалось Сайда (*Sayda*), а сегодня арабы называют данное место Аʿйун Сайда (*Hayun Sayda*), то есть глаза или источники [воды] Сайды»⁹⁴. По рассказу Педро Тейшейры можно составить представление и о том, где находился Айн Сайд. Караван, в котором был путешественник, выступил из Басры (именно Басры, а не аз-Зубайра) 2 сентября, стоял у Айн Сайда 14 сентября и прибыл в Машхад Али, т.е. в Неджеф, в ночь с 18 на 19 сентября⁹⁵. Значит, Айн Сайд был примерно в три раза ближе к Куфе, чем к Басре, вероятно, к западу от современной эс-Самавы. В свете изложенного выше там же следует искать и зу Кар, хотя вследствие скудости информации нам неизвестно, в какой стороне от Айн Сайда он находился.

Айн Джамал. Согласно Ибн Хордадбеку, он находился на пути, ведущем в Басру с северо-запада. Среди расположенных на этом пути мест Айн Джамал следует за Айн Сайдом и называется последней остановкой

⁹² Gedichte von ʿAbû Başîr Maimûn Ibn Qais al-ʿAšâ. Hrsg. R. Geier. London: Luzac & Co., 1928. S. 181.

⁹³ Muʿdjam mā istaʿdjam... 1983. P. 1042.

⁹⁴ Relacion del camino que hize dende la India hasta Italia // Relaciones de Pedro Teixeira. Amberes, 1610. P. 90–91.

⁹⁵ Relacion... 1610. P. 81–97.

на пути к Басре⁹⁶. По этим указаниям трудно определить местонахождение Айн Джамала (к тому же некоторые останки у Ибн Хордадбеха, судя по всему, пропущены), однако можно, кажется, говорить о том, что он находился между эс-Самавой и Басрой.

Изар (*ʿIdbār*). Как сасанидская крепость Изар фигурирует только в одном эпизоде: когда вождь бану Тамим Хаджиб ибн Зурара во второй половине 20-х гг. VII в. попросил у сасанидского царя разрешения для его соплеменников переселиться в Савад, наместникам ал-Изара было направлено указание впустить их⁹⁷. Где находился Изар — неизвестно, однако известно, что тамимиты жили между Йемамой и современным арабским берегом Персидского залива; поэтому в сасанидские владения они, вероятнее всего, вступили бы в районе нижнего течения Евфрата и Шатт ал-араба. Именно там, скорее всего, и находился ал-Изар, который Йакут считает разделительной преградой между сельскохозяйственными районами Савада и пустыней, наподобие ал-Узайба⁹⁸.

ал-Хурайба (ал-Бусайра). Эта крепость находилась недалеко от старой Басры (аз-Зубайр); это соответствует словам Ибн ал-Факиха о том, что расстояние между ней и Тигром (т.е. рекой Шатт-эль-Араб) составляло 4 *фарсах*-а. Пересказывая это известие, Йакут отмечает, что рядом с ал-Хурайбой находился залив (*khaḥīdj*) с проточной водой⁹⁹. Вполне возможно, что под этим заливом, т.е. уходящим в море течением воды, понимается южная оконечность канала, о котором рассказывал К. Нибур. Мусульманские авторы говорят о стоявшем в ал-Хурайбе сасанидском гарнизоне¹⁰⁰. Еще два важных сообщения мы находим у Йакута. По одному из них, приводимому со слов Абу-л-Касима аз-Заджджаджи (ум. в 948–951 гг.), некий *марзбан*¹⁰¹ построил в том месте дворец (*kaṣr*), который впоследствии был разрушен. Другое сообщение приводится со ссылкой на Хамзу, т.е. Хамзу ал-Исфахани (ум. после 961/2 г.), на кото-

⁹⁶ Kitāb al-masālik... 1889. P. 146.

⁹⁷ Muʿdjam al-buldān... 1977. T. 4. P. 91.

⁹⁸ Ibid.

⁹⁹ Kitāb al-buldān... 1996. P. 227–228. Ср. Muʿdjam al-buldān... 1977. T. 1. P. 430.

¹⁰⁰ Futūḥ al-buldān... 1987. P. 338; al-Kharādj... 1981. P. 354; Muʿdjam al-buldān... 1977. T. 1. P. 431. Ибн ал-Факих сообщает, что в ал-Хурайбе стояли *dayādibat al-aʿādjim*, т.е. *dayādiba* из персов (Kitāb al-buldān... 1996. P. 227). Слово *dayādiba* (ديادبة) представляет собой, кажется, искаженное переписчиком *zayādhība* (زيادبة) — форму собирательного множественного числа, которая происходит от имени Азад-веха, упомянутого выше наместника Хиры (Annales... 1890. P. 2022) и означает представителей знати, составлявших сасанидскую конницу.

¹⁰¹ Военный комендант или наместник приграничной области.

рого Йакут нередко опирается в том, что касается городов Ирана: «Басра была построена в 14 г.х. на участке земли, протянувшимся в сторону старинного персидского города, именованного Вахиштабад Ардашир. Ал-Мусанна ибн Хариса аш-Шайбани разрушил его, совершая на него набеги; когда арабы пришли в Басру, они называли его *ал-Хурайба*»¹⁰².

Убулла. Согласно средневековым авторам, она находилась в 4 *фарсах*-ах от Басры, в месте слияния канала, который, судя по всему, представлял собой отрезок «Шапурова рва» и в исламское время именовался «рекой Убуллы» (*nahr al-Ubulla*), и реки Шатт ал-араб¹⁰³. Расстояние в 4 *фарсах*-а (20–22 км) примерно соответствует дистанции от аз-Зубайра, т.е. старой Басры, до северных районов сегодняшней Басры, расположенных, если смотреть со стороны юго-запада, за каналом Кармат Али. По словам Ибн Кутайбы (828/9–889/90) и ал-Бакри Убулла была построена Ардаширом I¹⁰⁴. В некоторых других источниках, где даны перечни городов, построенных Ардаширом, Убулла не фигурирует, но это само по себе не является основанием отвергать данные сообщения. С другой стороны Ардашир, построивший неподалёку от места, где

¹⁰² Mu'djam al-buldān... 1977. Т. 2. Р. 363. Слово *ал-хурайба* (*al-khuryaba*) буквально означает «разрушенная». Город Вахиштабад Ардашир, судя по его названию, был основан царем по имени Ардашир — вероятнее всего, Ардаширом I. В своем историческом своде Хамза ал-Исфахани упоминает о построенном Ардаширом I городе Вахишт Ардашир, но пишет, что не знает, где он находился (*Kitāb tārikh sunī mulūk al-arḍ wa al-anbiyā' Ta'rif Hamza... al-Iṣfahānī*. Berlin: Kaviani G.m.b.H., 1921/22. Р. 34). Очевидно, приведенное сообщение является результатом более поздних изысканий Хамзы ал-Исфахани.

¹⁰³ По этому каналу проплыл в 1043 г. Насир-и-Хосров (род. в 1003/4 г., ум. в 70-е гг. XI в.). По его сообщению судно, на котором он путешествовал, проделало путь в 4 *фарсанг*-а и достигло поселения Шикк Усман (*Safar-nameh-i... Nāṣir bin Khusrāw*. Ed. M. Dabīr Siyāqī. Tehran: Zawār, 1956/57. Р. 119). Этот канал, т.е. Нахр Убулла, по словам путешественника, впадал в Шатт-эль-Араб с юго-запада; Убулла находилась к северу от него, а Шикк Усман — к югу (*Safar-nameh... 1956/57*. Р. 113, 118). Эти сведения подтверждаются и другими источниками. Ал-Истахри повествует, что Убулла находится в 4 *фарсах*-ах от Басры по «реке Убуллы»; ее границами являются с одной стороны «река Убуллы», а с другой — Евфрат (*Descriptio ditionis... 1927*. Р. 81). По сообщению ал-Мукаддаси, ал-Убулла находилась на Тигре (т.е. реке Шатт-эль-Араб), возле места, где в него впадала «река Басры» (*nahr al-Baṣra*), т.е. река Убуллы (*Descriptio imperii... 1906*. Р. 118).

¹⁰⁴ *Kitāb al-masālik wa al-mamālik li Abī 'Ubayd al-Bakrī*. Ed. A. Van Leeuwen, A. Ferré. Tunis: al-Dār al-'arabiyya li-l-kitāb, al-Mu'assasa al-waṭaniyya li-l-tardjama wa al-taḥḥīq wa al-dirāsāt, 1992. Р. 282; *al-Ma'ārif li Ibn Qutayba*. Ed. Th. 'Ukāsha. Cairo: Dār al-ma'ārif, 1981. Р. 654. Если эти сообщения верны, а Убулла тождественна порту Аполог, упоминаемому в *Periplus Maris Erythraei* (*The Periplus Maris Erythraei*. Ed. L. Casson. Princeton: Princeton University Press, 1989. Р. 72–73, 180), Ардашир скорее отстроил древний город, чем построил его заново.

позже встала Басра, город Вахман-Ардашир, столицу области Месена (ар. Майсан), вероятно, нуждался в том, чтобы прикрыть его со стороны Аравийской пустыни. В еще большей степени значение Убуллы заключалось в том, что она была важнейшим торговым портом, куда приходили корабли из Индии и Китая¹⁰⁵. Роль Убуллы в контроле за морем и сухопутной границей с арабами отражена в одном из рассказов, включенных в исторический свод ат-Табари: «Индийский рубеж¹⁰⁶ был самым важным и крепким из рубежей Персии; его правитель воевал с арабами на суше и с индийцами на море»¹⁰⁷. В Убулле размещался мощный гарнизон; только всадников было 500 человек¹⁰⁸. Обращает на себя внимание и тот факт, что наместник Убуллы Хормуз, сражавшийся с Халидом ибн ал-Валидом в 633 г., принадлежал к одному из семи высших родов сасанидской знати (*wuzurgān*) и носил тиару ценой в 100 тыс. дирхемов¹⁰⁹. Для сравнения наместник Хиры Азад-вех, который был «командующим гарнизонами сасанидского царя» (*ṣāhib masāliḥ Kisrā*)¹¹⁰, уступал ему рангом и имел тиару за 50 тыс. дирхемов¹¹¹. Естественно, представитель высшей аристократии не мог быть назначен командующим обычным провинциальным гарнизоном.

ал-Манджашаниййа. Она находилась в 6 или 8 милях от Басры (аз-Зубайр), на пути, который в более позднее исламское время был известен как путь паломников из Басры в Мекку¹¹². От аз-Зубайра этот путь вел на юго-запад; известна одна из стоянок на нем — зат ал-Ушшар в 190 км к северо-востоку от Бурайды. Согласно дорожнику Ибн Русты, расстояние от зат ал-Ушшар до аз-Зубайра составляло в сумме 185 миль; по прямой между ними — около 379 км. Таким образом, миля Ибн Русты примерно соответствует 2 км, из чего следует, что ал-Манджашаниййу следует искать в 16—17 км к юго-западу от аз-Зубайра. По одному сооб-

¹⁰⁵ Annales... 1893. P. 2384.

¹⁰⁶ *Fardj al-Hind*. См. в том же источнике несколько ранее: «Абу Бакр в письме своем приказал Халиду, чтобы он, как вступит в Ирак, начал с границы с жителями Синда и Индии (*fardj abl al-Sind wa al-Hind*) — а ей тогда была Убулла» (Annales... 1890. P. 2021).

¹⁰⁷ Annales... 1890. P. 2023.

¹⁰⁸ Annales... 1893. P. 2384.

¹⁰⁹ Annales... 1890. P. 2025.

¹¹⁰ *Futūḥ al-buldān*... 1987. P. 339.

¹¹¹ Annales... 1890. P. 2037.

¹¹² Из названных цифр первая принадлежит Абу Амру ибн ал-Ала (род. ок. 689/90, ум. ок. 770–776 гг.) (*Mu'djam al-buldān*... 1977. Т. 5. P. 208), вторая — Ибн Русте (*Kitāb al-a'lāk*... 1892. P. 180). Ср. *Kitāb al-masālik*... 1889. P. 146.

щению, которое приводит Йакут, в ал-Манджашанийе была сторожевая застава (*manzara*), как в ал-Узайбе¹¹³. Эта крепость была резиденцией бакритского вождя Кайса ибн Масуда, когда тот находился на службе у Хосрова II Парвиза и охранял от арабов подступы к Басре¹¹⁴.

Нельзя, разумеется, утверждать, что выше рассмотрены сведения обо всех сасанидских крепостях арабского пограничья. В источниках подчас упоминаются крепости, установить местонахождение которых затруднительно; такова, например, Маликийя, о которой говорит ал-Балазури¹¹⁵. Между тем и на основе представленных выше сведений можно проследить некоторые закономерности. Крепости закрывали важнейшие пути — вниз по Евфрату, из Аравии на Хиру и Убуллу. Узловыми пунктами на этих путях были Пероз-Шапур (ал-Анбар), Хира, Убулла и, возможно, Амгишайа. Их прикрывали выдвинутые вперед укрепления, какими были крепости среднего течения Евфрата для Пероз-Шапура, ал-Узайб и ал-Кадисийя для Хиры, Вахиштабад Ардашир и ал-Манджашанийя для Убуллы, Улайс для Амгишайи. Дело не ограничивалось строительством крепостей. По крайней мере в некоторых случаях (валы возле Тигра, о которых упоминает Аммиан Марцеллин, стены рядом с ал-Узайбом) возводились протяженные укрепления, призванные закрыть проход на более или менее открытых участках. Вероятно, и «Шапуров ров», который, как показано выше, представлял собой ряд каналов, отходивших от ал-Атика, был прорыт таким образом, чтобы способствовать обороне крепостей, и являлся тем самым составной частью системы фортификаций.



¹¹³ Muʿdjam al-buldān... 1977. T. 5. P. 208.

¹¹⁴ Мишин Д.Е. После Лахмидов: политика Сасанидов по отношению к арабам приевфратского региона в первой трети VII в. // Исторический вестник. Т. 42. 2022. С. 109–110.

¹¹⁵ Futūḥ al-buldān... 1987. P. 355.



REFERENCES

1. A Handbook of Mesopotamia. Vol. II. Irak, the Lower Kārūn, and Luristan. S.l.: Admiralty War Staff, Intelligence Division, 1917.
2. *Ainsworth W.F.* A Personal Narrative of the Euphrates Expedition. London, 1888.
3. al-Akḥbār al-ṭiwāl. Taʾlīf Abī Ḥanīfa... al-Dīnawarī [Long Stories by Abū Ḥanīfa... al-Dīnawarī]. Ed. ʿA. ʿĀmir. Cairo: Wizārat al-thaqāfa wa al-irshād al-ḳawmī (al-Iḳlīm al-djanūbī), al-Idāra al-ʿamma li-l-thaqāfa, 1960.
4. *Ammianus Marcellinus*. Tr. J.C. Rolfe. Vol. II. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, London: William Heinemann Ltd, 1981.
5. Annales quos scripsit... at-Tabari. Ed. M.J. De Goeje et al. Prima series. II. Rec. J. Barth, Th. Nöldeke. Lugduni Batavorum, 1881–1882. IV. Rec. P. De Jong, E. Prym. Lugduni Batavorum, 1890. V. Rec. E. Prym. Lugduni Batavorum, 1893. Secunda series. I. Rec. H. Thorbecke, S. Fraenkel, I. Guidi. Lugduni Batavorum, 1881–1883. Tertia series. I. Rec. M.Th. Houtsma, S. Guyard. Lugduni Batavorum, 1879–1880.
6. *Arrian*. Ed. and tr. I. Robson. Vol. II. London: William Heinemann Ltd, Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1946.
7. Āthār al-bilād wa akḥbār al-ʿibād. Taṣnīf Zikriyāʿ... al-Ḳazwīnī [Monuments of Countries and Stories of [God's] Slaves, by Zikriyāʿ... al-Ḳazwīnī]. Beirut: Dār Ṣādir, 1960/61.
8. *Cameron H.* Making Mesopotamia: geography and empire in a Romano-Iranian borderland. Leiden, Boston: Brill, 2019.
9. *Chaumont M.-L.* Études d'histoire parthe: V. La route royale des Parthes de Zeugma à Séleucie du Tigre d'après l'Itinéraire d'Isidore de Charax // Syria. T. 61. Fasc. 1/2 (1984). P. 63–107.
10. *Chesney F.R.* Narrative of the Euphrates Expedition carried on by Order of the British Government during the years 1835, 1836, and 1837. London, 1868.

11. Chesney F.R. The Expedition for the Survey of the Rivers Euphrates and Tigris, carried on by Order of the British Government, in the years 1835, 1836, and 1837. Vol. 1. London, 1850.
12. C. Niebuhrs Reisebeschreibung nach Arabien und andern umliegenden Ländern. Zweyter Band. Kopenhagen, 1778.
13. C. Plinius Secundus d.Ä. Naturkunde. Buch VI. Geographie: Asien. Hrsg. K. Brodersen. Zürich, Düsseldorf: Artemis und Winkler, 1996.
14. d'Anville M. L'Euphrate et le Tigre. Paris, 1779.
15. Descriptio ditionis moslemicae auctore... al-Istakhrî. Ed. M.E. De Goeje. Lugduni-Batavorum: E.J. Brill, 1927.
16. Descriptio imperii moslemici auctore... al-Moqaddasi. Ed. M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1906.
17. Dīwān Abī-l-Ṭayyib al-Mutanabbī bi sharḥ Abī-l-Baḳā' al-ʿUkbarī al-musammā bi al-Tibyān fī sharḥ al-dīwān [Collection of Verses by Abū-l-Ṭayyib al-Mutanabbī with an Explanation by Abū-l-Baḳā' al-ʿUkbarī, Entitled 'Clear Explanation of the Collection of Verses']. Ed. M. al-Saḳḳā, I. al-Abyārī, ʿA. Shilbī. [Cairo:] Maṭbaʿat Muṣṭafā al-Bābī al-Ḥalabī wa awlādi-hi bi-Miṣr, 1936.
18. Eutychii Patriarchae Alexandrini Annales. Ed. L. Cheikho. Pars prior. Beryti, Parisiis, 1906.
19. Ferdowsi's Shahnameh. Ed. S. Naficy. Tehran: Beroukhim, 1935. Vol. 7.
20. Futūḥ al-buldān. Taṣnīf... al-Balādhurī [Conquest of Countries and Settlements, by al-Balādhurī]. Ed. ʿA.A. Al-Ṭabbāʿ, ʿU.A. al-Ṭabbāʿ. Beirut: Muʿassasat al-maʿārif, 1987.
21. Gawlikowski M. L'île de Bidjân sur le Moyen-Euphrate. Une forteresse assyrienne et romaine // Archéologia, 178, 1983. S. 26–33.
22. Gawlikowski M. La route de l'Euphrate d'Isidore à Julien // Géographie historique au Proche-Orient (Syrie, Phénicie, Arabie, grecques, romaines, byzantines). Actes de la Table Ronde de Valbonne, 16–18 septembre 1985. Ed. P.-L. Gatier, B. Helly, J.-P. Rey-Coquais. Paris: Editions du CNRS, 1988. P. 76–98.
23. Gedichte von ʿAbû Baṣîr Maimûn Ibn Qais al-'A'ṣâ. Hrsg. R. Geier. London: Luzac & Co., 1928.
24. Géographie d'Aboulféda. Ed. M. Reinaud, [W.] McGuckin de Slane. Paris, 1840.

25. *al-Idrīsī*. Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant». Ed. A. Bombaci, U. Rizzitano, R. Rubinacci, L. Vecchia Vaglieri. Neapoli, Romae: Istituto Universitario Orientale di Napoli, Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1974 (fasc. 4), 1976 (fasc. 6).
26. *Jotheri J., Allen M.B., Wilkinson T.J.* Holocene Avulsions of the Euphrates River in the Najaf Area of Western Mesopotamia: Impacts on Human Settlement Patterns // *Geoarchaeology*. 2016. P. 1–19.
27. *al-Kharādġ wa ŧināʿat al-kitāba li Ƙudāma bin Dġaʿfar* [‘Land Tax’ and ‘Craft of Scribes’, by Ƙudāma Ibn Dġaʿfar]. Ed. M.Ĥ. al-Zubaydī. Baghdad: Dār al-Raŧhīd li-l-nashr, 1981.
28. *Kinneir J.M.* A Geographical Memoir of the Persian Empire. London, 1813.
29. *Kitāb al-aʿlāk an-nafisa auctore... Ibn Rosteh et Kitāb al-boldān auctore... al-Jakūbī*. Ed. M.J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1892.
30. *Kitāb al-buldān. Taʿlīf... Ibn al-Faḳīh* [Book of Countries and Settlements, by Ibn al-Faḳīh]. Ed. Y. Al-Hādī. Beirut: ʿĀlam al-kutub, 1996.
31. *Kitāb al-masālik waʿl mamālik (Liber viarum et regionum) auctore... Ibn Khordādhbeh et Excerpta e Kitāb al-kharādġ auctore Kodāma ibn Dġaʿfar*. Ed. M.J. De Goeje. Lugduni-Batavorum, 1889.
32. *Kitāb al-masālik wa al-mamālik li Abī ʿUbayd al-Bakrī* [Book of Roadways and Kingdoms, by Abū ʿUbayd al-Bakrī]. Ed. A. Van Leeuwen, A. Ferré. Tunis: al-Dār al-ʿarabiyya li-l-kitāb, al-Muʿassasa al-waṭaniyya li-l-tardġama wa al-taḥḳīḳ wa al-dirāsāt, 1992.
33. *Kitāb at-tanbīh waʿl ischrāf auctore al-Masūdī*. Ed. M.J. De Goeje. Lugduni-Batavorum, 1894.
34. *Kitāb tārīkh sunī mulūk al-arḍ wa al-anbiyāʿ. Taʿlīf Ḥamza... al-Iŧfahānī* [Book of History of the Years of the Kings of the Earth and of the Prophets by Ḥamza... al-Iŧfahānī]. Berlin: Kaviani G.m.b.H., 1921/22.
35. *Le Strange G.* Description of Mesopotamia and Baghdād, written about the year 900 A.D. by Ibn Serapion // *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1895. P. 1–76, 255–316.
36. *Marāŧid al-iṭṭilāʿ ʿalā asmāʿ al-amkina wa al-buḳāʿ li ŧafī al-dīn... al-Baghdādī* [Observation Posts for Acquiring Knowledge of the Names of Various Places, by ŧafī al-dīn... al-Baghdādī]. Ed. ʿA.M. al-Bidġawī. Beirut: Dār al-maʿrifa, 1954.

37. *al-Masʿūdī*. Murūdj al-dhahab wa maʿādin al-djawhar [Meadows of Gold and Mines of Pearls]. Ed. Ch. Pellat. Pt. 1. Beirut: al-Djāmiʿa al-lubnāniyya, 1966.
38. Muʿdjam al-buldān li... Yāqūt [Reference-Book on Countries and Settlements, by... Yāqūt]. Beirut: Dār Ṣādir, 1977.
39. Muʿdjam mā istaʿdjam min asmāʾ al-bilād wa al-mawāḳiʿ. Taʾlīf... al-Bakrī [Reference-Book on Unclear Names of Regions, Settlements, and Places, by... al-Bakrī]. Ed. M. al-Saḳḳā. Beirut: ʿĀlam al-kutub, 1983.
40. al-Muntaẓam fī tāriḳh al-mulūk wa al-umam li... Ibn al-Djawzī [History of Sovereigns and Nations, Presented in Order by... Ibn al-Djawzī]. Ed. Maḥmūd ʿA. ʿAṭā, Muṣṭafā ʿA. ʿAṭā. Beirut: Dār al-kutub al-ʿilmiyya, 1992.
41. *Musil* A. The Middle Euphrates. A Topographical Itinerary. New York: The American Geographical Society, 1927.
42. *Olivier* G.A. Voyage dans l'Empire othoman, l'Égypte et la Perse. T. IV. Paris, 1803/4.
43. Parthian Stations by Isidore of Charax. Ed. W. Schoff. Philadelphia, 1914.
44. al-Rawḍ al-miʿṭār fī khabar al-aḳṭār. Taʾlīf... al-Ḥimyarī [[Book] Like a Fragrant Garden with Information on Regions and Settlements, by... al-Ḥimyarī]. Ed. I. ʿAbbās. Beirut: Maktabat Lubnān, 1975.
45. Relacion del camino que hize dende la India hasta Italia // Relaciones de Pedro Teixeira. Amberes, 1610.
46. Riḥlat Ibn Djubayr [Travel of Ibn Djubayr]. Ed. Ḥ. Naṣṣār. Cairo: Maktabat Miṣr, 1955.
47. *Rousseau* J.-B.L.J. Voyage de Bagdad à Alep (1808). Pub. L. Poinssot. Paris, 1899.
48. Safar-nameh-i... Nāṣir bin Khusraw [Nāṣir Ibn Khusraw's Account of His Travel]. Ed. M. Dabīr Siyāḳī. Tehran: Zawār, 1956/57.
49. Sharḥ naḳāʾid Djarīr wa al-Farazdaq [Explanation of the Poetic Contest between Djarīr and al-Farazdaq]. Ed. M.I. Ḥuwwar, W.M. Khāliṣ. Abu Dhabi: al-Madjmaʿ al-thaḳāfi, 1998.
50. The Desert Route to India Being the Journals of Four Travellers by the Great Desert Caravan Route between Aleppo and Basra 1745–1751. Ed. D. Carruthers. London: Hakluyt Society, 1929.

51. The Geographical Part of the *Nuzhat-al-Qulūb* composed by Ḥamd-Allāh Mustawfī of Qazwīn. Ed. G. Le Strange. Leyden, London, 1915.
52. *van de Woestijne P.* La Descriptio orbis terrae d'Avienus. Brugge: De Tempel, 1961.
53. *Viaggio dell'Indie orientali* di Gasparo Balbi. Venetia, 1590.
54. *Zosime.* Histoire nouvelle. Tome II. 1^{ère} partie (Livre III). Ed. F. Paschoud. Paris: Société d'édition «Les belles lettres», 1979.



Ключевые слова:

арабы, доисламская Аравия, Сасаниды, Шапуров ров.

Dmitry E. Mishin

«SHAPUR'S TRENCH» AND THE SASANIAN-ARAB BORDERS IN THE 4th THROUGH THE 7th CENTURY



This article is an attempt to present a geographical reconstruction of the Sasanid empire's western and south-western borders. Those borders protected Sasanid possessions against Arabs' attacks down the Euphrates' stream as well as from Arabia, and largely leant against an important natural barrier, the river named in the sources al-^ṣAtīq, which hypothetically may in general be identified with Shaṭṭ al-Ḥilla, the present-day western branch of the Euphrates. To the west from al-^ṣAtīq, one or more channels branched off it; they were, in the extant sources, considered to be Shapur's trench, or the trench which Sasanid king Shapur II (307/8–379/80) reportedly dug between his possessions and the Arabs' lands. The key points of the border were Pērōz-Shāpūr, al-Ḥīra, Ubulla, and, possibly, Amghishiyā. They were protected by fortresses and castles which stood on major routes, such as fortresses on the Euphrates (for Pērōz-Shāpūr), al-^ṣUdhayb and al-Ḳādisiyya for al-Ḥīra, Wahisht-ābād Ardashīr and al-Mandjāshāniyya (for Ubulla), and Ullays (for Amghishayā). In some places there were defensive walls which protected open sections of the border.

Keywords: Arabs, Pre-Islamic Arabia, Sasanids, Shapur's Trench.

Dmitry E. Mishin — C.Sc. (History), Senior Research Fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

 Мишин Дмитрий Евгеньевич 

кандидат исторических наук, Старший научный сотрудник
Института востоковедения Российской Академии Наук

AuthorID: 111810



DOI: 10.35549/HR.2024.2024.49.007

Ар.А. Улунян

«БЕЛОЕ ЗОЛОТО» ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ. ХЛОПКОВАЯ ПОЛИТИКА СССР В ОЦЕНКАХ ГОСДЕПА И ЦРУ США (50-е — НАЧАЛО 60-х гг. XX в.)¹



Являясь комплексным явлением международных отношений, одновременно влиявшим на внутривнутриполитическое положение большинства стран, холодная война охватывала широкий спектр «пространств» противостояния сформировавшихся к началу 50-х гг. двух блоков — Западного и Восточного, во главе с США и СССР. Одними из областей, где это соперничество имело острый характер, были внешнеэкономические связи и внешняя торговля, превращавшиеся в инструмент достижения внешнеполитических целей противоборствующих сторон². Одновременно страны коммунистического лагеря, включая Советский Союз, помимо других экономических трудностей испытывали серьезные проблемы поступления твердой валюты, что крайне негативно

¹ Публикация подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО МИД РФ «Приоритет-2030» совместно с Институтом всеобщей истории РАН.

² В историографическом отношении интерпретация комплексного характера холодной войны достаточно рельефно представлена в нескольких, ставших уже классическими, работах: *Gaddis J. L. We Now Know. Rethinking Cold War History*. Oxford: Oxford University Press, 1997; *The Cold War. The Definitive Encyclopedia and Document Collection*. Tucker S.C., Pierpaoli P.G., Dowling T.C., Roberts P. (Eds.) Santa Barbara: ABC-CLIO, 2020.

влияло на всю их внешнюю торговлю, прежде всего с некоммунистическими государствами Европы и США. Одной из попыток решения всех этих вопросов было создание 18 января 1949 г. европейскими коммунистическими государствами во главе с СССР собственного межгосударственного объединения — Совета экономической взаимопомощи. Это, однако, не ослабляло самостоятельную активную деятельность Кремля в сфере внешнеэкономических отношений с другими странами. Дальнейшая институционализация Западного и Восточного блоков привела к созданию 4 апреля 1949 г. Организации Североатлантического договора (НАТО), Европейского экономического сообщества 25 марта 1957 г. и Организации Варшавского договора 14 мая 1955 г. Межблоковое противостояние, проявлявшееся в ряде случаев в открытых военных прокси-конфликтах на условной мировой периферии, способствовало распространению конфронтации в наиболее чувствительных для обоих блоков сферах, к числу которых относилась внешняя торговля.

К началу 50-х гг. среди наиболее острых вопросов международной торговли, имевшей политическое измерение, становилась хлопковая тема, затрагивавшая как сам процесс производства «белого золота», так и его использования в текстильной и военной промышленности. В стратегическом отношении эта сельскохозяйственная культура играла важную роль для ряда развивавшихся государств как важный фактор, влиявший на социально-экономическую ситуацию в них, являясь одним из главных источников поступления твердой валюты для национальной экономики и опосредованно воздействовал на внутрисполитическую ситуацию. Для развитых стран, прежде всего Европы (США сами обеспечивали свои потребности), импорт хлопка имел аналогичное значение, так как обеспечивал загруженность производственных мощностей текстильной промышленности, в которой были заняты большие группы населения. Именно поэтому международный рынок хлопка оказывался в центре внимания правительств стран Западного блока, включая США и их государственных институтов. В последнем случае за происходящим внимательно следили помимо министерства сельского хозяйства также Государственный департамент и Центральное разведывательное управление. Оба внешнеполитических ведомства обращали внимание как на экономический, так и на политический, а ЦРУ США еще и на военно-стратегический аспект «хлопковой темы». Одним из главных направлений деятельности дипломатов, сотрудников разведки и аналитиков двух ведомств по хлопковой теме на протяжении 50-х — начала 60-х гг. XX в. было выяснение возможностей СССР и государств коммунистического

блока, включая коммунистический Китай, с точки зрения выращивания хлопка, его использования в текстильной промышленности и перспектив торговли хлопком-сырцом на международных рынках. В свою очередь, степень значимости производства «белого золота» для советской стороны была подтверждена административно-структурно созданием 5 апреля 1950 г. Министерства хлопководства СССР (просуществовавшего до 1953 г.)³ и соответствующих отраслевых министерств в ряде союзных республик⁴. В контексте этих задач обращалось внимание на характер действий коммунистических и СССР, в частности в отношении государств Африки, Азии и Южной Америки, формально не входивших в Западный блок, но имевших тесные политические, экономические и военные связи.

В условиях развертывавшейся так называемой деколонизации и становления независимых государств, что особенно сильно проявилось во время Афро-Азиатской (Бандунгской) конференции 18–24 апреля 1955 г., поиск этими странами своего места в системе международных политических и экономических отношений приобретал знаковый характер как для Западного, так и для Восточного блока с точки зрения их глобальных интересов укрепления и расширения собственных позиций в мировой политике и экономике. Степень и значимость «хлопковой темы» в складывавшихся условиях превращали ее в важный политический инструмент, способный повлиять на соотношение сил между противостоявшими блоками. Очевидность этого факта для американской стороны была продемонстрирована 17 января 1950 г. во время встречи помощника Государственного секретаря США Дж. МакГи с послом Египта в США Камил Беем Абдул Рахимом, заявившим о том, что вследствие введенных США квот на импорт египетского хлопка у египетских властей возникли трудности в получении твердой валюты, и в этой связи он отметил, что «длинноволокнистый хлопок, который Египет экспортирует в Соединенные Штаты, не конкурирует с хлопком, выращивае-

³ 15 марта 1953 г. Верховный Совет СССР принял закон о преобразовании многих министерств СССР. В соответствии с ним в Министерство сельского хозяйства и заготовок СССР объединялись Министерство сельского хозяйства СССР, Министерство хлопководства СССР, Министерство совхозов СССР, Министерство заготовок СССР и Министерство лесного хозяйства СССР.

⁴ О характере тенденций в развитии советской экономики в этот период см.: *Белоногов Ю.Г. Эволюция советской модели экономики 1950–1960-х годов в отечественной историографии // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2014. № 1. С. 35–41.*

мым производителями Соединенных Штатов»⁵. В свою очередь МакГи был вынужден признать, что Государственный департамент «изучает эту проблему и понимает, что это вопрос огромной важности для правительства Египта»⁶. По результатам этой беседы и в развитие темы отмены квот сотрудник Отдела Африки и Ближнего Востока Ст.Д. Нельсон составил конфиденциальную записку на имя начальника Отдела Б.И. Берри, хорошо разбиравшегося в ближневосточных и балканских делах и имевшего личный опыт работы в странах этих регионов. В ней подчеркивалась необходимость отмены квот на египетский хлопок, что, по его мнению, не привело бы к значительному увеличению хлопкового импорта из Египта в США, но «очень желательно, чтобы квота была отменена, если это возможно, поскольку это служит лишь раздражителем в наших отношениях с Египтом». Одновременно им высказывалось предположение о том, «что в ближайшем будущем правительство США создаст запасы длиноволокнистого хлопка, а это будет означать большие продажи за пределами квоты для Египта»⁷. Взаимосвязанность «хлопкового вопроса» с большой политикой весной 1950 г. приобрела серьезное значение для позиций Западного блока на арабском Востоке, грозя стать дополнительной проблемой к уже существовавшим. Посол США в Саудовской Аравии Дж.Р. Чайлдс информировал Госсекретаря США Д. Ачесона о высказываниях главы египетского МИДа по поводу разочарования в арабских странах неспособностью короля Ибн Сауда оказать влияние на американское правительство в пользу арабов и что «США и Великобритания создавали трудности с поставками оружия, необходимыми для оборонных целей, и ничего не делали, чтобы удовлетворить желание египетского правительства эвакуировать британские войска из Суэца»⁸. Явным контрастом ситуации, сложившейся в отношениях между Египтом, США и Британией, являлась приводимая по-

⁵ Memorandum of Conversation, by Mr. Stuart D. Nelson of the Office of African and Near Eastern Affairs. [Washington] January 17, 1950. Egyptian Ambassador Kamil Bey Abdul Rahim, Assistant Secretary of State, George C. McGhee // Foreign Relations of the United States (далее – FRUS), 1950, The Near East, South Asia, and Africa. Washington: United States Government Printing Office, 1978. Vol. V. P. 696.

⁶ Ibid.

⁷ Memorandum by Mr. Stuart D. Nelson of the Office of African and Near Eastern Affairs to the Director of That Office (Berry). Confidential. [Washington,] February 24, 1950. Subject: Problem Summary for Egypt // FRUS, 1950, The Near East, South Asia, and Africa. Washington: United States Government Printing Office, 1978. Vol. V. P. 287.

⁸ The Ambassador in Saudi Arabia (Childs) to the Secretary of State. Confidentialю. Jidda, May 21, 1950–1 p. m. // FRUS, 1950, The Near East, South Asia, and Africa. Washington: United States Government Printing Office, 1978. Vol. V. P. 909.

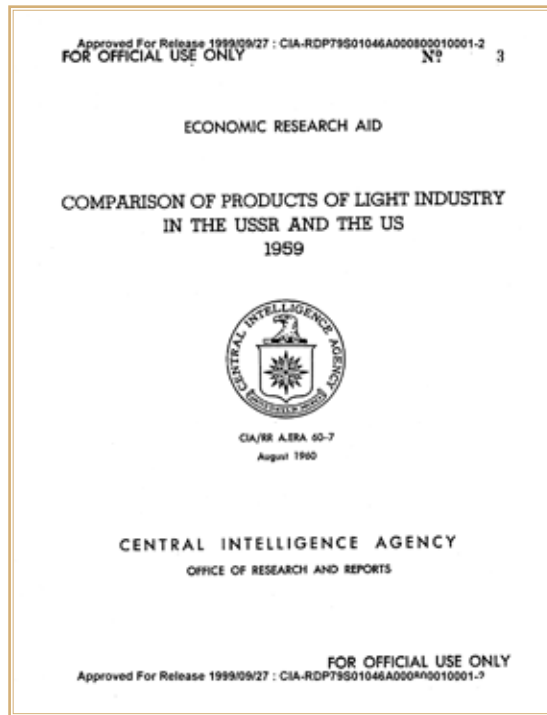
слов информация и его вывод о том, что, с одной стороны, СССР покупает египетский хлопок и продает ему пшеницу, а с другой — в случае невозможности достижения договоренностей Египта с США и Великобританией у него «не было бы никаких трудностей с получением оружия из России или заключением пакта о ненападении с Россией, который сделал бы ненужным присутствие британских войск»⁹.

Вполне естественным на этом фоне становилось обращение американского разведывательного сообщества и, в частности, одного из его ведущих членов — ЦРУ — к «хлопковой теме» в контексте советской внешнеполитической стратегии. Главной сложностью, с которой оно сталкивалось, было отсутствие «инсайдерской» информации из СССР, а также большой временной разрыв при получении данных. Одним из первых специализированных материалов, в котором рассматривался советский «хлопковый потенциал», был составленный 1 сентября 1950 г. доклад о планах по выращиванию хлопка в Узбекской ССР на 1950 г. Особенностью этого документа являлось, во-первых, использование официальной советской статистики, взятой из советских региональных газет, и во-вторых — обращение к материалам девятимесячной давности. Фактический перевод подборки газетных статей на английский язык и составление статистических таблиц по отдельным районам Узбекистана создавали общую картину развития хлопководства в этой советской республике. При этом обращалось особое внимание на проведенное во второй половине января 1950 г. Шестое собрание хлопкоробов Узбекистана, посвященное 25-летию образования Узбекской ССР, и приводилась констатация озвученного на нем заявления о том, что «хотя многие колхозы и совхозы Узбекистана добились увеличения производства хлопка-сырца в 1949 г., план по заготовкам хлопка на 1949 г. выполнен не был. По этой причине трудно оценить итоги хлопководческой работы за 1949 г.»¹⁰. Особое внимание в докладе ЦРУ обращалось на планы сбора хлопка-сырца в Узбекистане в 1950 г. в объеме 500 тыс. тонн¹¹. Планы увеличения

⁹ Ibid. О борьбе за Египет Западного и Восточного блоков см.: *Ginat R. The Soviet Union and Egypt, 1945–1955. London-New York: Taylor & Francis, 1994; Hahn P. L. The United States, Great Britain, and Egypt, 1945–1956: Strategy and Diplomacy in the Early Cold War. North Caroline: UNC Press Books, 2014.*

¹⁰ General CIA Records. Intelligence Memorandum. 1950 Plan for cotton growing in Uzbek SSR. September 1, 1950. P. 1. CIA-RDP80-00809a000600340221-8.pdf. — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp80-00809a000600340221-8> (дата обращения: 15.07.2023).

¹¹ Ibid. P. 1.



Титульный лист доклада ЦРУ «Сравнение продукции легкой промышленности СССР и США 1959 г.» 1 августа 1960 г.

производства хлопка в СССР на примере Узбекской ССР сочетались в соответствии с полученным по дипломатическим каналам сведениями, с готовностью советской стороны увеличить закупки хлопка за рубежом в странах, имевших критически важное значение для внешнеполитических и военно-стратегических позиций США. Одной из них являлся Иран, где усиливалась политическая оппозиция, оформившаяся в 1949 г. в партию Народный фронт во главе с будущим премьер-министром Мохаммедом Мосаддыком (1951–1952 гг.), занимавшим антиамериканскую и антибританскую позицию по принципиально важному для Ирана вопросу национализации нефтяных месторождений. 14 сентября 1950 г. посол США в Москве, адмирал в отставке А.Г. Кирк сообщал в Государственный департамент о полученной из Тегерана от американского посла в Иране Г.Ф. Грейди информации, в соответствии с которой СССР заявил иранской стороне о готовности закупок у него в неограниченных и больших объемах сельскохозяйственной продукции, включая хлопок-сырец. Грейди, явно пытаясь стимулировать активность американской дипломатии на иранском направлении, достаточно иронично отмечал: «Уверен, что Госдепартамент оценит пропагандистскую победу, которую русские одержат,

заклучив соглашение до того, как Иран получит какую-либо помощь со стороны США»¹².

Тем временем со своей стороны аналитики ЦРУ США, имея в виду возрастающую важность хлопковой темы в международных отношениях и ее политический аспект в условиях холодной войны, стремились определить потенциал СССР и возглавлявшегося им блока в выращивании хлопка и масштаб его присутствия на уже существующих международных рынках. В конце сентября 1950 г. они отмечали в еженедельной разведывательной сводке, что «возросшее внимание к хлопку в СССР в последние месяцы указывает на то, что будут предприняты более активные усилия по сокращению имеющихся недостатков путем расширения бартерных соглашений с другими странами — производителями хлопка»¹³. Как пример подобных сделок приводились три заключенных СССР с Египтом соглашений. Аналогичным образом действовала, по мнению аналитиков ЦРУ, коммунистическая Польша, которая, как они отмечали, вероятно, из-за нехватки валюты, заключила договоры с Австрией, откуда она собиралась получать американский хлопок в обмен на свой уголь¹⁴. Одновременно с СССР и Польшей, как становилось ясно, Чехословакия также прибегала к подобной практике, где она вместе с двумя предыдущими «осваивала» пакистанский рынок хлопка¹⁵. В этой связи обращалось внимание на то, что к 1953 г. европейским членам Восточного блока потребуется 2 млн тюков¹⁶, что было больше на 700 тыс. тюков текущего потребления, при этом Болгария, Венгрия и Румыния могли обеспечить 162 тыс. тюков, а в СССР максимальный экспортный излишек составлял 400 тыс. тюков. Таким образом, становилось ясно, что страны блока испытывали острый дефицит хлопка-сырца, который не могла покрыть советская сторона¹⁷. Именно поэтому эксперты ЦРУ внимательно отсле-

¹² The Ambassador in the Soviet Union (Kirk) to the Acting Secretary of State. Top secret. Moscow, September 14, 1950–7 p. m. 702. Tehran telegram to Department 631, September 12//FRUS, 1950, The Near East, South Asia, and Africa. United States Government Printing Office, Washington, 1978. Vol. V. P. 589.

¹³ General CIA Records. Weekly Intelligence Summary. September 26, 1950. P.3. CIA-RDP78-01617A004400030009-1.pdf — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP78-01617A004400030009-1.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

¹⁴ Ibid. P.13.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ В соответствии с принятой в США системой измерения объемов и веса хлопка-сырца 1 тюк равен 225 кг.

¹⁷ General CIA Records. Weekly Intelligence Summary. September 26, 1950. P.14.



Советская почтовая марка «Главный Туркменский канал» 1951 г.

живали ее действия, направленные на увеличение производства «белого золота» в самом Советском Союзе и связанные с этим масштабные проекты сталинского руководства по строительству ирригационных сетей и водных артерий в регионах, которые становились базой хлопкоробства, прежде всего в Центральной Азии. Созданная еще в межвоенный период советским коммунистическим режимом система репрессивной «трудовой мобилизации», центральное место в которой занимало Главное управление исправительно-трудовых лагерей НКВД/МВД СССР, использовала принудительный труд заключенных, являлась частью карательной политики советской общественно-политической системы и обладала колоссальными человеческими ресурсами, использовавшимися для строительства масштабных проектов без учета потерь. Этот фактор также учитывался аналитиками ЦРУ при разработке ими материалов по хлопковой теме. Принятое 12 сентября 1950 г. постановление Совета министров СССР о строительстве Главного туркменского канала, целью которого было обводнение и мелиорация большого пространства Центральной Азии, включавшего советские республики Туркмению, Узбекистан и Таджикистан¹⁸, сразу привлекло внимание экспертов ЦРУ, которые к весне 1951 г. пришли к определенным заключениям.

23 апреля 1951 г. аналитики Управления подготовили двухстраничный доклад «Детали Туркменского канала», в котором особое внимание

¹⁸ Первые проектные и подготовительные работы по строительству канала начались в 1929 г. Несмотря на широкую пропагандистскую кампанию, начатую в 1950 г., и постройке лагерей для заключенных, работы так и не были развернуты. После смерти Сталина проект был закрыт в марте 1953 г. На смену ему пришел план строительства в 1954 г. Каракумского канала, строительство которого было завершено в 1988 г., и он проходил исключительно по территории Туркменской ССР.

уделялось как техническим аспектам стройки, так и ее экономическому, политическому и военно-стратегическому значению. В документе отмечалось, что сам проект более масштабный, чем Беломорско-Балтийский, и потребует от 200 тыс. до 300 тыс. рабочих как вольнонаемных, так и заключенных и займет не меньше 10 лет, имея в виду суровые климатические условия, в которых предстоит его строить¹⁹. Авторы подчеркивали, что участок канала от Красноводского залива до Куня-Ургенча носил приоритетный характер, так как позволил бы обеспечить орошение большой территории и «значительно увеличить урожай хлопка на этом участке»²⁰. Аналогичную роль предстояло сыграть участку между Келифом и Мургабом, который, как отмечали эксперты, «очень хороший хлопковый регион»²¹. При этом аналитики ЦРУ выделяли три основные причины строительства этого масштабного канала. Первая из них была экономической и заключалась в необходимости создания ирригационной сети, рассчитанной на культивирование хлопка, что позволяло не только удовлетворить потребности СССР и стран коммунистического блока в нем, но и выйти с его большими объемами на мировые рынки. Вторая причина частично была связана с первой, а именно в необходимости создания транспортных артерий, по которым осуществлялась бы перевозка хлопка, а также других грузов. Более того, в ЦРУ полагали, что «маршрут канала станет более безопасным в случае военных действий, чем железная дорога, граничащая с Ираном»²². Не менее важной причиной была третья — политическая, так как строительство канала способствовало бы повышению престижа СССР среди государств Азии, в частности в Афганистане, Индии и Китае, показывая советские возможности в реализации масштабных проектов в Азии²³.

На фоне советских планов расширения производства хлопка особое значение имела ситуация, складывавшаяся в странах, являвшихся традиционными поставщиками этого товара на мировые рынки, и прежде всего в тех из них, которые в силу многих обстоятельств рассматривались в США как имеющие ключевое значение для американских нацио-

¹⁹ General CIA Records. Report. Details on the Turkmenski canal. April 23, 1951. P. 1. CIA-RDP80-00926A003400030002-1.pdf — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80-00926A003400030002-1.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

²⁰ Ibid. P. 2.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ Ibid.

нальных интересов и в то же время потенциально способных оказаться в фокусе как внешней политики СССР, так и в целом Восточного блока. К их числу относились арабские государства, с которыми Советский Союз все активнее налаживал политические и экономические отношения, рассчитывая на усиление своих позиций в арабском мире. Имея это в виду, американская сторона внимательно отслеживала происходящее. Обращаясь к «хлопковой теме» как одной из важных и тесно связанных с политическим аспектом ситуации в ряде специализирующихся на хлопке стран Ближнего Востока, поверенный в делах США в Сирии Х.Б. Кларк сообщал в Государственный департамент 28 мая 1951 г. о том, что беспрецедентный расцвет сирийского сельского хозяйства усилил «экономический национализм» и в стране происходит «хлопковый бум» и в случае сохранения цен на хлопок при хорошем урожае Сирия сможет получить большую выручку в иностранной валюте. Американский дипломат отмечал в этой связи, что «это процветание управляется сирийцами, создается сирийцами и достигается сирийцами без “плана Маршалла”, пункта IV или какой-либо другой иностранной помощи. По объему предполагаемый прирост национального дохода превышает сумму, доступную в соответствии с пунктом IV или даже в рамках предлагаемой программы грантовой помощи»²⁴.

На фоне усиления позиций государств-экспортеров хлопка-сырца на международных рынках и очевидной перспективы укрепления их более независимой позиции, способной привести к активизации их отношений с СССР и возглавлявшимся им Восточным блоком, включая и политический аспект таких связей, американские дипломаты и эксперты внешнеполитических ведомств обращали особое внимание на вероятные последствия подобного развития ситуации, тем более что многие из стран-экспортеров были либо тесно связаны с США, либо рассматривались ими как важный элемент архитектуры международных отношений в условиях холодной войны. Осенью 1951 г. «хлопковая тема» и роль в ней СССР приобрела особое измерение, так как затрагивала сразу две вышеупомянутые категории государств. Аналитики ЦРУ США в специальном докладе обращали внимание на опасения правительства Австрии (нейтральной страны,

²⁴ The Chargé in Syria (Clark) to the Department of State. Confidential, Damascus, May 28, 1951//FRUS, 1951, The Near East and Africa. Washington: United States Government Printing Office, 1982. Vol. V. P. 1077. О действиях США на сирийском направлении см.: Little D. Cold War and Covert Action: The United States and Syria, 1945–1958// The Middle East Journal. Vol. 44. No. 1. 1990. P. 51–75.

рассматривавшейся как на Западе, так и на Востоке как стратегически значимый элемент европейской безопасности) по поводу сообщений о переговорах СССР с Египтом «об эксклюзивной покупке всего египетского урожая хлопка в обмен на каменный уголь, удобрения, химикаты (главным образом ядовитые) и лесоматериалы». По мнению австрийской стороны, это могло привести к тому, что СССР оставит у себя весь полученный хлопок и откажется от его продажи на европейских рынках, лишив тем самым Австрию произвести его закупки²⁵.

Таким образом, усиливавшаяся роль советского фактора в «хлопковой теме» приобретала стратегическое значение для ряда отраслей промышленности европейских государств. Это обуславливало, с точки зрения экспертов ЦРУ, необходимость определения возможных вариантов развития ситуации, тем более что затрагивало широкий спектр проблем как экономического, так и социально-политического характера в государствах Западного блока. Результатом работы аналитиков американского разведывательного сообщества при главенствующей роли Управления стал 4 декабря 1951 г. документ «Текстильные ткани» серии «Оценки национальной разведки». В нем отмечалось, что и страны Западной Европы, и члены советского блока нуждаются в большем количестве волокна для своей промышленности, чем используют на текущий момент²⁶. Эксперты приходили к выводу о том, что в сложившейся ситуации недостаточности волокна объемы его использования на душу населения в западноевропейских странах сократятся до уровня использования в государствах Восточного блока²⁷. В то же время авторы доклада полагали, что «ввиду наличия достаточных запасов тканей и продуктов в руках потребителей и в каналах распределения Западная Европа не пострадает в рассматриваемый период серьезно от резкого сокращения поставок новых текстильных волокон и продуктов»²⁸. В свою очередь Восточный блок, как отмечалось в документе, обеспе-

²⁵ General CIA Records. Report. Austrian concern over reported Egyptian/Soviets trade negotiations. November 5, 1951. P.1. CIA-RDP82-00457R009200270006-9. pdf — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R009200270006-9.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

²⁶ General CIA Records. NIE-40 (Economic). Textile Fibre. December 4, 1951. P. 1. CIA-RDP79R01012A001200010012-3.pdf — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79R01012A001200010012-3.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

²⁷ Ibid. P. 2.

²⁸ Ibid.

чивает себя на 95 % собственными ресурсами, но при малом потреблении на душу населения, а в случае блокады возможно сокращение импорта и, соответственно, сокращение доли вискозы. Однако в таком случае, по мнению специалистов из американского разведсообщества, «потери будут компенсированы увеличением производства натуральных волокон, которые являются местными для этого региона — хлопка, льна и конопли»²⁹. Также они приходили к заключению о том, что страны советского блока «смогут увеличить потребление хлопка, поскольку местное производство этого волокна увеличится примерно на 10 процентов» и к которому добавится ограниченный импорт из Индии, Пакистана и Египта³⁰. Особое внимание придавалось в этом контексте «военной» составляющей текстильного производства в Восточном блоке, и авторы доклада прогнозировали сохранение потребления хлопка в 1951–1952 гг. на уровне 1950–1951 гг., «несмотря на возросшие военные потребности, поскольку гражданские рынки продолжают оставаться “мягкими”, а нехватка долларов, вероятно, ограничивает импорт хлопка из США во Францию, Италию и Германию»³¹. При этом особо отмечалось, что производство хлопка в СССР в 1952–1953 гг. увеличится, но затем, исходя из существующих прогнозов, в следующих 1953–1954 гг. снизится, «поскольку начнет проявляться нехватка продовольствия, а посевные площади в Центральной Азии, важном регионе производства хлопка, испытывающем дефицит зерна, будут переключаться с волокна на производство продуктов питания»³². Такое развитие ситуации в прогнозах американского разведывательного сообщества ставило перед ним и, в частности, ЦРУ США задачу определения возможных шагов руководства СССР по решению хлопковой проблемы при проявлении кризиса в производстве хлопка-сырца. Вероятно, именно этим объяснялось обращение аналитиков Управления к исследованию управленческих решений советской стороны, что и обусловило их обращение в специальном информационном документе во второй половине января 1952 г. как в советской региональной, так и общесоюзной прессе предшествовавших двух лет, в которой содержалась официальная информация об организации в 1950 г. Министерства хлопководства, его структурных республиканских подразделений

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid. P. 4.

³¹ Ibid. P. 5, 6.

³² Ibid. P. 6.

и его деятельности³³. Судя по всему, это был один из подготовительных материалов для более объемного 150-страничного документа, датированного 26 марта 1952 г. и называвшегося «Развитие хлопчатобумажной промышленности в СССР»³⁴. Он представлял собой обзор, посвященный развитию хлопковой промышленности в Российской империи и СССР, хронологически охватывая период с начала XX в. и до 1939 г. Приводившаяся в нем статистика свидетельствовала об исключительном внимании экспертов ЦРУ как к культивированию хлопка, так и его обработке на советских промышленных объектах вплоть до начала Второй мировой войны, что было обусловлено необходимостью определения как сельскохозяйственного, так и промышленного потенциала хлопковой отрасли СССР и перспективы расширения ее базы. Все более пристальное внимание со стороны аналитиков Управления к «хлопковой теме» в контексте советского фактора в международных делах и мировой торговли оправдывалось происходившими в первой половине 1952 г. событиями в ряде стран-экспортеров хлопка, имевших тесные отношения как с США, так и в целом с Западным блоком. Так, в частности, ситуация в одной из них, в Египте, 23 июля 1952 г. произошел государственный военный переворот, осуществленный тайной антимонархической организацией «Движение свободных офицеров» и вошедший в историю как Июльская революция. В сентябре 1952 г. при продолжавшем сохраняться режиме короля Фарука, утратившего политическое влияние в стране, правительство возглавил генерал М. Нагиб. Эти перемены были способны повлиять как на ситуацию в арабском мире, так и в целом в регионе Ближнего Востока. Этот факт становился очевидным для Западного блока и для США. Тесная взаимосвязь политики и экономики, составной частью которой была «хлопковая тема», в сложившихся условиях создавала перспективу возможного изменения в ориентации Египта.

На состоявшейся 7 ноября 1952 г. в Вашингтоне встрече помощник Государственного секретаря по делам Ближнего Востока, Южной Азии и Африки Г.А. Байроуда с послом Израиля в США А. Эвеном, посвя-

³³ General CIA Records. Information from foreign documents or radio broadcasts. Organization of the Ministry of cotton growing. January 18, 1952. CIA-RDP80-00809A000700040053-7.pdf — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80-00809A000700040053-7.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

³⁴ General CIA Records. Report. Development of the cotton industry in the USSR. March 26, 1952. CIA-RDP82-00039R000100250002-2.pdf — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP82-00039R000100250002-2.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

щенной арабо-израильским отношениям и проблемам безопасности, а также военной помощи, первый открыто заявил о том, что «вопрос Египта требует откровенного обсуждения» и «Египет ничего не получил от Запада в обмен на проявленную им позицию сотрудничества»³⁵. Как отметил американский дипломат, генерал Нагиб мог оказаться в сложном положении, если он будет проводить «услужливую политику» в отношении Запада, а последний, в свою очередь, ничем не помогает Египту. Среди нескольких направлений этой помощи Байроуд особо отметил помимо финансовой и военной помощи закупку египетского хлопка Западом³⁶.

Выводы и замечания помощника Госсекретаря находили подтверждение в заключениях аналитиков американского разведывательного сообщества. В составленном 21 ноября 1952 г. Отделом текущей разведки ЦРУ «Текущем бюллетене Центральной разведки» уже говорилось о том, что в соответствии с полученной американским послом в Египте информацией несколько представителей военного руководства заявили о катастрофичном падении цен на хлопок, что серьезно влияет на социально-экономическую ситуацию в стране, так как крестьянство уже начало сравнивать сложившуюся ситуацию с положением до переворота и не в пользу нового режима. Примечательным было сообщение о том, что египетская сторона надеялась на закупки хлопка либо со стороны Британии, либо со стороны СССР, так как в противном случае могла быть создана угроза существовавшему правительству. Отказ как США, имевших собственный хлопок и не собиравшихся делать его запасов, так и Великобритании, заявившей о спаде в текстильной промышленности, о чем сообщалось в документе³⁷, фактически оставлял Египту надежду только на закупки со стороны СССР и Восточного блока.

Смерть Сталина 5 марта 1953 г. создала новую ситуацию в ожиданиях не только внутри СССР, но и за его пределами. Неопределенность расценивалась в политических кругах Западного блока и США, в частности, с точки зрения возможной перспективы серьезных изменений во

³⁵ Memorandum of Conversation, by Robert L. Burns of the Office of Near Eastern Affairs. Secret [Washington,] November 7, 1952//FRUS, 1952–1954, The Near and Middle East. Washington: United States Government Printing Office, 1986. Vol. IX. Prt. 1. P. 1046.

³⁶ Ibid.

³⁷ Special Collection. Current Central Intelligence Bulletin Collection. Current Central Intelligence Bulletin. Office of Current Intelligence. November 21, 1952. P. 3, 4. CURRENT INTELLIGENCE BULL[15652971].pdf — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CURRENT%20INTELLIGENCE%20BULL%5B15652971%5D.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

внешней политике Москвы. Эксперты американского разведывательного сообщества обращали внимание как на внешнеполитические, так и на внешнеэкономические тенденции советского поведения на международной арене.

Вполне естественными на этом фоне становились исследования аналитиками ЦРУ «хлопкового» потенциала СССР и его союзников. В начале июня 1953 г. результатом этой работы стал доклад, посвященный культивированию и производству хлопка в советском блоке в 1952 г. В нем отмечалось, что урожайность в странах блока еще не восстановилась после Второй мировой войны. Из-за неблагоприятных погодных условий в 1952 г. хлопчатобумажное производство упало на 10 % по сравнению с 1938 г., в то время как в СССР оно выросло на 7 % и составило 59 % от производства во всем Восточном блоке. Производство его европейских членов составило в 1952 г. лишь 1,6 % от всего производства в 1952 г.³⁸ Более того, аналитики ЦРУ приходили к выводу о том, что запланированное увеличение объемов выращиваемого хлопка в СССР на 63 % по сравнению с показателями 1952 г. малореалистично, а «производство хлопка в странах советского блока недостаточно для удовлетворения нынешних гражданских и военных потребностей в производимой хлопковой продукции», в связи с чем существовала перспектива импорта хлопка из государств, не входивших в блок³⁹. Особенности географического распределения орошаемого культивирования хлопчатника в СССР, как отмечали авторы доклада, заключались в его выращивании в трех основных районах: Центральной Азии, южной части Казахстана и в Закавказье⁴⁰. Заключение экспертов ЦРУ о том, что СССР производит хлопок в больших масштабах, чем использует его, соседствовало с констатацией высоких затрат на его культивирование в Восточном блоке по сравнению с импортируемым из стран, не входящих в блок, и будет продолжать в ближайшей перспективе закупать его⁴¹.

³⁸ General CIA Records. Intelligence Memorandum. Production and utilization of cotton in the Soviet Bloc 1952. Office of Research and reports. June 4, 1953. P. 1. — CIA-RDP79T00935A000200200001-0.pdf — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00935A000200200001-0.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

³⁹ Ibid. P. 2. Одним из таких примеров был импорт хлопка в Болгарию: *Zofka J. Chairman Cotton: Socialist Bulgaria's cotton trade with African countries during the early Cold War (1946–70)*//Journal of Global History. Vol. 17. Iss. 3. 2022. P. 438–456.

⁴⁰ General CIA Records. Intelligence Memorandum. Production and utilization of cotton in the Soviet Bloc 1952. Office of Research and reports. June 4, 1953. P. 3.

⁴¹ Ibid. P. 9.

В складывавшихся условиях для советского блока и СССР в частности становились важными связи со странами-экспортерами хлопка и готовыми осуществлять сделки с ними на основе бартера. Среди наиболее подходящих кандидатов все более очевидным являлся Египет, внутриполитическое положение в котором обострялось, а социально-экономическая ситуация ухудшалась. Происходящее в Египте беспокоило руководство США, о чем свидетельствовала получасовая встреча 1 июня 1953 г. американского президента Д. Эйзенхауэра с египетским послом Ахмед Абудд Пашой, в течение которой большую часть времени говорил президент. Со своей стороны египетский дипломат заявил о тяжелой экономической ситуации в связи с «невозможностью продавать хлопок за границу»⁴². Фактически посол повторил уже многократно констатированные египетскими официальными лицами угрозы «хлопкового кризиса» для политической ситуации в стране. Чуть больше чем через полмесяца произошли очередные политические изменения, о которых США предупреждала египетская сторона: 18 июня 1953 г. в стране была отменена монархия во главе с королем Фаруком и провозглашена республика, президентом которой стал генерал Нагиб. Примечательным фактом являлось и то, что аналитики ЦРУ отмечали в ноябре 1952 г. в выше упоминавшемся бюллетене Центральной разведки спекуляции с хлопком при режиме короля Фарука⁴³.

Влияние на внутриполитическую ситуацию «хлопковой темы» в странах-экспортерах хлопка, не входящих в противостоявшие блоки, но связанные с США и Западным блоком, создавало серьезную угрозу балансу сил на международной арене, так как при определенных обстоятельствах СССР и возглавлявшийся им блок мог использовать «хлопковое оружие» в своих внешнеполитических целях. Эта проблема начинала обсуждаться в мировой печати как вполне реальная угроза. В связи с чем в специальном информационном материале 12 ноября 1953 г., озаглавленном «Вероятность того, что СССР может демпинговать хлопок на мировом рынке, чтобы снизить цены», приводился перевод из западногерманского

⁴² Memorandum of Conversation, by the Deputy Assistant Secretary of State for Near Eastern, South Asian, and African Affairs (Jernegan). Confidential. Washington, June 1, 1953//FRUS, 1952–1954, The Near and Middle East. Washington: United States Government Printing Office, 1986. Vol. IX. Part. 1. P. 378.

⁴³ Special Collection. Current Central Intelligence Bulletin Collection. Current Central Intelligence Bulletin. Office of Current Intelligence. November 21, 1952. P. 3,4. CURRENT INTELLIGENCE BULL[15652971].pdf – [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CURRENT%20INTELLIGENCE%20BULL%5B15652971%5D.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

издания «Ost-West Wirtschaftsdienst». В соответствии с опубликованной в нем статьей СССР предложил Британии закупить у него более 3 тыс. тонн хлопка-сырца⁴⁴. Одновременно в материале заявлялось о том, что Советский Союз считает себя более крупным производителем хлопка, чем Египет, Индия и Пакистан вместе взятые, и сообщалось, что советская внешнеторговая организация «ЭКСПОРТЛЕН» готова выбросить на мировой рынок большой объем хлопка-сырца с целью ценового демпинга. В этой связи делалось предположение о серьезных последствиях для ряда стран, в частности Сирии и Турции, в случае реализации этого плана, который рассматривался как эффективный метод советской пропаганды⁴⁵. В контексте этого, казалось, имевшего опасность обрушения мирового рынка хлопка плана, якобы существовавшего у СССР, весьма неожиданную тональность приобретало обсуждение понижения цен на «белое золото», прошедшее 21 декабря 1953 г. на IV заседании американо-французских консультаций по вопросам ближневосточной нефти. Французский представитель заявил не только о необходимости низких стабильных цен на нефть, имея в виду потребности Западной Европы, но и отметил, что «нефть стоит в одном ряду с шерстью и хлопком в качестве основных товаров, требующих оплаты в долларах или фунтах стерлингов»⁴⁶, и таким образом фактически призвал к снижению цен и на это сырье. В то же время во внешнеполитических институтах США, прежде всего в Государственном департаменте и организациях американского разведывательного сообщества обращали внимание на место и роль сырьевого фактора в развитии национальных экономик зарубежных стран. 11 марта 1954 г. Управление зарубежных операций, созданное в 1953 г. для координации действий правительства в политической, экономической и военной областях за рубежом, отмечало в специальном докладе для Совета национальной безопасности, что «снижение цен на мировом рынке хлопка и джута продолжает оказывать негативное влияние на валютное положение стран-экспортеров — Египта, Турции

⁴⁴ В материале говорилось о 15 тыс. тюков. 1 тюк равен по весу 250 кг.

⁴⁵ General CIA Records. Information Report. Possibility that USSR may dump cotton on world market in order to depress prices. November 12, 1953. P.1, 2. CIA-RDP80-00809A000500260023-5.pdf — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80-00809A000500260023-5.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

⁴⁶ Agreed Minutes of the Fourth Session of the United States-French Talks on Middle East Oil. Secret. Washington, December 21, 1953//FRUS, 1952–1954, The Near and Middle East. Washington: United States Government Printing Office, 1986. Vol. IX. Part. 1. P. 764.

и Пакистана»⁴⁷. Аналогичная оценка происходящему давалась и в материалах Госдепа США. В документе, подготовленном 17 мая 1954 г. Бюро по экономическим делам Госдепа США, особо отмечалось, что за исключением США экономическое благосостояние населения в большинстве стран «гораздо сильнее зависит от прямых доходов от международной торговли», объемов, а также цен на товары и услуги, связанные с ней⁴⁸. В этой связи обращалось внимание на то, что «эта зависимость является драматичной в случае многих слаборазвитых стран, чьи валютные поступления сильно сконцентрированы на небольшом количестве сырьевых материалов». Среди перечисленных государств, для которых хлопок являлся одним из главных экспортных продуктов, назывались Египет (89 %) и Пакистан (87 % вместе с джутом)⁴⁹.

Вполне естественным на этом фоне становилась аналитическая работа экспертов ЦРУ по выяснению потенциала текстильной промышленности и ее потребностей в государствах — членах Восточного блока и в самом СССР. В соответствии с расчетами авторов подготовленного в Управлении 3 сентября 1954 г. доклада страны советского блока не полностью удовлетворяли свои потребности в текстиле и покрывали дефицит за счет импорта⁵⁰. В то же время, по мнению экспертов, в самом СССР программа увеличения производства хлопка реализуется несмотря на высокие затраты⁵¹. Для авторов материала было очевидно стремление европейских членов Восточного блока и СССР увеличить местное производство с целью сокращения импорта, а в случае невозможности этого Советский Союз «будет вынужден сократить обеспеченность этой продукцией на душу населения, сократить экспорт в европейские государства-сателлиты или увеличить импорт»⁵².

⁴⁷ Report Prepared by the Foreign Operations Administration. Top secret NSC 5407 Part 3 [Washington,] March 11, 1954. The Mutual Security Program. Status as of December 31, 1953//FRUS, 1952–1954, General: Economic and Political Matters. Washington: United States Government Printing Office, 1983. Vol. I. Part. 2. P. 705.

⁴⁸ Paper Prepared in the Bureau of Economic Affairs official use only [Washington,] May 17, 1954// FRUS, 1952–1954, General: Economic and Political Matters. Washington: United States Government Printing Office, 1983. Vol. I. Part. 2. P. 74.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ General CIA Records. Intelligence Memorandum. Preliminary estimates of production of textile fibers in the Soviet Bloc. Office of Research and Reports. 1953. September 3, 1954. CIA-. P. 1. RDP79T00935A000200400001-8.pdf — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00935A000200400001-8.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid. P. 10.

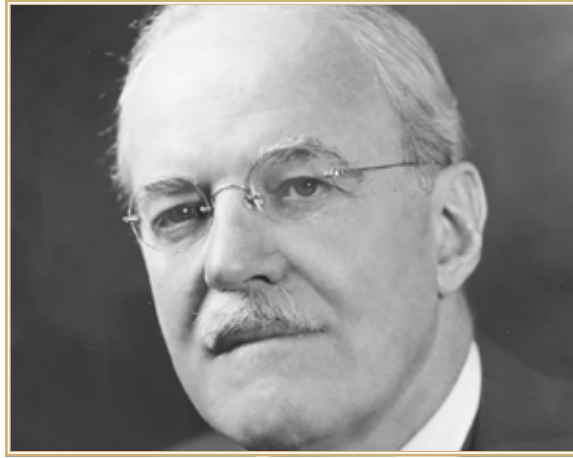
Имея в виду, что подавляющая часть сырья для советской текстильной промышленности была представлена хлопком, аналитики ЦРУ обращали особое внимание на перспективы удовлетворения растущих потребностей советской промышленности в нем, в связи с чем они обращались как к конкретным результатам, достигнутым в этой отрасли, так и к действиям советского руководства, нацеленным на его развитие. Прежде всего, как отмечали весной 1955 г. эксперты разведки, обнаруживался рост производства хлопка-сырца в СССР на 170 % за период 1946–1954 гг.⁵³ Одновременно обращалось внимание на привилегированное положение хлопка в советском послевоенном сельском хозяйстве⁵⁴, а хлопчатобумажная ткань играла ведущую роль в советской текстильной промышленности⁵⁵. Основной базой хлопкоробства в СССР определялись республики Средней Азии и Казахстан, из которых Узбекистан рассматривался как крупнейший поставщик «белого золота», а Таджикистан — как наиболее последовательно выполнявший намеченные плана производства хлопка⁵⁶. Однако при всем росте объемов сбора хлопка в СССР потребности Восточного блока в этом сырье советская сторона удовлетворить не могла, что компенсировалось за счет импорта из-за рубежа. Среди стран-экспортеров особое место принадлежало Египту, и его поставки играли важную роль, одновременно придавая такой торговле и политическую составляющую. После установления в стране республиканского строя и прихода к власти сторонников независимости Египта от иностранного влияния, частью чего являлись усиливавшиеся требования о передаче контроля над Суэцким каналом под египетский суверенитет, все отчетливее вырисовывалась перспектива вероятного сближения СССР с новым египетским режимом, и экономический аспект этого процесса мог стать одним из главных. 30 декабря 1955 г. Государственный секретарь США Дж.Ф. Даллес направил помощнику президента США Д. Эйзенхауэра по экономическим вопросам Г. Хауге записку, в которой обращал внимание на то, что на протяжении долгого времени американская сторона стремилась укреплять отношения с Египтом и «противодейство-

⁵³ General CIA Records. Office of Current Intelligence. Soviet cotton production in the postwar period. April 6, 1955. P. 1. DOC_0000496067.pdf — [Электронный ресурс] https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000496067.pdf (дата обращения: 15.07.2023).

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid. P. 4.

⁵⁶ Ibid. P. 15, 16, 17.



Аллен Даллес — директор Центральной разведки (1953–1961)

вать советскому давлению в этом регионе, повлиять на урегулирование арабо-израильского спора и учитывая лидирующую позицию Египта среди арабских государств»⁵⁷. Однако все предпринимавшиеся усилия, как отмечал глава Госдепа, оказывались под угрозой в связи с сохранявшимися квотами на импорт египетского хлопка в США и обращением Египта к другим покупателям, так как хлопок составлял 85 % валютных доходов страны. При этом общий объем закупок американской стороной египетского хлопка составлял 16 млн долларов. Одновременно советский блок увеличил эти закупки, а в связи с сокращением продаж на мировых рынках этой главной продукции египетской экономики и продолжающихся сохраняться в США импортных квот, как полагал Даллес, предлагавшиеся министерством сельского хозяйства США меры по ограничению ввоза египетского хлопка «заметно повысят ориентацию Египта на советский блок»⁵⁸. В январе 1956 г. Управление разведывательных исследований Государственного департамента США составило доклад «Последние события в торговых отношениях между Египтом и Советским блоком», в котором отмечался «повышенный интерес блока к египетскому хлопку, главному экспортному продукту страны», который сочетался «с падением мирового спроса», приведшего «к резкому увеличению торговли египетско-китайско-совет-

⁵⁷ Memorandum From the Secretary of State to the President's Administrative Assistant (Hauge) Washington, December 30, 1955//FRUS, 1955–1957, Foreign Economic Policy; Foreign Information Program. Washington: United States Government Printing Office, 1987. Vol. IX. P. 167.

⁵⁸ Ibid.

ского блока в 1955 г»⁵⁹. В этой связи особое беспокойство в Западном блоке и в США начинали вызывать советско-египетские бартерные сделки, частью которых был и хлопок⁶⁰.

В свою очередь, в начале 1956 г. выше упоминавшийся прогноз американского Госсекретаря получил развитие в аналитическом материале «Коммунисты извлекают выгоду из хлопковых проблем свободного мира», подготовленном совместно с Государственным департаментом, Управлением разведывательных исследований и Отделом специализированной разведки⁶¹. На основании имевшейся у американской стороны информации в нем делался вывод о том, что «советско-китайский блок использует растущую ситуацию с избытком хлопка в мире для дальнейшего усиления экономического и политического наступления на Ближнем Востоке и в Южной Азии», и приводились примеры обмена чешского оружия на египетский хлопок⁶², а также закупки КНР хлопка у Индии. В этой связи предполагалась переориентация экспорта хлопка из Египта в Восточный блок⁶³. Важным в данном контексте был вывод аналитиков о том, что хлопок превращался в инструмент политического влияния советского блока за счет увеличения экспорта советского хлопка, понижения цен на него на мировых рынках, что увеличивало «политическое и экономическое влияние, которое блок может оказать, помогая бедствующим экспортерам хлопка»⁶⁴. Имея в виду усиливавшуюся активность Восточного блока и возглавлявшего его СССР, а также КНР в развивающихся странах, рабочая группа Комитета экономической

⁵⁹ General CIA Records. Intelligence Report. No. 6675/S. (Supplement to Know. 6675). Recent development in trade relations between Egypt and the Soviet bloc. January 18, 1956. P. i. CIA-RDP64-00014A000100130028-8.pdf — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP64-00014A000100130028-8.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

⁶⁰ *Hamilton Th. J.* Egypt to obtain arms of Soviet; West concerned; Cairo Reports to Britain Its Plan to Trade Cotton for Heavy Materiel and Jets//The New York Times. 25 September 1955. P. 1.

⁶¹ General CIA Records. Intelligence report. Communists capitalize on free world's cotton problems. January 26, 1956. CIA-RDP64-00014A000100130030-5.pdf — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP64-00014A000100130030-5.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

⁶² Подробнее об этом: *Shaughnessy Skaggs Th.* The Czech-Egyptian arms deal of 1955: a turning point in Middle Eastern Cold War history (2015). Electronic Theses and Dissertations. Paper 2287. — [Электронный ресурс] <https://doi.org/10.18297/etd/2287>.

⁶³ General CIA Records. Intelligence report. Communists capitalize on free world's cotton problems. January 26, 1956. P. iii.

⁶⁴ *Ibid.*

разведки США, включавшего представителей разведывательного сообщества ряда министерств и ведомств, а также гражданского министерства сельского хозяйства, составляла для американского правительства двухнедельные бюллетени «Экономическая деятельность китайско-советского блока в слабо развитых регионах». Во многом пристальное внимание к действиям Москвы на внешнеполитической арене со стороны Западного блока и США обуславливалось ожиданиями, связанными с так называемым «новым курсом» Кремля после состоявшегося 14–25 февраля 1956 г. XX съезда КПСС. Так называемая «оттепель» в условиях советского коммунистического режима рассматривалась как возможность внутрисполитической либерализации и смягчения межблокового противостояния в международных отношениях, несмотря на то что Кремль (и это понимали в правительственных и политических кругах Западного блока) не отказывался от продолжения политики распространения своего влияния в русле коммунистической доктрины. В этой связи в очередном апрельском бюллетене о действиях Восточного блока и КНР в развивающихся странах отмечали, что их усилия «были сосредоточены главным образом на переговорах по торговым соглашениям»⁶⁵. Одновременно и в контексте «хлопковой темы» обращалось внимание на то, что, несмотря на отсутствие заверений со стороны Чехословакии не перепродавать египетский хлопок, полученный в результате бартерной сделки в обмен на оружие, египетские власти не проявляют беспокойства по этому поводу, «поскольку экспорт хлопка в Блок подскочил с 10 процентов от общего объема экспорта в 1953–1954 гг. до ожидаемых 33 процентов в 1955–1956 гг.»⁶⁶. Выход СССР на международные рынки хлопка рассматривался американской стороной как способный в перспективе повлиять на характер экспорта американского хлопка и ценообразование в целом. Это становилось настолько серьезным вопросом, что Государственный секретарь Дж.Ф. Даллес составил 15 мая 1956 г. специальную записку, адресованную президенту США Д. Эйзенхауэру, в которой он отмечал, что пока Советский Союз экспортирует небольшие объемы хлопка, это не влияет на мировые цены, но изменение ситуации могло привести к увеличению советского экспорта, и даже не-

⁶⁵ General CIA Records. Economic Intelligence Committee. Biweekly Report. Sino-Soviet Bloc Economic activities in underdeveloped areas. April 30, 1956. P. 1. CIA-RDP92B01090R000700010006-4.pdf — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP92B01090R000700010006-4.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

⁶⁶ Ibid. P. 2.

большая закупка советского хлопка «по сниженным ценам в Ливерпуле может заставить Соединенные Штаты пойти на российскую цену»⁶⁷. Вслед за США это могло повлиять на поведение и других стран-экспортеров, которые оказывались бы «во власти коммунистов». Парадокс складывавшейся ситуации в подобном случае заключался бы, по мнению Госсекретаря, в том, что недовольство этих стран было бы направлено в первую очередь против США как заинтересованных в снижении цен на хлопок, что проистекало из проекта нового американского закона по внешней торговле⁶⁸. В этой ситуации важную роль играла позиция каждого из основных государств — экспортеров хлопка на мировые рынки, и поэтому события, происходившие в одном из них, в Египте, имели особое значение как для в целом складывавшегося положения на Ближнем Востоке, так и в частности для «хлопковой темы». После очередного переворота в Египте и прихода к власти Г.А. Насера, сторонника так называемого арабского социализма, и предпринятых им шагов по национализации Суэцкого канала, приведших к фактической войне с Египтом, с одной стороны, а с другой — Францией, Британией и Израилем (октябрь 1956 г. — март 1957 г.), становилось очевидным, что новый египетский режим все больше дрейфует в сторону Восточного блока. Помимо всего прочего, Суэцкий кризис развивался на фоне Венгерской революции (октябрь — ноябрь 1956 г.) против коммунистического режима, подавленной Советской армией, что также ознаменовало новый этап в развитии холодной войны.

В октябре 1957 г. рабочая группа Комитета экономической разведки США подготовила очередной двухнедельный доклад о деятельности СССР, стран Восточного блока и КНР в развивающихся странах, в котором уже отмечались благоприятные условия для импорта ими хлопка из стран, не входящих в блок, из-за опасений последних по поводу трудностей в реализации своих экспортных планов, в случае с Египтом и Сирией стремлением местных правительств добиться поставок вооружений из государств Восточного блока и СССР⁶⁹. Одновременно,

⁶⁷ Memorandum From the Secretary of State to the President Washington, May 15, 1956// FRUS, 1955–1957, Foreign Economic Policy; Foreign Information Program. Washington: United States Government Printing Office, 1987. Vol. IX. P. 189.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ General CIA Records. Economic Intelligence Committee. Biweekly Report. Sino-Soviet Bloc Economic activities in underdeveloped areas. October 14, 1957. P. i. CIA-RDP92B01090R000700010044-2.pdf — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP92B01090R000700010044-2.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).



Гамаль Абдель Насер

имея в виду важность текстильной отрасли для национальных экономик большинства развитых государств Западного блока, а также количество занятой в ней рабочей силы, Советский Союз, также развивавший свою текстильную промышленность⁷⁰, создавал благоприятные условия для себя, порождая определенный дефицит на международных рынках. Конкуренция за влияние на страны-импортеры хлопка в складывавшихся условиях затрагивала уже не только и не столько исключительно экономический аспект проблемы, сколько политический и военный. Усиление связей Египта, а также Сирии и Индии с СССР создавало условия для советского проникновения на мировые хлопковые рынки, куда начинал направляться и советский хлопок. Параллельно с этим ЦРУ обращало внимание в целом на советские шаги в отношении Западного блока в экономическом отношении. В июне 1958 г. аналитики Управления подготовили краткую записку, посвященную советскому экономическому проникновению в страны Запада. Они отмечали, что в соответствии с новой тактикой, провозглашенной главой советского режима Н. Хрущевым, соревнование между блоками перешло из военной конфронтации в сферу торговли, в связи с чем в документе обращалось особое внимание на то, что «советская торговля со слаборазвитыми странами свободного мира с 1954 года увеличилась более чем на 500 процентов; общий объем советской торговли с Западом за тот

⁷⁰ О степени важности текстильной промышленности для советской экономики и усиления внимания к ней в это время со стороны советского руководства: Корнеев А.М. Текстильная промышленность СССР и пути ее развития. М.: Гос. научно-техническое изд-во литературы по легкой промышленности, 1957.

же период вырос более чем на 100 процентов», а «советская внешне-экономическая программа является частью «политики мирной конкуренции»⁷¹.

Однако одной из серьезных проблем, с которой сталкивалось зарубежное академическое и разведывательное сообщество, что признавал, в частности, и глава ЦРУ А.У. Даллес в своем письме 22 апреля 1959 г. министру финансов США Р.Б. Андерсону, запросившему экспертную оценку достоверности советской статистики, была проблема верификации представлявшихся советскими официальными государственными органами статистических данных. В этой связи Даллес писал о том, что существует общее согласие относительно суммарных показателей статистики, касающихся данных ВВП и национального дохода, различающихся с подсчетами на Западе в отношении советской экономики и в целом статистических исчислений, которые вводят в заблуждение, в то время как конкретные данные по производству отдельных товаров верны⁷². Осенью 1961 г. ЦРУ подготовило специальный доклад по теме советской экономической статистики «Фальсификация статистики советского сельского хозяйства», в котором заявлялось о том, что «западные аналитики советского сельского хозяйства в целом согласны с тем, что официальная советская статистика производства некоторых основных сельскохозяйственных товаров в последние годы существенно преувеличена», и делались ссылки на разоблачение фальсификаций, сделанных в самом СССР в начале 60-х гг.⁷³

Этот важный аспект анализа экспертами ситуации, складывавшейся в конкретных областях советской промышленности и отраслях экономики, касался также и «хлопковой темы». Именно в данном контексте аналитики американского разведывательного сообщества, прежде всего из ЦРУ, рассматривали в начале 60-х гг. XX в. происходящий процесс

⁷¹ General CIA Records. Communist Economic Penetration of West. June 26, 1958. P. 1. CIA-RDP62S00545A000100090055-7.pdf — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP62S00545A000100090055-7.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

⁷² General CIA Records. Intelligence Report. The validity of Soviet Economic statistics. April 17, 1959 / P. 1. CIA-RDP80B01676R001100130072-9.pdf — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80B01676R001100130072-9.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

⁷³ General CIA Records. Current Support Briefe. Statistical falsification in Soviet agriculture. November 17, 1961. P. 2. CIA-RDP79T01003A001100250002-0.pdf — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T01003A001100250002-0.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

с точки зрения сравнения как сложившегося в СССР и США положения в текстильной и легкой промышленности, так и перспектив дальнейшего развития этой отрасли национальной экономики двух стран. В этой связи они отмечали в августе 1960 г., что «США далеко опережают СССР по количеству и качеству продукции легкой промышленности»⁷⁴. Одновременно обращалось внимание на стремление СССР увеличить производство хлопчатобумажных тканей с целью удовлетворения широкого спроса, который выше предложения, а также делалось предположение о том, что «на данный момент советская цель догнать Запад в области производства хлопчатобумажных тканей, по-видимому, связана прежде всего с объемом производства»⁷⁵. Особенно важным был вывод авторов аналитического доклада, в соответствии с которым обращалось внимание на удовлетворение потребностей промышленности СССР в хлопке имеющимися мощностями и импортом из Египта и стран Азии⁷⁶. Таким образом, эксперты ЦРУ констатировали изменившееся с начала 50-х гг. положение в производстве «белого золота» в СССР и фактически подтверждали свои предыдущие прогнозы, сделанные ранее, относительно наращивания производства хлопка в Советском Союзе с целью полного удовлетворения собственных потребностей с возможным выходом на международные рынки. Последнее все больше приобретало политический оттенок, так как для американской стороны становилось все более очевидным использование Восточным блоком и СССР помимо идеологических еще и экономических, более действенных во многих случаях рычагов. Наиболее активно подобная политика проводилась Москвой на ближневосточном направлении, где в ходе внутривосточных изменений в Египте эта страна все теснее начинала сотрудничать с СССР и членами советского блока как в политическом, так и экономическом отношении. Более того, реализуя свой курс на построение «арабского социализма» и в соответствии с идеологическими принципами панарабизма, 22 февраля 1958 г. была создана Объединенная Арабская Республика в составе Египта и Сирии как первый шаг на пути государственно-политического объединения всего арабского Востока. Лидирующие

⁷⁴ General CIA Records. Office of research and reports. Comparison of products of light industry in the USSR and the US 1959. August 1, 1960. P. 1. CIA-RDP79S01046A000800010001-2.pdf — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79S01046A000800010001-2.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

⁷⁵ Ibid. P. 3.

⁷⁶ Ibid.

позиции в новом государстве занял Египет, а руководящую роль играл его президент Г.А. Насер, который устанавливал с СССР тесные военно-политические и экономические отношения.

В политических и правительственных кругах Западного блока и в США в частности происходившее рассматривалось как советское продвижение не только в Ближневосточный регион, но и как часть более общего курса СССР на укрепление своих позиций в развивающихся странах, ранее связанных с Западным блоком и его отдельными членами. Экономическая составляющая советской политики на этом направлении имела особое значение. В этой связи во время встречи посла США в Израиле О. Рида с президентом США Дж. Кеннеди 31 января 1961 г. первый из них, перечисляя так называемые «винты», которые СССР может «завинтить» с целью оказания давления на Египет, на первом месте назвал закупки египетского хлопка советской стороной, а на втором и третьем — поставки оружия и строительство Асуанской плотины. Именно эти вопросы он рекомендовал рассмотреть с целью перехвата Западным блоком инициативы у СССР⁷⁷. Вполне естественным на этом фоне было обращение экспертов ЦРУ к положению, которое складывалось в советской легкой промышленности — главном потребителе хлопчатобумажных тканей, так как внешнеполитическая экспансия СССР в регионы развивающихся стран требовала сбалансированного соотношения закупок сырья и его использования на внутреннем советском рынке с целью удовлетворения собственных потребительских потребностей, а не только проведения внешнеторговых операций в интересах подрыва международных рынков хлопка и оказания влияния на отдельных членов Западного блока. Именно для выяснения советского потенциала в возможной реализации последнего эксперты Управления провели осенью 1961 г. анализ развития советской легкой промышленности с точки зрения сопоставления ее с американской. Их выводы заключались в том, что действия советского руководства, направленные на расширение производства «потребительских товаров, по-видимому, были частично мотивированы необходимостью стимулировать рабочих посредством более сильных стимулов, чтобы добиться повышения производительности советской рабочей силы», так как «план Хрущева догнать и превзойти США в важных отраслях

⁷⁷ Memorandum of Conversation Washington, January 31, 1961. SUBJECT: Ambassador Reid's Review of His Conversation with President Kennedy//FRUS, 1961–1963, Near East, 1961–1962. Washington; United States Government Printing Office, 1994. Vol. XVII. P. 11.

промышленного производства требует такого повышения производительности»⁷⁸. Как отмечали эксперты ЦРУ, производство потребительских товаров в СССР на протяжении периода 1950–1960-х гг. было более низким, чем в США и странах Западной Европы, несмотря на то что производство хлопчатобумажных тканей увеличилось на 65 %⁷⁹. Для того чтобы добиться необходимых показателей в легкой промышленности при соревновании с США и превзойти их, как это обещал Н. Хрущев, как они предполагали, советская легкая промышленность, столкнувшись с большими трудностями, получит по сравнению с предыдущим периодом «значительно большую часть скудных экономических и технических ресурсов страны»⁸⁰.

Весьма примечательным на этом фоне становилось развитие взаимоотношений Восточного блока и СССР с Египтом — одним из основных поставщиков хлопка на международные рынки. Опасения, существовавшие у США по поводу попыток монополизации Советским Союзом и возглавлявшимся им блоком египетской хлопковой торговли, заставляли аналитиков ЦРУ внимательно отслеживать динамику внешнеторговых операций СССР и ряда других коммунистических стран с египетским хлопковым сырьем. Казавшаяся в конце 50-х — начале 60-х гг. тенденция нарастания зависимости нового египетского режима от советской стороны уже в начале 60-х гг. явно приостановилась. Тактика СССР по операциям с импортируемым им хлопком, становившимся предметом советского реэкспорта, начинала давать сбои в отношении египетского хлопка — основного экспортного продукта египетской экономики и поэтому находилась под контролем режима Насера, имевшего свое видение развития взаимоотношений с Советским Союзом и стремившегося не допустить советского давления с использованием экономических рычагов. В начале декабря 1962 г. появился аналитический материал ЦРУ, посвященный возможностям реэкспорта Восточным блоком египетского хлопка⁸¹. В нем авторы доклада кон-

⁷⁸ General CIA Records. Economic Intelligence Report. Light industry in the USSR 1950–65. September 1, 1961. P. 1. CIA-RDP79R01141A002100120001-3.pdf — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79R01141A002100120001-3.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

⁷⁹ Ibid.

⁸⁰ Ibid. P. 3.

⁸¹ General CIA Records. Office of research and reports. Possible increase in Bloc reexports of Egyptian cotton. December 3, 1962. CIA-RDP79T01003A001400110001-3.pdf — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T01003A001400110001-3.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

статировали принятие властями ОАР новой политики, «которая может позволить увеличить объемы реэкспорта египетского хлопка странами Блока»⁸². По мнению аналитиков, экспортные цены на египетский хлопок в текущий экспортный сезон должны были стать одинаковыми для всех импортеров и определяться конкуренцией, но в результате новой политики правительства ОАР эти цены будут снижены для Восточного блока и Югославии, что «облегчит этим странам задачу выдержать финансовое бремя снижения мировых цен на хлопок, чтобы продолжить программу реэкспорта»⁸³. При этом особо отмечалось, что в период 1961–1962 гг. этот реэкспорт был небольшим, в то время как в целом за период до него он составлял значительную величину. Авторы материала обращали внимание на то, что снижение цен при продаже египетского хлопка колебалось от 2 % до 20 % ниже мировых цен⁸⁴. Это лишало власти ОАР поступлений твердой валюты, и эксперты ЦРУ, обращаясь к новой «хлопковой политике» правительства, выделяли ограничительные меры, принятые ими в отношении продаж хлопка в коммунистические страны, и введение государственного контроля за «хлопковой темой». Торговля хлопком с коммунистическими государствами представляла, как констатировали аналитики Управления, платой ОАР за помощь с поставками оружия, но правительство этой страны, тем не менее, оказывалось в сложном положении, так как «пока Египет продолжает искать и получать такую помощь от Блока, маловероятно, что правительство сможет — даже если оно захочет — разработать в обозримом будущем хлопковую политику, которая бы эффективно ликвидировала реэкспорт этими странами»⁸⁵. Таким образом, эксперты ЦРУ фактически ставили под сомнение перспективу более самостоятельных действий руководства ОАР от СССР в условиях, когда Западный блок не предпринимает шагов, направленных на улучшение отношений с Г.А. Насером и возглавляемым им режимом. «Хлопковая тема» играла одну из важных ролей в этой схеме взаимоотношений. Одновременно на этом фоне особое значение приобретали информация о развитии хлопководства в самом СССР и, прежде всего, определение потенциала хлопкоробства в тех из его республик, экономика которых была ориентирована на производство этой культуры. В мае 1962 г. ЦРУ подготовило специальный

⁸² Ibid. P. 1.

⁸³ Ibid.

⁸⁴ Ibid.

⁸⁵ Ibid. P. 4.

информационный доклад, содержащий как общие сведения, так и данные о промышленности Ташкента, что было неслучайно, так как именно в Узбекистане производство хлопка становилось наибольшим во всем СССР⁸⁶. В декабре 1962 г. внимание к Узбекистану было вновь подтверждено, когда в ЦРУ был составлен подробный информационный доклад о создании Государственного специального конструкторского бюро по хлопку в Ташкенте, в задачи которого входило конструирование сельскохозяйственной техники для местных условий хлопководства. В материале сообщалось не только о точном адресе бюро, но и о его структуре, количестве сотрудников. Аналогичная информация была получена ЦРУ и о другом важном с точки зрения «хлопковой темы» учреждении, находившемся в столице Узбекистана — Ташкентском институте ирригации и механизации сельского хозяйства, с указанием учебных предметов, преподававшихся в нем. Не меньшее внимание в документе придавалось экскаваторному заводу в Ташкенте, имевшему значение для ирригационных работ в республике⁸⁷. С точки зрения необходимости определения возможной степени влияния СССР как в целом на мировую конъюнктуру цен на хлопок, так и расширения советского влияния в политическом и военном отношениях через «хлопковую тему» на развивающиеся страны аналитики ЦРУ обращали первостепенное внимание на потенциал советского хлопководства, потребности СССР и стран коммунистического блока в хлопчатобумажных тканях, степень развития легкой промышленности, финансовые и технические возможности национальных экономик членов Восточного блока. Именно поэтому со стороны Государственного департамента и американского разведывательного сообщества, прежде всего его главного члена — ЦРУ, проявлялось столь пристальное внимание к советской «хлопковой политике» в период 50-х — начала 60-х гг. XX в., а сама «хлопковая тема» превращалась в политическую международного масштаба.



⁸⁶ General CIA Records. Industrial and general information on Tashkent. May 21, 1962. CIA-RDP80T00246A063000210001-8.pdf — [Электронный ресурс] <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80T00246A063000210001-8.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

⁸⁷ General CIA Records. Information Report. December 10, 1962. CIA-RDP80T00246A065800040001-7.pdf — <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80T00246A065800040001-7.pdf>



REFERENCES

1. *Belonogov Yu.G.* The evolution of the Soviet economic model in 1950–1960s in domestic historiography [Evolyutsiya sovetskoy modeli ekonomiki 1950–1960-kh godov v otechestvennoy istoriografii] // Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo. 2014. № 1. S.35–41.
2. *Gaddis J.L.* We Now Know. Rethinking Cold War History. Oxford: Oxford University Press, 1997.
3. *Ginat R.* The Soviet Union and Egypt, 1945–1955. London–New York: Taylor & Francis, 1994; *Hahn P.L.* The United States, Great Britain, and Egypt, 1945–1956: Strategy and Diplomacy in the Early Cold War. North Carolina: UNC Press Books, 2014.
4. *Hamilton Th. J.* Egypt to obtain arms of Soviet; West concerned; Cairo Reports to Britain Its Plan to Trade Cotton for Heavy Materiel and Jets//The New York Times. 25 September 1955.
5. *Little D.* Cold War and Covert Action: The United States and Syria, 1945–1958//The Middle East Journal. Vol. 44. No. 1. 1990. P. 51–75.
6. *Korneev A.M.* Textile industry of the USSR and ways of its development [Tekstil'naya promyshlennost' SSSR i puti yeye razvitiya]. M.: Gos. nauchno-tekhn. izd-vo lit-ry po legkoy promyshl, 1957.
7. *Shaughnessy Skaggs Th.* The Czech-Egyptian arms deal of 1955: a turning point in Middle Eastern Cold War history (2015). Electronic Theses and Dissertations. Paper 2287. – [Electronic resource] <https://doi.org/10.18297/etd/2287>.
8. The Cold War. The Definitive Encyclopedia and Document Collection. Tucker S. C., Pierpaoli P. G., Dowling T. C., Roberts P. (Eds.) Santa Barbara: ABC-CLIO, 2020.
9. *Zofka J.* Chairman Cotton: Socialist Bulgaria's cotton trade with African countries during the early Cold War (1946–70)//Journal of Global History. Vol. 17. Iss. 3. 2022. P. 438–456.



Ключевые слова:

Восточный блок, Госдепартамент, Западный блок, СССР, США, хлопок, ЦРУ

Arutyun A. Ulunyan

«WHITE GOLD» OF THE COLD WAR. USSR COTTON POLICY IN THE ASSESSMENTS OF THE US STATE DEPARTMENT AND CIA (50s — EARLY 60s OF THE 20th CENTURY) *



The author focuses on one of the overshadowed aspects of the early years of Cold War competition between the Eastern and the Western Blocs that played an important role in both foreign and economic affairs during that period of the East-West confrontation. It was the cotton production and its influence which came into the center of persistent observance in the US State Department and the CIA. Both U.S. agencies followed the evolution of the Soviet approach to the «cotton theme» and particularly the Soviet capacity to handle the «cotton question» in her economic and foreign policy interests.

Through the whole decade since the early 50s until the early 60s American diplomats and intelligence experts expressed their confidence in the close interwoven character of the Soviet foreign trade and foreign policy. Through analytical research and with information received by diplomatic channels and open sources examinations the U.S. agencies noticed the flow of the financial support directed by the Soviets to the cotton industry and came to the conclusion of «double-edged» Soviet intentions in handling «cotton affairs».

On the one hand, as they assumed, the USSR actually attempted to fill the gap in her own light industry and military needs by increasing production of the cotton., Moscow also needed to assist her East European satellites with cotton.

On the other hand, Moscow took into consideration the importance of cotton to less developed countries, where the USSR had interests, Soviet leadership used the cotton commodity as a central tool in «opening» of those nations in the interests of expanding Soviet influence with the side effect of penetration to the Western developed countries and international markets.

Keywords: CIA, Cotton, Eastern Bloc, State Department, USA, USSR, Western Bloc.

Arutyun A. Ulunyan — D. Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute.

* The publication was prepared with the support of the MGIMO University «Priority 2030» programme in cooperation with the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

 **Улунян Арутюн Акопович** 

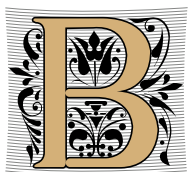
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН. SPIN-код: 6107-1978



DOI: 10.35549/HR.2024.2024.49.008

Д.И. Петин

«СЛУЧАЙНО ОТКРЫЛА ТЕТРАДЬ...»: ИЗ ДНЕВНИКА М.А. ГРИШИНОЙ-АЛМАЗОВОЙ



современной историографии революции и Гражданской войны в России внимание специалистов все чаще обращается к гендерным и гендерно-биографическим аспектам обозначенной широкой проблемы. Данная исследовательская тенденция обуславливается, главным образом, антропологическим поворотом, произошедшим в исторической науке¹. По мнению О.Р. Демидовой, авторитетного специалиста в области гендерной истории, условия войн превращают женщин из «молчаливого большинства» и «незримых» субъектов «Большой истории» в полноценных участников политической борьбы². В свою очередь, взгляд на военно-политические и социальные катаклизмы начала XX в. сквозь личностную

¹ Скутина И.В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень: ТюмГУ, 2003. С. 136; Цветков В.Ж. Основные тенденции и перспективы изучения Белого движения // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / Отв. ред. Д.Б. Павлов; РИО; ИРИ РАН. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 243–246, 248.

² «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России / [В.П. Шелепина, Н.А. Щербачева, М.А. Сливинская, Е.И. Лакиер, А.В. Линден] Сост., подгот. текстов, вст. ст. и прим. О.Р. Демидова. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб, 2013. С. 6.

призму «женской истории» помогает полнее представить ученым общую картину периода, передать характер эпохи, которая в условиях сочетания стихийных и сознательных начал поставила на повестку решение вопросов социальной справедливости и создания новой русской нации³.

Говоря о гендерной истории, известный российский исследователь данного направления Н.А. Пушкарева подчеркивает особую важность изучения и публикации эго-документов⁴. Археографическая деятельность здесь играет заметную роль в научной репрезентации проблемы, становясь отдельным актуальным направлением изучения и популяризации «женской истории» и научной линией, продолжающейся в российской историографии в течение десятилетий⁵. Опыт современных тематических дискуссионных форумов в Омске подтверждает значительный интерес специалистов к продолжению выявления, публикации и популяризации источников о революции и Гражданской войне в России, выделяя при этом личностную историю⁶.

³ Сушко А.В. «Русская» vs «Социалистическая»: к вопросу об определении характера революции в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 2. С. 12; Самойлов Н.А., Ходяков М.В., Янченко Д.Г. Научный семинар в Пекине, посвященный столетию Октябрьской революции 1917 года // Новейшая история России. 2017. № 4. С. 186.

⁴ Пушкарева Н.А. Публичное вторжение в частную жизнь (эвристическая ценность устных и письменных эго-документов для гендерной истории) // Запад-Восток. 2018. № 11. С. 161–180.

⁵ См., напр.: Шишкин В.И. Человеческий документ // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2006. № 12. С. 210–224; Дмитриева В.И. Так было (Путь моей жизни). Ч. 1–2 / Науч. ред. О.Г. Ласунский. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015. 414 с.; Машинская Т. Омский дневник (1917–1920) / Под ред. М.В. Добушевой, В.В. Крымовой; Коммент. Л. Давыдовой. Прага: Русская традиция, 2015. 240 с.; Каминский В.В., Веремко В.А. «Я вышла замуж за любимого». Мемуары О.М. Меницкой-Зоммар (01.03.1874–31.01.1967) // История повседневности. 2017. № 1. С. 109–151; Рейснер А.М. Фронт. М.: Common place, 2018. 336 с.; Петин Д.И., Стельмак М.М. «Колчак и Пепеляев в тюрьме»: воспоминания М.А. Гришиной-Алмазовой // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 1. С. 38–44; Ризаева Е.Н. «Неисчерпаемый материал для понимания настоящего момента...». Из дневника В.А. Пыпиной-Ляцкой. Пг., 1919–1920 гг. // Исторический архив. 2019. № 2. С. 3–14; Калач Е.А., Петин Д.И. «Пишу, следовательно существую» (размышления по ходу чтения путевых заметок М.А. Гришиной-Алмазовой) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2022. Т. 8. № 2. С. 36–53.

⁶ См., напр.: Стельмак М.М. Главная конференция о революции и Гражданской войне в Омске: итоги научной дискуссии // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2. № 1. С. 57–64; Машкарин М.И. «Смута XX века» в Сибири: взгляд сквозь документальное наследие (историко-архивные конференции в Омске по истории Революции и Гражданской войны в России) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5. № 1. С. 70–74.



М.А. Гришина. 11/24 декабря 1917 г.

Колоритной находкой стали пять листов подлинной чернильной рукописи — это дневник Марии Александровны Гришиной-Алмазовой (1890–1976 гг.)⁷. Его автор — влиятельная светская дама, сыгравшая важную роль в общественной и политической жизни антибольшевистской Сибири. Созданная весной 1918 г. гастролирующая театральная труппа, где Мария Александровна была главной артисткой, а ее супруг подполковник А.Н. Гришин — антрепренером, являлась идеальным прикрытием для работы антибольшевистского офицерского подполья⁸. С установлением власти белых в Омске летом 1918 г. Мария Александровна стала организатором и хозяйкой закрытого элитного салона. Здесь в октябре 1918 г. консервативной правореакционной политической платформой (И.А. Михайлов, В.Н. Пепеляев, А.И. Андогский, А.Д. Сыромятников и др.) был сформирован заговор, в ходе которого 18 ноября 1918 г. к верховной власти на востоке России был приведен адмирал А.В. Колчак⁹.

Личную жизнь Марии Александровны в 1910-е гг. можно по праву назвать бурной, а в отдельных моментах — пикантной. Накануне Первой мировой войны она носила фамилию Захарова, жила в Хабаров-

⁷ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–4413. Л. 126–130.

⁸ Помозов О.А. День освобождения Сибири. Томск: Красное знамя, 2014. С. 308–309.

⁹ Пученков А.С., Сушко А.В., Петин Д.И. «Всем говорите, что мое путешествие очень опасное...»: письма генерала А.Н. Гришина-Алмазова его супруге (осень 1918 г.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 1058–1073; Петин Д.И. С авантюрой сквозь жизнь: Мария Александровна Гришина-Алмазова (Михайлова) // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 389–405.



А.Н. Гришин-Алмазов. Лето 1918 г.

ске. Здесь, как указывает в мемуарах военный деятель и белоэмигрант И.С. Ильин, она была хорошо известной шансонеткой в местном шантане. Привлекательная женщина обратила на себя внимание боевого офицера-артиллериста, штабс-капитана Алексея Николаевича Гришина (1880–1919 г.), ставшего вскоре ее первым супругом¹⁰. Точная дата заключения брака нам не известна. Согласно послужным спискам А.Н. Гришина, на 20 сентября 1911 г. он состоял «в разводе с правом вступления в новое супружество», а на 4 октября 1914 г. был «женат вторым браком на девице Марии Александровне Захаровой»¹¹.

В годы Гражданской войны, участвуя на стороне антибольшевистских сил, офицер сделал головокружительную карьеру, уже летом 1918 г. получив чин генерал-майора, пост военного министра во Временном Сибирском правительстве и официальную двойную фамилию («Алмазов» — псевдоним А.Н. Гришина от работы в белом подполье). Но в начале осени 1918 г. «бонапартистские» амбиции стали причиной его громкой отставки и вынужденного отъезда на юг России в Добровольческую армию¹².

¹⁰ Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина 1914–1920 / Вступ. ст. В. Жобер; прим. В. Жобер, К. Чащин. М.: Русский путь, 2016. С. 343.

¹¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 409. Оп. 2. Д. 43296. Л. 6–7.

¹² Шишкин В.И. Генерал А.Н. Гришин-Алмазов: крушение карьеры (конец августа — сентябрь 1918 года) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2011. Т. 10. № 1. С. 79–99; Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 — декабрь 1919 г.). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 274.

Как видно из писем супруга Марии Александровны к ней, их семейные отношения были непростыми: от пылкой и ревливой страсти до холодной прагматичности. Нельзя исключать того, что переменчивые условия военно-революционного периода привели к разладу. В итоге молодая женщина, оставшись без присутствия мужа в белой столице, с осени 1918 г. стала любовницей министра финансов и «серого кардинала» «омского» правительства Ивана Адриановича Михайлова (1891–1946 гг.) — в недавнем прошлом идеологического соратника и друга А.Н. Гришина-Алмазова. Но адюльтер был двойным: ради эксцентричной Марии Александровны ее новый возлюбленный оставил свою первую жену Софью Васильевну Лисенко — абсолютно противоположную по нраву его новой пассии¹³.

В белом Омске светская львица жила на широкую ногу. Не состоя на какой-либо службе, от власти она ежемесячно получала выплату в размере жалованья своего мужа (3500 руб.), сохраняя при этом и казенную квартиру. Генерал А.П. Будберг указывает, что И.А. Михайлов активно материально помогал Марии Александровне, нелегально используя свое служебное положение и административный ресурс. Через государственные банковские счета Михайлов проводил фиктивно финансовые операции, благодаря чему приобретал для возлюбленной различные предметы роскоши¹⁴.

Политическую деятельность М.А. Гришиной-Алмазовой в белом Омске можно назвать весьма успешной. Не занимая никакого официального государственного поста и до конца «не выходя из тени», в течение лета–осени 1918 г. она оказала существенное влияние на ход событий, благодаря своим незаурядным личностным качествам и постоянному присутствию среди высшей власти антибольшевистского Омска. Немаловажную роль здесь сыграли любовные отношения с И.А. Михайловым и тесная дружба с любовницей А.В. Колчака Анной Васильевной Тимиревой. Сложно сказать точно, но, вероятно, двух женщин могло сблизить их схожее положение «нелегальных пассий». Так или иначе, М.А. Гришина-Алмазова находилась «вблизи» Верховного правителя. Для женщины в белом Омске такая формула обозначала вершину политического роста, где традиция мужской доминанты определяла отношения во власти.

¹³ Стельмак М.М., Петин Д.И. «Он насытил свое честолюбие при Колчаке»: министр финансов И.А. Михайлов в оценках современников // Исторический вестник. 2022. Т. 42. С. 40.

¹⁴ Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М.: Пятый Рим, 2018. С. 650.



И.А. Михайлов. 1910-е гг.

В ноябре 1919 г. Мария Александровна эвакуировалась из Омска в Иркутск. С 1921 г. жила в эмиграции, опубликовала записки «Колчак и Пепеляев в тюрьме». Обосновавшись в Харбине, Михайлов и вдовствующая Гришина-Алмазова заключили семейный союз, продлившийся до 1945 г. (без оформления развода Михайлов ушел к более молодой женщине). В браке у Ивана Адриановича и Марии Александровны в 1921 г. родился сын Георгий (Юрий). Осознавая, что очевидный скорый приход советских войск для нее ничего хорошего не несет, женщина вместе с сыном выехала из Харбина. До конца жизни она носила фамилию второго супруга, хотя вошла в историю под фамилией первого. Скончалась и была похоронена в 1976 г. в Сан-Франциско. Заключением Прокуратуры Омской области от 17 июня 1992 г. М.А. Гришина-Алмазова (Михайлова) была полностью реабилитирована по делу 1920 г.¹⁵

Заключительный этап Гражданской войны в судьбе Марии Александровны ознаменовался неприятным эпизодом в ее биографии, но именно «благодаря» ему в нашем распоряжении и оказался публикуемый источник. С января по ноябрь 1920 г. Иркутским Политическим центром, а затем сибирскими чекистами Мария Александровна преследовалась по политическим мотивам (ей инкриминировалось укрывательство И.А. Михайлова и принадлежавших ему денежных сумм). Она содержалась в это время в тюрьме в Иркутске, затем находилась в Омске, представ

¹⁵ См. подробнее: *Петин Д.И.* С авантюрой сквозь жизнь... С. 389–405; *Кротова М.В.* Иван Адрианович Михайлов в эмиграции в Харбине // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 2. С. 64–71; *Кротова М.В.* «Омская группа» в эмиграции в Маньчжурии // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 2. С. 26–33.



Зал суда над деятелями колчаковской власти в Омске.
Конец мая 1920 г.

в мае 1920 г. на суде над колчаковскими министрами, была оправдана, но по настоянию представителя ВЧК и Особого отдела ВЧК И.П. Павлуновского была повторно заключена (без ссылки на закон) в лагерь принудительных работ. Вышла на свободу по амнистии в ноябре 1920 г.

В момент задержания 8 января 1920 г. у Марии Александровны были изъяты все личные бумаги и фотографии¹⁶. Частично они были присвоены следователями к делу в качестве вещественных доказательств, среди которых оказались и фрагменты дневника нашей героини (за конец 1914-го, начало 1916-го, конец 1918-го — середину 1919 г.). Листы были небрежно вырваны из тетрадного блока. Причиной «выборочной сохранности» дневника, на наш взгляд, следует считать то, что следователи включили в состав дела лишь те страницы, где прямо или косвенно были упомянуты А.Н. Гришин-Алмазов (погибший 5 мая 1919 г.) и И.А. Михайлов (после падения власти белых живший в Иркутске инкогнито, бежавший в конце января 1920 г. в Харбин). Очевидно, что сведения о последнем из них, исходя из событийных обстоятельств и обвинения, предъявленного Марии Александровне, интересовали следствие гораздо больше.

Источник, приводимый в данной работе, является, на наш взгляд, ценным дополнением жизнеописания Марии Александровны — «зеркалом души», отражающим ее сложный внутренний мир. В научных исследованиях дневник использован лишь отрывочно. В данной работе впервые и с надлежащими комментариями публикуются все фрагменты этого источника, дошедшие до наших дней.

¹⁶ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–4413. Л. 85 об.



Здание Военного собрания в Омске, где в 1918–1919 гг. размещалось Военное министерство, квартира и салон М. А. Гришиной-Алмазовой

Остановимся подробнее на характеристике дневника. В полной степени неясно, в какой период своей жизни М.А. Гришина-Алмазова его вела. Мы полагаем, начало этому было положено накануне Первой мировой войны, равно как ведение дневника могло продолжиться в эмиграции. О «назначении» дневника есть лишь версии. На наш взгляд, он выступал в качестве инструмента психологической разгрузки (что выглядит вполне очевидным по его «исповедальному тону»). И вряд ли не слишком образованная Мария Александровна писала записки «в соответствии» с традициями своего времени и дворянской культурой (к каковой она причислялась сугубо по роду деятельности и статусу первого супруга).

Важной содержательной характеристикой является то, что в дневнике «светская львица» белого Омска описывает не текущие события (фактически кардинально повлиявшие на ход российской истории). Но она весьма откровенно делится своими мыслями и переживаниями, носившими подчас приватный характер. Рукопись (или, по крайней мере, дошедшую до нас ее часть) можно назвать «деполитизированной». Это в определенной степени укладывается в «нормы» женского описания истории¹⁷. Отметим и другую важную деталь автографа дневника: записи, по всей видимости, делались без какой-либо системности, иногда с очень большими временными перерывами (по мере душевной

¹⁷ Морозова О.М., Трошина Т.И. Женский взгляд на мужскую работу. Революция и Гражданская война глазами и в судьбах женщин // Новейшая история России. 2016. № 2. С. 8–30; Пушкарева И.М., Пушкарева Н.А. Женское участие в российской политической жизни начала XX в. (Советская и постсоветская историография) // Женщина в российском обществе. 2017. № 2. С. 15–34.

потребности). Об этом мы можем сделать вывод, исходя не только из датировки, но и благодаря отдельным цитатам (например, «опять пишу, это теперь так редко», «случайно открыла тетрадь»¹⁸).

В тексте дневника часты орфографические, пунктуационные и синтаксические ошибки (устранены при подготовке источника к публикации). Недостатки в письменной речи нашей героини можно объяснить тем, что Мария Александровна имела лишь начальное образование. Стил ь изложения в дневнике «по-женски» эмоциональный, при этом сбивчивый, отчасти сумбурный. Так же можно охарактеризовать и построение предложений. Это можно объяснить сложной обстановкой военно-революционного периода, порождавшей у Марии Александровны некую жизненную неопределенность и неуверенность, а также образом жизни в белом Омске, связанным с частым употреблением ею алкоголя¹⁹.

Хотя М.А. Гришина-Алмазова не говорит об этом в дневнике напрямую, но богемный характер ее жизни, а также стиль изложения мыслей в записях 1918–1919 гг. дают право предполагать о возможном приеме ею и наркотических средств. Авторитетный историк правоохранительной системы антибольшевистской Сибири С.П. Звягин указывает на распространенность употребления кокаина в белом Омске среди «дам полусвета»²⁰.

В отношении пристрастия к спиртным напиткам Мария Александровна, охарактеризованная советской прессой, как «известная Мессалина колчаковского двора»²¹, была схожа с ее первым мужем. По свидетельствам П.В. Вологодского и большевика-подпольщика, омича А.Ф. Солдатова, генерал Гришин-Алмазов любил устраивать в здании Военного министерства громкие кутежи²². Второй избранник нашей героини — И.А. Михайлов, как указывал И.С. Ильин, отличался на светских раутах категоричной трезвостью²³. Но генерала, министра, равно как

¹⁸ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–4413. Л. 126 об., 127.

¹⁹ Там же. Л. 128.

²⁰ Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. С. 226.

²¹ Как был занят Иркутск // Советская Сибирь (Омск). 1920. 22 февраля. С. 3.

²² Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.) / Сост., предисл. и комментарий. Д.Г. Вульфа, Н.С. Ларькова, С.Н. Ляндерса. Рязань, 2006. С. 182; Солдатов А.Ф. В колчаковском тылу // В огне революции и гражданской войны. Воспоминания участников / Редкол. Е.Д. Сухина (отв. ред.) и др. Омск: Омское книжное изд-во, 1959. С. 138.

²³ Ильин И.С. Омск. Директория. Колчак // Новый журнал (Нью-Йорк). 1963. № 72. С. 206.



Передовица омской газеты «Заря» с анонсом мероприятия, устраиваемого М.А. Гришиной-Алмазовой. 2 августа 1918 г.

их блистательную страсть роднила, прежде всего, безудержная страсть к авантюрам²⁴. Видный деятель сибирской контрреволюции И.И. Серебренников об избранниках Марии Александровны высказался метко и язвительно: «Эти двое <...> наиболее молодые и подвижные деятели Омска. Тому и другому было присуще честолюбие, в размерах и степени, не вполне соответствовавших их личным способностям и дарованиям»²⁵.

Но в любом случае обращение к публикуемому дневнику нацеливает на осмысление исторических фигур ее избранников и ряда других фигурантов политической жизни белого Омска. Здесь важно сказать, что если о жизненном пути А.Н. Гришина-Алмазова историками написано уже достаточно много, то подобные целостные обобщения о каверзной биографии И.А. Михайлова (прожившего, по сравнению с генералом, гораздо более долгую жизнь) пока единичны и нацелены в большей степени на события Гражданской войны²⁶. Но эти знания могут восполняться через документальные находки даже косвенным путем; яркий пример тому — публикуемые записки.

Подчеркнем важную деталь: метущийся внутренний мир дневника Гришиной-Алмазовой вовсе не соотносим с образом сильной, успешной покорительницы мужских сердец, о котором писали современ-

²⁴ Стельмак М.М., Петин Д.И. «Он насытил свое честолюбие при Колчаке»... С. 40.

²⁵ Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. I. В революции (1917–1919). Тяньцзинь: Star Press, 1937. С. 151.

²⁶ См., напр.: Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы. СПб.: СПбГУ, 2019. С. 392–398.

ники (из всех мемуаристов подробно Марию Александровну в данном отношении охарактеризовали полковник И.С. Ильин и купеческая дочь Т.Н. Машинская²⁷). На основании чего мы полагаем, что изложенные в дневнике переживания Марии Александровны, по всей видимости, оставались ее интимной тайной.

Стоит помнить, что понимание личности и психологии автора документа особо важно для трактовки публикуемого эго-источника и его последующего использования исследователями. Но при активных устремлениях современных публикаторов преподносить историю антибольшевистского движения так происходит, к сожалению, далеко не всегда. Это подчеркивает российский историк и археограф Р.Г. Гагкуев. Он же говорит о нацеленности авторов на освещение региональных аспектов «Русской Смуты XX века»²⁸. Но в этом смысле омские события 1918–1919 гг. — тот случай, когда локальная история обретает всероссийское значение²⁹.

Публикуемая рукопись оформлена в традициях отечественного архивоведения. Текст источника подготовлен в соответствии с нормами современного русского литературного языка, но при условии сохранения текстологических особенностей оригинала источника. Название работе дано публикатором.

8³⁰ октября [1914 г.] — среда, [Место написания не установлено]

Сегодня Лелька уехал на войну³¹.

Как мне тяжело и страшно. Что будет[,] если только с ним что[–]ни-
будь случится. Спаси его[,] Господи... верни мне его живым и здоровым.

²⁷ Машинская Т. Омский дневник... С. 88; Скитания русского офицера... С. 343.

²⁸ Гагкуев Р.Г. Проблемы изучения Гражданской войны в России: сегодня и завтра // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 6.

²⁹ См., напр.: Базанов П.Н. Местная или всероссийская культура? // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. № 3. С. 186–188; Пученков А.С. Омские Форсайты и «Дом Колчака» // Российская история. 2023. № 2. С. 205–208.

³⁰ Запись, исходя из дня недели, указанного Марией Александровной, очевидно, сделана 21 октября 1914 г. по новому стилю.

³¹ Здесь идет речь об убийстве штабс-капитана А.Н. Гришина на фронт в составе 5-го Сибирского мортирного артиллерийского дивизиона. Условным местом написания этой записи, вероятно, следует считать Приамурье, где перед Первой мировой войной служил А.Н. Гришин. «Лелька, Леля» — так, судя по личной переписке и дневнику, в домашнем обиходе Мария Александровна называла своего первого супруга.

12 декабря [1914 г.], [Место написания не установлено]

Года идут. Неужели так вся жизнь пройдет. Когда так хочется жить[,] дышать полной грудью, когда мне 24 года, я живу в какой-то поганой деревушке. Сердце все время болит. Только и живешь тем[,] что ждешь или письма[,] или телеграммы.

Деньги тратить боишься[,] во всем себе отказываешь, и если кой лишний рубль потратишь[,] то потом не можешь успокоиться[,] что будто сделал какое-то преступление. Как жаль молодости. Она не ждет, года идут, и скоро станешь старым и никому не нужным.

Как мне тоскливо от всего этого. Спаси[,] Господи[,] Лельку. Я так люблю его.

27 февраля 1916 г., [Место написания не установлено]

Опять пишу. Это теперь так редко. Так болит сердце[,] что просто кажется и не кончится эта боль. Только что вернулась от профессора [медицины], и теперь совсем расстроена[:] он сказал[,] что детей у меня[,] наверное[,] не будет. Я так этого боялась[,] жизнь такая скучная[,] безотрадная[,] впереди ничего[,] кроме старости, все как-то бесцельно. Я думала, что я здорова[,] оказалось, что у меня [нашлись] все болезни[,] какие только могут быть; молиться не хочется[,] потому что затем у меня не будет [очевидно, пропуск слова. — *Авт.*] жить тоскливо.

Спаси[,] Боже[,] Лельку, а иначе жить совсем не стоит. Если бы заглянул кто в мою душу[,] кровь запеклась[.] Ну скажем[,] детей бы хотя бы[,] однако. Тогда бы [было] просто[,] для кого жить.

16 ноября 1918 г., [Омск]

Случайно открыла тетрадь; начала ее просматривать и столько грусти пробудила она в душе[,] кажется, что за всю жизнь не было так грустно[,] как сейчас. Я все чего-то жду[,] на что-то надеюсь? Мне говорят, что я умна, что у меня большая красивая душа, так может быть от того, что я не могу найти применения уму, главное [–] потому что я не образована, поэтому мне всегда чего-то не хватает: как-то всегда грустно.

Теперь у меня [есть] одно большое желание — это чтобы поскорей вернулся А[лексей].Н.[иколаевич],³² а на душе пусто. Раньше[,] как только не было со мной Алексея, я вся уходила в ожидание и тревоги за него, а теперь я лишена этого. Я не знаю[,] чего я хочу[,] но на душе пусто[–] пусто. Я никого и ничего не люблю. Я всегда помнила мать, а теперь не

³² Имеется в виду А.Н. Гришин-Алмазов.

пишу ей даже писем... Хорошо, что я так занята благотворительностью, что мне нет времени оставаться самой с собой. У меня нет ни целей, ни желаний. Если чего мне и хочется[,] так это только ребенка. Страшно думать[:] но неужели это уже конец моей жизни. Что меня ничто уже не будет радовать и волновать. Ведь жизнь так будет уж очень неприглядна.

До самозабвения, больше жизни, больше всего на свете меня любит [И.А.] Михайлов³³. Я же равнодушна к нему. Я часто завидую ему, что он так глубоко любит, что этой любовью он живет. И счастлив. А меня[,] если что и волнует[,] так это его любовь[,] такая большая, безответная и я люблю его любовь. Так меня еще никто не любил. Любовь Федора³⁴ была похожа на любовь [И.А.] Михайлова[,] но и то только похожа. Я благодарна ему за его любовь... Отдалась я ему только потому, что я хочу ребенка. А он счастлив[,] как ребенок...

Я не хотела говорить здесь то[,] что думаю[,] да уж очень тяжело одной. Будь проклят тот[,] кто дотронется до моей души...

17 января 1919 г., [Омск]

Опять Новый Год! А жизни как-то нет! Мне ужасно страшно жить; страшно[,] потому что как-то нечем жить. Когда уезжал Алексей³⁵, я плохо понимала, что все это значит; потом стала жалеть, что он уехал; ждала его возвращение. Ждала не потому, что он нужен мне, но я[,] как утопающий за соломинку[,] ухватилась за это ожидание: потому что почувствовала, что мне нечем больше жить. Но ждать перестала и сама испугалась этого, потому что жизнь от меня как будто ушла...

Последние полтора месяца я пустилась в разгул, я просыпалась[,] за мной приезжали; увозили меня[,] я опять пила. Я [-] не развратный и вообще очень хороший человек; начала развратничать, но и это меня не спасает, я все время чувствую, что душа точно умирает³⁶. А сейчас я больна и совсем осталась одна; никого к себе не подпускаю. Много думаю о себе[,] и не могу ничего придумать. Никого я не люблю, никто[-]

³³ Имеется в виду И.А. Михайлов; в частных письмах Мария Александровна часто обращалась к нему «Ми».

³⁴ Личность не установлена.

³⁵ Имеется в виду вынужденный отъезд А.Н. Гришина-Алмазова из белого Омска в середине сентября 1918 г.

³⁶ Легкий нрав М.А. Гришиной-Алмазовой, по нашему мнению, мог быть следствием ее воспитания и профессиональной причастности к развлекательной сфере. Это поведение вписывается в картину падения нравов в общероссийском масштабе в военно-революционный период (*Стейнберг* М. Великая русская революция, 1905–1921 / Пер. с англ. Н. Эдельмана; под науч. ред. М. Гершзона. М.: Ин-т Гайдара, 2018. С. 194–206).

никто мне не нужен, так пусто и холодно внутри[,] точно после пожара. Может быть, потому что мне многое в жизни хотелось сделать, но в силу того, что я почти неграмотна; я сделать ничего не смогла и поэтому чувствую такую пустоту. Я знаю, что у меня было много сил, энергии, желаний, но все это уходило только в разгул, оказалось, что этого мне мало.

Я всегда чувствовала, что меня не удовлетворяет мой образ жизни[,] но у меня была любовь и Лелька, за которую я страшно держалась. И вот теперь это мое желание ушло от меня. До безумия страшно! Что делать?

Я знаю, что я безумно люблю жизнь и жить[,] но почему так пусто, за что ухватиться [-] я не знаю.

Любит ли меня Лешка³⁷ [-] я не знаю, но[,] думаю[,] да. Меня любит [И.В.] Заплатин³⁸. Он сулит мне дворцы; а как-то это моему эстетическому чувству не подходит; продаваться я не могу в самом деле.

Я знаю, что до самозабвения меня любит [И.А.] Мих.[айлов] Он надеется, что я буду его женой — нет[,] не буду. Он живет только тем, что я буду его женой, и я знаю, что если бы он знал, что я никогда не буду [его женой], [то] он умер бы...

Может это так и будет. Как только меня позовет Алексей[,]³⁹ я уеду. Мне жаль сказать ему это[,] но ведь я так озлоблена, что могу перестать жалеть и тогда он кончен...

Если бы хотя [бы] кто[-]нибудь знал, что чувствую, что я делаю[,] то[,] вероятно[,] меня[,] как типа[,] стали бы исследовать и показывать[,] как редкость...

В 1916 г. в Саратове мне сказал один хиромант, что я [-] человек счастливый; что жизнь моя будет идти гладко и хорошо. Сказал, что с мужем я проживу до старости, что муж по окончанию войны получит большой пост[,] будет крупной фигурой и вообще[,] кажется[,] все блага жизни обещал мне и мужу.

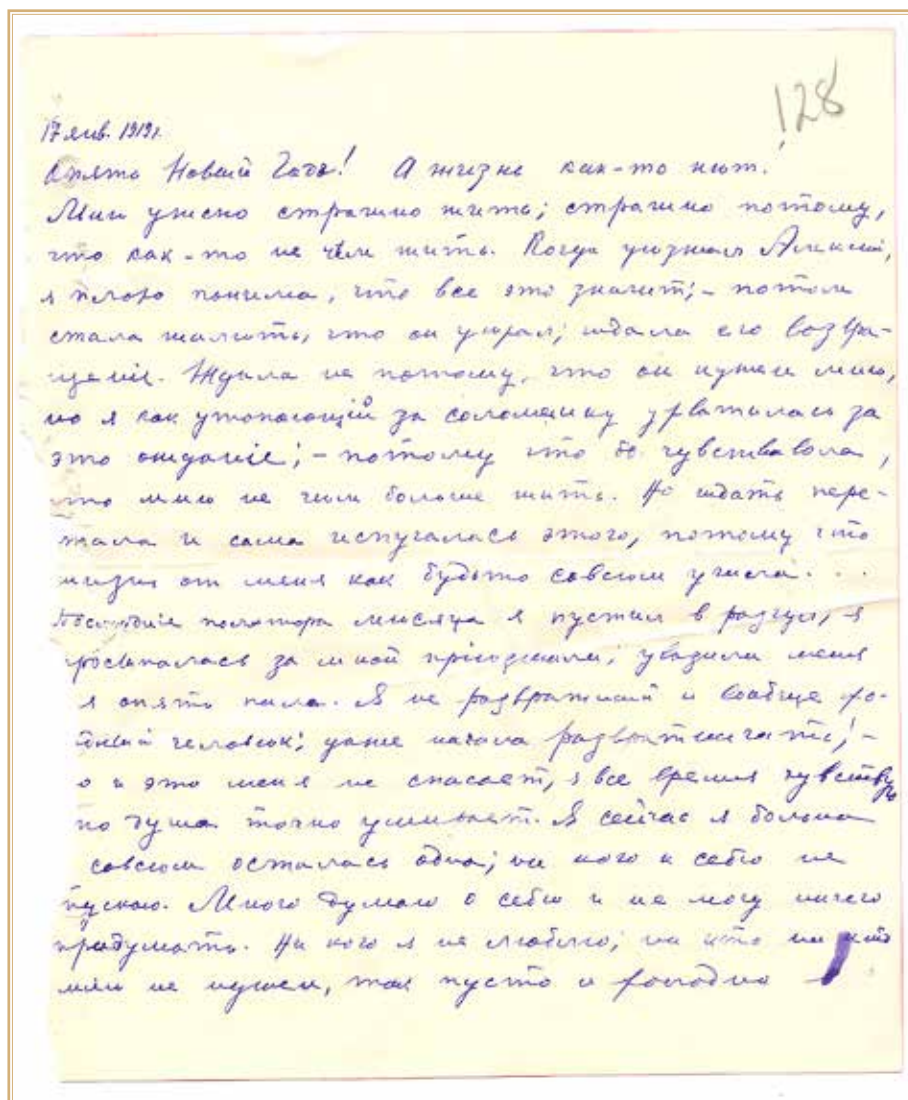
В 1918 г. в мае, в Новониколаевске⁴⁰ мне сказали совсем другое, что муж мой будет играть крупную роль[,] но не долго, а потом он уедет далеко и не по своей воле, а по чужой, и что я его не увижу[,] ибо он там

³⁷ Очевидно, А.Н. Гришин-Алмазов.

³⁸ По свидетельству Екатерины Андреевны Ковязиной (1900 — [после 1920] гг.) (близкая знакомая, по иным данным — родственница М.А. Гришиной-Алмазовой, с октября 1919 г. по январь 1920 г. — ее горничная, была арестована в Иркутске, проходила по одному делу вместе с героиней статьи), представитель Урало-Сибирской компании, коммерсант И.В. Заплатин часто посещал омский салон М.А. Гришиной-Алмазовой.

³⁹ Очевидно, А.Н. Гришин-Алмазов.

⁴⁰ С 1925 г. — Новосибирск.



Пример автографа публикуемого дневника

будет убит, и это меня не очень огорчит[,] так как у меня будет другой[,] который будет меня любить и все мне даст. Еще так недавно мне от этих предсказаний было ужасно страшно, и все это казалось невероятным, а теперь все изменилось. И я ничего не боюсь... Пусто, пусто, больно, больно до отчаяния...

Никого мне не жаль, над всеми я издеваюсь[,] как умею и как хочу. Никого не люблю. Страшно.

18 мая 1919 г., [Место написания не установлено]

Болезненно люблю Россию. Болею и страдаю вместе с ней ее болезнью.

[между 18 мая и 27 июня] 1919 г., [Место написания не установлено]
Я хочу только денег! Ни интересов, ни привязанностей у меня нет, а потому хочу много денег и буду искать в них забвение. Сколько людей достойных и недостойных до самозабвения любят меня, а мне еще грустней от того, что никому из них я не могу ответить тем же.

Я одна, совсем одна. Грустно...

27 июня 1919 г. [Омск]

Ко всему отношусь презрительно, холодно, равнодушно[,] кроме моей родной, моей любимой России. Всякое оскорбление или унижение[,] брошенное кем[-]нибудь, особенно[,] иностранцами[,] меня приводит в ярость, и болею и больно болит душа.

Спаси[,] Боже[,] Россию.

28 июня 1919 г. [Омск]

Каждый день я слышу новые рассказы о Леле; то о его гибели, то о том, что меня не любит, что пьет, ведет себя отвратительно⁴¹. Не верю ни в его гибель[,] ни в его падение. А если[...]⁴².

1 июля 1919 г. [Омск]

Несомненно[,] я должна беречь любовь [И.А.] М.[ихайлова] Его любовь безгранична, беспредельна.



⁴¹ П.В. Вологодский в своем дневнике, ссылаясь на слова офицеров (капитана В.Д. Песоцкого и др.) и журналиста Лембича, приехавших в начале лета 1919 г. в Омск из Одессы, приводит сведения о разгульном поведении А.Н. Гришина-Алмазова (*Вологодский П.В. Во власти и в изгнании... С. 181–182*).

⁴² Известие о гибели А.Н. Гришина-Алмазова пришло в белый Омск в конце июня 1919 г. Панихида по ген[ерал-майоре] Гришине-Алмазове в Омске состоялась в Воскресенском военном соборе 6 июля 1919 г. в присутствии руководящего состава Омского военного округа (генералов А.Ф. Матковского, Л.А. Караульщикова, И.И. Козлова, Н.Ф. Богомольца), начальников военно-окружных управлений, чинов штаба военного округа и начальников дислоцированных в Омске строевых частей (Панихида по ген[ерал-майору] Гришине-Алмазове // *Сибирская речь* (Омск). 1919. 8 июля. С. 4).



REFERENCES

1. *Bazanov P.N.* Mestnaya ili vserossiyskaya kul'tura? // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. 2022. No. 3. P. 186–188.
2. *Vologodskiy P.V.* Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'yer-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitaye (1918–1925 gg.). Ryazan', 2006. 619 p.
3. *Ganin A.V.* Sem' «pochemu» rossiyskoy Grazhdanskoy voyny. Moscow: Pyatyy Rim, 2018. 864 p.
4. *Gagkuyev R.G.* Problemy izucheniya Grazhdanskoy voyny v Rossii: segodnya i zavtra // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universita. Ser.: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. 2020. No. 4. P. 5–8.
5. *Dmitriyeva V.I.* Tak bylo (Put' moyey zhizni). CH. 1–2 / Nauch. red. O.G. Lasunskiy. Voronezh: Tsentr dukhovnogo vozrozhdeniya Chernozomnogo kraya, 2015. 414 p.
6. *Zvyagin S.P.* Pravookhranitel'naya politika A.V. Kolchaka. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001. 352 p.
7. Il'in I.S. Omsk. Direktoriya. Kolchak // Novyy zhurnal. 1963. No. 72. P. 198–217.
8. *Khodyakov M.V.* Den'gi revolyutsii i Grazhdanskoy voyny: 1917–1920 gg. St. Petersburg: SPbGU, 2019. 312 p.
9. *Kalach Ye.A., Petin D.I.* «Pishu, sledovatel'no sushchestvuyu» (razmyshleniya po khodu chteniya putevykh zametok M.A. Grishinoy-Almazovoy) // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. 2022. Vol. 8. No. 2. P. 36–53.
10. *Kaminskiy V.V., Veremenko V.A.* «YA vyshla zamuzh za lyubimogo». Memuary O.M. Menitskoy-Zommar (01.03.1874–31.01.1967) // Istoriya povsednevnosti. 2017. No. 1. P. 109–151.
11. *Krotova M.V.* Ivan Adrianovich Mikhaylov v emigratsii v Kharbine // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. 2019. Vol. 4. No. 2. P. 64–71.
12. *Krotova M.V.* «Omskaya gruppa» v emigratsii v Man'chzhurii // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. 2022. Vol. 7. No 2. P. 26–33.

13. *Mashinskaya T.* Omskiy dnevnik (1917–1920). Praga: Russkaya traditsiya, 2015. 240 p.
14. *Mashkarin M. I.* «Smuta XX veka» v Sibiri: vzglyad skvoz' dokumental'noye naslediyе (istoriko-arkhivnyye konferentsii v Omske po istorii Revolyutsii i Grazhdanskoy voyny v Rossii) // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. 2020. Vol. 5. No. 1. P. 70–74.
15. *Morozova O.M., Troshina T.I.* Zhenskiy vzglyad na muzhskuyu rabotu. Revolyutsiya i Grazhdanskaya vojna glazami i v sud'bach zhenshchin // Noveyshaya istoriya Rossii. 2016. No. 2. P. 8–30.
16. *Petin D.I.* S avantuyuroy skvoz' zhizn': Mariya Aleksandrovna Grishina-Almazova (Mikhaylova) // Noveyshaya istoriya Rossii. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 389–405.
17. *Petin D.I., Stel'mak M.M.* «Kolchak i Pepelyayev v tyur'me»: vospominaniya M.A. Grishinoy-Almazovoy // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. 2019. Vol. 4. No 1. P. 38–44.
18. *Pomozov O.A.* Den' osvobozhdeniya Sibiri. Tomsk: Krasnoye znamya, 2014. 596 p.
19. «Preterpevshiy do kontsa spasen budet»: zhenskiye ispovedal'nyye teksty o revolyutsii i grazhdanskoy vojne v Rossii / [V.P. Shelepina, N.A. Shcherbacheva, M.A. Slivinskaya, Ye.I. Lakiyer, A.V. Linden]. SPb., 2013. 262 p.
20. *Puchenkov A.S.* Omskiye Forsayty i «Dom Kolchaka» // Rossiyskaya istoriya. 2023. No. 2. P. 205–208.
21. *Puchenkov A.S., Sushko A.V., Petin D.I.* «Vsem govorate, chto moye puteshestviye ochen' opasnoye...»: pis'ma generala A.N. Grishina-Almazova yego supruge (osen' 1918 g.) // Noveyshaya istoriya Rossii. 2018. Vol. 8. No 4. P. 1058–1073.
22. *Pushkareva I.M., Pushkareva N.L.* Zhenskoye uchastiye v rossiyskoy politicheskoy zhizni nachala XX v. (Sovetskaya i postsovetskaya istoriografiya) // Zhenshchina v rossiyskom obshchestve. 2017. No. 2. P. 15–34.
23. *Pushkareva N.L.* Publichnoye vtorzheniye v chastnuyu zhizn' (evristicheskaya tsennost' ustnykh i pis'mennykh ego-dokumentov dlya gendernoy istorii) // Zapad-Vostok. 2018. No. 11. P. 161–180.
24. *Reysner L.M.* Front. Moscow: Common place, 2018. 336 p.
25. *Rizayeva Ye.N.* «Neischerpayemyy material dlya ponimaniya nastoyashchego momenta...». Iz dnevnika V.A. Pypinoy-Lyatskoy. Petrograd, 1919–1920 gg. // Istoricheskiy arkhiv. 2019. No. 2. P. 3–14.

26. *Samoylov N.A., Khodyakov M.V., Yanchenko D.G.* Nauchnyy seminar v Pekine, posvyashchenny stoletiyu Oktyabr'skoy revolyutsii 1917 goda // *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2017. No. 4. P. 179–201.
27. *Serebrennikov I.I.* Moi vospominaniya. T. I. V revolyutsii (1917–1919). Tyan'tszin': Star Press, 1937. 289 p.
28. *Skipina I.V.* Chelovek v usloviyakh Grazhdanskoy voyny na Urale: istoriografiya problemy. Tyumen': TyumGU, 2003. 208 p.
29. *Skitaniya russkogo ofitsera. Dnevnik Iosifa Il'ina 1914–1920.* Moscow: Russkiy put', 2016. 480 p.
30. *Soldatov A.F.* V kolchakovskom tylu // *V ogne revolyutsii i grazhdanskoy voyny. Vospominaniya uchastnikov.* Omsk: Omskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1959. P. 138–144.
31. *Steynberg M.* Velikaya russkaya revolyutsiya, 1905–1921. M.: Institut Gaydara, 2018. 560 p.
32. *Stel'mak M.M.* Glavnaya konferentsiya o revolyutsii i Grazhdanskoy voyne v Omske: itogi nauchnoy diskussii // *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. 2018. Vol. 2. No. 1. P. 57–64.
33. *Stel'mak M.M.* Obraz inostrannykh soyuznikov antibol'shevistskogo dvizheniya v periodicheskoy pechati Zapadnoy Sibiri (may 1918 – dekabr' 1919 g.). Omsk: OmGTU, 2023. 420 p.
34. *Stel'mak M.M., Petin D.I.* «On nasytil svoje chestolyubiye pri Kolchake»: ministr finansov I.A. Mikhaylov v otsenkakh sovremennikov // *Istoricheskiy vestnik*. 2022. Vol. 42. P. 36–61.
35. *Sushko A.V.* «Russkaya» vs «Sotsialisticheskaya»: k voprosu ob opredelenii kharaktera revolyutsii v Rossii // *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 2017. No. 2. P. 9–12.
36. *Tsvetkov V.Zh.* Osnovnyye tendentsii i perspektivy izucheniya belogo dvizheniya // *Rossiya v gody Grazhdanskoy voyny, 1917–1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii.* Moscow; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2018. P. 239–262.

**Ключевые слова:**

гендерная история, Первая мировая война, Гражданская война, антибольшевистское движение, белый Омск, женщина-политик, дневник, репрессии.

Dmitry I. Petin

«RANDOMLY OPENED A LETTER BAND...»:
FROM THE DIARY
OF M.A. GRISHINA-ALMAZOVA



Among the statesmen of anti-Bolshevik Siberia, the figure of Maria Alexandrovna Grishina-Almazova (1890–1976) stands out as a female politician, a «grey eminence», who had a significant influence on the general course of events and the supreme power in White Omsk. This work through the prism of a previously unpublished source of personal origin – the surviving fragments of the diary of M.A. Grishina-Almazova – is designed to highlight aspects of her personal and gender history in the context of individual events of 1914, 1916, 1918, 1919. The theoretical basis of the study was a combination of the anthropological approach, historical-genetic, comparative-historical, and problematic methods. This methodological combination made it possible to interpret the cited source, linking its content to the specific situation and people. The publication may be of interest to a wide range of readers – researchers of gender history, the history of the First World War and the Civil War, the political and the daily life of Omsk in the anti-Bolshevik period.

Keywords: Gender History, the First World War, the Civil War, the Anti-Bolshevik Movement, White Omsk, Female Politician, Dairy, Repressions.

Introduction, preparation for publication and comments:

Dmitry I. Petin – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (HAC of the Russian Federation), Associate Professor at the Department of History, Philosophy and Social Communications, Omsk State Technical University.

Предисловие, подготовка текста и комментарии:

 Петин Дмитрий Игоревич 

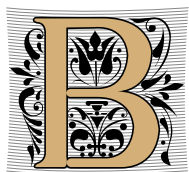
кандидат исторических наук, доцент кафедры
«История, философия и социальные коммуникации»
Омского государственного технического университета
SPIN-код: 9987-3347



DOI: 10.35549/HR.2024.2024.49.009

А.В. Ганин

«ДВА МЕСЯЦА НА ПОСТУ НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА (СЕНТЯБРЬ — ОКТАБРЬ 1917 г.)» ГЕНЕРАЛА В.В. МАРУШЕВСКОГО



этом году исполняется 150 лет со дня рождения видного отечественного военного деятеля, генерал-лейтенанта Владимира Владимировича Марушевского (12.07.1874–24.11.1951) — последнего начальника Генерального штаба старой России осенью 1917 г. и командующего анти-

большевистскими силами на Севере России в 1918–1919 гг.

Широко известны его воспоминания «Год на Севере» о событиях Гражданской войны, когда генерал в 1918–1919 гг. командовал антибольшевистскими силами Северной области¹. Марушевский сообщал бывшему генерал-губернатору Северной области и главнокомандующему всеми русскими вооруженными силами на Северном фронте генералу Е.К. Миллеру в начале 1920-х гг., что написал свои воспоминания «искренно и в очень сдержанной форме (без свойственной мне резкости)»². Воспоминания в 1927 г. были изданы

¹ *Марушевский В.В. Год на Севере // Белое дело. Берлин, 1927. Кн. 2. С. 21–61; Кн. 3. С. 15–52; его же. Год на Севере (август 1918 — август 1919 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 170–341.*

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5867. Оп. 1. Д. 72. Л. 2 об.



Генерал В.В. Марушевский

в Берлине, а затем с купюрами перепечатаны в СССР под редакцией П.Е. Щеголева³.

Но, как оказалось, это лишь часть мемуарного наследия генерала Марушевского. В Хорватском государственном архиве хранится рукопись генерала о его пребывании осенью 1917 г. на посту последнего начальника Генерального штаба, а также мемуары о периоде до Первой мировой войны. И хотя материалы архива Марушевского уже привлекали внимание исследователей⁴, неопубликованные воспоминания остаются неизвестными даже специалистам.

В.В. Марушевский был выходцем из потомственной дворянской семьи Санкт-Петербургской губернии. Он родился в Петергофе, окончил 6-ю Санкт-Петербургскую классическую гимназию (1893), Николаевское инженерное училище по 1-му разряду (1896) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1902). Служил в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа, участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 гг., где заслужил пять боевых орденов

³ *Марушевский В.В.* Белые в Архангельске. Л., 1930.

⁴ *Кузьмичева Л.В.* Неопубликованные воспоминания генерала В.В. Марушевского // Русская эмиграция на Балканах: Сб. науч. трудов. Скопье, 2021. С. 321–333. Также нами опубликован небольшой отрывок об увлечении будущего генерала оловянными солдатиками: *Ганин А.В.* «Я сам сделался оловянным солдатиком...» Детские воспоминания и взрослые размышления белого генерала Владимира Марушевского // Родина. 2024. № 2. С. 110–113.

и Золотое оружие с надписью «За храбрость». Позднее он участвовал в Первой мировой войне как начальник штаба 2-й Финляндской стрелковой бригады, а затем — дивизии и командир 7-го Финляндского стрелкового полка. В годы войны он был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и получил генеральский чин. В 1916 г. Марушевский был назначен командующим 3-й Особой пехотной бригадой, направленной во Францию. На новой должности он должен был проявить себя не только в качестве командира, но и в роли организатора (требовалось сформировать бригаду и перебросить ее во Францию), приобрести дипломатические и представительские навыки. В 1917 г. бригаду развернули в дивизию, но Марушевский затем был отозван из Франции и в августе того же года вернулся в Россию, где в сентябре 1917 г. занял пост начальника Генерального штаба. Именно этому периоду посвящены впервые публикуемые воспоминания.

Осенью 1917 г. обстановка в стране и армии менялась с калейдоскопической быстротой. Вскоре после большевистского переворота Марушевский попал под арест, а затем покинул Россию, перебравшись в Финляндию, только обретавшую свою независимость. Там он прожил до лета 1918 г., а затем уехал в Швецию. В ноябре по приглашению французского посла в России Ж. Нуланса генерал прибыл в Архангельск, где вступил во временное исполнение должности генерал-губернатора Северной области, а также стал командующим русскими войсками Северной области. В январе 1919 г. пост генерал-губернатора он передал приехавшему на Север генералу Е.К. Миллеру, а сам остался командующим и находился на этом посту до августа 1919 г. Затем он с особой миссией отправился в Скандинавские страны и навсегда покинул Россию. В эмиграции жил в Венгрии, Франции и Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Умер в Загребе.

Мы не будем подробно останавливаться на биографии мемуариста, поскольку его жизненный путь в общих чертах уже реконструирован в других публикациях⁵, а сосредоточимся на обзоре воспоминаний генерала.

Воспоминания Марушевского в архив в 2002 г. передала вдова его сына, выдающийся хорватский искусствовед и историк культуры Ольга

⁵ Подробнее о службе В.В. Марушевского см.: Юшко В.Л. Генерал Марушевский — из Франции в Россию // Рейтар. 2003. № 2. С. 128—161; Ганин А.В. Последний начальник Генерального штаба старой России генерал В.В. Марушевский и его неизвестные воспоминания как исторический источник // XI Волконские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (в печати).

Марушевски-Танхофер (1922–2008)⁶. Следует отметить, что мемуаров генерала как целостного текста (исключая известную часть о белом Севере) нет. Речь идет, скорее, о неоконченных очерках, так и не превратившихся в цельный материал. Объясняется это тем, что мемуары писались урывками. Отдельные их фрагменты были подготовлены еще в 1920-е гг. К ним относятся воспоминания о Гражданской войне, а также тексты о дореволюционной жизни (после одного из них указаны место и дата написания — Белград, 17 сентября 1924 г., в другом указана дата — 29 июля 1924 г.). Следующую попытку написать воспоминания генерал предпринял в 1938 г., но закончить труд не удалось из-за Второй мировой войны. Наконец, вновь к рукописи Марушевский вернулся в ноябре 1947 г. Часть воспоминаний, касавшаяся деятельности на посту начальника Генштаба, была написана не ранее 1940-х гг., так как в ней упоминалось о похищении из Парижа генерала Е.К. Миллера «в тридцатых годах» (речь шла о событиях осени 1937 г.), а также об убийстве Л.Д. Троцкого в Мексике, произошедшем в августе 1940 г.

Марушевский кратко пояснил причину написания мемуаров: «Я стал теперь часто задумываться. Это — старость. Яркие образы пережитого прошлого подкрадываются незаметно, овладевают мыслью и летят чаще всего красивым хороводом, быстро сменяясь, унося меня самого в отдаленные эпохи невозвратимого былого, восстанавливая давно исчезнувших и близких и далеких лиц, событий и впечатлений»⁷. Генерал ностальгировал по молодости и дореволюционной жизни в России.

О своих воспоминаниях он писал: «Я довел очерки из пережитых мною годов до эпохи окончания мною Николаевского инженерного училища. Далее должны следовать годы моей службы в строю, академия, война 1904–1905 года, моя служба в штабе великого князя Николая, Великая война и... революция. Я уже перескочил один раз через цепь моих воспоминаний и написал книгу о белой борьбе на Севере России. Теперь хочу поторопиться и сделать еще один раз “передержку”, запечатлев пережитое мною в момент “Октябрьского переворота”. Может быть мои переживания в это уродливое время послужат уроком и откроют глаза приверженцам народоправства на “front populaire”⁸, на принципы “чистой демократии”... Видимо, пример Чехословакии еще не доста-

⁶ Подробнее см.: Кузьмичева Л.В. Неопубликованные воспоминания генерала В.В. Марушевского. С. 321–323.

⁷ Хорватский государственный архив (HDA). HR-HAD-810. К. 1.

⁸ Народный фронт (фр.).

точно убедителен, боюсь, что ближайший урок Испанской революции будет еще серьезнее. Может быть и к лучшему, а пока хочу рассказать без прикрас то, что видел и пережил в осенние месяцы 1917 года»⁹.

Воспоминания Марушевского проливают свет, пусть и ретроспективно, на мировоззрение генерала. Оно, во многом, типично для генштабиста старой армии. Лейтмотивом его являлось преклонение перед императором Николаем II и другими представителями дома Романовых. Темными силами генерал считал придворных интриганов и наивно рассуждал о бедном царе, опутанном камарильей. Любопытны рассуждения Марушевского о дворянстве. В 1916 г. генерал жаловался на то, что в некоторых частях его бригады, направлявшейся во Францию, не было ни одного потомственного дворянина. «Это мое заявление, сознаюсь, имеет несколько “феодальный” оттенок и не отвечает современным симпатиям к демократии. Хочу сказать, что я этими симпатиями не отличался никогда и с глубочайшим убеждением говорю, что лишь офицерский состав, воспитанный в духе рыцарских традиций, в духе полного самоотречения в исполнении своего долга, с понятиями о гордости и чести, усвоенными в семье с детских лет — лишь этот состав офицерского корпуса может иметь незыблемый авторитет у массы, лишь на нем может лежать опора в тяжелые боевые минуты»¹⁰.

Мемуарист был человеком религиозным. Например, обязательным ритуалом в каждый приезд в Москву для него было поклонение Иверской иконе Богородицы. В тексте заметны националистические настроения. Так, Марушевский считал евреев плохо пригодными к военной службе. Начальника штаба Петроградского военного округа генерала Я.Г. Багратуни именовал «армяшкой» или «армянчиком», делал акцент на еврейском происхождении Л.Д. Троцкого.

Монархист Марушевский искренне ненавидел революционеров, включая А.Ф. Керенского и Временное правительство, разрушившее армию. Резко он отзывался о военном министре А.И. Верховском, имевшем революционное прошлое. Большевиков расценивал как германских агентов, ссылаясь на то, что якобы располагал телеграммами, которыми петроградские большевики обменивались с Берлином.

Даже на склоне лет, несмотря на то, что подобные утверждения были опровергнуты ходом истории и далеки от действительности, генерал считал, что «“Интернационал”, доведенный в Москве до братства с дикими азиатскими народностями, быстро отодвинул Россию в эпоху

⁹ HDA. HR-HAD-810. К. 1.

¹⁰ Ibidem.

Иоанна Грозного со всеми методами наших старых царей в смысле “покорения под ножи врага и супостата”.

Экономические реформы, совершенные во имя живота рабочего и мужика — разогнали мозги государственного строительства и разрушили промышленность и хозяйство.

Предательский мир, во имя позорного отказа от самопожертвования за идею славянства — уничтожил историческую армию.

Все красочное, самобытное, яркое по своей чисто-русской окраске — потухло и тщательно заметается пылью и сором, чуждых нации ложных призывов к борьбе за непонятный международный пролетариат. Творчество, Богом данный талант, накопившаяся сила — тонет в грязи животных забот о сегодняшнем дне и не находит себе ни спроса, ни применения»¹¹. Далее генерал пытался обосновать ложный тезис о том, что революции не создают ничего в области культуры.

Воспоминания Марушевского о пребывании на посту начальника Генерального штаба невелики по объему, однако имеют большое значение для истории отечественного Генерального штаба и революционных событий осени 1917 г.

Находившийся во Франции Марушевский не имел полного представления о революционном развале в России. Столкновение с новыми реалиями оказалось болезненным. Генерала раздражали не желавшие воевать солдаты. Поражали и высокие назначения сравнительно молодых офицеров в возрасте примерно 40 лет — его товарищей по службе. Так, старый товарищ Марушевского генерал Ю.Д. Романовский стал начальником Генерального штаба (Главного управления Генерального штаба (ГУГШ)), другой товарищ — полковник А.И. Андогский возглавил Военную академию, а Петроградским военным округом руководил генерал О.П. Васильковский (Марушевский называл его по старой памяти «Карлушка» — до 1910 г. Васильковский был Карлом Карловичем, но затем сменил немецкие имя и отчество, став Олегом Петровичем). Впрочем, вскоре крупный пост достался и самому Марушевскому.

Марушевский приехал в Выборг, где находилась его старая служебная квартира, но затем перебрался в санаторию в пригороде, а оттуда на дачу, что, возможно, спасло ему жизнь, так как вскоре по Выборгу прокатилась волна убийств офицеров¹².

¹¹ Ibidem.

¹² Подробнее см.: Ганин А.В. Выборгская крепость // Россия в 1917 году. Энциклопедия. М., 2017. С. 218.

Как прибывший из Франции, Марушевский должен был явиться для доклада в ГУГШ и представиться начальнику Генштаба генералу Ю.Д. Романовскому. От Романовского он вышел с согласием на назначение помощником начальника военной миссии в Италии генерала Е.К. Миллера. Марушевский отмечал, что в то время уже начался отток офицеров за границу, поскольку оставаться в России становилось небезопасно. Однако сам он не стремился уезжать, а назначение в итоге не состоялось.

После неудачи корниловского выступления начались кадровые перестановки на руководящих постах в военном ведомстве. Марушевский хорошо знал нового военного министра А.И. Верховского, который при их встрече прямо на улице предложил Марушевскому занять пост начальника Генерального штаба. Интересно, что мемуарист критиковал Верховского, но утверждал, что в период назначения якобы не знал о его революционной деятельности (Марушевский упоминал об устроенном Верховским обыске у вдовствующей императрицы Марии Федоровны в Крыму, что его как монархиста возмущало). Относительно дальнейших событий Марушевский считал, что Верховский вел двойную игру и был связан с большевиками, хотя это и не соответствует действительности¹³.

Пост начальника Генерального штаба в годы Первой мировой войны уже не имел того ключевого значения, как в мирное время, поскольку центр тяжести в управлении вооруженными силами России переместился в Ставку. Тем не менее приходилось курировать организацию и службу войск, разведку и контрразведку, цензуру, вопросы эвакуации, содержание военнопленных, решать задачи демобилизации, налаживать службу военных сообщений и т.д. Начальник Генштаба подчинялся военному министру и в революционных условиях должен был являться промежуточным звеном между Временным правительством и Ставкой, что не предвещало ничего хорошего.

Приказ о назначении Марушевского состоялся 12 сентября 1917 г. Ближайшим помощником нового начальника Генштаба стал генерал Н.М. Потапов. Марушевский отмечал, что не доверял ему, так как знал о его родственных связях с большевиками (по мнению Марушевского, большевиком был родной брат Потапова, но на самом деле видный

¹³ Подробнее о Верховском см.: *Полтораки С.Н.* Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. СПб., 2014; *Сафронов Ю.И.* Дневник Верховского. М., 2014.

большевик М.С. Кедров был кузеном Потапова¹⁴). Фактическим вторым помощником Марушевского стал его друг полковник Н.А. Голеевский. Марушевский сработался с помощником 1-го обер-квартирмейстера (затем — 2-м обер-квартирмейстером) генералом П.Ф. Рябиковым и некоторыми другими офицерами. Ценным работником по военным сообщениям был генерал М.И. Пестржецкий. Сложно складывалось сотрудничество с полковником К.И. Жихором, заигрывавшим в революционном духе с писарями Генштаба. На случай непредвиденной необходимости Марушевский решил организовать под Петроградом, в Тихвине унтер-офицерскую школу, которая могла бы стать надежной воинской частью при Генштабе.

Многое в условиях революционного развала делалось по инерции или было невыполнимо. Работать приходилось с раннего утра и до глубокой ночи, практически без отдыха. По свидетельству Марушевского, один из его докладов военному министру как-то был назначен на 5.30 утра. Немало времени уходило на приемы различных просителей и доклады. В части, посвященной пребыванию на посту начальника Генерального штаба, Марушевский описывал свои встречи со многими видными деятелями осени 1917 г., включая М.В. Алексеева, А.И. Верховского, И.Р. Довбор-Мусницкого, А.И. Дутова, Н.Н. Духонина, А.Ф. Керенского, Н.В. Крыленко, Н.И. Подвойского и др. Лишь однажды на совещании Марушевский встретился с Керенским, причем посчитал эту встречу бессмысленной. Интересны свидетельства о генерале А.М. Крымове, с которым Марушевский прожил в одной палатке год в период Русско-японской войны. Кроме того, достаточно подробную характеристику Марушевский дал своему старому другу генералу С.И. Одинцову.

Проходили встречи и с иностранными военными и дипломатическими представителями (прежде всего, с французами и англичанами). В качестве курьеза Марушевский упомянул о завтраке с французскими военными представителями и генералом А.А. Нисселем. Там же присутствовал войсковой старшина А.И. Дутов — будущий атаман Оренбургского казачьего войска и один из лидеров Белого движения. По словам Марушевского, Дутов тогда выпил целую бутылку коньяку, чем испортил французам впечатление от встречи.

¹⁴ Письмо представителя семьи Потаповых профессора В.В. Плошкина автору от 26 октября 2012 г. (Архив автора). Также см.: *Островский А.В.* Генерал Н.М. Потапов и большевик М.С. Кедров (к вопросу о подготовке Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в Петрограде) // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды*. Сб. науч. статей. СПб., 2014. С. 68–76.

Революция привела к колоссальной дороговизне, а материальное положение начальника Генерального штаба оставляло желать лучшего. Так, Марушевский на новом посту не мог расстаться со своим выдавшим виды полушубком, чем приводил в ужас даже швейцара.

Помимо значимости должности начальника Генштаба самой по себе и осведомленности мемуариста, особую ценность воспоминаниям об осени 1917 г. придают сведения о происходившем на Дворцовой площади, поскольку на площадь и на Зимний дворец выходили окна квартиры генерала. Сложно сказать, появятся ли когда-либо еще равные по степени осведомленности автора свидетельства очевидцев событий вокруг Зимнего дворца в период большевистского переворота.

Марушевский отмечал, что по краям Дворцовая площадь и весь фасад Зимнего дворца были загромождены штабелями дров на зиму. Накануне большевистского переворота генерал наблюдал появление на площади женского ударного батальона. Дворцовый мост был разведен, чтобы изолировать район Зимнего дворца от окраин. По площади праздно шатался народ. Позднее начались захваты учреждений связи и военного ведомства. Марушевский отметил, что вечером была атака на Зимний дворец, оказавшаяся совсем не впечатляющей, было произведено несколько выстрелов с крейсера «Аврора», а к ночи все стихло. Затем начался грабеж Зимнего дворца, причем в последующие дни в Петрограде можно было за бесценок приобрести драгоценные вещи оттуда.

Мемуариста поразило визит к нему в один из октябрьских дней генерала М.В. Алексеева, делившегося проектами создания офицерских частей, а затем уехавшего из столицы. Марушевский утверждал, что встреча состоялась уже после захвата власти большевиками, но, возможно, это ошибка памяти.

Некоторое время после смены власти генерал оставался у себя на квартире, затем скрывался от возможной расправы в городе. Упоминал он и о восстании юнкеров в столице, о том, что на улицах шла стрельба. Уже в начале ноября Марушевский возобновил работу при новой власти. Временно управляющий Военным министерством генерал А.А. Маниковский договорился с большевиками о том, что министерство продолжит работать на условиях аполитичности. Оба генерала понимали, что такое условие соблюдения невозможно и речь идет лишь о выигрыше времени. Марушевский считал Маниковского умным, но нерешительным. Автор воспоминаний свидетельствовал, что в тот период занялся

переброской офицеров через Финляндию в Швецию. Таким путем удалось переправить несколько десятков человек.

Велись переговоры по прямому проводу со Ставкой в Могилеве, где во временное исполнение должности Верховного главнокомандующего вступил генерал Н.Н. Духонин. Состоялось знакомство с комиссарами Н.В. Крыленко и Н.И. Подвойским. На повестке дня был вопрос мирных переговоров с противником. Как раз по причине саботажа переговоров Марушевский был позднее арестован. Вызывает интерес упоминание мемуаристом предложения британского представителя генерала А. Нокса к Марушевскому осуществить за крупное вознаграждение убийство наркома по иностранным делам Л.Д. Троцкого, чтобы сорвать возможность мирных переговоров с Германией. Марушевский порекомендовал Ноксу для этой цели старого революционера, народовольца Н.А. Морозова, проведшего в местах лишения свободы около 30 лет.

В кратком обзоре жизни генерал упомянул оставшуюся в памяти мизансцену из революционного 1917 г.: «Последняя страница истории славы и побед захлопнулась. Начались компромиссы, попытки и скитания.

Грязная, оштукатуренная известкой комната в Смольном. Отталкивающая фигура Троцкого, пытавшаяся деловитым тоном запросить моих объяснений.

“Не будем играть словами. Я знаю, кто вы, а вы знаете, кто я», — был мой ответ”»¹⁵.

Утром 20 ноября 1917 г.¹⁶ Марушевский был арестован по предписанию Военно-революционного комитета при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов. Вместе с Марушевским арестовали временно управляющего Военным министерством генерала Маниковского. Причиной ареста были переговоры Марушевского по прямому проводу с временным Верховным главнокомандующим генералом Н.Н. Духониным в Ставке в Могилеве после отстранения того Советом народных комиссаров (СНК) от должности (хотя в действительности он продолжал исполнять обязанности с санкции СНК, а при переговорах присутствовал комиссар) и попытка срыва посылки делегации на мирные переговоры.

21 ноября СНК принял резолюцию Л.Д. Троцкого о контрреволюционных действиях генералов Маниковского и Марушевского, кото-

¹⁵ НДА. НР-НАД-810. К. 1.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 232.

рые вызывали смуту в армии и раздражение революционных масс, вели к Гражданской войне и самосудам¹⁷. После арестов генералов управление военным ведомством перешло к коллегии народных комиссаров, а исполняющим обязанности начальника Генерального штаба и помощником управляющего Военным министерством стал лояльный большевикам генерал Н.М. Потапов.

Мемуары содержат прежде неизвестные подробности ареста и содержания Марушевского под стражей сначала в Смольном, а затем в тюрьме «Кресты». Генерал отмечал, что отношение к нему было совершенно корректным. 30 ноября арестованные генералы были освобождены, но следствие в их отношении прекратилось только 28 июля 1918 г.¹⁸

К сожалению, воспоминания обрываются, по сути, на полуслове — недописанным остался рассказ о пребывании мемуариста под арестом. Однако сохранился самостоятельный фрагмент об отъезде Марушевского в Финляндию в декабре 1917 г. под видом больного. Как вспоминал позднее генерал Потапов, Марушевский убедил его добиться у комиссара Н.И. Подвойского разрешения на двухмесячный отпуск в Финляндии для поправления здоровья после ареста, дав Потапову честное слово не оставаться там ни дня сверх срока и вернуться¹⁹. Тем не менее в Советскую Россию генерал не возвратился, а осенью 1918 г. занял руководящий пост в антибольшевистских силах на Севере России. В советской историографии этот сюжет преподносился как нарушение генералом «честного слова» не воевать против советской власти²⁰. Однако следует отметить, что имеющийся в следственном деле Марушевского документ о признании им власти СНК остался не подписанным²¹.

Поскольку мемуары писались генералом в преклонных годах, их автор нередко путался в определении возраста своих сослуживцев. Так, 48-летнего генерала М.И. Пестржецкого он отнес к «старикам», а 65-летнего генерала Ф.Ф. Палицына счел 86-летним, 60-летний генерал П.И. Постовский также был назван пожилым.

Нельзя не упомянуть и об умолчаниях мемуаров. Так, неясны характер взаимоотношений и связь автора с управляющим Военным мини-

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 1. Д. 1. Л. 12; Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 г. М., 2006. С. 41.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 229. Л. 1; Д. 232. Л. 1.

¹⁹ *Потапов Н.М.* Записки о первых шагах советского военного строительства // Военно-исторический журнал. 1968. № 1. С. 65.

²⁰ *Голиков Д.А.* Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1980. Кн. 1. С. 70.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 232. Л. 3.

стерством генералом Маниковским, хотя в ноябре 1917 г. они были вместе арестованы. В рукописи Марушевский даже пишет фамилию своего товарища с ошибкой — «Мониковский». Не говорится в воспоминаниях и об организационных изменениях в ГУГШ осенью 1917 г., когда отдел генерал-квартирмейстера был разделен на отделы 1-го и 2-го генерал-квартирмейстеров²².

Воспоминания публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации. Явные ошибки исправлены без оговорок. Все даты российской истории до февраля 1918 г. приведены по старому стилю.

Выражаю благодарность д.и.н. А.Ю. Тимофееву (Белград) за содействие.

В.В. Марушевский

Два месяца на посту начальника Генерального штаба (сентябрь — октябрь 1917 г.)

Записки генерал-лейтенанта
Владимира Владимировича Марушевского

Несколько строк в виде предисловия

Авторы так называемых «генеральских мемуаров» любят помещать свои портреты в заглавных страницах своих трудов. Мне как-то не хочется утруждать читателя рассматриванием моей физиономии, но все же я считаю необходимым сказать несколько слов о себе и моей службе России. Я далек от мысли говорить о моих заслугах, но я должен дать понятие о пройденном мною пути на службе родной русской армии, дабы читатель моих записок поверил моему опыту и отнесся с[о] снисхождением к моим выводам.

После окончания Академии Генерального штаба и отбытия строевого ценза я участвовал в войне 1904–1905 года в рядах 4-го Сибирского корпуса в Маньчжурии. Я был участником в боях под Дашичао²³, Хайче-

²² Подробнее см.: *Кавтарадзе А.Г.* Из истории русского Генерального штаба (август 1914 года — май 1918 года) // Военно-исторический журнал. 1976. № 3. С. 106.

²³ Сражение Русско-японской войны возле станции Дашичао 10–11 июля 1904 г., в ходе которого русские войска добились тактических успехов.

ном²⁴, Айсандзяном²⁵, в сражениях под Ляояном²⁶, на реке Шахэ²⁷ и под Мукденом²⁸.

По окончании военных действий я был переведен в штаб войск гвардии и Петербургского военного округа и имел счастье быть сотрудником во всех реформах по обучению войск под руководством великого князя Николая Николаевича²⁹.

В декабре [19]13-го года я был назначен начальником штаба 2-й Финляндской стрелковой бригады, с которой и выступил в поход в августе [19]14-го года. В этой же бригаде, развернутой в дивизию, я командовал 7-м Финляндским стрелковым полком до середины мая [19]16-го года, когда я был назначен начальником 3-й Особой бригады, отправляемой во Францию. На Французском фронте я участвовал в боях до весеннего наступления 1917 года включительно.

После событий в России я в августе 1917 года покинул Францию и в сентябре по прибытии в Россию был назначен начальником Генерального штаба. Цель настоящих записок — дать очерк положению, создавшемуся перед самым большевистским переворотом, и осветить некоторые подробности, еще неизвестные широкой публике.

Мой крестный путь на этом посту окончился тюрьмой и моей эмиграцией в Финляндию и Швецию.

Дальнейшие мои приключения описаны в книге «Год на Севере», опубликованной в журнале «Белое дело»³⁰.

²⁴ Сражение Русско-японской войны 17–18 июля 1904 г., завершившееся отступлением русских войск к Ляояну.

²⁵ Правильно — Айсандзяном. Сражение Русско-японской войны 11–15 августа 1904 г. возле станции Айсандзян — начальный этап Ляоянского сражения.

²⁶ Сражение Русско-японской войны возле города Ляоян 11–21 августа 1904 г., завершившееся отступлением русских войск.

²⁷ Сражение Русско-японской войны на реке Шахэ 22 сентября — 5 октября 1904 г., приведшее к стратегическому поражению русских войск и прекращению попыток помочь осажденному Порт-Артуру.

²⁸ Сражение Русско-японской войны возле города Мукден 6–25 февраля 1905 г., завершившееся победой японцев.

²⁹ Николай Николаевич младший (06.11.1856–05.01.1929) — великий князь, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1905–1914). Руководил реорганизацией военного управления в 1905 г.

³⁰ Марушевский В.В. Год на Севере // Белое дело. Берлин, 1927. Кн. 2. С. 21–61; Кн. 3. С. 15–52.

І. Париж — Лондон — Стокгольм — Выборг — Петроград

Русская революция застала меня на посту начальника 3-й Особой бригады на Французском фронте. Моя «французская эпопея» составит особую главу в моих записках, и потому в настоящих очерках я начинаю с отъезда моего из Парижа в день 5 августа 1917 года.

Я покинул Францию в сопровождении моей жены. Нелегко было решиться на этот шаг. Многие из моих сотрудников по работе в российских войсках во Франции предпочли остаться за границей и сразу перейти на роль эмигрантов. Мне в этот период казалось, что не все еще потеряно и что можно еще поработать на родную армию, хотя и расшатанную революцией.

Вся моя жизнь прошла в среде людей, преданных старому монархическому режиму, благоговейно почитающих царя, чтущих великое историческое прошлое... Передовые идеи, социальные вопросы, все так называемые «свободы» — все это почиталось в наших семьях крамолой и преступлением против данной царю присяги. Трудно передать словами глубину той драмы, которую пришлось всем нам старшим офицерам пережить и переболеть после отречения государя³¹. Что касается лично меня — передо мною разверзлась пропасть. Блестящая карьера была сломлена навсегда. Средств к жизни — никаких. Кроме чисто военной подготовки — никакой специальности. Вместе с тем в сорок лет нельзя отказаться от жизни, от мечтаний о новой работе, от новой цели существования. Я отдавал себе отчет, что я не приму революции также, как она не примет меня самого, но оставаться во Франции было невысказано. Русская форма встречалась с негодованием, в спину криками — «*traître*»³². Если нельзя было продолжать драться за Россию — надо было пробовать спасти честь эполет, честь армии. Короче говоря, я принял решение вернуться в Россию.

Все это привело к тому, что 5 августа я стоял на дебаркадере вокзала St. Lazare³³ и прощался с моей *belle-soeur*³⁴ Л.Л. Жигалиной, которая оставалась в Париже в качестве сестры милосердия в госпитале «Michelet». Дальше предстояло переправиться через Ла-Манш с риском быть потопленным немецкой подводной лодкой, переправляться через

³¹ Речь идет об отречении императора Николая II от престола 2 марта 1917 г.

³² Предатель (*фр.*).

³³ Вокзал Сен-Лазар в Париже, широко известный благодаря картинам художников-импрессионистов.

³⁴ Свояченицей, сестрой жены.

немецкое Северное море с большой вероятностью быть пущенным ко дну и, если Бог приведет — въехать в Россию через Гапаранду³⁵ на северном берегу Ботнического залива.

Я не буду описывать подробно все мои мытарства по разным комиссиям в Лондоне, где на меня смотрели уже не с точки зрения союзников великой России. Я уже был представителем ненужной и даже опасной англичанам страны — и потому подвергался всем формальностям тщательного контроля.

После короткого пребывания в Лондоне я прибыл в Абердин, где и погрузился на небольшой быстроходный пароход, переделанный из одного из судов минного флота. О быстроте переезда надо было думать, так как немецкие подводки³⁶ находились в периоде самой горячей деятельности и катастрофы на море были явлением обыденным и даже ежедневным.

В Абердине надо сидеть в скромном отеле и ждать «у моря погоды» — вернее, возможности совершить опасный рейс в Берген³⁷. Особая, не помню какая, комиссия должна была дать знать в отель час погрузки на судно, которое еще не прибыло в порт. Все это зависело от деятельности немецких подводных лодок в Северном море и телефонных осведомителей из Бергена. Надо прибавить, что в Бергене постоянно находилось несколько больших немецких судов, существовали немецкие конторы и, конечно, организованное наблюдение за всем тем, что приходило из Англии.

Неприветливо Северное море в августе.

Я помню день нашей погрузки. Серое небо, холодно, ветер, море в белых «барашках». В порту небольшое судно, приспособленное из старого миноносца. Даже в порту качка, что-то нас ожидает в море? Ко дню нашего отъезда в Абердин прибыл старый Федор Федорович Палицын³⁸, мой бывший начальник Генерального штаба и представитель государя при французской Главной квартире. Не стало государя

³⁵ Гапаранда — город в Швеции на берегу Ботнического залива напротив пограничного русского города Торнео.

³⁶ Так в документе. Подводные лодки.

³⁷ Берген — город в Норвегии, на берегу Северного моря.

³⁸ Федор Федорович Палицын (28.10.1851–20.02.1923) — генерал от инфантерии. Начальник Генерального штаба (1905–1908). В своих записках Палицын отмечал, что действительно ехал тогда из Франции в Россию. Он прибыл в Лондон 1 августа 1917 г. по новому стилю, а выехал оттуда 8 августа, прибыв в Стокгольм через 12 дней (Палицын Ф.Ф. Записки. Франция (1916–1921). М., 2014. Т. 2. С. 66–67).



Генерал Ф.Ф. Палицын

в России, и восьмидесятилетнему³⁹ Палицыну нечего уже было делать во Франции. Много, много воспоминаний соединяло меня с Федором Федоровичем, но об этом поговорю несколько позже.

Так или иначе, но часов около шести утра неприветливого дня десятых чисел августа мы взошли на борт нашего quasi⁴⁰-миноносца и стали выходить в море. Я поместил жену в каюту, а сам поднялся на корму. Я обожаю море, не раз делал длинные переходы и потому беспокоился только за жену.

На этот раз меня ожидали сюрпризы.

Прежде всего, при выходе из порта нам встретилась какая-то лодка с людьми, уцелевшими от только что потопленного судна. Нечего и говорить, что встреча не была из особо ободряющих перед опасным переходом. Далее мы вышли на простор. Ветер свищет, волны уже идут целыми горами. Корма то проваливается в пропасть, то вздымается на дыбы. Нечто подобное я испытал уже раз в лазурных водах Неаполитанского залива, но там было все же легче. На этот раз я почувствовал, что надо покориться необходимости и пробраться в каюту, чтобы уже там пройти через все стадии морской болезни.

Каюту была, слава Богу, обширная и снабженная всем необходимым на случай неизбежных страданий пассажиров. Вот этими страданиями мне и пришлось заняться в течение целого дня, помогая моей бедной жене, которая, кстати сказать, ненавидит море, и борясь всеми сила-

³⁹ На самом деле в описываемый мемуаристом период Ф.Ф. Палицыну было 65 лет.

⁴⁰ Квази, псевдо.

ми с самим собою, хотя, должен признаться, борьба моя не увенчалась успехом.

Днем мы встретили еще каких-то жертв немецких торпед, но состояние всех нас было таково, что даже катастрофы нас не интересовали. Полное безразличие и тупая покорность судьбе.

В седьмом часу вечера мы уже прибыли к берегу Норвегии и пошли островами. Качка немедленно утихла, ветер упал, и измученные пассажиры как тени стали выползать на палубу. Английские «purse»⁴¹ разносили коньяк и бисквиты, мы все лежали в шезлонгах и испытывали невыразимое наслаждение отдыха. Морская болезнь проходит мгновенно. Остается лишь слабость и большой устаток.

Ночь прошла совершенно спокойно и утром, выйдя на палубу, я имел удовольствие видеть и Ф.Ф. Палицына. Слабым голосом он осведомился о моем состоянии и прибавил: «А я все — с кровью, с кровью». Еще бы.

— Девятый десяток⁴² — и такое испытание...

Ранним солнечным утром — мы высадились в Бергене. Моя бедная жена в изнеможении лежала на какой-то скамейке на пристани. Нелегко достался ей этот памятный переход. Я бросился искать коньяк чтобы подбодрить ее. Сухой режим! Во всем городе — нигде!

Город незадолго перед этим был опустошен пожаром. Почти все отели сторели. С большим трудом я нашел комнату, где мы все-таки отдохнули и выспались.

На следующий день предстоял переезд в Христианию (по нынешнему — Осло) и далее в Стокгольм.

Мне хочется как можно скорее приблизиться в моих писаниях к периоду моего пребывания в Главном управлении Генерального штаба, и потому я не буду останавливаться на деталях этого путешествия. Поехали мы в хорошем вагоне, и этот переезд совершили в нормальных условиях, и потому он лишен особого интереса. Несколько слов о шести днях, проведенных в Стокгольме.

Я Стокгольм знал и раньше и всегда восторгался его красотой и поразительным благоустройством. И на этот раз, несмотря на русскую революцию, несмотря на Европейскую войну... Стокгольм был так же обаятельно-красив в своем осеннем уборе, и жизнь в городе

⁴¹ Дословно — няня (англ.). По-видимому, речь об официантках.

⁴² Как уже отмечалось, мемуарист ошибается. Ф.Ф. Палицын был значительно моложе.

текла своим установленным чередом. Я провел мои шесть дней в отличном Штранд-Отеле, в прекрасной комнате, с отличным персоналом. Я задержался в Стокгольме умышленно. Я думал найти там полную осведомленность о событиях в России, куда мне не хотелось въезжать с закрытыми глазами.

Я познакомился с нашим посланником К.Н. Гулькевичем⁴³ и встретил там моего младшего товарища по Генеральному штабу Д.Л. Кандаурова⁴⁴, бывшего в это время военным агентом в Швеции при нашем посольстве. Сведения о России, которых я так искал, были у этих лиц весьма туманные.

Сколько я помню — мне так и не удалось создать себе ясный отчет в процессе бушевавшей в России революции, и мне суждено было переехать русскую границу все тем же новичком в революционной борьбе, каким я выехал из Франции.

Не могу не вспомнить, что в одном поезде со мною возвращался в Россию какой-то украинский деятель в сопровождении дамы с баронским титулом. Дама эта определенно производила впечатление шпионки, «украинец» — немецкого агента (кем он и оказался впоследствии). Забавнее всего было то, что на вокзал приехал проводить их один из секретарей русского посольства. Все это было выше моего понимания, и, повторяю, я привез на нашу пограничную станцию в Гапаранде все те же принципы о ненарушимости присяги, данной царю, те же понятия об офицерской чести и об обязательствах и чистоте эполет, которые я носил больше двадцати лет.

Уже на станции Гапаранда дыхание революции было заметно во всех проявлениях жизни. В канцелярии военного контроля паспортов солдаты и писаря имели недопустимо неряшливый вид, господа офицеры, главным образом из прапорщиков, отличались свободой обращения. Я был в статском и в первые минуты не обращал внимания на эту распущенность, но вольность в разговорах, увы!, не изменилась и по просмотре моего паспорта, где был указан мой чин и мое служебное положение. Со мною была переданная мне дипломатическая вализа⁴⁵ для нашего Министерства иностранных дел. Достаточно сказать, что вся эта разнузданная солдатня покушалась распечатать эту вализу.

⁴³ Константин Николаевич Гулькевич (18.03.1865–25/26.06.1935) — российский дипломат. Посол в Швеции.

⁴⁴ Дмитрий Леонтьевич Кандауров (19.08.1880–15.03.1945) — полковник. Военный агент в Швеции.

⁴⁵ Здесь и далее — чемодан.

Единственное благоприятное впечатление я вынес о поручике Кузике, с которым год спустя мне пришлось встретиться в Стокгольме. Он и в Гапаранде был тем корректным и воспитанным офицером, каким и должен быть представитель старой армии.

Из Гапаранды я дал телеграмму коменданту Выборгской крепости и моему старому товарищу. Я предупреждал его о своем приезде и желании остановиться в Выборге, где у меня была отличная квартира по должности командира одного из полков гарнизона. Я был еще настолько проникнут «старым режимом», что даже просил выслать экипаж к прибытию поезда. Пишу об этой мелочи, чтобы точно обрисовать психологию старого офицера, перешагнувшего порог новой России.

Уже в дороге я начал, так сказать, «понимать». Передо мною мелькали вокзалы, забитые солдатами в расстегнутых шинелях, смятых фуражках. Толпы этих лодырей толкались на дебаркадерах, лушили подсолнухи и ровно ничего не делали. Нет-нет промелькнет растерянный офицер. Об отдании чести нет и речи!

В поезде в вагоне-ресторане тоже полная свобода обращения. Лакеи не служат никак, цены астрономические. Мне помнится, что коробка сардинок стоила семь рублей, то есть стоимость отличных высоких сапог по ценам еще прошлого года. Так называемые «завоевания революции» уже давали себя чувствовать.

Приехал я в свой родной, можно сказать, Выборг днем, вышел из поезда на великолепный Выборгский вокзал, блиставший всегда чистотой и роскошью. Никто меня не встретил, всюду грязь, носильщиков не дозваться. Решаю сразу остановиться в гостинице «Антреа», рядом с крепостью и квартирой коменданта генерала Ф.В. Степанова⁴⁶, моего старого товарища еще по академии, добрейшего, честнейшего офицера, носившего орден Св. Георгия, полученный⁴⁷ за Порт-Артур.

Комнату в гостинице, слава Богу, нашел и сейчас же отправился к Степанову, семью которого мы с женой близко знали еще с тринадцатого года.

Несколько часов, проведенных у Степанова, дали мне возможность ощутить весь, скажу, ужас, создавшегося для нас военных, положения. Гарнизон Выборга представлял толпу взбунтовавшихся солдат, проводивших время на политических митингах. На эти митинги приезжали какие-то подозрительные люди в кожаных куртках и разжигали озве-

⁴⁶ Федор Васильевич Степанов (13.05.1871–29.08.1917) — генерал-майор. Однокашник В.В. Марушевского по выпуску из Николаевской академии Генерального штаба в 1902 г. Комендант Выборгской крепости (1917). Убит солдатами.

⁴⁷ В документе несогласованно — полученного.



Генерал С.И. Одинцов

ревших солдат совершенно недопустимыми речами. Офицерство, увы!, притихло. Да и что могло сделать это несчастное офицерство, когда разврат и падение дисциплины поощрялось с высоты авторитета Временного правительства. Видно было, что мой старый друг генерал Степанов ходит по самому краю пропасти. Несчастливая жена его на коленях умоляла этого человека-долга бросить все и уехать. Герой Артура⁴⁸ полагал, что он должен был оставаться на своем посту до конца. Ах! Как близко был в тот момент этот конец! Как можно было угадать, что через несколько дней Степанов умрет страшной смертью на мосту в сотне шагов от своей квартиры и на глазах своей несчастной жены.

Моей соседкой по номеру в гостинице оказалась жена тоже моего старого друга Сергея Ивановича Одинцова⁴⁹, вернее, «Сережи», как все мы его звали в академии и на маньчжурских полях в 1904 году. Я узнал Елизавету Александровну по голосу. Она все еще была той высокой красавицей, которой я ее знал в их гостиной, и в Биаррице, и в Красном Селе, только она уже не была Одинцовой, а избрала себе другого «повелителя» в лице Кости Скуратова⁵⁰, хорошо известного во всех гвардейских кру-

⁴⁸ Т.е. Порт-Артура. Ф.В. Степанов был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. за отличия при отбитии штурмов Порт-Артура в октябре и с 7 по 19 ноября 1904 г.

⁴⁹ *Сергей Иванович Одинцов* (02.07.1874—08.09.1920) — генерал-майор. Однокашник В.В. Марушевского по выпуску из Николаевской академии Генерального штаба в 1902 г. В 1917 г. один из первых генералов, ставших сотрудничать с большевиками.

⁵⁰ *Константин Николаевич Скуратов* (02.11.1874—16.02.1948) — полковник. Офицер Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Командир 14-го уланского Ямбургского полка (1917).

гах. Костя в Выборге командовал Ямбургским уланским полком и тоже едва не сложил свою буйную головушку в эти мрачные августовские дни.

Одинцов был одним из наиболее богатых в нашей среде; Елизавета Александровна подарила ему двух великолепных мальчишек. Отчего они разошлись? Куда девались эти дети? Я невольно думал тогда, что и в разрушении этой семьи — сказалось гибельное влияние революции.

Пока что я переделался в генеральское пальто с красными отворотами и ходил по Выборгу, стараясь не обращать внимания на расхлестнутую солдатню, попадавшуюся на каждом шагу.

После короткой передышки в моей старой гарнизонной стоянке надо было ехать в Петроград и являться по начальству. Какому начальству — мне не было ясно. Покинув Французский фронт, я вероятно должен был явиться в распоряжение начальника Генерального штаба; туда я и решил явиться. Сколько помню, я опасался везти мою жену с собою и поехал в «красный Петроград» один.

До войны сообщение Выборг — Петроград было удобное и не утомительное. Помню, что в бытность мою еще начальником штаба 2-й Финляндской стрелковой бригады я раз-два в неделю ездил читать мои лекции в академии⁵¹ и в одном из военных училищ.

Вставать приходилось раненько, но в Петроград приезжал к восьми часам утра и, отчитав свои лекции, уже около часу дня был дома в Выборге. Возвращение было отдыхом. Я садился прямо в прекрасно устроенный вагон-ресторан, завтракал, читал «Новое время» и совершенно незаметно приезжал в Выборг. Зимы в Финляндии мягкие, солнечные. Так было приятно, покинув туманный, холодный Петербург⁵² — незаметно перенестись снова в царство сосновых лесов под сводом ясного синего неба.

В этот мой приезд отличные финляндские железные дороги еще работали без отказа, и потому до Финляндского вокзала в Петербурге я добрался без особенных приключений, но уже на самом вокзале начались испытания. Со мною были тяжелые вализы, которые надо было сдать в Министерстве иностранных дел у Певческого моста. Перевезти эти вализы на извозчике было невысказано. Автомобилей уже не было. Подводы требовали какие-то астрономические суммы. На вокзале толпа разнужданных солдат. Прежнего жандармского надзора уже не существовало. После достаточно долгих исканий я все же нашел какого-то военного

⁵¹ Имеется в виду Императорская Николаевская военная академия.

⁵² Здесь и далее применительно к событиям 1917 г. правильно — Петроград.

представителя, которому можно было оставить вализы без особого опасения потерять их. В министерстве пришлось спорить. Меня уверяли, что эти вализы я должен доставить сам. После довольно оживленных прений и моих «крепких» суждений о порядках дипломатических сношений — я победителем вышел на Дворцовую площадь и направился в правую половину того же огромного здания, разделенного величественной аркой Главного штаба.

Бедная моя Дворцовая площадь! Лучшие годы моей жизни прошли на этом просторе старого Петербурга, ограниченного Зимним дворцом, петровским Адмиралтейством, зданиями Главного управления Генерального штаба и Министерства иностранных дел, разделенными аркой Главного штаба и штабом войск гвардии и Петербургского военного округа. На эту площадь выходили окна моей старой квартиры. Я видел справа расстрелиевский⁵³ фасад Зимнего дворца, далее зеленеющие сады и золотой шпиль Адмиралтейства, слева красноватые громады зданий Генерального штаба с аркой, на которой высилась бронзовая триумфальная колесница. Перед моими окнами высилась историческая «Александровская» колонна и на фоне неба рисовались грандиозные и вместе с тем художественно-красивые формы Исаакиевского собора с его золотым куполом, лишь немного уступающим по величине куполу собора Св. Петра в Риме. Я не ошибусь, если скажу, что площадь была самой красивой частью старого Петербурга, уже теперь отошедшего в небытие.

На этой площади началась и на ней же, как мы увидим позже, кончилась моя, позволяю себе сказать, блестящая карьера, отсюда я ехал венчаться и уезжал в свадебную поездку с моей женой. Отсюда же меня увезли в морозную ноябрьскую ночь какие-то подозрительные люди, как арестанта в Смольный институт, превращенный в центр новой, тогда еще непонятной, революционной власти.

В эти дни августа 1917 года моя родная площадь была неузнаваемой. По своим краям и вдоль всего фасада Зимнего дворца она была загромождена высокими штабелями дров, заготовленных на зиму. Сквозь торцы деревянной мостовой и сквозь булыжники по местам, заложенным камнем, пробивалась зеленая травка. С художественной ограды дворцового сада были выдраны все золоченые бронзовые части — эмблемы императорского режима. Тротуары в грязи и в шелухе от подсолнечников. Отчего, казалось бы, каждая революция должна быть, прежде всего, гряз-

⁵³ *Бартоломео Растрелли* (1700—29.04.1771) — архитектор итальянского происхождения. Создатель проекта Зимнего дворца.

ной? Это явление может быть проистекает совершенно логически из самых событий, то есть от недостатка низшего персонала и нежелания этого персонала работать, но мозг человека умирающего или умершего режима не может не видеть в этой грязи лица той черни, которая дорвалась до власти и опрокинула не только недостатки ушедшего порядка управления страны, но и разрушила до основания все культурные ценности и заплевала даже свое историческое прошлое.

Вспоминая свои переживания этих дней, я невольно думаю, что эта грязь, неряшество, нежелание работать, бесконечная болтовня — все это невольно клонило меня в сторону оппозиции той группе людей, которых я считал виновными в ужасе настоящего положения.

С этими чувствами я переступил порог Главного управления Генерального штаба, чтобы явиться уже новому начальнику Генерального штаба.

Я хочу сказать два слова об этом посту, но предварительно, что я далек от задач исторического труда и хотел бы лишь передать то, что я видел своими глазами, встречаясь с людьми, жизнь и деятельность которых принадлежит к истории этих бурных дней русского прошлого.

Пост начальника Генерального штаба в августе 1917 года занимал генерал Юрий Дмитриевич Романовский⁵⁴. Старый друг! Помню его камер-пажем⁵⁵ в Павловске, весьма часто около белокурой красавицы Александры Ивановны Горячевой, столь известной в полусвете; после корнет Л[ейб-]гв[ардии] Уланского Ее Величества полка. Еще позднее наша общая скамья в Академии Генерального штаба, а в 1904 году квартира моего отца, где Юрочка узнал от меня свое назначение в Порт-Артур и упал на колени перед киотом в нашей столовой, чтобы поблагодарить господина за это счастье, как ему казалось. Георгиевский крест за Порт-Артур⁵⁶, после не помню, где-то в штабах, еще после генералквартирмейстер в 7-й армии, где я видел его за время моего командования полком. И вот — начальник Генерального штаба.

Русская армия учредила пост начальника Генерального штаба в эпоху Японской войны⁵⁷ и первым начальником Генерального штаба был

⁵⁴ Георгий (Юрий) Дмитриевич Романовский (13.12.1877 — не ранее 1933) — генерал-лейтенант. Однокашник В.В. Марушевского по выпуску из Николаевской академии Генерального штаба в 1902 г. Начальник Генерального штаба (1917).

⁵⁵ Г.Д. Романовский окончил Пажеский корпус в 1896 г.

⁵⁶ Г.Д. Романовский был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за отличие при обороне Порт-Артура в августе—октябре и с 7 по 19 ноября 1904 г.

⁵⁷ Речь идет о создании 20 июня 1905 г. в России Главного управления Генерального штаба.



Генерал Г.Д. Романовский

Федор Федорович Палицын⁵⁸, о котором я упоминал в начале этой главы, затем были генерал Жилинский⁵⁹, которого сменил генерал Гернгросс⁶⁰, ушедший по болезни. За Гернгроссом последовал Янушкевич⁶¹ — будущий начальник штаба Верховного главнокомандующего, затем был Беляев⁶², мало кому известный и вот после революции Романовский⁶³. Еще во Франции я узнал о его назначении, которого по молодости Романов-

⁵⁸ Генерал Ф.Ф. Палицын занимал пост начальника Генерального штаба в 1905—1908 гг.

⁵⁹ В.В. Марушевский неточен. После Ф.Ф. Палицына посты начальника Генерального штаба занимали генералы В.А. Сухомлинов, А.З. Мышлаевский, Е.А. Гернгросс. Я.Г. Жилинский занял этот пост в 1911 г. *Яков Григорьевич Жилинский* (15.03.1853—1918) — генерал от кавалерии. Жилинский занимал пост начальника Генерального штаба в 1911—1914 гг.

⁶⁰ На самом деле наоборот — Я.Г. Жилинский сменил Е.А. Гернгросса. *Евгений Александрович Гернгросс* (10.02.1855—04.05.1912) — генерал-лейтенант. Начальник Генерального штаба (1909—1911).

⁶¹ В.В. Марушевский вновь ошибается. Е.А. Гернгросса сменил Я.Г. Жилинский, которому на смену пришел Н.Н. Янушкевич. *Николай Николаевич Янушкевич* (01.05.1868—02.1918) — генерал-лейтенант (впоследствии — генерал от инфантерии). Должность начальника Генерального штаба Янушкевич занимал с марта 1914 г. до начала Первой мировой войны, когда занял пост начальника штаба Верховного главнокомандующего.

⁶² *Михаил Алексеевич Беляев* (23.12.1863—09.1918) — генерал от инфантерии. Исполнял должность начальника Генерального штаба в 1914—1916 гг.

⁶³ После М.А. Беляева начальником Генерального штаба в 1916—1917 гг. являлся генерал-лейтенант П.И. Аверьянов, которого в мае 1917 г. сменил генерал-майор (впоследствии — генерал-лейтенант) Г.Д. Романовский.

ского объяснить себе не мог. Поговаривали о каком-то тайном обществе офицеров в предреволюционную эпоху⁶⁴. Называли имена Крымова⁶⁵, Энгельгардта⁶⁶, знаменитого Гучкова⁶⁷... Не выходя из строевой среды за все время войны, я не был в курсе политических интриг и потому назначение Романовского не могу объяснить себе и по сей день.

Встретились мы, конечно, как старые товарищи.

После долгого разговора с Юрием Дмитриевичем я несколько осознал всю драму, весь ужас, сказал бы я, создавшегося для нас — военных — положения. Вся надежда была на генерала Корнилова⁶⁸, только что вступившего на пост Верховного главнокомандующего. Я лично Корнилова не знал, но был хорошо осведомлен о его подвигах еще на полях Маньчжурии, о его плене и бегстве из плена в эту войну⁶⁹. Помнится, в эти дни Корнилов прибыл на совещание в Москву⁷⁰, и уже одно лишь появление его в революционной Москве произвело впечатление холодного душа на развращенные войска гарнизона. Говорили, что и в Петрограде солдатня присмирела, отдельные люди лучше одеты, началось даже кое-где отдавание чести.

В общем Романовский смотрел безнадежно на продолжение войны и посоветовал мне принять назначение помощником начальника военной миссии в Италии.

Начальником этой миссии был уже назначен генерал Е.К. Миллер⁷¹, уже отбывший на этот пост и находящийся в пути. Я знал генерала Миллера еще в бытность его начальником Николаевского кавалерийского училища⁷². Был он затем начальником штаба Московского воен-

⁶⁴ Речь идет об офицерах из окружения видного политического деятеля того времени А.И. Гучкова, контактировавшего с генштабистами еще до революции.

⁶⁵ Александр Михайлович Крымов (23.10.1871—31.08.1917) — генерал-лейтенант. И.д. командира III кавалерийского корпуса.

⁶⁶ Борис Александрович Энгельгардт (07.07.1877—02.09.1962) — полковник (впоследствии — генерал-майор).

⁶⁷ Александр Иванович Гучков (14.10.1862—14.02.1936) — политический деятель. Военный и морской министр Временного правительства (март — май 1917).

⁶⁸ Лавр Георгиевич Корнилов (18.08.1870—13.04.1918) — генерал от инфантерии. Верховный главнокомандующий (с 18.07.1917).

⁶⁹ Л.Г. Корнилов попал в австро-венгерский плен в апреле 1915 г., откуда бежал в июле 1916 г.

⁷⁰ Речь идет о Государственном совещании в Москве 12–15 августа 1917 г., в ходе которого обсуждались вопросы дальнейшего развития страны.

⁷¹ Евгений Людвиг Карлович Миллер (25.09.1867—11.05.1939) — генерал-лейтенант (впоследствии — генерал от кавалерии). Военный агент в Италии.

⁷² Николаевским кавалерийским училищем Е.К. Миллер руководил в 1910–1912 гг., будучи генерал-майором.



Генерал Е.К. Миллер

ного округа⁷³ у Плеве⁷⁴, у Плеве же был начальником штаба главнокомандующего Северным фронтом⁷⁵, командовал одним из корпусов на румынской границе и там был ранен в голову озверевшими солдатами на одном из митингов⁷⁶. Сколько я знал, Е.К. Миллер был добрейший

⁷³ Пост начальника штаба Московского военного округа Е.К. Миллер занимал в 1912—1914 гг., а на фронт Первой мировой войны отправился начальником штаба 5-й армии, развернутого на базе штаба округа.

⁷⁴ Павел Адамович Плеве (30.05.1850—28.03.1916) — генерал от кавалерии, командующий войсками Московского военного округа (1909—1914). Командующий 5-й армией (1914—1915).

⁷⁵ Е.К. Миллер не был начальником штаба главнокомандующего армиями Северного фронта. Эту должность при П.А. Плеве занимал генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич. Плеве был главнокомандующим армиями Северного фронта в декабре 1915 г. — феврале 1916 г. Он был освобожден от командования фронтом по состоянию здоровья и вскоре умер.

⁷⁶ Е.К. Миллер командовал XXVI армейским корпусом. 7 апреля 1917 г. солдаты по полнения отказались подчиняться генералу. Они окружили Миллера, начали угрожать ему, ругались, сорвали шашку, погоны (как с пальто, так и с кителя) и поволокли генерала вдоль строя. Из толпы солдат помимо ругательств выкрикивались призывы поднять Миллера на штыки, крики «изменник, немец», «довольно нашу кровь пить», «приятель Николки», «сторонник старого режима», «ты нам все про работу говорил, а про свободу ничего не говорил». Озлобление толпы росло, генерала стали избивать, били по голове и по спине, в том числе его же шашкой в ножах, разбили голову, толкнули в грязь, сорвали фуражку, разорвали пальто и едва не убили. Окровавленного генерала в разорванном пальто арестовали на гауптвахте. Арест был «узаконен» корпусным съездом (до революции правом ареста генералов обладал лишь император, а после — военный министр), а позднее санкционирован



Генерал Н.М. Потапов (крайний справа) с братьями

и честнейший человек, бывший лейб-гусар, принадлежавший к лучшим слоям так называемого «общества».

Уже всем известен конец Евгения Карловича, возглавившего в тридцатых годах Союз русских офицеров в Париже⁷⁷, его исчезновение в непонятных условиях и, вернее всего, смерть, в чем до последнего времени сомневался его собственный сын⁷⁸.

Так или иначе — я принял предложение моего друга и начальника. Предстояло лишь оформить это назначение и получить согласие итальянцев («agrement»), что конечно не могло представлять никаких затруднений.

Выйдя из кабинета начальника Генерального штаба, я познакомился с его помощником генералом Потаповым⁷⁹ и начальником отделения по назначениям за границу полковником Жихором⁸⁰.

военным министром А.И. Гучковым. Генерал был отрешен от командования и три недели провел под арестом, включая четыре дня ареста на солдатской гауптвахте. Подробнее см.: Ганин А.В. Как становятся антибольшевиками? Генерал Е.К. Миллер и революционная армия в 1917 году // Первая мировая война и Европейский Север России. Архангельск, 2014. С. 121–132.

⁷⁷ Русский общевоинский союз.

⁷⁸ Генерал Е.К. Миллер 22 сентября 1937 г. был похищен в Париже сотрудниками ОГПУ и вывезен в СССР, где впоследствии расстрелян.

⁷⁹ Николай Михайлович Потапов (02.03.1871–25.02.1946) — генерал-лейтенант. Генерал-квартирмейстер ГУГШ.

⁸⁰ Константин Иванович Жихор (20.05.1882–29.09.1938) — полковник. Делопроизводитель ГУГШ.



К.И. Жихор. Архив Ф.А. Гуцина. В оригинальном качестве публикуется впервые

Мне сразу показалось, что оба они совсем не «радостно» приняли известие о моем назначении. Тут вероятно были другие расчеты, которые были нарушены моим приездом и моими отношениями с их прямым начальством. Надо сказать, что в этот период начался уже «исход» офицерства за границу. По понятным причинам положение офицера сделалось не только невыносимым, но и опасным для жизни, так как так называемые «эксцессы», то есть убийства, происходили каждый день. Отъезд за границу был спасением. Я не скажу, что я, так сказать, ухватился за назначение, предложенное мне Романовским. Мне все еще казалось, что можно что-то сделать для армии. С другой стороны, только что вернувшись из Франции, я ясно понимал, что и за границей уже нельзя работать, нельзя оградить себя от унижительных выступлений, от грязи и сплетен старой эмигрантской среды, гнездившейся во всех городах Европы.

Здесь же я встретился с моим товарищем по штабу войск гвардии полковником Андогским⁸¹. Отличный офицер, он был много моложе меня самого в Генеральном штабе. К моему вящему удивлению он заявил, что он начальник Академии Генерального штаба⁸². Отдавая долж-

⁸¹ Александр Иванович Андогский (25.07.1876–25.02.1931) — полковник (впоследствии — генерал-майор). Начальник Военной академии. В штабе войск гвардии и Петербургского военного округа А.И. Андогский служил в 1907–1911 гг.

⁸² А.И. Андогский был назначен начальником Военной академии с 8 августа 1917 г. после голосования офицеров Генерального штаба, проходившего в июле. По итогам голосования наибольшее число голосов набрал генерал Н.Н. Головин, а Андогский

ное способностям Андогского, я невольно подумал о моих старых заслуженных профессорах академии, сделавшихся подчиненными этого молодого человека⁸³. Завоевания революции открывались моим глазам с каждой минуты. Еще, слава Богу, — подумал я, — что это был Андогский, а не какой-нибудь писарь из той же академии.

Тут же я узнал, что я нахожусь в распоряжении командующего войсками Петербургского⁸⁴ военного округа и что надо оформить мое отчисление от округа и перечисление в Главное управление Генерального штаба.

Выйдя из Главного управления, я направился в штаб округа. Это тут же на площади, в столь близком мне по воспоминаниям громадном каменном корпусе между Певческим мостом и Зимним дворцом.

Вхожу в подъезд. Невольно вспоминаю фигуру нашего старого швейцара Савельича, знавшего весь генералитет и не раз говорившего с государем Александром II, иногда гулявшим пешком со своею собакой. Савельич умер незадолго до войны. Его заменил новый старик из унтеров, которого я тоже знал. Раздевая меня, он сообщил мне, что командующий войсками какой-то Кузьмин, которого швейцар называл «каторжником»⁸⁵, что его сейчас заменяет генерал Васильковский⁸⁶. Какой Васильковский? Неужели «Карлушка»?⁸⁷ Все это какой-то кошмар. Поднимаюсь по столь знакомой лестнице, вхожу в приемную, увешанную портретами бывших командующих войсками и их начальников штабов. Тут и незабвенный великий князь Николай Николаевич стар-

был вторым. Решение о назначении Андогского было принято лично министром-председателем Временного правительства А.Ф. Керенским. Подробнее см.: Ганин А.В. Генштаб и предвыборные технологии. Как выбирали начальника Военной академии летом 1917 года // Родина. 2014. № 11. С. 70–74; *его же*. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 76–103.

⁸³ А.И. Андогскому в то время был 41 год, он был лишь на два года моложе Марушевского и на три выпуска младше по академии. В то же время некоторые заслуженные профессора академии были уже немолодыми людьми и вряд ли могли возглавлять такое учреждение в сложное время.

⁸⁴ Правильно — Петроградского.

⁸⁵ Андрей Илларионович Кузьмин (1880–1920) — революционер. Будучи прапорщиком, играл видную роль в истории Красноярской республики в декабре 1905 г. Затем эмигрировал во Францию. В 1912 г. вернулся в Россию. Приговорен к каторжным работам. Помощник главнокомандующего войсками Петроградского военного округа по вопросам пропаганды (1917). Произведен в капитаны. Исполнял обязанности главнокомандующего войсками округа.

⁸⁶ Олег Петрович (Карл Карлович) Васильковский (28.10.1879–12.06.1944) — генерал-майор (впоследствии — генерал-лейтенант). Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа (19.07–27.08.1917).

⁸⁷ В 1910 г. Васильковский сменил имя Карл Карлович на Олег Петрович.



Генерал О.П. Васильковский

ший⁸⁸, и великий князь Владимир⁸⁹, и все эти старики генерал-адъютанты и незабвенный Васмундт⁹⁰...

В приемной толпа народа и главное — солдат. Все это спорит, кричит, шумит. Иду далее в большой зал, где я столько лет работал, будучи штаб-офицером для поручений и старшим адъютантом. И там толпа, шум и грязь. По дороге узнаю, что в штабе состоялись выборы офицеров. Из старых настоящих работников не осталось никого. Особенно характерно то, что всеми писарями было «выражено доверие» штабс-ротмистру Телесницкому⁹¹ и поручику Крыжановскому. Боже мой! Телесницкий! До завтрака еще, туда-сюда, годен на какую-нибудь ничтожную работу, после завтрака — сонная рожа и состояние полу-вменяемости. Крыжановский! Безнадежно глуп, и — вредно глуп. Я имел несчастье иметь его своим подчиненным. Вечные истории, бестактные выходы... и самое

⁸⁸ Николай Николаевич старший (27.07.1831–13.04.1891) — великий князь, сын императора Николая I. Генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал. Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1867–1880).

⁸⁹ Владимир Александрович (10.04.1847–04.02.1909) — великий князь, сын императора Александра II. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1884–1905).

⁹⁰ Правильно — Васмунд. Георгий Робертович Васмунд (25.12.1840–30.05.1904) — генерал-лейтенант. Начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (1898–1904).

⁹¹ Возможно, Алексей Григорьевич Телесницкий — офицер Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка.

главное — какая-то «махровая» глупость. Да! Может быть «завоевания революции» и сказываются чем-нибудь в ближайшие десятилетия, но в первые месяцы — лик этих завоеваний отталкивающе ужасен. Иду дальше. Двери в бывший огромный кабинет начальника штаба отворены настежь. И там толпа, и в этой толпе мотается (кто же?) — огромный Карлушка Васильковский в генеральских погонах. Карлушка — коренной офицер [Лейб-гвардии] Казачьего Его Величества полка. В 1904 году он перевелся временно, что разрешалось, на театр войны, где я его видел в форме одного из забайкальских казачьих полков⁹². Помню Карлушу верхом, с японцем на седле. Японцем, которого он забрал собственноручно⁹³. Помню его в нервно-возбужденном состоянии в период мукденских боев, в какой-то китайской деревушке. За пять минут до встречи со мною он спас знамя одного из стрелковых полков, почти что вырвав это знамя от наседавших японцев. Я же помогал ему писать рапорт об этом подвиге, давшем ему Георгиевский крест⁹⁴. Помню Карлушку у нас в штабе 4-го Сибирского корпуса, где он учился вместе с не менее знаменитым сотником «Сашкой» Секретевым⁹⁵ пить горящий ликер и обжег себе горло. Что и говорить, храбрый офицер, но как далеко от простоватого сотника до командующего войсками. И вот мой Карлуша с воспаленными глазами, видимо, не спавший уже много ночей, с лихорадочным румянцем — произносящий речи этой солдатне, набившейся в барские покои нашего штаба... Пути и «возврата к прошлому нет», и «новая заря», и «кровавый режим»... Бедный Карлушка! Я невольно подумал, что и мне может быть предстоит такая же «почетная роль»... Нет! Если уж придется мучиться, то разговоры у меня уже будут другие.

Тут же познакомился с начальником штаба округа полковником Багратуни⁹⁶. Маленький, черненький армянчик. Видимо, какая-то новая фигура. Нет ли тут революционного прошлого?

⁹² В Русско-японской войне О.П. Васильковский участвовал в составе 2-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска.

⁹³ Т.е. взял в плен.

⁹⁴ Орден Св. Георгия 4-й степени. Речь шла о спасении знамени 19-го Восточно-Сибирского стрелкового полка 25 февраля 1905 г. Орденом Св. Георгия 4-й степени Васильковский был награжден Высочайшим приказом 3 октября 1908 г.

⁹⁵ Александр Степанович Секретев (08.08.1882–08.05.1931) — сотник (впоследствии — генерал-лейтенант) во 2-м Верхнеудинском полку Забайкальского казачьего войска.

⁹⁶ Яков Герасимович (Акоп Караистович) Багратуни (25.08.1879–23.12.1943) — полковник (затем — генерал-майор). Начальник штаба Петроградского военного округа.

Не добившись никакого толка в этой кутерьме, я с грустью покинул родной штаб. Подумав, решил вернуться в Выборг и там ждать моего нового назначения.

II. Снова Выборг, санатория «Рауха»

Вернувшись в Выборг, я в первый момент не знал, куда бы себя девать, но о моем приезде из Франции уже узнала madame Габрилович, собственница санатории «Рауха» в десяти верстах от известного водопада «Иматра» и на самом берегу озера «Сайма». «Рауха» (Rauha) по-фински означает — «отдых», «покой», и это имя было дано отлично организованной доктором Габриловичем и его женой санатории, устройству которой могли бы позавидовать лучшие санатории в Швейцарии. Я познакомился с санаторией летом 1913 г., когда я привез туда мою жену, измученную болезнями в течение всей зимы и операцией.

Я до сих пор помню, как я был очарован чудным расположением санатории в сосновом лесу, у самого берега лазурного озера.

Безукоризненный обильный стол и самое главное такой ласковый и внимательный уход за больными сразу как-то успокоили и меня, и мою жену, так нуждавшуюся в отдыхе. В самое короткое время жена моя подружилась с хозяйкой Еленой Антоновной Габрилович, и я с самой глубокой благодарностью вспоминаю это имя.

В период войны и до нашего отъезда во Францию жена несколько раз жила по неделям в «Рауха» и даже раз сумела оказать большую услугу Елене Антоновне, облегчив ее отношения с начальством Выборгской крепости, в районе которой эта санатория находилась.

Узнав о нашем приезде, Елена Антоновна немедленно обратилась к нам с любезной просьбой погостить у них и даже указала нам попутчиков в лице m-me Шульман и Корали, которые могли в Выборге захватить нас и перевезти на автомобиле на Иматру. Два слова о m-me Шульман.

M-me Шульман была дочерью известного музыкального критика Иванова и жены его — милейшей и добрейшей итальянки, не говорившей даже толком по-русски. Я помнил m-me Шульман очень красивой барышней на петербургских вечерах. Вышла она замуж за военного юриста Шульмана, умершего во время войны.

На «Иматру» к Габриловичам мы приехали как в родную семью и сразу перезнакомились с многочисленными обитателями санатории, которая уже тогда представляла из себя убежище, да простится мне это

слово, всех «недорезанных буржуев». Общество было весьма разнообразное, но останавливаться на нем я не буду, так как мне придется еще раз вернуться к «Рауха» после событий, пережитых мною в Петербурге. Скажу только, что в этот приезд мы познакомились и хорошо сошлись с князем Владимиром Михайловичем Волконским⁹⁷, бывшим товарищем председателя Государственной Думы и товарищем министра внутренних дел в последние дни монархии⁹⁸. Внук или правнук декабриста⁹⁹ Владимир Михайлович отличался широтой взглядов, терпимостью и полной объективностью в оценке настоящих событий. Прекрасно осведомленный во всех политических течениях по своей работе в Думе он был для меня драгоценным собеседником, особенно при моей «малограмотности» в политических вопросах. Я особенно подчеркиваю эту полную неподготовку офицерского состава для работы в водовороте революционных событий. Владимир Михайлович, сам бывший офицер, в свои молодые годы — с ему одному свойственной чарующей простотой сразу завоевал мои самые сердечные, искренние симпатии.

Нося высокое придворное звание, князь Волконский был близок ко Двору и лично знал всю императорскую фамилию, причем с некоторыми членами царской семьи он был в самых приятельских отношениях. Мы быстро сошлись, и я с удовольствием вспоминаю наши ежедневные встречи, наши прогулки и наши полные для меня интереса беседы по вечерам.

Коснувшись придворного мира, не могу не вспомнить еще одной встречи в Петербурге, встречи, которую я опустил описать в предыдущей главе. На углу Миллионной улицы и Дворцовой площади мне навстречу попался бедно одетый, исхудавший старик в сильно потертой шляпе и поношенном пальто. Вглядевшись, я узнал графа Бенкендорфа, обер-гофмаршала государя императора¹⁰⁰. Я был поражен видом этого сановника императорского двора. Мы остановились и в довольно долгой беседе с этим глубоко мною почитаемым человеком я осознал всю глубину того несчастья, которое обрушилось на плечи ближайших сотрудников государя. Я не говорю о страданиях морального свойства,

⁹⁷ Владимир Михайлович Волконский (17.09.1868–23.03.1953) — общественный и политический деятель, князь. Товарищу председателя III и IV Государственных дум. Товарищ министра внутренних дел (1915–1916).

⁹⁸ На самом деле князь В.М. Волконский занимал пост товарища министра внутренних дел до 21 декабря 1916 г.

⁹⁹ В.М. Волконский был внуком декабриста князя С.Г. Волконского 4-го.

¹⁰⁰ Павел (Леопольд-Иоганн-Стефан) Константинович Бенкендорф (29.03.1853–28.01.1921) — граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Обер-гофмаршал высочайшего двора.



Князь В.М. Волконский

я хочу сказать, что все они терпели физическую нужду, говоря попросту, голодали. Я помню Бенкендорфа во всем его величии, с гофмаршальским жезлом впереди государя на Высочайших выходах. Помню его необычайную любезность в отношении лично меня, когда во время обеда в Ропшинском дворце меня послали куда-то с весьма срочным распоряжением по маневрам. Государь с его обычной добротой беспокоился, что я уехал, не окончив обеда. Я вернулся через час. И, Боже мой! Я думаю, что редко кому выпадала на долю трапеза, которую мне сервировали 4—5 лакеев в расшитых галунами придворных фраках, а сам добрейший гофмаршал два раза навещал меня, чтобы спросить все ли мне подали в порядке и доволен ли я обедом. Я думаю! Еще бы...!

Он много делал добра. Вот что мне рассказал Владимир Михайлович Волконский про жизнь графа Бенкендорфа после мартовской революции¹⁰¹. Сам он с семьей и ближайшие его друзья, лишившись всего, совершенно неподготовленные к жизни в революционной кутерьме, когда ничего уже нельзя было достать за деньги — начали голодать и медленно умирать. И вот графу кто-то из преданных старых слуг привез как-то дюжину рябчиков, добытых, вероятно, не только с трудом, но и с большим риском.

В эту мрачную эпоху рябчики были недосыгаемым лакомством. И старый гофмаршал, уже окруженный нищетой, решил скушать эту

¹⁰¹ Имеется в виду Февральская революция 1917 г.

дичь в привычной ему барской обстановке. Собрали близких друзей, сервировали отличный стол, посреди которого высилась, разысканная где-то, старая художественная серебряная канделябра. Старый повар с любовью приготовил вкусное блюдо, а старые лакеи, преданные своим барам и в несчастье — с благоговением служили у стола может быть в последний раз... Какая глубокая драма! Я думаю, что многие из участников этой прощальной трапезы были убиты, другие исчезли из этой жизни в ближайшие годы...

Там же в «Рауха» мы познакомились и сошлись с милейшей Надеждой Александровной Хариной¹⁰², она была замужем за генералом Хариным¹⁰³, причисленным к Главному штабу и ведавшим там каким-то несложным делом. Оба они были людьми очень богатыми и жили в Петербурге открыто. Надежда Александровна бывала и «при Дворе». Я помню ее фотографию в открытом придворном туалете, залитом драгоценностями. Это была крупная женщина с пепельными волосами, с открытыми серыми глазами и мягкими чертами лица. Она не была красива, но она олицетворяла очаровательный тип истинно русской женщины и, кажется, пользовалась большим успехом. Дом у них был, безусловно, интересный, но самое интересное было в этом доме — сам генерал Харин. Исключительно богатый человек, он обставил свою жизнь удивительными чудачествами. Так, например, он по месяцам ел одно и то же блюдо каждый день. В день, когда мы обедали у него — этим блюдом была утка, привозимая каждый день нарочно из какого-то поместья... Знаю, что как-то отправляясь за границу, он забыл взять с собою какую-то особенную горчицу. Обнаружив этот промах в Варшаве, он вернулся в Петербург, чтобы взять горчицу и снова уехать. Я не помню уже всех забавных историй, рассказанных мне Надеждой Александровной, но об этих мелочах упомянул, чтобы дать понятие какие, так сказать, «древнерусские» типы жили в столице до самой революции [19] 17-го года.

Надежда Александровна жила в «Рауха» со своею сестрою. Обе они уже ушли из этого мира, исчез, я думаю, и генерал Харин. Последний раз я видел его в Праге в 1919 году около великой княгини Ольги

¹⁰² Надежда Александровна Харина — супруга генерала И.Н. Харина, тетка великой княгини Ольги Александровны.

¹⁰³ Иван Николаевич Харин (01.05.1860–06.06.1923) — генерал-майор, дядя Н.А. Куликовского — супруга великой княгини Ольги Александровны. В распоряжении начальника Главного штаба. Генерал Харин был владельцем рудников и богатым человеком.

Александровны¹⁰⁴, проезжавшей в Данию со своим мужем Н.А. Куликовским¹⁰⁵.

Хорошо было в «Рауха» в эти теплые августовские дни. Санатория расположена вдали от крупных центров и потому конвульсии революции известны нам были только из газет. Газеты мы получали под вечер, и потому вся санатория собиралась за час перед обедом в обширном теплом холле, чтобы знакомиться с положением, не теряя ни минуты. Все газеты передавались мне, и я громким голосом читал выдержки для всей этой пестрой аудитории.

Как уже всем известно, в эти августовские дни 1917 г. последовало «Корниловское движение».

Верховный главнокомандующий и всеми обожаемый герой Лавр Георгиевич Корнилов во имя спасения разлагающейся армии постановил ряд требований Временному правительству, в которых он разошелся во взглядах с пресловутым печальной памяти Керенским¹⁰⁶. Я не участвовал в этом движении или, как говорили, «Корниловском перевороте». Приехав из Франции во второй половине августа, я не успел войти в сношения с окружением Корнилова и потому, к моему великому сожалению, остался вне этих событий. Я потому говорю «к сожалению», так как я всем сердцем был на стороне Корнилова. Зброшенный в эти дни на «Иматру», я оказался зрителем в этой огромной драме и потому в настоящих записках касаюсь всех этих событий лишь вкратце.

Суть наступившей трагедии весьма проста: с одной стороны популярный, всеми признанный и всеми чтимый герой Корнилов, с другой стороны — ничтожный адвокатишка, полужидовского происхождения¹⁰⁷, мнивший себя Робеспьером¹⁰⁸ и диктатором. Только угар и полупомешательство революционной толпы могли выбрасывать на первые места подобных деятелей с весьма туманным, а вернее и темным прошлым¹⁰⁹.

¹⁰⁴ *Ольга Александровна* (01.06.1882–24.11.1960) — великая княгиня, сестра императора Николая II.

¹⁰⁵ *Николай Александрович Куликовский* (05.11.1881–11.08.1958) — второй муж великой княгини Ольги Александровны.

¹⁰⁶ *Александр Федорович Керенский* (22.04.1881–11.06.1970) — военный и морской министр, министр-председатель Временного правительства.

¹⁰⁷ В действительности А.Ф. Керенский происходил из русско-немецкой семьи. Слухи о его еврейском происхождении были популярны в правых кругах.

¹⁰⁸ *Максимильен Мари Изидор де Робеспьер* (06.05.1758–28.07.1794) — французский революционер, адвокат.

¹⁰⁹ Дань политическим предубеждениям мемуариста. А.Ф. Керенского нельзя считать человеком с темным прошлым.

Естественно Керенский видел в Корнилове своего могучего противника. Он понимал, что требования Корнилова положат предел его позорной деятельности на погибель России и несчастной армии.

Все было пущено в ход. Подложные свидетельства, лживые прокламации, митинги в обезумевших войсках. Керенский не пренебрегал никакой грязью, никакими вымыслами.

Развязка наступила с объявлением Корнилова «врагом народа» и с выдвиганием в сторону Петербурга Конного корпуса Крымова, в задачу которого входило умиротворение столицы и роспуск пресловутого Комитета рабочих и солдатских депутатов¹¹⁰.

Я помню, с каким лихорадочным нетерпением мы хватались за журналы, отдельные листки, прокламации, прибывавшие в санаторию по вечерам.

Увы! Известия были все тревожнее и тревожнее. Конный корпус Крымова остановился, дойдя до Луги. Навстречу ему посылались ежедневно целые шайки опытейших агитаторов для разложения солдатских масс.

В дальнейшем события развернулись непонятным образом. Крымов поехал в Петербург для свидания с Керенским. Я не знаю, вызван ли был обманном путем Крымов, или же он бросился в Петербург по собственному желанию. Могу лишь сказать, что Крымов не был способен ни на какую подлость. Я прожил с этим человеком два года Маньчжурской войны, причем год мы жили в одной палатке. Помню его в стрелковой цепи у селения Фын-Дзя-Пу на реке Шахэ, помню его под Ляояном, когда мы вместе поджигали мост Тай-Цзы-Хэ и уходили по этому мосту под пулеметным огнем японцев, еще раньше мы вместе попали в реляцию о бое под Дашичао. Да всего в этом моем труде и не перескажешь. Полный, громадного роста, может быть грубый по натуре, но глубоко честный и отзывчивый, он пользовался большою любовью и солдат, и своего ближайшего начальства. Еще раз скажу Александр Михайлович, а для меня просто Саша Крымов, не был способен ни на какую подлость. О свидании его с Керенским мне рассказывал Анатолий Киприанович Кельчевский¹¹¹, тоже мой друг по кафедре в академии и по боевому прошлому в рядах 2-й Финляндской стрелковой дивизии,

¹¹⁰ Правильно — Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (Петрограда).

¹¹¹ *Анатолий Киприанович Кельчевский (Кельчевский)* (19.01.1869–01.04.1923) — генерал-майор (позднее — генерал-лейтенант). И.д. начальника штаба 9-й армии, затем (с 09.09.1917) — командующий этой армией.



Генерал А.К. Кельчевский

но о Кельчевском — в другом месте, иначе я никогда не подойду к моему посту начальника Генерального штаба.

По словам Кельчевского свидание Крымова с Керенским состоялось в Зимнем дворце. В чем заключался их разговор — по-видимому никому не известно, но окончился он крепкой затрепачиной, которою Крымов наградил этого предателя. Выходя из дворца, Крымов выстрелил себе в грудь и скончался в какой-то санатории на Кирочной улице¹¹². Корниловскому перевороту наступил конец.

Конец этого движения выразился, прежде всего, в полном падении дисциплины, в аресте самого Корнилова и его сподвижников и в многочисленных убийствах, вызванных подлейшей провокацией. До «Рауха» доходили слухи о бурных солдатских митингах в Выборге, о волнениях на железной дороге.

В одно прекрасное или вернее совсем не прекрасное утро м-те Габрилович сообщила мне, что все обитатели санатории очень взволнованы моим присутствием и в особенности моей генеральской формой с красными широкими лампасами на рейтузах. М-те Габрилович умоляла меня переехать на принадлежащую санатории дачу, в километре расстояния от «Рауха» и тоже на самом берегу. Я покобенился немного, но согласился, так как не хотел стеснять милейших Габриловичей в их, так сказать, хозяйстве.

¹¹² По имеющимся сведениям, генерал А.М. Крымов покончил с собой 31 августа 1917 г. у себя на квартире на улице Захарьевской (по другим данным — на Лиговском проспекте). Он умер в Николаевском госпитале, куда был перевезен.



Генерал А.М. Крымов. ГА РФ

Белая чудесная дача, так называемая «Дача Соловьева», стоит в густом сосновом бору, на высоком берегу Саймы. Мы с женой поместились в отлично меблированной обширной комнате с видом на озеро. Кругом на километр — никого, ни малейшей избушки. При нас была, помнится, какая-то женщина для услуг, да к этому времени подъехал из Франции мой вестовой и до войны мой слуга Иосип Блажун. Об этом верном, чудесном человеке расскажу несколько позже. Увы! Война и революция разделили нас, и я до сего дня жалею об этом. Вместе с Блажуном вернулся из Франции и мой конный вестовой Сучков. Сучков был глуп и был величайшим трусом. Каждый раз, когда он, сопровождая меня, попадал под огонь — он начинал причитать и громко молился. Он отлично ходил за моею лошастью, и потому я мирился с его трусостью и непроходимой глупостью. Во время пути морем и через Архангельск революция так обработала его, что он явился ко мне с бриллиантовым кольцом на пальце и с соответствующим разговором. Я немедленно отпустил его на все четыре стороны.

Блажун привез мне и моего верного Фокса — «Токи» совершенно опаршивевшего в долгом пути из Франции.

Вот лечением моей собаки и размышлениями в нашем одиночестве я и заполнял свое время в тиши соснового бора, окружавшего дачу.

Как-то часа в 3—4 после полудня меня вызвала из Выборга по телефону m-me Скобельцина, жена близко знакомого мне генерала¹¹³.

¹¹³ Владимир Степанович Скобельцын (12.03.1872—04.01.1944) — генерал-майор. Участник Белого движения на Севере России (1919—1920).

«Знаете ли Вы, что сегодня случилось в Выборге? Убиты генералы Орановский¹¹⁴, Васильев¹¹⁵, Степанов...! Я узнала, что Вы на Иматре и сочла нужным предупредить Вас...!»

Ликвидация Корниловского движения началась. Орановский командовал корпусом в районе Выборга, Васильев был его начальником штаба, Степанов, мой товарищ и друг, у которого я думал остановиться, был комендантом крепости. Помнится, были и еще убитые, но, к сожалению, память не оставила мне их имен¹¹⁶.

Произошло это так. В последние дни в Выборг приезжали какие-то люди «в кожаных куртках», собирали толпы солдат и разжигали их революционными речами против офицеров и конечно, главным образом, против генералов. Наступил день, когда толпа обезумевших солдат бросилась по квартирам и арестовала всех наличных генералов, за исключением Баженова¹¹⁷, моего старого сослуживца, полуразбитого в это время параличом. Все они были брошены на гауптвахту у Абосского моста, в двух шагах от отеля, где я остановился до отъезда на Иматру. Случайная поездка на отдых спасла меня от гибели.

На другой день после ареста та же озверевшая толпа бросилась на гауптвахту и выволокла за ноги всех этих несчастных. С Абосского моста они были брошены в глубокий канал, причем подлые убийцы добивали их выстрелами.

¹¹⁴ Владимир Алоизиевич Орановский (07.01.1866–29.08.1917) — генерал от кавалерии. Бывший командир XLII армейского корпуса. Убит солдатами в Выборге.

¹¹⁵ Виктор Николаевич Васильев (10.03.1872–29.08.1917) — генерал-майор, обер-квартирмейстер XLII армейского корпуса. Убит солдатами в Выборге.

¹¹⁶ В Выборге тогда погибли бывший командир XLII армейского корпуса генерал от кавалерии В.А. Орановский, комендант выборгской крепости генерал-майор Ф.В. Степанов и обер-квартирмейстер XLII армейского корпуса генерал-майор В.Н. Васильев, полковник Э.К. Кюрениус. Кроме них, в городе были убиты командир 1-го Выборгского крепостного полка полковник И.К. Дунин-Слепц, начальник инженеров крепости полковник И.И. Максимович (позднее выяснилось, что он был убит с целью грабежа), командир 3-го Выборгского крепостного полка полковник Н.М. Карпович, начальник хозяйственной части 3-го Выборгского крепостного полка подполковник Глинзич, адъютант Куксин, подпоручик 1-го Выборгского крепостного полка Н.А. Хапцов, рядовой команды разведчиков А. Курчаков. Убийства продолжались до ночи по всему городу и вокруг него (в парке Монрепо были повешены два офицера, командир минной роты подполковник И.И. Бородин был убит на Николаевском острове в 10 верстах от города вместе с адъютантом подпоручиком Н.И. Куксенко). Самосуд затронул от 12 до 22 человек. По некоторым данным, без вести пропали около 60. Подробнее см.: Ганин А.В. Выборгская крепость // Россия в 1917 году. Энциклопедия. М., 2017. С. 218.

¹¹⁷ Борис Петрович Баженов (31.07.1871–?) — генерал-майор. Начальник штаба XLII армейского корпуса. Вместе с В.В. Марушевским он служил в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа в начале XX в.



Выборг. Виден Абоский мост, на котором происходили убийства офицеров в 1917 г.
Дореволюционная открытка

Весь этот кошмар, месяц спустя, мне был рассказан вдовой Ф. В. Степанова, на глазах которой разыгралась вся драма. Когда я думаю об этих мучениках, в душе моей и до сих пор кипит негодование и презрение к этой в высшей мере человеческой подлости. В особенности поразила меня смерть Степанова. Скромного происхождения, даже не из дворян, он был воспитан матерью, получавшей 15-рублевую пенсию. В этой кричащей бедности он добился офицерского чина, окончил Академию Генерального штаба, что было совсем не просто в мое время, увенчал себя «орденом храбрых»¹¹⁸ за Порт-Артур, что окончательно выдвинуло этого скромного человека. Это ли не сын своего народа? Это ли не истинный демократ по рождению, по своему образу жизни? И вот революция уничтожает этих доблестных служак, а шайка Керенских и ему подобных кадит фимиам подлой озверевшей толпе, которой все дозволено, до кровавых убийств — «эксцессов» включительно.

Как бы то ни было, а мне нужно было возвращаться в Петербург. Я не мог рисковать, так как был с женой, и выждал 2—3 дня, пока волнения улеглись.

И вот я снова на Выборгском вокзале. Жду поезда в Петербург. На вокзале пустынно, тихо. Встретил ротмистра Здраевского, бывшего

¹¹⁸ Орден Св. Георгия 4-й степени.

нашего ординарца при штабе¹¹⁹. Молодых не трогали. С его слов узнал подробности драмы.

Еще несколько минут, и поезд уносит меня в красный Петроград. Еще одна перевернутая страница моей жизни.

III. После Корниловского «переворота». Мое назначение

По приезде в Петербург мы приютились в доме Наталии Францовны Веге, жены моего старого товарища, недалеко от церкви Николы Морского и совсем вблизи от казармы Гвардейского экипажа. Жизнь в Петербурге была уже невыносимо дорога, и я был бесконечно счастлив найти приют у друзей.

Приехали мы совсем налегке, и потому можно было сразу начинать с необходимых визитов и переговоров.

Прежде всего, я снова обратился в Главное управление Генерального штаба. Новости были оглушительные. Прежде всего, Керенский, после ликвидации корниловского движения провозгласил себя Верховным главнокомандующим¹²⁰. Военным министром был назначен полковник Верховский¹²¹. О личности Керенского я говорить не хочу, так как мое знакомство с ним было короткое. Я видел его всего один раз и горячо благодарю господу, что он избавил меня от дальнейших встреч с этой личностью. О своем свидании с ним расскажу в надлежащем месте моих записок. Теперь считаю необходимым поговорить о новом военном министре. Не забудем, что на постах военного министра в недалеком прошлом находились такие крупные фигуры, как граф Милютин¹²², Ванновский¹²³, Куропаткин¹²⁴,

¹¹⁹ Возможно, *Авенир Михайлович Здроевский* (01.04.1886–01.12.1962) — ротмистр Лейб-гвардии Драгунского полка.

¹²⁰ Керенский был назначен Верховным главнокомандующим 30.08.1917 г. постановлением Временного правительства.

¹²¹ *Александр Иванович Верховский* (27.11.1886–19.08.1938) — полковник, генерал-майор (с 30.08.1917). Командующий войсками Московского военного округа (с 31.05.1917). Военный министр (30.08–22.10.1917).

¹²² *Дмитрий Алексеевич Милютин* (28.06.1816–25.01.1912) — граф, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант. Военный министр (1861–1881).

¹²³ *Петр Семенович Ванновский* (24.11.1822–16.02.1904) — генерал от инфантерии. Управляющий Военным министерством (1881), военный министр (1882–1898).

¹²⁴ *Алексей Николаевич Куропаткин* (17.03.1848–16.01.1925) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Военный министр (1898–1904).



А.И. Верховский. Севастополь, ноябрь 1914 г.

Сахаров¹²⁵, Ридигер¹²⁶... И вдруг — фигура можно сказать мальчишки! Надо пояснить, как создано это назначение, исходящее целиком из революции.

Верховский в свое время, то есть примерно в 1905 году, был камер-пажем и фельдфебелем Пажеского Его Величества корпуса. Надо пояснить, что камер-пажи несли свою придворную службу, каждый состоя при определенной особе императорской фамилии. Верховский, как фельдфебель, был камер-пажем государя императора. Я не знаю его семью и не могу сказать, когда и где он связался с революционным подпольем, но связь эта ярко выразилась в 1905 году во время крупных беспорядков в Петербурге. В здании Пажеского корпуса были расположены части Уланского Ее Величества полка, вызванного из Петергофа в помощь городской полиции. По поводу выступления одного из эскадронов этого полка Верховский произнес перед солдатами речь столь революционного содержания, что дальнейшее его пребывание в корпусе являлось недопустимым. Он был разжалован в солдаты и отправлен в одну из полевых батарей на Маньчжурском фронте.

В Маньчжурии он заслужил солдатский Георгиевский крест, а примерно в 1906—1907 году он был прощен и произведен в офицеры.

¹²⁵ Виктор Викторович Сахаров (20.07.1848—22.11.1905) — генерал-лейтенант, генерал-адъютант. Военный министр (1904—1905).

¹²⁶ Правильно — Редигер. Александр Федорович Редигер (31.12.1853—26.01.1920) — генерал от инфантерии. Военный министр (1905—1909).



А.И. Верховский на траурной процессии в Москве. 1917 г.

Безусловно способный, он поступил в Николаевскую военную академию, которую и кончил с успехом в 1912 или, может быть, в 1913 году¹²⁷. Эти года в академии были эпохой реформ по кафедре «тактики», руководимых Н.Н. Головиным¹²⁸, только что отбывшим стаж в *Ecole supérieure de Guerre*¹²⁹ и принесшим в нашу *Alma Mater* идеи и доктрины Фоша¹³⁰ и Петэна¹³¹, будущих маршалов Франции. Я принимал участие в этих реформах по тактике пехоты и был одним из сотрудников Головина.

Верховскому посчастливилось быть одним из слушателей этого блестящего профессора и заручиться его симпатиями. По окончании академии и после «причисления» к Генеральному штабу этот бывший камер-паж и герой Маньчжурских полей должен был представляться в числе других государю¹³², и, конечно, вопрос этот являлся достаточно

¹²⁷ На самом деле А.И. Верховский окончил Императорскую Николаевскую военную академию в 1911 г.

¹²⁸ *Николай Николаевич Головин* (22.02.1875–10.01.1944) — генерал-лейтенант. В описываемое время — полковник, реформатор учебного курса Императорской Николаевской военной академии.

¹²⁹ Высшая военная школа во Франции.

¹³⁰ *Фердинанд Фош* (02.10.1851–20.03.1929) — французский военный деятель. Начальник Генерального штаба Франции (1917–1918). Маршал Франции (1918).

¹³¹ *Анри Филипп Бенони Омер Жозеф Петен* (24.04.1856–23.07.1951) — французский военный деятель. Главнокомандующий французской армией (1917). Маршал Франции (1918).

¹³² Речь идет о событиях 1911 г.



Генерал Н.Н. Головин (на фото в чине полковника). *Архив Ю.М. Строева*

деликатным, как для начальства академии, так и для самого Верховского.

Н.Н. Головин, сам бывший паж¹³³, принял участие в положении Верховского и приехал посоветоваться ко мне в штаб войск гвардии. Мы решили обратиться к начальнику штаба барону фон-ден Бринкену¹³⁴ и просить его доложить весь вопрос великому князю главнокомандующему¹³⁵, рассчитывая, что Его Высочество частным образом переговорит с государем. Государю императору угодно было передать через нас Верховскому, что он простил его за его боевую службу и что Верховский может явиться ему вместе со своими товарищами по академии.

Представляясь государю, Верховский заявил, что он «всю жизнь свою употребит на то, чтобы загладить свою вину перед царем и заставить забыть ошибку своей ранней молодости». Так мне передавали мои товарищи по профессуре в академии. Сам я вспоминаю об этом, чтобы возможно выпукло очертить фигуру этого одного из сотрудников Керенского.

В 1914 году Верховский был уже старшим адъютантом штаба 3-й Финляндской стрелковой бригады и за блестящую боевую службу

¹³³ Н.Н. Головин окончил Пажеский корпус в 1894 г.

¹³⁴ Александр-Павел Фридрихович Бринкен фон ден (28.08.1859–25.03.1917) — барон. Генерал-лейтенант (впоследствии — генерал от инфантерии). Начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (1908–1912).

¹³⁵ Речь идет о великом князе Николае Николаевиче младшем.

в делах под Бялой в Восточной Пруссии и под Сувалками, где он был ранен, был награжден орденом Св. Георгия¹³⁶. В деле под Бялой его геройское поведение было совершенно исключительным. В дни войны я встретил его как-то в штабе VII-й армии, а затем за отъездом во Францию потерял его из вида.

В корниловские дни Верховский был командующим войсками в Москве и какими-то удачными действиями против Корнилова заслужил особое доверие Керенского.

Теперь вернусь к моему рассказу. К моему великому огорчению мое назначение в Италию затягивалось. Мне казалось, что назначение это приберегает для себя генерал Потапов, помощник начальника Генерального штаба и что, во всяком случае, с этим назначением связана какая-то интрига.

Начальник Генерального штаба и мой товарищ Романовский был по-видимому бессилён ускорить решение этого вопроса, да кроме того он доживал свои последние часы в управлении Генерального штаба, так как не видел никакой возможности работать с Верховским — своим бывшим подчиненным в штабе VII-й армии на фронте.

Узнав все эти новости, я решил обратиться к помощнику военного министра Якубовичу¹³⁷ (кстати сказать — тоже революционная фигура) и в довольно смутном настроении пошел на Мойку в дом военного министра, вблизи от Полицейского моста на Невском.

У самого подъезда я наткнулся на подъехавшего к дому Верховского. Надо оговориться, что в этот момент, недавно вернувшись из Франции, я не имел понятия о революционных подвигах Верховского (как, например, обыск у императрицы Марии¹³⁸ в Крыму). Передо мною стоял

¹³⁶ Капитан А.И. Верховский был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени Высочайшим приказом 26.04.1915 г. за подвиг в бою 25.08.1914 г. под Бялой.

¹³⁷ Григорий Андрианович Якубович (15.03.1880–16.01.1926) — генерал-майор. Помощник военного министра (1917).

¹³⁸ Мария Федоровна (14.11.1847–13.10.1928) — российская императрица, супруга императора Александра III. Обыск у Марии Федоровны проходил в имении Ай-Тодор 26 апреля 1917 г. Подполковнику А.И. Верховскому как товарищу председателя севастопольского совета депутатов действительно Временным правительством было поручено осуществлять контроль за Романовыми в Крыму, он же руководил обысками у Романовых, причем в имениях Чаир у великого князя Николая Николаевича и Ай-Тодор у Марии Федоровны участвовал в обыске лично (Карушкина Н.В. Обыски у бывших членов Императорского дома в Крыму в апреле 1917 г. // Новейшая история России (СПб.). 2023. Т. 13. № 2. С. 306–313). Как вспоминал Верховский, «старуха императрица проявила недостаток выдержки и резко обошлась с матросами» (Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 244).

молодой офицер, блестящую боевую деятельность которого я отлично знал по своей службе в рядах Финляндской стрелковой бригады. С другой стороны, должен сказать, что и Верховский был в деталях осведомлен о моей службе во 2-й Финляндской стрелковой бригаде, где я пользовался, да позволено мне будет упомянуть об этом, исключительными симпатиями.

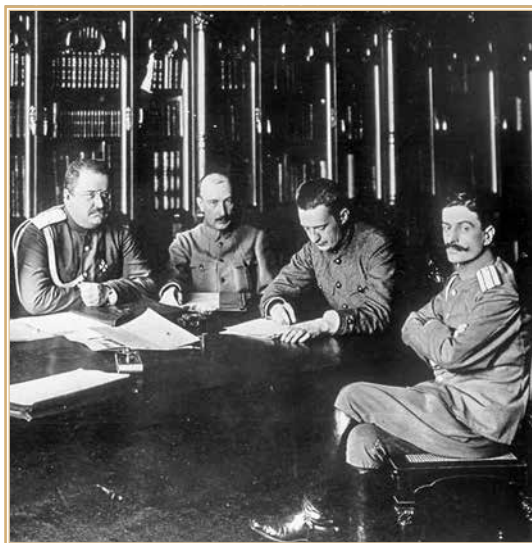
Встретились мы по-приятельски и Верховский с первых же слов начал расспрашивать меня о моей службе во Франции и о моих проектах дальнейшей службы.

Совершенно откровенно я рассказал ему о предложении, сделанном мне Романовским, ехать в миссию в Италию. Верховский затопал ногами. «Как? Куда? Туда мы пошлем какого-нибудь старика... Вы нужны здесь...!» Позволяю себе воздержаться от комплиментов, которыми меня щедро осыпал Верховский. Тут же на улице он предложил мне занять пост начальника Генерального штаба, заместив Романовского, получившего, сколько помнится, долговременный отпуск.

Я отказался в первую минуту. Я совершенно не чувствовал себя способным к чисто административной службе, с другой стороны, я отдавал себе ясный отчет в том хаосе, в котором находились все отделы Военного министерства. Мог ли я с моей чисто строевой подготовкой оторваться от моих пулеметов, ручных гранат, траншейных орудий, от моих учебных команд, короче говоря, от всего того, где я сознавал себя мастером и хозяином... и перейти на высоко ответственный пост, который, казалось мне, должен быть сердцем и мозгом всего командного состава армии — пост, отвечающий за всю подготовку к войне государства во всем его объеме; пост, одухотворяющий все операции армий и несущий на себе ответственность за результаты войны... я отдавал себе отчет, что кампания на три четверти проиграна, что армия уже разложена, что дисциплина пала, что тылы и запасы разграблены... Что можно было сделать, находясь даже на высоком посту?

Вместе с тем в глубине сознания еще живо было чувство военной чести и офицерского долга. Как будто не совсем хорошо было становиться в сторону в минуту, когда надо было жертвовать собою и... спасти, спасти офицерский состав, гибнущий с каждым днем, спасти академию, драгоценные архивы, созданные трудом двух-трех столетий, спасти все то, чем жила и работала годами военная мысль лучших представителей армии.

Я отказался, просил подумать. Верховский и слышать не хотел...



Военное министерство Временного правительства. Слева направо: Г.А. Якубович, Б.В. Савинков, А.Ф. Керенский, князь Г.Н. Туманов. 1917 г.

Прямо с Мойки я поехал к Романовскому. В долгой беседе с Юрием Дмитриевичем я еще ярче осознал тяжесть моего положения. Прежде всего, начальник Генерального штаба с открытием военных действий уже не имел тех полномочий в сфере своей деятельности, которые ему принадлежали в мирное время. Весь центр тяжести в смысле работы армии был перенесен в Ставку [Верховного] главнокомандующего. Пост начальника Генерального штаба превратился в чисто административный, тыловой, с оттенком подчинения Ставке, в особенност[и] с момента, когда государь стал во главе армии¹³⁹. В первые же месяцы революции значение Ставки [Верховного] главнокомандующего понизилось. Армия находилась в разложении. Фактическим хозяином положения сделалась «красная» столица со всеми ее революционными настроениями и, в особенности, с Советом рабочих и солдатских депутатов. В Ставке замелькали фигуры Алексеева¹⁴⁰, Деникина¹⁴¹, Кор-

¹³⁹ Николай II Александрович (06.05.1868–17.07.1918) — российский император (1894–1917). Должность Верховного главнокомандующего Николай II занимал с августа 1915 г.

¹⁴⁰ Михаил Васильевич Алексеев (03.11.1857–25.09(08.10).1918) — генерал от инфантерии (с 24.09.1914). Начальник штаба Верховного главнокомандующего (18.08.1915–02.04.1917).

¹⁴¹ Антон Иванович Деникин (04.12.1872–07.08.1947) — генерал-лейтенант. Помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего (с 28.03.1917). В.р.и.д. начальника штаба Верховного главнокомандующего (с 05.04.1917). Начальник штаба Верховного главнокомандующего (с 18.04.1917).



Генерал М.В. Алексеев

нилова. Оттуда шли идеи оздоровления армии, восстановления дисциплины и порядка. Ставка была выражением «контрреволюции», что приводило в смертный страх и пресловутый Совет, и самого Керенского.

В этой обстановке начальник Генерального штаба являлся каким-то средостением между здоровыми течениями идущими из Ставки и всем хаосом крайних революционных идей вожаков красного Петрограда.

Работа на этом посту должна была неуклонно привести к решающему столкновению здоровых идей восстановления армии с утопиями демагогов бушующей революции. Последствия этого столкновения должны были быть серьезными для той или другой стороны. Надо было решаться.

К этому времени с Румынского фронта в распоряжение начальника Генерального штаба прибыл полковник Николай Лаврентьевич Голеевский¹⁴². В то же время в столице находился генерал Петр Александрович Половцев¹⁴³, назначенный командиром Конного корпуса на Кавказе и еще не успевший выехать к месту назначения. Я упоминаю

¹⁴² Николай Лаврентьевич Голеевский (03.02.1878–01.09.1958) — полковник. Состоял в распоряжении начальника Генерального штаба.

¹⁴³ Правильно — Половцов. Петр Александрович Половцов (30.05.1874–09.02.1964) — генерал-лейтенант. Командующий Кавказским туземным конным корпусом (с 02.09.1917).



Генерал А.Г. Корнилов и его соратники под арестом в Быхове

о том и о другом, чтобы, прежде всего, сказать, что нас трое¹⁴⁴ были уже много лет связаны самой тесной, душевной дружбой, что мы были крепко спаяны нашей боевой работой в Маньчжурии, и что мы были близки общностью наших идей во имя служения родной армии.

В летние дни 1917 года Половцев в качестве командующего войсками успел подавить первое большевистское восстание в Петрограде¹⁴⁵ и даже арестовать самого Троцкого¹⁴⁶. Керенский лично освободил Троцкого¹⁴⁷ и постарался отделаться от Половцева назначением его на Кавказ.

Этим двум моим близким товарищам я был обязан моей уже детальной ориентировкой в обстановке. Кроме них я перевидал много своих сослуживцев по Генеральному штабу, заинтересованных в моем назначении и веривших в возможность реформ по восстановлению армии.

Я решился. Жена моя, узнав о моем назначении, горько плакала, угадывая душою предстоявшую мне «Голгофу».

¹⁴⁴ Так в тексте.

¹⁴⁵ Речь идет о выступлениях против Временного правительства в Петрограде 3–5 июля 1917 г.

¹⁴⁶ Лев Давидович Троцкий (Бронштейн) (26.10.1879–21.08.1940) — революционный деятель. Прибыл в Петроград из эмиграции (04.05.1917). Арестован в связи с июльскими событиями в Петрограде.

¹⁴⁷ Троцкий был освобожден из-под ареста 07.09.1917.



Генерал П.А. Половцов

IV. Главное управление Генерального штаба. Мой день. Попытки работы

12 сентября 1917 года состоялся приказ о моем назначении, и в этот же день я появился первый раз в стенах управления в качестве начальника. Необходимо упомянуть, что в rez-de-chaussée¹⁴⁸ того же здания я получил прекрасную квартиру из 6 комнат с помещениями для прислуги и всеми удобствами. 9 окон моей квартиры смотрели прямо на Дворцовую площадь и на Зимний дворец. Квартира была отлично меблирована, и мне оставалось только перевезти из Выборга, где находились все мои вещи, лишь часть моей мебели, картины и мою библиотеку. Мой подъезд находился рядом с подъездом в Главное управление, так что не приходилось терять время на выход на службу и возвращение домой.

12 сентября, без всяких излишних формальностей и церемоний приема, я пришел в управление, пожал руку моему секретарю и прошел прямо в свой кабинет. Обширная квадратная светлая комната, голые стены, пустой шкаф, огромный письменный стол. Рядом небольшая комната с кожаным диваном и небольшим столом, дальше — маленькая уборная. Впечатление — холодное. Я не привык и не умею работать в такой обстановке. На стенах ни одной картины, ни одной схемы. Никаких признаков личных архивов, ящики стола пусты. Я невольно

¹⁴⁸ Первый этаж (фр.).



Л.Д. Троцкий. Декабрь 1917 — январь 1918 г. Рис. Ю.К. Арцыбушева

подумал, что вся работа моих ближайших предшественников состояла в верчении бюрократического колеса, в исполнении лишь условий чистого формализма.

Я глубоко задумался о днях учреждения поста начальника Генерального штаба с личным докладом государю¹⁴⁹, о тех широких идеях, которыми мы жили по возвращении после японской войны, о проектах реформ, планов войны... и вот эта голая, холодная комната. Мои размышления прервал секретарь, который доложил мне, что меня желает видеть генерал Федор Федорович Палицын.

Первый начальник Генерального штаба! Какая судьба! Мне досталось быть последним водителем судеб старого Генерального штаба.

Федор Федорович искренно желал мне всякого успеха в ему одному свойственной насмешливой редакции: «Я горячо желаю, чтобы из этого что-нибудь вышло!» Я невольно вспоминаю, что встретив меня в Париже два года спустя, он в том же тоне сказал: «И вот ничего не вышло!»

Я первый раз представлялся Палицыну по возвращении с войны в 1906 году, я участвовал в организованной им военной игре в дни «Совета Государственной обороны»¹⁵⁰, он два раза звал меня в управление Ге-

¹⁴⁹ Речь идет о событиях 1905 г., когда было создано ГУГШ.

¹⁵⁰ Совет государственной обороны — верховный надведомственный орган, координировавший в 1905—1909 гг. деятельность военного и морского ведомств, а также Министерства иностранных дел. Председателем совета являлся великий князь Николай Николаевич.



Выступление В.И. Ленина на открытии II съезда Советов. Худ. П. Вильямс

нерального штаба, а я отказывался, не желая бросать строевую карьеру; помню, как Федор Федорович, встретив меня с Георгиевским крестом¹⁵¹, перекрестился и поцеловал этот крест. Никогда не забуду его первый приезд в качестве представителя государя в мой штаб в Mourmelon-le-Grand во Франции¹⁵².

Я встретил его у калитки ограды дома, где я жил. Федор Федорович снял фуражку, низко поклонился мне и в этой трогательной форме передал мне от имени царя благодарность за мою службу во Франции. Я был растроган до слез...

В эту встречу я передал ему все мои сомнения и постарался почерпнуть бодрость в его 86-летней мудрости¹⁵³. Я в шутку называл Палицына «Конфуцием»¹⁵⁴. В этот раз Федор Федорович, посмотрев на все, что делалось в Петрограде, решил вернуться в Париж на скромное содержание при нашем военном представительстве и в этом решении проявил обычную ему провидливость¹⁵⁵ и мудрость.

¹⁵¹ Речь идет об ордене Св. Георгия 4-й степени, которым Марушевский был награжден Высочайшим приказом от 21.03.1915 г.

¹⁵² Генерал Ф.Ф. Палицын в 1916–1917 гг. был представителем русской армии в Военном совете союзных армий во Франции.

¹⁵³ В действительности Ф.Ф. Палицыну в сентябре 1917 г. было 65 лет.

¹⁵⁴ *Конфуций* (около 551 до н.э. — 479 до н.э.) — древнекитайский мыслитель и философ.

¹⁵⁵ Так в тексте.

Расставшись с Палицыным, я вышел вместе с ним в приемную комнату... и совершенно растерялся. Приемная была забита до отказа толпой генералов. В этой толпе мне бросилась в глаза знакомая фигура Н.И. Иванова¹⁵⁶, бывшего главнокомандующего, которого я близко знал еще с Маньчжурской войны. Тут же стоял генерал Радкевич, бывший командующий 10-й армией¹⁵⁷. Я помнил Радкевича глубокой ночью под Сувалками, почти в стрелковых цепях, перед моментом штыковой атаки; я не могу по памяти перечислить всех... я могу только сказать, что я не знал, что делать. Я обошел всех, я постарался почтительно убедить их, что я, молодой человек, не «смею» заставлять их ждать себя, что я приглашу их всех отдельно — каждого... Я могу сказать, что я сделал все, чтобы не задеть самолюбие этих уже несчастных, убитых морально революцией достойнейших, храбрейших, безупречных служак... Да! Эта толпа вождей «не у дел» еще ярче нарисовала мне истинный абрис революции и бездны, в которую падала армия.

Я вернулся к себе в кабинет. Надо было приниматься за обыденную работу. Чтобы дать полное понятие об этой работе, надо было бы, прежде всего, описать организацию всего управления Генерального штаба. Этот труд принадлежит будущему составителю истории Генерального штаба. Я в моих записках хочу касаться лишь общей картины трагических дней перед большевистским переворотом и описать мои встречи и отношения с главными деятелями этой эпохи.

В сентябре 1917 [г.] во главе Военного министерства стоял Верховский, фигуру которого я постарался обрисовать в предыдущей главе. Военный министр имел трех помощников в лице генералов: Маниковского¹⁵⁸, Якубовича и князя Туманова¹⁵⁹. Маниковский был опытный артиллерист-академик, огромный знаток артиллерийского снабжения армии. Я знал его таковым еще с моих первых офицерских чинов, выдвинулся он, и по заслугам, во время войны. Был я с ним в самых прекрасных отношениях.

И Якубович, и Туманов — оба недавние штаб-офицеры мобилизационного отдела — были ставленниками революционных течений

¹⁵⁶ Николай Иудович Иванов (22.07.1851–27.01.1919) — генерал от артиллерии, генерал-адъютант. Бывший главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (1914–1916).

¹⁵⁷ Евгений Александрович Радкевич (16.09.1851–1930) — генерал от инфантерии. Командующий 10-й армией (1915–1916). Член Военного совета (на 1917).

¹⁵⁸ Алексей Алексеевич Маниковский (13.03.1865–01.1920) — генерал от артиллерии. Помощник военного министра (1917).

¹⁵⁹ Георгий Николаевич Туманов (29.07.1880–10.1917) — князь, генерал-майор. Помощник военного министра (1917). Убит.



Генерал А.А. Маниковский

и, как мне кажется, принадлежали к группе Гучкова. Якубович производил впечатление большого хитреца и таковым он и оказался, исчезнув с военных горизонтов в момент переворота. Туманов был искренним, сердечным человеком. Он был брошен в Мойку толпой озверевших солдат в день большевистского переворота и погиб на своем посту.

Начальник Генерального штаба подчинялся непосредственно военному министру и имел в своем подчинении, кроме ряда отделов в своем управлении (устройство и служба войск, разведка, контрразведка, цензура, эвакуация и пленные, демобилизация, топография, иностранные военные миссии), еще и все управление военных сообщений. Часть этих отделов управлялась помощником начальника Генерального штаба, но, тем не менее, почти все начальники этих отделов вынуждены были обращаться к начальнику Генерального штаба с личным докладом и за подписью необходимых распоряжений.

Моим ближайшим сотрудником по должности помощника был генерал-майор Потапов. В довоенное время он был военным агентом в Черногории, и мне не приходилось встречаться с ним. Первое мое впечатление было благоприятное, но все же еще до моего вступления в должность у меня зародилось легкое недоверие к этому человеку. Мне казалось, что с одной стороны он стремится к назначению за границу, чтобы уйти от революционного хаоса, с другой стороны я был осведомлен о его связи с партией большевиков через своего собственного род-



Князь Г.Н. Туманов

ного брата¹⁶⁰. Брат этот был арестован при подавлении большевистского восстания летом 1917 года и лишь благодаря усиленным хлопотам генерала Потапова был освобожден и, по видимому, продолжал свою политическую деятельность¹⁶¹. Генерал Потапов был оценен в руководящих верхах большевиков, как мне и пришлось в этом убедиться, что будет видно из дальнейшего моего рассказа.

В лице начальников отделов я встретил много своих друзей и знакомых по моей службе в Генеральном штабе, в нашей академии и военных училищах, где я преподавал в период после японской войны — до начала Великой войны 1914 года.

Среди старых приятелей я нашел П.Ф. Рябикова¹⁶², Гиссера¹⁶³, Калишевского¹⁶⁴, моего товарища по академии — Водара¹⁶⁵, старого приятеля

¹⁶⁰ Марушевский неточен. Большевиком был двоюродный брат Н.М. Потапова М.С. Кедров.

¹⁶¹ Эти сведения не соответствуют действительности.

¹⁶² Павел Федорович Рябиков (24.03.1875–27.08.1932) — генерал-майор. Помощник 1-го обер-квартирмейстера ГУГШ. 2-й обер-квартирмейстер ГУГШ (с 10.1917).

¹⁶³ Георгий Георгиевич Гиссер (03.01.1872—не ранее 1934) — генерал-майор. 2-й обер-квартирмейстер ГУГШ (с 06.1917).

¹⁶⁴ Анатолий Иосифович Калишевский (28.03.1870–01.04.1937) — генерал-майор. Начальник эвакуационного и по заведыванию военнопленными отдела ГУГШ.

¹⁶⁵ Владимир Владимирович Водар (30.04.1875—после 1940) — генерал-майор. 1-й обер-квартирмейстер ГУГШ. Как и Марушевский, он окончил Николаевскую академию Генерального штаба в 1902 г.



Генерал П.Ф. Рябиков

по маньчжурским полям Якимовича¹⁶⁶ и много других причисленных, прикомандированных из строевых частей и не состоящих в Генеральном штабе. Из новых для меня лиц в Генеральном штабе я познакомился с полковником Раевским¹⁶⁷, работу которого я оценил в самое короткое время, с полковником Клерже¹⁶⁸ и полковником Жихором. По поводу этого последнего мне придется сказать несколько слов, но еще раньше я должен оговориться, что я не знаю дальнейшую судьбу моих сотрудников, за исключением Рябикова, умершего в Праге, и потому не рискую говорить о[б] их службе. Может быть они приспособились к новому режиму, и служба их в старом Генеральном штабе не послужит им на пользу. П.Ф. Рябикова нет в живых, и потому я могу открыто сказать, что он отлично справлялся с делом разведки (не контрразведки). Отдел этот был вынесен для удобства из здания управления и помещался в особом доме, на одной из улиц Петрограда, называть которую не хочу.

Несколько слов о Жихоре. Мне пришлось познакомиться с ним еще по вопросу о моем назначении в Италию. При первом же знакомстве он поразил меня своей невоспитанностью, своим внешним видом и даже грубостью. Как можно было назначать подобного штаб-офицера на

¹⁶⁶ Александр Александрович Якимович (25.05.1873—не ранее 1931) — полковник, генерал-майор (с 09.10.1917). И.д. помощника начальника эвакуационного и по заведыванию военнопленными отдела ГУГШ.

¹⁶⁷ Михаил Федорович Раевский (29.01.1879—?) — полковник. Помощник обер-квартирмейстера ГУГШ.

¹⁶⁸ Георгий Иосифович Клерже (07.04.1883—1938) — полковник. Делопроизводитель ГУГШ.

должность по сношению со всеми иностранными миссиями, мне неясно. Вероятно, большинство лучших офицеров Генерального штаба были на фронте, и только при недостатке выбора пришлось довольствоваться Жихором. Кроме этих своих достоинств, он еще и обрабатывал писарскую среду самыми демагогическими приемами. Нечего и говорить, что я предполагал все это изменить в ближайшее время.

Теперь хочу сказать два слова о, так сказать, стариках. Начальником военных сообщений был генерал Пестржецкий¹⁶⁹. Это был знаток своего дела. Приезжал он ко мне с огромною папкою дел к докладу и, искренне говорю, я чувствовал себя глубоко стесненным принимать эти доклады от человека много старше меня по службе, знавшего в деталях дело, о котором я сам, говорю откровенно, имел смутные понятия. Какая ужасная ошибка всех политических переворотов гнаться непременно за молодыми силами, не считаясь ни с опытом, ни со специальною подготовкой. Чтобы руководить отделом военных сообщений, я должен был бы провести, по меньшей мере, много месяцев на должности начальника Генерального штаба, чтобы изучить это сложное дело в деталях. Когда вспоминаешь, что на посту военного министра находился Верховский, всего два года назад занимавший место старшего адъютанта штаба бригады¹⁷⁰; что должность командующего войсками в Петрограде была представлена какому-то молодому полковнику Полковникову¹⁷¹; что на должность командующего войсками Казанского военного округа ехал в этот момент молодой капитан Архипов¹⁷², — то отдаешь себе отчет в глубине пропасти, в которую валилась армия, в то время как неприятель продвигался с каждым днем к самым жизненным центрам России.

Должность заведующего подготовкой к демобилизации занимал пожилой генерал Постовский¹⁷³, бывший генерал-квартирмейстер

¹⁶⁹ Марушевский вновь неточен в отношении возраста своих сослуживцев. М.И. Пестржецкому тогда было всего 48 лет, и «стариком» он не был.

¹⁷⁰ А.И. Верховский в 1913–1915 гг. действительно служил старшим адъютантом штаба 3-й Финляндской стрелковой бригады.

¹⁷¹ *Георгий Петрович Полковников* (23.02.1883–03.1918?) — полковник. Главкомандующий (с 04.09.1917) войсками, затем (с 16.09.1917) — главный начальник Петроградского военного округа. Снят с должности (25.10.1917).

¹⁷² *Михаил Николаевич Архипов* (16.11.1885–10.02.1972) — полковник. Командующий войсками Казанского военного округа (на 10.1917).

¹⁷³ *Петр Иванович Постовский* (22.09.1857–?) — генерал-лейтенант. Управляющий делами Главного комитета при ГУГШ по предоставлению отсрочек военнообязанным по призывам в армию в текущую войну. В 1914 г. — и.д. начальника штаба 2-й армии. Участник похода в Восточную Пруссию. Сумел выйти из окружения вместе с группой штаба армии.

несчастной армии Самсонова¹⁷⁴. Это был офицер Генерального штаба старой бюрократической формации. Делал он свое дело отлично и впоследствии даже заслужил признательность большевиков за свои работы, что весьма понятно, так как вся пропаганда направлялась к окончанию войны, во что бы то ни стало.

Мне тоже было несколько совестно принимать с докладом этого почтенного, уже седого генерала. Он был безукоризнен в смысле корректности в отношении ко мне. Я не могу не вспомнить одного его выработанный долгой практикой жеста, чтобы мгновенно снимать и одевать очки, не прерывая ни на одну секунду своего доклада.

Я хочу упомянуть еще полковника, заведующего военно-топографическим отделом. Фамилию его я забыл, скажу только, что это был один из выдающихся офицеров корпуса военных топографов¹⁷⁵. Весь его отдел с драгоценными запасами карт и материалов подлежал эвакуации в дальние центры ввиду серьезной опасности, угрожавшей Петрограду. Эвакуация эта уже частично началась, и большая часть запасов была вывезена, сколько помнится, в Казань.

С памятного дня 12 сентября мой день начинался с 9 часов утра и постепенно увеличивался перенесением начала занятий на 8½ часов, на 8 и даже ранее. Я помню, как один из моих докладов военному министру был назначен в 5½ часов утра.

День начинался бесконечными докладами начальников отделов, причем огромное количество приносимых мне материалов я задерживал, чтобы работать с ними дома. Часть приемов просителей я возложил на Потапова и ограничил приемы известными днями.

По срочным делам доклады приходилось прерывать и принимать тех лиц, которых нужно было видеть.

После небольшого перерыва на завтрак в послеполуденное время приходилось посещать многочисленные совещания у военного министра или в Совете республики¹⁷⁶ в Мариинском дворце, или в Совете обороны... Попозже надо было выкраивать время для докладов, на которые не было времени утром.

¹⁷⁴ Александр Васильевич Самсонов (02.02.1859–17.08.1914) — генерал от кавалерии. Командующий 2-й армией (1914). Попал в окружение в Восточной Пруссии и застрелился.

¹⁷⁵ Военно-топографическим отделом ГУГШ в 1917 г. руководил генерал-майор Андрей Иванович Аузан (22.03.1871–23.03.1953).

¹⁷⁶ Временный совет Российской республики или Предпарламент — совещательный орган при Временном правительстве, существовавший с 20 сентября по 25 октября 1917 г.

Обед поздний — часов около восьми. После обеда до глубокой ночи, поскольку силы позволяли, — чтение всех материалов, сложенных еще утром докладчиками на моем письменном столе.

Коротко говоря, с 12 сентября 1917 года я не имел буквально ни одной минуты времени для себя и для отдыха. Я невольно задавал себе вопрос — на сколько времени хватит моих физических сил.

Вступая в должность, я по своей строевой практике решил прежде всего ознакомиться с условиями жизни моих самых малых сотрудников, то есть писарей, нестроевых, топографов из нижних чинов, вахтеров, телефонистов и т.д. Все эти люди составляли команду более 1000 человек и населяли самый верхний этаж управления до чердаков включительно. Мое появление в помещении этой команды произвело большое впечатление. Заведующий этой командой прежде всего доложил мне, что прежде этого не делалось и ни один из моих предшественников не посещал эти помещения. То, чего я ожидал — то в этих помещениях я и нашел. Комнаты толком не убирались. Белье грязное. Питьевой воды нет в достаточном количестве. Фильтры не действуют. Кипяток не выдается. Артели для организации продовольствия не существуют, и все эти чины вместо готовой пищи получают положенные деньги на руки и питаются — Бог знает чем. Всем этим беспорядком заведовал писарской комитет. Конечно — комитет! Как же могли писаря, так сказать «цвет» солдатской образованности, обойтись без выборного комитета после завоевания революционных свобод? Я сразу наложил руку на весь этот кавардак; я потребовал от комитета полной работы по организации жизни и продовольствия этой заброшенной команды и, как это ни странно, встретил полное одобрение в моих мерах со стороны всех нижних чинов. Вероятно, мои меры были поняты как шаги чисто «революционного» характера, тогда как я действовал просто по привычке еще в полку — заботиться, прежде всего, о животах моих солдат. Кстати сказать, эти мои первые шаги в управлении создали мне известного рода популярность и сослужили мне большую службу, как увидим впоследствии.

В смысле мер по реорганизации службы в самом управлении я решил приступить к мерам по децентрализации обязанностей начальника Генерального штаба, для чего, прежде всего, требовалось расширить права и компетенцию всех начальников отделов. На первых шагах моей службы я был задушен мелочами, которые легко могли разрешаться без моего авторитета

В этих целях я наметил проект создания должности 2-го помощника начальника Генерального штаба и предполагал взять на эту должность

полковника Голеевского, моего товарища и друга, с производством его в генерал-майоры.

Этот мой проект встретил жестокую оппозицию со стороны генерала Потапова. Мне было доложено о неблагоприятных слухах около имени Голеевского за время его деятельности в Америке на посту нашего военного агента¹⁷⁷. Потапов сообщил мне, что имея отношение к поставкам вооружения и снабжений — Голеевский не только приобрел большие средства, но даже обзавелся крупной недвижимой собственностью в Америке.

Я ответил Потапову, что проектов моих я изменять не буду, но после его заявления считаю долгом произвести немедленно расследование и дело о Голеевском предписываю передать в особую следственную комиссию, работавшую в это время по делам этого свойства. Я заявил Потапову, что всем этим слухам не придаю значения, а к Голеевскому имею неограниченное доверие.

На том мы и порешили, а пока полковник Голеевский был прикомандирован к управлению и фактически сделался моим вторым помощником. В этот же период в мое распоряжение прибыл полковник Дурново¹⁷⁸, состоявший при мне еще в штабе войск гвардии. Я предполагал поручить ему все сношения с иностранными миссиями и изъять из этой неподходящей ему сферы полковника Жихора.

Этими преобразованиями приходилось ограничиться на первое время, так как к каждой мере надо было подходить с большою осторожностью, постепенно знакомясь с громадным материалом, с множеством текущих дел, осложненных до крайности революцией, бушующей, так сказать, под моими окнами.

Приходилось подумать и о мерах общего порядка для обуздания совершенно распущенной и потерявшей всякий облик солдатни. Как уже известно, город был забит до отказа запасными батальонами частей гвардии, по соседству с Петроградом — в Красном селе — квартировали десятки тысяч запасных батальонов для пополнения армейских частей. Слабо снабженные офицерским составом батальоны эти представляли из себя громадную опасность для столицы и одновременно не отвечали потребностям фронта. Фронт настаивал на необходимости иметь запасные части для каждого полка в распоряжении командира этого

¹⁷⁷ Н.А. Голеевский был военным агентом в Северо-Американских Соединенных Штатах в 1912–1916 гг.

¹⁷⁸ Правильно — подполковник. *Петр Петрович Дурново* (01.03.1885 — 13–15.02.1945) — подполковник. В распоряжении начальника Генерального штаба (с 19.12.1917).

полка. Я помню, как горячо я настаивал на этой мере сам еще в начале 1916 года, находясь в отпуску в Петербурге. Я не требовал никаких средств, я указывал, что я получаю запасных из, так сказать, общих запасных батальонов — совершенно не обученными и полуодетыми. Я говорил, что мои раненые и заболевшие стрелки — вместо того, чтобы вернуться по выздоровлении ко мне — попадают в другие части. В смысле дезорганизации вопроса запасных довольно сказать, что в моем обозе зимой существовала команда «босых», сформированная из запасных, присланных без сапог.

Никакие доклады не помогли, а гвардейские запасные батальоны составили, как известно, ядро бунта в Петрограде, превратившегося в «русскую бескровную революцию».

Над этой развращенной толпой царил «Совет рабочих и солдатских депутатов», состоявший в решительной оппозиции ко всем мерам, ведущим к восстановлению порядка и дисциплины. Штаб округа, при моем ознакомлении с его деятельностью — шел по пути митингов и всевозможных завоеваний революции. Рассчитывать на этот штаб не приходилось и надо было, видимо, искать каких-то новых мероприятий.

Ни запасные части, ни казачьи полки, квартировавшие в столице, не давали никаких надежд на опору в случае открытого восстания, которого приходилось ждать в скорейшем времени.

В моем распоряжении находился молодой офицер Генерального штаба, имя которого называть не хочу. Этот офицер прошел уже через опыты всех завоеваний революции, начиная с марта, и потому был отлично осведомлен о положении петроградского гарнизона. Близко зная этого офицера и его блестящие дарования, я решил обратиться к его сотрудничеству в задуманном мною проекте, осуществление которого было сопряжено, как увидим, с большими трудностями.

Я проектировал собрать ядро совершенно надежных, отборных солдат, на которых существующая власть могла бы опереться в нужную минуту. Для этого мною задумано было создание «унтер-офицерской школы», которая в короткое время могла собрать несколько батальонов отборных солдат под руководством лично мною отобранных кадровых офицеров. Организация этой [школы] в самом Петрограде была немислима. Нечего и говорить, что вся разлагающая пропаганда была бы направлена на моих солдат, и я был бы бессилен в столице отгородить мои отборные кадры от влияния пресловутого «Совета рабочих и солдатских депутатов». Я решил вынести эту школу из столицы и для этого

наметил небольшой г. Тихвин на Вологодской железной дороге в двух часах от Петрограда.

Осуществление моих проектов я поручил моему молодому сотруднику подполковнику, назову его буквой Б., который избрал себе двух помощников, тоже лично мне известных.

Это маленькое ядро я поместил в небольшой комнате, прилегавшей к моему кабинету. Пройти в эту комнату можно было лишь через мой кабинет, и таким образом вся работа комиссии полковника Б. была застрахована от нескромных глаз и болтовни. Нечего и говорить, что осуществление моих планов требовало больших средств. Сам я располагал лично так называемым черногорским кредитом в несколько миллионов рублей, но помнится, что для моей школы я достал средства из канцелярии военного министерства через начальника канцелярии генерала Сурина¹⁷⁹, которого я знал и помнил еще с мирного времени. Так или иначе, но моя комиссия получила 1 миллион рублей; с этими средствами можно было приступить к работе.

Мне было бы трудно по памяти и без архивов дать понятие о всех текущих вопросах, которые были в обработке и ожидали моих распоряжений или приказов военного министра. Тут была и ликвидация огромного военного материала, застрявшего на границе Швеции, и срочные распоряжения по упорядочению движения по железным дорогам, и планы перевода всего управления в Москву, и новые формирования, и проект дислокации армии в Константинополе! и на берегах Босфора...

К чему было бы писать об этих уже тогда мертвых вопросах? Вся эта работа была уже тогда невыполнима и катилась лишь по инерции, полученной в нормальное время, в период до мартовской революции. Военные материалы расхищались, поезда были забиты дезертирами, сидевшими даже на крышах вагонов, армия представляла из себя толпу, избивавшую своих офицеров.

Все разумные и обработанные доклады моих сотрудников мне казались тогда, выражаясь «тактической» формулой, «покушениями на подвиг с недостаточными средствами».

Жизнь опередила тогда все эти благие начинания, революция требовала новых решений, но вместе с тем нельзя было остановить эту работу «в холостую», так как остановившуюся машину невозможно было снова пустить в ход, благодаря бушующей революции.

¹⁷⁹ Виктор Ильич Сурин (11.04.1875–18.03.1967) — генерал-майор. И.д. начальника канцелярии Военного министерства (1917).



Генерал М. Жанен

V. Иностранные миссии. Генерал Ниэссель и Жанен. Англичанин Нокс. Поляки

Как-то еще до моего назначения начальником Генерального штаба я встретил у самого подъезда гостиницы «Астория» генерала Ниэсселя¹⁸⁰ в разговоре с генералом Жанен¹⁸¹. Я отлично знал обоих и сердечно обрадовался этой встрече. Старый приятель Жанен! В период моих работ на кафедре нашей Военной академии французский полковник Жанен был прикомандирован в академию в качестве «stagier»¹⁸² а и часто присутствовал на моих лекциях и занятиях по тактике. Все мы дружески относились к представителю мощной союзнической армии, и он был всегда любимым гостем в нашей «профессорской». Во время войны он был во главе французской военной миссии при Ставке главнокомандующего и, кажется, пользовался особым вниманием государя

¹⁸⁰ Правильно — Ниссель. *Анри Альбер Ниссель* (24.10.1866—26.12.1955) — французский генерал. Начальник французской военной миссии в России.

¹⁸¹ *Морис Жанен* (19.10.1862—28.04.1946) — французский генерал. Французский военный представитель при Ставке Верховного главнокомандующего в России.

¹⁸² Стажера (*фр.*). М. Жанен стажировался в России впервые в конце 1892 г., когда изучал русский язык. В 1910—1911 гг. он в чине подполковника стажировался в Императорской Николаевской военной академии. Подробнее см.: *Гагкуев Р.Г.* Генерал М. Жанен и его дневники и воспоминания о России // *Жанен М.* С миссией в воюющей России. 1916—1917 гг. Моя миссия в Сибири. 1918—1920 гг. Воспоминания, дневники, статьи / Под ред. Р.Г. Гагкуева. М., 2023. С. 11, 14.



Генерал А.А. Ниссель

императора и даже — любовью маленького наследника¹⁸³. Что касается генерала Ниэсселя — я встретился с ним в Mailly-le-Camp на французском фронте и был радостно удивлен видеть его в Петербурге.

Оба они сообщили мне, что Жанен отзывается во Францию, а Ниэссель становится во главе французской военной миссии в нашей столице. Как выяснилось много позже, французское командование в намерениях спасти русскую военную силу сочло неуместным дальнейшее пребывание Жанена в России после отречения государя и послало на его место генерала Ниэсселя, республиканский образ мыслей которого был известен в высших сферах во Франции. И действительно, как мне пришлось убедиться, Ниэссель в короткое время завоевал доверие в революционных кругах, стоявших за продолжение войны, и особенно тесно сошелся с известным Савинковым¹⁸⁴, в то время стоявшим во главе революционного гарнизона столицы. Здесь мне хочется несколько отойти в сторону от моего повествования и обратить внимание читателя на переживания лучших представителей армии, на глубокий слом их душ, на полный переворот в их мыслях, верованиях, опытах. Савинков! Организатор

¹⁸³ *Алексей Николаевич* (12.08.1904–17.07.1918) — наследник цесаревич и великий князь. Сын императора Николая II и императрицы Александры Федоровны.

¹⁸⁴ *Борис Викторович Савинков* (19.01.1879–07.05.1925) — эсер, террорист, революционный деятель. Товарищ военного министра Временного правительства (07–08.1917), военный губернатор Петрограда и исполняющий обязанности командующего войсками Петроградского военного округа (27–30.08.1917).



Генерал А. Нокс

убийства вел[икого] князя Сергея, родного дяди государя¹⁸⁵. Еще вчера преступник — сегодня начальство, облеченное огромной властью. Ясно, что офицерство не могло переродиться в течение нескольких месяцев и лишь самые отрицательные элементы шли за революцией, частью по своей ограниченности, частью из-за чистого оппортунизма.

Возвращаюсь к рассказу. Почти что немедленно я получил приглашение Ниэсселя к завтраку в той же гостинице, где я познакомился с майором Мон-Марэн (может быть, он был подполковником)¹⁸⁶, состоявшим при генерале. На этом завтраке была и моя жена, и мы провели весьма приятные полтора-два часа, вспоминая Французский фронт и обмениваясь мыслями по окружавшей нас обстановке.

Назначение мое уже не было секретом, и я позволяю себе думать, что генерал Ниэссель был рад случаю встретиться со мною, так как уже по Франции знал меня как яркого поборника продолжения войны.

Что касается меня — я видел в лице Ниэсселя представителя той армии, с которой я сроднился за год моей боевой работы во Франции... ар-

¹⁸⁵ Сергей Александрович (29.04.1857—04.02.1905) — великий князь, сын императора Александра II. Московский генерал-губернатор, командующий войсками Московского военного округа. Взорван членом боевой организации партии эсеров И.П. Каляевым. Одним из организаторов покушения был Б.В. Савинков.

¹⁸⁶ Монмарен — подполковник, заместитель начальника штаба французской военной миссии в Петрограде. Выражаю благодарность к.и.н. Ю.М. Галкиной за предоставленные сведения.

мии, которая уже тогда верными шагами шла к победе, армии, которую я не только почитал, но и искренно любил. Легко понять, что в Ниэсселе я видел точку опоры и верного сотрудника в деле оздоровления русской армии, совершенно расшатанной революцией.

В составе миссии генерала Niessel находился commandant Lelong¹⁸⁷, недавно прибывший из Франции, где он состоял при штабе 1-й Русской бригады. Я был в наилучших отношениях с Lelong'ом и именно с ним меня судьба свела в моих приключениях в Петрограде, затем в Финляндии и даже на Севере России¹⁸⁸.

Что касается глубоко почитаемого мною генерала Ниэсселя, то мои отношения с ним продолжают и по сей день, и новая война¹⁸⁹, и встречи его с моей женою в тяжкий период оккупации Франции еще крепче связали нас в последние года.

Очень скоро после моих встреч с генералом Ниэсселем мы оба были приглашены к завтраку к военному министру Верховскому. Странный был этот завтрак! Помнится, что в отношениях Ниэсселя к Верховскому не было ни малейшей искренности. Да и понятно! Ниэссель ставил все на продолжение войны, а Верховский уже тогда вел двойную игру с большевиками и, конечно, был уже в курсе предстоящих мирных переговоров. Об этом завтраке больше и сказать нечего. Немного позже мне пришлось пережить, я и хочу сказать именно «пережить», завтрак у французского посланника Noulens'a¹⁹⁰. К завтраку были приглашены: Верховский, новый командующий войсками Петербургского¹⁹¹ округа полковник Полковников и я. Мы были радушно встречены в роскошном дворце посольства на набережной Невы всеми членами посольства и миссии генерала Ниэсселя. За отличным завтраком, сервированным со всеми тонкостями французской кухни, несмотря на искреннее радушие посланника — беседа так и не вышла из рамок полуофициальной болтовни. Верховский в своей двойной игре избегал заявлений о продолжении войны, Полковников, не говоря ни звука по-французски, упорно молчал, а я сам должен был ограничиваться общими фразами, так как

¹⁸⁷ А. Лелонг — французский офицер Генштаба, капитан, майор. В дальнейшем — участник интервенции на Севере России.

¹⁸⁸ Моя книга: «Год на Севере» (прим. В.В. Марушевского). Речь идет об уже упоминавшихся воспоминаниях: *Марушевский В.В. Год на Севере // Белое дело. Летопись Белой борьбы.* Берлин, 1927. Т. 2. С. 21—61; Т. 3. С. 15—52.

¹⁸⁹ Вторая мировая.

¹⁹⁰ Жозеф Нуланс (29.03.1864—09.09.1944) — посол Франции в России (1917—1919).

¹⁹¹ Здесь и далее правильно — Петроградского.



А.И. Дутов. 1918 г.

мой откровенный разговор привел бы к открытому разрыву с Верховским, что не входило в мои виды, да, вероятно, не отвечало и проектам моих французских друзей.

В этот же период времени как-то в мое управление явился ко мне и представился Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска полковник Дутов¹⁹². Горячий, искренний он заинтересовал меня своими информациями о настроениях полков Оренбургского войска, и я решил, что в нашей работе на продолжение войны будет крайне полезно познакомиться Дутова с генералом Ниэсселем. Я пригласил генерала Ниэсселя к завтраку у меня в доме, и на этот завтрак позвал еще князя Владимира Михайловича Волконского, бывшего товарища председателя Государственной Думы, и самого Дутова.

Завтрак прошел в интересной беседе, но, к сожалению, хорошее впечатление было нарушено несдержанностью самого Дутова. Он выпил целую бутылку коньяку, и, конечно, сдержанные французы не могли с доверием отнестись к этому полупьяному воину. Думаю я, что несдержанность во всех белых армиях много способствовала неуспеху в их героической борьбе. Этот завтрак не обошелся и для меня без некоторых затруднений. Благодаря моей кухарке и ее брату, завязаному полу-

¹⁹² Александр Ильич Дутов (05.08.1879—07.02.1921) — войсковой старшина, полковник (с 16.10.1917; впоследствии — генерал-лейтенант). Председатель Совета Союза казачьих войск. Чрезвычайным Войсковым кругом Оренбургского казачьего войска избран Войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска (01.10.1917).

грамотному большевику, описание моего завтрака появилось во многих газетах с явными искажениями, трактовавшими нашу беседу как призыв к контрреволюции.

С этих дней отношения мои с французской военной миссией стали еще теснее. Я не раз вызывал к себе майора Лелонга и через него получал возможность держать связь с генералом Ниэсселем, знать положения на Западном фронте и иметь ценные сведения о Германии.

Мое знакомство с представителем английской армии генералом Ноксом¹⁹³ в этот период ограничивалось беседами, имеющими общий характер. Кстати, скажу — он свободно владел русским языком, что давало возможность обмениваться с ним мнениями, не стесняясь присутствием переводчика. О генерале Ноксе речь впереди; я поговорю о нем после описания мною дней большевистского переворота.

В один из дней уже близких к перевороту меня посетил мой старый товарищ по академии, польской службы генерал-лейтенант Иосиф Романович Довбор-Мусницкий¹⁹⁴.

Когда-то мы были близки, и он даже был женихом моей двоюродной сестры. Свадьба эта не состоялась, а наша служба разбросала нас по разным окраинам России. В этот период Довбор командовал 2-м Польским корпусом и, видимо, мучился в водовороте польских интриг, в неясном положении польских формирований Пилсудского¹⁹⁵, в сложных настроениях, созданных революцией. Положение новых польских формирований при полной оккупации Польши немцами и революционной разрухе России поистине было странное. В своих столкновениях с русскими, развращающее влияние которых уже сказывалось в польских войсках, Довбор не раз хотел подавать в отставку. В Петрограде в этот момент были лишь небольшие польские формирования, которыми впоследствии воспользовались французы для охраны посольства и военной миссии.

Кажется мне, что Довбор не добился никакого толка в своих исканиях в красной столице и, махнув рукою, вернулся к своему корпусу

¹⁹³ *Альфред Уильям Фортескью Нокс* (30.10.1870–09.03.1964) — британский генерал-майор. Военный атташе Великобритании в России.

¹⁹⁴ *Иосиф Романович Довбор-Мусницкий* (25.10.1867–26.10.1937) — генерал-лейтенант. Один из руководителей организации польских войск в России. Командир I Польского стрелкового корпуса (23.08.1917–22.05.1918). В тот период Довбор-Мусницкий еще не находился на польской службе.

¹⁹⁵ Правильно — Пилсудский. *Юзеф Пилсудский* (05.12.1867–12.05.1935) — польский революционер и государственный деятель. Руководитель формирования польских легионов для борьбы за независимость Польши от России. Впоследствии — начальник Польского государства.



Генерал И.Р. Довбор-Мусницкий

где-то на юге. Впоследствии Довбор перебрался в Польшу, но интриги сторонников Пильсудского сломали его карьеру, и он скончался в своем имении незадолго до Второй Великой войны.

Побывал у меня и польский представитель Ледницкий¹⁹⁶, в хлопотах уже не помню каких, касающихся польского формирования.

VI. Накануне переворота

Между тем уже в самом начале октября политическая обстановка была в полном смысле трагическая. Совет рабочих и солдатских депутатов был в открытой связи с Берлином¹⁹⁷. Большевистская ячейка имела своих агентов в самой столице наших неприятелей и открыто поддерживала связь с ними с помощью простых, даже не зашифрованных телеграмм.

Моя контрразведка доставляла мне все копии с этих телеграмм, но я лишен был возможности наложить руку на это предательство.

Военный министр Верховский вел двойную игру и был в связи с большевистствующим советом. Когда поднялась в прессе кампания про-

¹⁹⁶ Александр Робертович Ледницкий (15.07.1866—11.08.1934) — юрист, политический деятель и дипломат. Председатель Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского (1917). Один из руководителей польских комитетов в России.

¹⁹⁷ Предположение Марушевского, не подкрепленное документально. На самом деле Петросовет в октябре 1917 г. занимался вопросом организации обороны Петрограда от немцев.



Генерал Н.Н. Духонин

тив меня, он, дорожа моим сотрудничеством, заявил, что стоит ему сказать только слово и все успокоится и будет в порядке. Связь Верховского с председателем совета Чхеидзе¹⁹⁸ была, видимо, приятельская, и моя травля в газетах действительно прекратилась.

Помощники Верховского генералы Якубович и князь Туманов открыто говорили о предстоящем «перевороте» и не скрывали, что весь существующий режим будет скинут.

Временное правительство проводило время в какой-то лихорадочной болтовне. Я не раз посещал эти правительственные совещания то в Зимнем, то в Мариинском дворце, и каждый раз выходил оттуда, оглушенный потоками болтовни и бесконечных споров.

В один из дней, близких к перевороту, в Петроград приехал, так сказать, главнокомандующий генерал Духонин¹⁹⁹. Я намеренно пишу «так сказать», так как несчастный Духонин попал на этот пост после всех арестов участников корниловского движения. Мы были товарищами по курсу в Военной академии. Старательный, скромный офицер

¹⁹⁸ Мемуарист неточен. Н.С. Чхеидзе оставил пост председателя Исполкома Петровета 6 сентября 1917 г. Его преемником с 7 сентября стал Л.Д. Троцкий. *Николай Семенович Чхеидзе* (09.04.1864—11.06.1926) — грузинско-российский политический и государственный деятель.

¹⁹⁹ *Николай Николаевич Духонин* (01.12.1876—20.11.1917) — генерал-лейтенант. Начальник штаба Верховного главнокомандующего. Вр.и.о. Верховного главнокомандующего (с 01.11.1917).

Л[ейб-]гв[ардии] Литовского полка, не подававший никаких надежд на выдающуюся карьеру, Духонин ничем себя не проявлял в нашей дружной академической семье. Его карьера во время войны осталась мне неизвестной, но думаю я, что, вероятно, он держался по своей скромности в стороне от корниловского движения, что, в свою очередь, сошло ему репутацию в глазах «всемогучего» Керенского.

По приезде Духонина было созвано совещание в покоях Керенского в Зимнем дворце. На это совещание был приглашен и я.

Здесь мне пришлось в первый раз встретиться с Керенским. «Наконец-то я Вас вижу», — приветствовал меня «всемогучий диктатор[»]. Совещание наше, помнится, не привело ни к каким результатам. Да и что можно было предложить? Только что зародившееся здоровое движение Корнилова было втоптанно в грязь. Какие бы то ни было меры к обузданию пресловутого Совета рабочих и солдатских депутатов были бы приняты как открытая контрреволюция. Сам Керенский знал и чувствовал определенную антипатию к нему в старых офицерских кругах.

Духонин при встрече со мною тоже не был искренним. Вероятно, он полагал, что мое назначение на пост начальника Генерального штаба было связано с какими-нибудь революционными заслугами, но, во всяком случае, он воздержался говорить со мною с полной откровенностью. У меня осталось впечатление только от трескучей болтовни Керенского при определенной сдержанности Духонина.

Это была моя единственная, слава Богу, встреча с Керенским.

В этот период в Петроград прибыл Николай Николаевич Головин²⁰⁰. Меня связывало с Головиным и наше прошлое в штабе войск гвардии²⁰¹, и наша работа в Николаевской военной академии²⁰², и мое пребывание в VII-й армии, где он был начальником штаба²⁰³, и, наконец, мое командирование во Францию по его первой инициативе.

Мне вспоминается утро в селении Немеринцах на австрийской границе, где я получил от Головина телеграмму с предложением получить

²⁰⁰ Генерал-лейтенант Н.Н. Головин являлся тогда и.д. начальника штаба главнокомандующего армиями Румынского фронта. Затем находился в распоряжении министра-председателя Временного правительства и Верховного главнокомандующего А.Ф. Керенского.

²⁰¹ Н.Н. Головин служил в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа в 1905 г.

²⁰² Н.Н. Головин служил в Николаевской академии Генерального штаба в 1908—1914 гг.

²⁰³ Н.Н. Головин служил начальником штаба 7-й армии в 1915—1917 гг.

в командирование бригаду, идущую во Францию. Я не задумывался. Я немедленно ответил согласием с горячим ходатайством о назначении.

До последнего времени Головин был начальником штаба главнокомандующего на Румынском фронте. Я не знаю, почему он покинул этот пост. Знаю лишь, что генерал Щербачев²⁰⁴ хотел просить о назначении на место Головина меня самого, но как раз в это время я был назначен начальником Генерального штаба. Все к лучшему, а может быть — и к худшему.

В это же время, то есть в октябре, в Париже собиралось совещание представителей всех союзных армий. Нельзя было и найти лучшего представителя от русской армии, чем Головин. Я предложил ему этот пост, но Николай Николаевич под впечатлением разрухи в армии категорически отказался. Он почти немедленно исчез из Петербурга и следующие мои встречи с ним происходили уже в эмиграции.

В двадцатых числах октября в Петербург приехал мой старый друг Сергей Иванович Одинцов²⁰⁵, мой товарищ по академии, по Маньчжурской войне, не считая моих встреч с ним в юношеские годы. Не могу не вспомнить его лихую службу на войне, его решительность и всегдашнюю безудержную²⁰⁶ жизнерадостность.

После японской войны Сережа занялся воздухоплаванием, в ту эпоху еще на воздушных шарах. Наши тогдашние воздушные герои летали лишь над окрестностями Петербурга. Сережа, чуть не в первый раз попав на шар, перелетел из Петербурга в Крым за один перелет²⁰⁷. В истории нашего воздухоплавательного парка этот перелет был событием. В эпоху революции Одинцов в чине полковника командовал одним из дальневосточных казачьих полков. Явившись ко мне, Одинцов с первых же слов предложил мне ввести свой полк в Петербург и «разогнать» Совет солдатских и рабочих депутатов. Это было так по-детски наивно в той обстановке, при наличии уже сформированных банд

²⁰⁴ *Дмитрий Григорьевич Щербачев* (06.02.1857—18.01.1932) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Командующий 7-й армией (1915—1917). Помощник Августейшего главнокомандующего армиями Румынского фронта (1917—1918).

²⁰⁵ *Сергей Иванович Одинцов* (02.07.1874—08.09.1920) — генерал-майор. В распоряжении начальника Генерального штаба.

²⁰⁶ В тексте — безудержанную.

²⁰⁷ 11—13 сентября 1910 г. С.И. Одинцов на аэростате «Треугольник» совершил перелет Санкт-Петербург — Таганрог, установив всероссийский рекорд продолжительности полета — 40 часов 3 минуты. 21 сентября 1910 г. он же совместно с Н.А. Рынным установили рекорд высоты подъема на воздушном шаре 6350 м.

Красной армии²⁰⁸, при полной революции в многочисленных полках гарнизона, что мне оставалось только посмеяться над решительностью моего друга.

По моему совету Одинцов нашел какие-то связи в Совете рабочих и солдатских депутатов и в самое короткое время оказал мне огромные услуги.

Утром 24 октября я из окна моей квартиры увидал странное зрелище. На площадь перед Зимним дворцом со стороны Дворцового моста входила отличная воинская часть. Я видел стройную колонну, которая отчетливо «отбивала» шаг. Я поторопился накинуть пальто и выйти на улицу. Подхожу ближе и ближе. К моему восторженному удивлению воинская часть оказалась женским батальоном, сформированным попечениями Петербургского округа. Все это были молодые женщины и девушки. Вид у них был решительный и необычайно воинственный. Батальон был вызван для охраны правительства, собравшегося в Зимнем дворце.

Казалось, ни у кого не было сомнения, что политический переворот наступил, лица, близкие к Совету р[абочих] и с[олдатских] депутатов, начали уже разбегаться. Первым сбежал военный министр Верховский. Он, видите ли, уехал на Валаам, в известный монастырь на Ладожском озере. В управление министерством вступил умный, но не очень решительный генерал Маниковский²⁰⁹.

Утром 24-го я снова вышел на площадь. Родная моя площадь, самое красивое место в столице, была наполовину заставлена штабелями дров, все в грязи и пыли. Через камни мостовой пробивается трава.

Я перешел площадь и вошел во дворец в залу заседания правительства. В короткий момент я убедился, что свержение этого правительства неизбежно. Помнится, что уже в этот день Керенский исчез. Во всяком случае, я его не видел в этот, казалось бы, столь решительный день.

Тут же я узнал, что оборона города и правительства находится в руках штаба округа, то есть, что мне не остается ничего другого делать, как ждать событий, сложа руки. Не могу не подчеркнуть преступное поведение Верховского в эти дни. Позорно удрать из столицы вместо ее защиты. Оставить эту столицу в руках, можно сказать, мальчишки пол-

²⁰⁸ Видимо, речь идет об отрядах Красной гвардии.

²⁰⁹ Военный министр А.И. Верховский после своего заявления 20 октября 1917 г. в Предпарламенте о необходимости заключить мир с Германией был фактически отстранен от дел. 21 октября он сдал должность генералу А.А. Маниковскому и отправился в отпуск на остров Валаам. В Петроград Верховский вернулся 3 ноября.

ковника Полковникова и его начальника штаба армяшки Багратуни²¹⁰ — это же преступление!

На всякий случай из дворца я решил зайти в штаб округа. Мой старый, родной, но уже заплеванной, загаженный штаб округа представлял из себя бушующее море. Там происходил митинг, залы набиты солдатами, потерявшими облик и подобие солдат, и какими-то оборванцами. Кажется, там я увидел Пальчинского²¹¹, начальника гарнизона, на месте исчезнувшего Савинкова. Пальчинский — гражданский инженер, производил впечатление решительного, по крайней мере, на словах, человека. Пальчинский вещал:

«Вы, военные, вы не знаете особенностей Гражданской войны. Вы боитесь броневых машин, находящихся в руках большевиков и сосредоточенных в Михайловском манеже. Мы заткнем манеж одним пулеметом, и все броневики останутся там!»

Правительство заседает во дворце до поздней ночи. Я по-прежнему так же, как и начальник Главного штаба, нахожусь в полной неизвестности и, не имея в руках никакой силы, кроме моих чинов Генерального штаба, то есть невооруженных нестроевых — обречен на пассивное созерцание драмы, развертывающейся перед моими глазами.

Я подошел вплотную к дню переворота, давшего России вот уже более трех десятков лет так называемое коммунистическое правительство. Может быть, в конце моего труда я сделаю очерк результатов этого более чем тридцатилетнего рабства народа. Но сейчас, как, впрочем, и в предыдущих главах, я хочу описать лишь то, что «глаза мои видели». Да простит мне читатель, если под влиянием оживших в моей памяти событий у меня вырывается временами резкое слово.

VII. 25 октября

Вот и наступил этот знаменательный день. Рано утром, вероятно, по распоряжению штаба округа в здание Генерального штаба прибыл для охраны штаба «отряд» в 17 человек (!!) юнкеров одного из военных учи-

²¹⁰ 25 октября 1917 г. генерал-майор Я.Г. Багратуни занял должность главнокомандующего войсками Петроградского военного округа, затем был арестован большевиками и содержался в Петропавловской крепости. Освобожден 15 декабря 1917 г.

²¹¹ *Петр Иоакимович Пальчинский* (27.09.1875—22.05.1929) — горный инженер, политический деятель. Помощник генерал-губернатора Петрограда и окрестностей по гражданской части. Генерал-губернатор Петрограда (с 30.08.1917).

лиц. Кажется, в это же время юнкера, не знаю в каком составе, заняли и Зимний дворец. По Дворцовой площади с воинственным видом ходят патрули от этих несчастных мальчишек.

Я решил все же сходить в штаб округа, чтобы все же узнать, что делается в городе. В штабе округа, как и вчера, толпа народу, гам, истерические речи и беспорядок. Ничего не добившись, махнул рукой и пошел назад. Уже возвращаясь назад, обратил внимание на громаду Дворцового моста, разведенного и поставленного вертикально. Я понял, что положение серьезно. Мост развели, чтобы изолировать центр города от окраин и чтобы дать возможность пододвинуть к центру знаменитый крейсер «Аврору»²¹², известный по его верноподданническим чувствам в отношении большевиков. Кажется, что и Ленин²¹³ одно время отсиживался на Авроре²¹⁴, когда большевикам пришлось туго летом 1917 года.

Я вернулся в штаб и прошел к себе на квартиру. Успокоив своих домашних, я задумчиво глядел на любимую мою Дворцовую площадь с толпою праздно шатающегося народа. Мимо моих окон проехал старый друг мой — извозчик Степан, он же «Степанушка», как его ласково называли все мои товарищи. Степанушка, заметив меня у окна (я жил в нижнем этаже), только головой качал, жестом указывая мне на грязную толпу.

Степан проехал... и вдруг раздался лишь один ружейный выстрел. Я не успел даже глазом моргнуть, как увидел всю эту толпу, ползающую по площади на животе, на «карачках». Ах, подлые труссы!

До второй половины дня ничего не случилось, но все чего-то ждали и волновались. Около 4 часов дня со стороны телефонной централи на Морской улице послышалась сильная перестрелка, мне успели дать знать, что централь занята толпой солдат и матросов. Одновременно начальник военных сообщений также сообщил мне, что в управление ворвалась толпа каких-то оборванцев и заняла все здание.

Я накинул пальто и вышел на площадь, на самый угол, где на площадь выходит Невский проспект. Весь Невский покрыт густою толпою бушу-

²¹² «Аврора» — крейсер 1-го ранга Балтийского флота, находившийся в 1916—1917 гг. на капитальном ремонте в Петрограде. Подчинялся распоряжениям Петросовета. Матросы «Авроры» в ночь на 25 октября 1917 г. свели разведенный юнкерами Николаевский мост на Неве. Вечером 25 октября с крейсера был произведен выстрел по Зимнему дворцу (по одним данным, холостой, по другим — боевой). Подробнее см.: *Старцев В.И.* Штурм Зимнего. Документальный очерк. Л., 1987. С. 96—97.

²¹³ *Владимир Ильич Ленин (Ульянов)* (10.04.1870—21.01.1924) — революционер, политический деятель, лидер РСДРП(б).

²¹⁴ Эти сведения не соответствуют действительности.

ющего народа. На самом углу у высоких дверей, ведущих в магазин Главного штаба, стоит часовой-мальчишка — юнкер из охраняющего управление Генерального штаба караула. Достаточно свистнуть какому-нибудь негодяю, и этого мальчишку разорвут на части. Скорыми шагами иду на двор в караульное помещение и немедленно снимаю все посты и отпускаю домой... и поскорей. Весь этот охраняющий меня отряд... смешно сказать из 17 воинов. Если они и будут убиты — так не по моей вине.

Темнеет, полная тишина. Звонит телефон. Слышу боязливый голос помощника военного министра Якубовича. Передаю ему, что знаю и что видел. Якубович сообщает мне, что из дома военного министра только что вышел второй помощник министра князь Туманов. Якубович спрашивает — не у меня ли находится Туманов. На мой отрицательный ответ Якубович замолк. Несколько спустя те же вопросы от м-те Тумановой и те же мои ответы.

Несчастный Туманов по выходе из своего управления был схвачен озверевшей толпою солдат и брошен в глубокую реку Мойку, откуда труп его был поднят два или три дня спустя. Сейчас это все кажется каким-то кошмаром, ну... а в то время все это называлось «эксцессами», а эти эксцессы повторялись чуть не каждый день. В 7 часов вечера я, моя жена, брат жены — старший лейтенант Жигалин²¹⁵ и его молоденькая жена сели обедать в моей столовой — окнами на Зимний дворец и площадь. Почти сейчас же под самыми окнами загредел пулемет, и со стороны дворца послышалась частая ружейная стрельба. Пресловутая атака Зимнего дворца началась. Все это, так сказать, сражение разыгралось совсем не так героически, как его описывают теперь. Даже пулемет потрещал не так уж и долго. «Аврора» для острастки города выпустила — точно не помню — всего три снаряда, прогудевшие над крышей моего управления. К ночи все стихло настолько, что я задремал, строго запретив семье подходить к окнам. В 3 часа ночи я проснулся при полной тишине снаружи²¹⁶. Я бросился к окнам. Предо мною Зимний дворец сиял всеми своими окнами. Как оказалось, после каких-то переговоров и сравнительно небольшой стрельбы озверевшая толпа красноармейцев²¹⁷, матросов и просто грабителей ворвалась во Дворец, перехватывала женщин из этого несчастного батальона, поубивала и забрала в плен юнкеров и... все

²¹⁵ Владимир Леонидович Жигалин (01.07.1887—08.03.1942) — лейтенант флота. Остался в Советской России. Умер в блокадном Ленинграде.

²¹⁶ В тексте — внаружи.

²¹⁷ Красногвардейцев.

было кончено. Несчастное Временное правительство, в полном своем составе, пешком было отправлено в Петропавловскую крепость. Недавно хитроумный военный министр Верховский вовремя уехал молиться Богу на Валаам.

Дворец, наполненный богатствами, сейчас же начали грабить. В последующие дни на площади драгоценные вещи из Дворца продавались за бесценок. Наша приятельница купила за 3 рубля серебряный самовар из литого серебра. Милейшая Н.Ф.²¹⁸ была осыпана нашими упреками за эту покупку, глубоко нас возмущившую.

Женский батальон частью своею попал в казармы Павловского полка.

Я слышал потом, что английский посол Бьюкенен²¹⁹ предпринимал какие-то шаги, чтобы выручить этих несчастных женщин.

Наступило утро 26 октября. Царство большевиков началось. По улицам шныряет грязная толпа, на моей площади — базар. Забегая немного вперед, долгом себе ставлю упомянуть, что в один из дней моего ареста толпа солдат начала грабить богатые погреба Зимнего дворца, набитые чаще всего драгоценным вином. Вся площадь перепилась. Люди ползали по камням или лежали мертвыми телами. Полицейские, или, как тогда уже их называли, «милицейские власти», обратились за помощью к «революционным» войскам, то есть вызвали из казарм Преображенского полка, расположенных около дворца²²⁰, части запасных батальонов. Не помогло. Часть этих солдат приняла живейшее участие в пьянстве. Как раз в это время жена моя возвращалась на моем автомобиле из Смольного института, где я сидел уже арестованным. Подъезжая к площади, она увидела громадную толпу народа, которая гудела, как улей. На расспросы моего шофера и моей жены стоящие около автомобиля люди давали дикие ответы. Между разными слухами из толпы было еще и интересное сообщение, что приехал во дворец сам царь и вот де он сам наводит порядок.

В конце концов милиция вызвала несколько пожарных команд. Пожарные начали разгонять толпу, поливая всех, кого ни попало, ледяной водой и заливая водой подвалы дворца, набитые вином. Какое-то число перепившихся до беспамятства людей — так сказать, «утонуло» в погребах, залитых водой.

²¹⁸ Н.Ф. Бер, неоднократно упоминаемая мемуаристом.

²¹⁹ Джордж Уильям Бьюкенен (25.11.1854—20.12.1924) — британский дипломат, посол Великобритании в России.

²²⁰ Речь идет о казармах 1-го батальона Лейб-гвардии Преображенского полка на Миллионной улице.

В это первое утро наступившего царства большевиков я получил удививший меня визит. В приемную комнату вошел в стареньком пальто седой и скромный генерал, пожелавший меня видеть. Я как раз вышел из кабинета в приемную и увидел перед собою генерала Алексеева, бывшего начальника штаба Верховного главнокомандующего. Я несколько изумился и почтительно ввел в свой кабинет высокопочитаемого мною Михаила Васильевича. Я знал его еще в стенах академии, в Главном управлении Генерального штаба, видел его и в Ставке государя. Как он попал в этот момент в Петроград, как его не убили по дороге — осталось мне неизвестным.

Генерал Алексейев довольно долго пробыл у меня в кабинете и в общих чертах посвятил меня в свои проекты формирования офицерских частей. Я был готов помочь ему всеми моими силами и средствами, да сил-то было еще много, а средств в этой обстановке почти что никаких. Я хотел удержать генерала Алексеева в управлении, боясь за его жизнь, но, несмотря на мои увещания, он так же скромно вышел из управления и отправился в Мариинский дворец, рассчитывая найти там кого-нибудь. Как мне стало потом известно, он там едва не был убит солдатней, но, в конце концов, исчез из Петербурга²²¹.

День прошел в томительном бездействии. Да и понятно, все мои подчиненные мне отделы вне здания моего управления заняты бунтовщиками. На улицах боязливая толпа. Выйти в офицерской форме — получить много шансов быть убитым.

Вечером, часу в восьмом, во двор здания Главного управления вломилась толпа матросов.

Меня вызвал по телефону начальник Главного штаба генерал Архангельский. «Вы не думаете, что это по нашу душу?» — спокойно спросил он меня. Я не сомневался. Да и действительно через кухню ко мне в квартиру в сопровождении толпы матросов ворвалась какая-то личность в черной шведской куртке, в черной демократической фуражке. Я взгляделся. Боже мой! Да ведь это Эксе²²², товарищ по мундиру Генерального штаба. Знал я его и по Маньчжурии, и по Кирасирскому полку, и по его службе в прикомандировании к штабу округа. «Не беспокойся!

²²¹ После захвата власти большевиками генерал М.В. Алексейев 30 октября 1917 г. покинул Петроград и уехал в Новочеркасск, куда прибыл 2 ноября для организации антибольшевистских сил (*Шапрон дю Ларрэ А.Г. Воспоминания о выезде из Петрограда в 1917 году / Публ. В.Г. Бортневского // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (СПб.). 1993. Кн. 4. С. 153, 157).*

²²² *Владимир Федорович Эксе (Маврос д'Эксе) (08.03.1879—1942) — подполковник. В начале XX в. служил в Лейб-гвардии Кирасирском Ее Величества полку. В отставке (1917).*



В.Ф. Эксе. Архив Ф.А. Гуцина. В оригинальном качестве публикуется впервые

Ничего не будет..., — начал он разговор, — я еще не назначен, но в ближайшем будущем...» Куда, кем не назначен и какую властью будет «назначен» этот авантюрист, думал я. Тем временем два-три десятка матросов, стуча прикладами и грязными сапогами, заняли мою гостиную. Я прошел к себе в кабинет, сел на мою оттоманку, закурил папиросу и ждал, чем же это все кончится. Тем временем моя жена успела как-то предупредить обо всем происходящем мою команду писарей и нестроевых. Начался мой, так сказать, допрос.

Допрашивал меня какой-то прапорщик, видимо, революционер-большевик, плохо загримированный в военную форму. Матросы стояли и только слушали.

Растолковать этому импровизированному следователю, что такое Генеральный штаб и какие у него функции было невозможно. Довольно сказать, что он настойчиво добивался узнать офицер ли лишь военного времени (это я-то, георгиевский кавалер, известный преподаватель военного дела в военных училищах и академии, начальник русской дивизии во Франции...) или я представляю из себя старую армию. Во время этих дебатов мой старый слуга Блажун, как он мне говорил потом, обратил внимание, что я сижу на своей оттоманке как раз под полкой, уставленной фотографиями и портретами разных высоких лиц режима, уже отошедшего в небытие. Блажун обмер от страха, а мой революционный следователь — ничего! Да и понятно, раз он меня, старого офицера, не мог отличить от прапорщика военного времени.

Во время этого полукомического допроса в мой кабинет ворвался мой старый писарь Сопляков, да простит ему Бог его неэлегантную фамилию.

Сопляков с несколькими чинами моей нестроевой команды горячо вступил в чисто революционный дебат²²³ с моим, так сказать, следователем. Надо прибавить, что мой толковый Сопляков был избранным председателем «комитета» моей многочисленной команды и потому сразу покрыл своим авторитетом моего не очень-то ловкого следователя.

Дебаты сосредоточились на вопросе увести ли меня на «Аврору» (верная смерть) или же оставить на поруках моих солдат. Последнее решение восторжествовало, но матросы все же решили поставить караул в моей квартире, чтобы я не убежал.

Караул этот я поместил на лестнице, в передней. Было их 12 человек. Жутковато было оставаться на милость этих господ с двумя красивыми женщинами в квартире. Мои писаря для моей охраны прислали мне одного из членов своего комитета, вооруженного каким-то полуигрушечным револьвером.

Итак, нас оставалось четверо мужчин (я, мой beau-frère²²⁴, мой Блажун и дежурный при мне писарь) против 12, казалось мне, разбойников. Странно, но этот матросский караул в моей довольно обширной квартире имел страшно испуганный вид. Когда били стенные часы, они кидались наверх, принимая бой часов за сигналы. Моя жена героически объясняла им, что эти звонки не что иное, как «склянки» на корабле.

Порядочно измученный всей этой комедией я лег спать. Моя бедная жена и моя belle-soeur, боясь заснуть, всю ночь пили черный кофе.

Целый день 27 октября была полная тишина. Выходить я, конечно, никуда не мог, работы никакой — при полном застое в делах.

По вечер[у], уже в темноте, матросский караул сняли. Мы вздохнули свободнее, весело обедали и более или менее спокойно легли спать.

28 октября я с раннего утра ушел в управление. Утром же, вероятно часов около десяти, меня вызвал по моему внутреннему телефону начальник моих команд и членов писарского комитета капитан, имя которого исчезло из моей памяти. Он предупреждал меня, что толпа матросов снова идет в управление и что на этот раз мне несдобровать. Надо уйти куда-нибудь.

Я спешно предупредил жену и отправил ее на квартиру к m-me Веге, а сам ушел на Гороховую улицу в один из отделов моего же управления

²²³ Так в тексте.

²²⁴ Шурин (фр.).

под началом генерала П.Ф. Рябикова. Бедный Рябиков давно уже окончил свои дни в Праге. Нас связывала дружба по работе в военных училищах в течение многих лет.

В одиннадцатом часу мое пребывание на Гороховой стало известным. Я уже говорил раньше, что в Главном управлении я был окружен большевиками, и каждый мой шаг доносился в совет в Смольном монастыре²²⁵. Снова мои доброжелатели предупредили меня, что матросы ищут меня и идут на Гороховую.

Надо уходить! Я, конечно, переоделся (еще утром) дома в статское²²⁶ платье. Выхожу на улицу без определенной цели. На Морской улице кто-то громко говорит: «Bonjour! Mon Général!»²²⁷ Передо мной французский солдат из управления генерала Niessel'я. Быстро мелькает идея отсидеться в миссии генерала Ниесселя на Малой Морской улице. Иду.

В миссии я нашел моего друга капитана Лелонга (Lelong). Я рассказал ему все то, что касалось моего положения. Лелонг куда-то сбегал, вернулся и предложил мне свою квартиру в качестве убежища на далекой Таврической улице, как раз по соседству со Смольным институтом.

Еду. По дороге заехал повидать жену, дал ей номер моего телефона, мой адрес и прибыл на Таврическую улицу.

Это одна из самых красивых и тихих улиц старого Петербурга. По одной стороне ее тянется решетка густого Таврического сада, другая сторона занята барскими домами. Я покинул своего извозчика, походил перед домом и мелькнул в подъезд в минуту, когда никого не было на улице и когда швейцар (concierge) вышел куда-то. Подымаюсь в третий этаж, ищу квартиру генерала Артамонова²²⁸, в которой ютился Лелонг. Открыла мне дверь русская прислуга, уже предупрежденная Лелонгом. Конечно, я ни слова не говорю по-русски.

К вечеру собрались все обитатели квартиры. Кроме Лелонга, там жил еще Barbier, отлично мне знакомый по Mailly-le-Camp и еще какой-то офицер из миссии. Более или менее весело обедаем и вечером играем в бридж.

²²⁵ Речь идет о Смольном институте, а не монастыре. В октябре 1917 г. в Смольном располагались Всероссийский центральный исполнительный комитет, Совет народных комиссаров, ЦК РСДРП(б) и Петроградский военно-революционный комитет.

²²⁶ Штатское.

²²⁷ «Здравствуйте, мой генерал» (фр.).

²²⁸ Возможно, речь о генерале В.А. Артамонове. Виктор Алексеевич Артамонов (09.10.1873—23.08.1942) — генерал-майор. Военный агент в Сербии.

В эти дни сидения моего на Таврической улице столица была объята кошмаром революционной горячки. Я не имею под рукою данных, чтобы писать, так сказать, историю переворота 25 октября. Я пишу только то, что видели мои глаза. Только то, что касалось людей, близко со мной соприкасавшихся.

В эти дни как раз произошли частичные восстания в военных училищах. По улицам носились блиндированные автомобили, стрелявшие в восставших солдат и сами осыпаемые огнем. Не могу не вспомнить, что жившие со мною французские офицеры аккуратнейшим образом ходили через весь город на службу, несмотря на стрельбу из каждого угла.

Помнится, в эти же дни происходила геройская защита Владимирского училища, организованная самими юнкерами. Брать училище пришлось с пушками, стрелявшими в упор. Сколько молодежи было потом расстреляно большевиками, я толком не могу вспомнить при окружавшем меня хаосе. Не могу не вспомнить подробности из приключений моей жены в эти же дни.

Как я упоминал уже, жена моя была отправлена мною в эти дни на квартиру жены моего друга Н.Ф. Веге. Она провела в этом, так сказать, убежище 2 или 3 дня, связалась со мною по телефону и, конечно, никуда не выходила. Примерно на третий день пребывание ее в квартире Веги стало известным, и управляющий домом потребовал от m-me Веги или прописки жены в полиции, или ее удаления из квартиры.

Жене ничего не оставалось делать, как уйти на нашу квартиру в управление.

Она направилась вдоль Крюкова канала к «Поцелуеву» мосту на Мойке с тем, чтобы вернуться на Дворцовую площадь по Морской улице.

На улицах уже беспорядочно стреляли. Подходя к Поцелуеву мосту, жена моя увидела на самом мосту какую-то свалку красноармейцев, подъехавших на грузовике с группой юнкеров. Не отдавая себе отчета в происходящем, жена лишь видела, как двое-трое юнкеров были подняты и брошены с моста в Мойку. Вмешательство какой-то сестры милосердия привело лишь к площадной ругани и угрозам бросить в реку и ее самое.

Жена моя с плачем бросилась в первую попавшуюся подворотню, куда прибежала в слезах и эта сестра — защитница юнкеров. Потом туда же укрылся какой-то статский, сообщивший, что несчастных мальчишек побросали в воду всех.

После этого ужаса жена моя уже побоялась идти на нашу квартиру и бродила целый день по городу, не имея пристанища. Уже поздно вечером на Сергиевской улице она попала к неким Колобовым, которые ее и приютили до утра. Уже под утро, снова выйдя на улицу, жена отыскала моего Н.А. Голеевского, который и сообщил ей — состоялось соглашение между Смольным и генералом Маниковским, что меня ищут, чтобы вернуть в управление и что опасность нового ареста мне не угрожает.

Я не помню в этот ли день или раньше жена моя в платочке и потрепанном пальто нашей горничной побывала у меня на несколько минут, чтобы сообщить мне какие-то новости.

Говоря коротко: в самых первых числах ноября я вышел из своего убежища и отправился на Моховую, прямо на квартиру к генералу Маниковскому.

Маниковский сообщил мне, что он вступил в соглашение с головкой большевиков в Смольном и что в силу этого соглашения все главные управления возобновят работу на принципе полной аполитичности. Я долго беседовал с Маниковским. Мы оба понимали, что эта «аполитичность» не даст никаких результатов. Вопрос сводился лишь к выигрышу времени.

VIII. «Аполитичная» работа

На другой же день после моего выхода с Таврической улицы я постарался приступить к работе. За время моего отсутствия должность начальника Генерального штаба исполнялась Потаповым, заявлявшим, что начальник Генерального штаба «неизвестно где!» Казалось бы, что Потапов мог объяснить мое отсутствие в более корректной форме. Так или иначе, я вернулся в свой кабинет, а делать было нечего, так как всякая работа остановилась.

Кажется, в первый же день после моего возвращения в управление меня посетил один из главных народных комиссаров по военным делам — «товарищу» Крыленко²²⁹. Маленький, рыжеватый, слегка лысый с кудрявенькой бородкой — он производил довольно жалкое впечатление, пока он молчал. Едва он начинал говорить — впечатление менялось. Природа наделила его необычным даром слова. Когда он начинал ве-

²²⁹ Николай Васильевич Крыленко (02.05.1885—29.07.1938) — один из руководителей Петроградского военно-революционного комитета. Член Совета народных комиссаров по военным и морским делам. Верховный главнокомандующий (с 09.11.1917).



Н.В. Крыленко

щать, он закрывал глаза. Вспоминая его красноречие, я не говорю о содержании его речей. Это была обычная демагогическая болтовня, которую я в то время называл «дизентерией языка».

В управление он явился, так сказать, в походной форме, одетый в какую-то куртку с револьверами, торчащими из обоих карманов шаровар.

Вид этого человека глубоко возмутил моих писарей, несмотря на их революционно-демократические настроения. Я бы затруднился передать наш разговор, так как он не выходил из рамок общих мест. Из этого разговора я тогда же убедился, что большевики, уничтожив печальной памяти «Временное правительство», несколько растерялись. В особенности много затруднений представляло из себя военное министерство со всеми управлениями по специальностям. Им необходимо было, хотя бы временно, пойти на уступки и привлечь к работе компетентных людей с определенной целью выбросить их за борт при первой возможности. Вспомнить только речи, ежедневные речи Ленина с балкона особняка Кшесинской²³⁰, когда он призывал толпу «углублять революцию» и «избивать попов, помещиков и генералов».

Что было делать? Выжидать здоровых течений из армии и пока что спасать кого только можно. Вспоминая это время, я с гордостью могу

²³⁰ Особняк в Петрограде, принадлежавший балерине М.Ф. Кшесинской. В 1917 г. здание пустовало и было занято солдатами, а затем ЦК РСДРП(б). В.И. Ленин работал в этом здании с апреля по начало июля 1917 г.



Н.И. Подвойский

сказать, что не один десяток офицеров выброшен был мною под разными предлогами через Финляндию в Швецию.

Еще одно знакомство с большевистской верхушкой. Военные управления стал объезжать народный комиссар по военным делам — «товарищ Подвойский»²³¹. Длинный сухощавый блондин, тоже с бородкой, лицо благообразное, тип учителя из народной школы или, может быть, дьячка.

В один из его визитов ко мне он сообщил мне, что он только посетил отдел, заведующий подготовкой демобилизации. Подвойский был в восторге от всего, что он нашел в этом отделе. Еще бы! Они уже тогда только и думали о заключении мира, который тридцать лет спустя они называют «позором Брестского договора». Подвойский так расчувствовался, что выразил мне от имени своего самозванного правительства «благодарность». Он вероятно и не подозревал, что огромная работа по подготовке демобилизации велась с самого открытия военных действий.

Забегая много вперед, я не могу не вспомнить, как Троцкий²³² просто разрешил вопрос демобилизации при затяжных переговорах с нем-

²³¹ Николай Ильич Подвойский (04.02.1880—28.07.1948) — революционер. Член Петроградского военно-революционного комитета. Один из руководителей октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Народный комиссар по военным делам (1917—1918).

²³² Л.Д. Троцкий в 1917—1918 гг. занимал должность народного комиссара по иностранным делам.

цами. Он просто объявил, что война кончена, что войска должны возвратиться по домам. Уже развращенная солдатня бросилась на вокзалы, с боя занимала подвижной состав, влезая даже на крыши вагонов. В самое короткое время громадный процент подвижного состава был уничтожен. Солдаты срывали обивку классных вагонов, грабили все, что можно было оторвать и унести. Одного только не предусмотрел этот «вождь» по военным делам. Солдаты увезли с собою все вооружение, которое можно было унести. Глухие деревни оказались вооруженными ручными гранатами, пулеметами и, конечно, винтовками со всеми боевыми припасами. Сколько крови было пролито потом при насильственных реквизициях хлеба и съестных припасов, когда население начало умирать с голоду.

Между тем в Совете народных комиссаров в Смольном появился какой-то полковник Сухотин, называвший себя офицером Генерального штаба²³³. Едва ли этот Сухотин не был представителем Генерального штаба в рядах большевиков. Невольно думаю я, что в дальнейшем на совести Сухотина лежит немало угрызения за последующие массовые избиения офицерского состава.

В этой кошмарной обстановке я начал искать точку опоры и естественно думал найти эту опору в Ставке главнокомандующего в Могилеве. Я был связан прямым проводом со Ставкой и потому имел возможность разговаривать с Духониным в любое время дня и ночи по телефону. Конечно, это не укрылось от Совета народных комиссаров при наличии огромного количества большевиков в моей многочисленной команде.

К моему аппарату для переговоров по прямому проводу был приставлен от советов какой-то комиссар из простых рабочих. Мои писаря называли его почему-то «птичий глаз». Я стал говорить с Духониным по аппарату лишь по ночам, когда комиссар отсутствовал. Тем не менее, ленты моих телеграфных разговоров передавались аккуратнейшим образом в Смольный при содействии каких-нибудь чинов из моей же команды, сочувствующих новому порядку вещей.

В самое короткое время я убедился, что несчастный, уже обреченный Духонин никакого сопротивления оказать не может, и все его разговоры со мною лишь указывали на его высокопатриотические чувства, но не давали ни малейших намеков на какую-либо активную деятель-

²³³ Такого полковника Генерального штаба тогда не было. Возможно, *Петр Степанович Сухотин* (11.06.1862—?) — полковник.

ность. Мы подвигались к началу мирных переговоров с немцами. В Петербурге то там, то здесь замелькали немецкие мундиры.

В этот же период началась подготовка к выборам в Учредительное собрание.

Как это ни странно, к агитации перед выборами были допущены все политические партии до «кадетов», то есть до приверженцев конституционно-демократического режима (к.д.). Для предвыборной пропаганды я допустил несколько ораторов даже в стены Главного управления Генерального штаба. Не могу не вспомнить блестящую речь Набокова²³⁴, заступавшего²³⁵ интересы кадетской партии. Бедный Набоков несколько спустя был убит в Берлине каким-то извергом²³⁶. Помню еще великолепную речь представителя социалистов-революционеров. Были, конечно, ораторы и от других политических группировок.

По городу распространялись предвыборные списки. По всему городу на улицах шла ожесточенная агитация. То там, то здесь можно было видеть всевозможных ораторов, кричавших с высоты грузовиков, окруженных нервной, наэлектризованной толпой.

В день выборов я не побоялся в открытую бросить в урну кадетский список.

Большевики торжествовали или делали вид, что торжествуют победу. Крыленко, заезжая в мое управление, торжественно заявлял: «Поздравьте нас... Мы победили там-то... и там-то...» Помнится, победа-то не была из особенно блестящих, так как много позже Учредительное собрание было закрыто простым матросом и немедленно разогнано красными бандами²³⁷.

В один из этих же дней все начальники главных управлений военного министерства были созваны на совещание в одной из зал Главного управления казачьих войск.

Я тоже должен был присутствовать на этом совещании, несмотря на страшную головную боль. Приехал и едва имел силу сидеть.

Выход Крыленко на это совещание был обставлен некоторою торжественностью. Он вышел из соседнего зала, окруженный целой свитой

²³⁴ Владимир Дмитриевич Набоков (08.07.1869–28.03.1922) — юрист, политический деятель, один из лидеров кадетской партии.

²³⁵ Так в тексте. Видимо, защищавшего.

²³⁶ В.Д. Набоков был убит в Берлине 28 марта 1922 г. во время покушения эмигрантов-монархистов на лидера кадетов П.Н. Милюкова.

²³⁷ Учредительное собрание было распущено большевиками 6 января 1918 г. Завершить затянувшееся до утра заседание потребовал матрос-анархист А.Г. Железняков. После этого в здание Таврического дворца депутатов уже не пускали. В тот же день был принят декрет ВЦИК о роспуске Учредительного собрания.

не менее чем в сорок приспешников. Вся эта свита очень чисто и даже элегантно одета; вероятно, прибыли они из самого Берлина. Лица — изуверы. Выражение лиц — упрямство с большою примесью идиотизма. Неприятное впечатление от кадыков, торчащих из низких крахмальных воротничков. Вероятно, вся эта компания была еще и вооружена на всякий случай.

Крыленко заговорил. Речь его, блестящая по красноречию, была, конечно, пацифистической пропагандой и, конечно, резкой критикой нашей работы! Еще бы! Все мы работали на войну до победного конца, большевики сразу заговорили о мире, то есть о предательстве в отношении наших союзников.

Все наше совещание в сущности и ограничилось этою речью. Начальник Главного штаба генерал Архангельский подошел ко мне и спросил: «Вы не находите, что нас сегодня высекли?» Я сидел в углу подавленный и этой речью, и невыносимой головной болью. Ко мне подошел Крыленко и после нескольких слов критики действий Духонина предложил мне встать во главе командования всеми армиями. Об этом еще могла бы быть речь, если бы можно было рассчитывать на продолжение войны, но при всех попытках добиться мирных переговоров — конечно нет! нет! и... нет!

А между тем Совет народных комиссаров настойчиво подготавливал первые шаги к заключению перемирия. Во главе этой позорной работы стоял народный комиссар Троцкий (он же по-своему еврейскому происхождению Бронштейн). Уже тогда Троцкий имел огромный вес в большевистских кругах, но, тем не менее, все его заслуги в конце концов окончились его высылкой и насильственной смертью где-то в Мексике.

Знал ли, вернее, чувствовал ли он, что его жизнь в тот момент находилась почти что в моих руках. Вот как создалось это странное, невероятное положение.

В один из этих первых дней ноября ко мне приехал военный представитель Великобритании генерал Нокс. Я уже упоминал, что он прекрасно владел русским языком. На этот раз нам пришлось говорить по исключительно деликатному вопросу при абсолютном секрете нашего достаточно длинного разговора. От имени английского посла Бьюкена Нокс предложил мне передать в мое безотчетное распоряжение тридцать с половиною миллионов золотых рублей для организации убийства Троцкого.

Старая офицерская честь и достоинство моих генеральских эполет возбудили во мне в первый момент чувство даже негодования. Но я бы-

стро пришел в себя... Английский посол, отлично осведомленный обо всем, что происходит в Совете народных комиссаров, во что бы то ни стало хотел, так сказать, спасти войну. Он знал, что главной пружиной неуклонно двигающей все к мирным переговорам является Троцкий. Следовательно, надо во что бы то ни стало его убрать. Отлично осведомленный о моих взглядах и усилиях сделать все для продолжения военных действий, Бьюкенен решил обратиться ко мне. Со всею возможною деликатностью я отказался от выполнения этой, казалось англичанам, почетной задачи. Вместе с тем, отлично понимая целесообразность этой исключительной меры, я посоветовал Ноксу обратиться к некоему Морозову²³⁸, только что выпущенному из Шлиссельбургской крепости, где он провел в заключении 30 лет²³⁹. Причастный ко всем слоям освободительного движения [18]70-х годов, движения, приведшего к ужасному убийству императора Александра II²⁴⁰, Морозов, казалось мне, мог со своим опытом оказаться полезным англичанам в этом, позволю себе сказать, все-таки грязном деле.

После визита Нокса я решил все же послать к Бьюкенену моего искушенного опытом в дипломатической службе Н.А. Голеевского, отлично владеющего английским языком, для мотивированного отказа моего в этом деле. Как сложился этот заговор в дальнейшем, я не знаю и не мог знать, так как через немного дней после этих разговоров я уже сам был арестован.

В эти же дни американцы послали ко мне своего военного представителя — Принца²⁴¹ — для переговоров о воздействии на большевиков в смысле продолжения военных действий. Я дал совет воздействовать на большевиков путем прекращения отправки всех грузов, идущих из Америки через Владивосток. Я не знаю, путем какого предательства или политической безграмотности американцев, но этот разговор, за который я рисковал заплатить жизнью — был в деталях передан в Совет народных комиссаров.

Говоря об иностранцах, не могу не вспомнить, как хорошо был разрешен вопрос связи с народными комиссарами французской военной миссией. Французы обратились к одному из деятелей французской ком-

²³⁸ Николай Александрович Морозов (25.06.1854—30.07.1946) — революционер, народник, народоволец.

²³⁹ На самом деле Н.А. Морозов был освобожден из тюрьмы еще в 1913 г.

²⁴⁰ Александр II (17.04.1818—01.03.1881) — российский император (1855—1881).

²⁴¹ По-видимому, речь идет о Юджине Принсе — американском переводчике в Петрограде в 1917 г.

мунистической партии, некому Садуилью²⁴². В свое время он был мобилизован и в чине капитана находился в этот период в России. Личный друг Троцкого по коммунистической партии, Садуиль чуть не каждый день пребывал в Смольном и был, конечно, отлично осведомлен о деятельности народных комиссаров.

Уже в десятых числах ноября я получил сведения, что переговоры о перемирии в ближайшем будущем начнутся в Брест-Литовске и что в состав делегации должны будут войти офицеры Генерального штаба. Приехал ко мне и Сережа Одинцов с приказанием, так сказать, назначить представителей Генерального штаба в состав миссии, отправляемой в Брест в ближайшие дни. Положение стало серьезным. Видимо «аполитичной» работе пришел конец.

IX. Переговоры в Бресте. Мой арест. Кресты

Десятого или двенадцатого ноября я получил телеграмму Духонина, которая начиналась примерно так: «Получил приказ о перемирии, считаю это изменой...»

Мне стало ясно, что какой бы то ни было игре с большевиками в «аполитичность» пришел конец. Моя точка зрения на войну осталась неизменной. Я немедленно подал рапорт исполняющему должность военного министра Маниковскому об увольнении меня от должности, указав на измену большевиков союзникам и на преступную роль перемирия в отношении Сербии. Увы! Маниковский не дал хода моему рапорту об отставке, видимо, «чашу» надо было испить до дна.

Не помню точно, но, кажется, 12 ноября я получил вызов в Смольный институт. Я сомневался, ехать или не ехать. В конце концов решил, что, может быть, можно еще если не остановить, то отложить переговоры. Еду.

Иду по грязным коридорам, толпы матросов, расхлестанных солдат и просто каких[-то] личностей в небрежных и чаще всего грязных костюмах...

Меня ввели в какую-то сравнительно небольшую комнату, просто оштукатуренную в белый цвет. В комнате вижу стоящих адмирала

²⁴² Правильно — Садуль. Жак Садуль (1881—21.11.1956) — французский офицер, капитан, коммунист. Атташе при французской военной миссии в Петрограде.



В.М. Альфатер

Доливо-Добровольского²⁴³ и капитана 1 ранга Альфатера²⁴⁴, которого я отлично знал и много раньше. За письменным столом спиной к стене сидит еще не старый еврей, типичный еврей с густой гривой черных волос, с небольшими усами и бородкой. Догадываюсь, что это и есть Троцкий, он же Бронштейн. Впечатление отталкивающее.

С видом начальствующего лица он бросает мне в лоб вопрос: «Почему не посланы офицеры Генерального штаба на поезд, отходящий в Брест? Поезд стоит и ждет!!...»

Как я ни приготавливался к этой встрече, чтобы поставить этот разговор в известные рамки — кровь бросилась мне в голову. Я категорически отказал и с глубоким презрением закончил мой ответ фразой: «Вы знаете, кто я, да и я знаю, кто Вы!»

Троцкий быстро встал и вышел из комнаты. У дверей комнаты появился вооруженный часовой.

Ко мне бросились и Альфатер, и Доливо-Добровольский. «Как Вы могли говорить так и с кем? С самим, так сказать, диктатором?» Я уже не помню, какую отповедь я дал этим представителям флота.

²⁴³ Мемуарист неточен. *Борис Иосифович Доливо-Добровольский* (02.12.1873—19.09.1938) — капитан 1-го ранга. Один из первых советских военно-морских специалистов.

²⁴⁴ *Василий Михайлович Альфатер* (04.12.1883—20.04.1919) — капитан 1-го ранга, контр-адмирал (с 10.10.1917). Помощник начальника Морского Генерального штаба.



Полковник А.В. Станиславский. *Научный архив Института российской истории РАН.
Публикуется впервые*

Я ждал недолго. Часового сняли, и я мог уехать домой. Ехал и еще в дороге раздумывал, что бы можно было сделать. Помнится, я заехал к кому-то из офицеров Генерального штаба посоветоваться и убедился, что добровольно никто не поедет на эти позорные переговоры. По приезде в управление я решил обратиться со всеми этими вопросами к комитету всех чинов управления.

Я вызвал к себе вожаков комитета и объяснил им всю низость и подлость договора с немцами. Сам я не участвовал в комитете и мог лишь воздействовать на решение вопроса только таким путем.

После долгих и жарких прений комитет постановил все же послать в Брест подполковников Шишкина²⁴⁵ и Станиславского²⁴⁶ с условием, помнится, ограничиваться лишь компетентными советами, воздерживаясь принимать участие в решениях. Одновременно в газеты было послано заявление с резкой критикой действий Совета народных комиссаров, нарушающих священные обязательства России в отношении союзников.

²⁴⁵ Владимир Иванович Шишкин (28.02.1881—?) — полковник. И.д. генерал-квартирмейстера штаба 2-й армии (на 11.1917). Состоял в распоряжении начальника Генерального штаба (с 12.1917).

²⁴⁶ Андрей Васильевич Станиславский (30.11.1883—21.07.1941) — полковник. И.д. 2-го генерал-квартирмейстера ГУГШ. Фактический руководитель зарубежной агентурной разведки Советской России.

На вокзал был послан, чтобы задержать отход поезда, полковник Дурново, после упрасиваний моей жены, боявшейся за мою жизнь, казалось бы, с достаточными основаниями. Я был спокоен, но, естественно, думал, что все это не может кончиться благополучно.

Часа в три ночи на следующий день к подъезду моей квартиры подъехал автомобиль с вооруженными матросами. Все выходы были заняты и в двери моей спальни начали стучать. «Во имя закона, отворите». Одеваемся, выхожу.

Один из матросов предлагает мне немедленно одеться и отправиться в Смольный. Я отдаю себе отчет, что это «арест», но сделать ничего не могу против этой шайки, не подвергая огромной опасности мою жену. Быстро делаю необходимый туалет, выхожу, сажусь в автомобиль, еду. Один из матросов еще на квартире расстегнул свой бушлат и показал под ним куртку с офицерскими погонами. Я бы не удивился, если бы погоны оказались и генеральские.

Приезжаем в Смольный, по грязным коридорам меня провели в обширный дортуар²⁴⁷ из двух отделений. В первом отделении находился большой стол, на столе медный чайник с кипятком, белые кружки. Во втором отделении — дортуар с постелями. Не помню сколько было постелей. Тут же большой умывальник с медными трубочками, не менее чем на 8–10 персон.

В этом помещении я нашел моего военного министра Маниковского, арестованного одновременно со мной. Какие-то личности сидят за столом, десяток арестованных спит. Не помню кто, но кто-то указал мне мою кровать с тюфяком, подушкой и одеялом. Чисто. Вероятно, это был дортуар молодых девушек-институток, уже исчезнувших, конечно, из этого здания.

На утро я был вызван в ту же комнату, где я первый, да и последний раз видел Троцкого. На этот раз в комнате находился подполковник Шишкин; он горячо объяснял какой-то свой промах, Подвойский его разносил, а Шишкин с видом мальчишки просил: «Простите, пожалуйста». Гадко! Отвратительно!

Я не помню моей беседы с Подвойским, но ручаюсь, что беседа эта была в абсолютно корректной форме.

Возвращаюсь в мой дортуар. Все уже на ногах. Среди арестованных нахожу Аргунова²⁴⁸, известного деятеля партии с.р., то есть социалистов-

²⁴⁷ Дортуар — общая спальня воспитанников закрытых учебных заведений.

²⁴⁸ Андрей Александрович Аргунов (19.10.1866—07.11.1939) — один из лидеров партии эсеров.

революционеров, тут же два офицера из женского батальона, охранявшего Зимний дворец. Еще какие-то личности, с которыми в разговоры не вступаю, боясь провокации.

Скучно тянется день. Познакомился и разговорился с Аргуновым. Совершенно чуждый революционным течениям, я в первый раз в жизни встретил настоящего опытного и умного революционера и с большим интересом слушал его оценку настоящего политического момента.

Мы понравились друг другу и настолько сошлись, что Аргунов советовал мне даже войти в партию, гарантируя все возможности побега. Мне, конечно, все эти проекты не подходили, да и трудно честному человеку, четверть века служившему режиму, отказаться от своего прошлого.

И потянулись скучные, серые, невыносимые дни...

Время от времени в помещении с начальствующим видом появлялись матросы. Одеты чисто. Штаны с широким клешем²⁴⁹, обязательная фуфайка (полосатка) отсутствует, шея и грудь обнажены. Это, ведь, особый революционный «шик». Руки в карманах штанов. Медленными шагами и щурясь, они обходят помещение. Я во время этих визитов ложился на кровать и поворачивался спиной к этим блюстителям порядка.

Жена моя привезла мне статское платье. Мой верный Блажун возит пищу из дома, хотя арестованным и дают какое-то варево, не то суп, не то щи.

Ко мне ездит и навещает меня моя *belle-soeur*, жена брата жены — Владимира и *m-me Vete*, милейшая. Они ничего не боятся, мужчины — не показываются. Жена, можно сказать, «не выходит» из Смольного, но об этом скажу несколько ниже.

Время от времени меня вызывают на допросы к «так сказать» — следователю. Следователь — некий Красиков²⁵⁰. Кто он, откуда он — не знаю. В то время для меня это просто была какая-то темная личность в потертом коричневом сюртучке. Разговоры наши касались широких политических задач, причем он, касаясь войны, называл французов и англичан — «союзничками» с презрительной улыбкой. Но я должен был признать, что наши беседы не выходили из совершенно корректных рамок и скорее походили на обмен мнениями. Раз как-то Красиков спро-

²⁴⁹ В тексте — клошем.

²⁵⁰ *Петр Ананьевич Красиков* (05.10.1870—20.08.1939) — революционер. Председатель военно-следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Петроградском военно-революционном комитете.



А.А. Аргунов

сил меня — почему, собственно, я не подал в отставку при моих взглядах. Я сообщил ему, что я это и сделал при первых же признаках мирных переговоров, но что моя отставка не была принята.

Тем временем жена моя повела целую наступательную кампанию. В тесной связи с моим писарским комитетом она неустанно протестовала против моего ареста, не стесняясь вступать в самые жаркие споры в самих стенах Смольного.

Не могу не упомянуть ее жарких споров с народным комиссаром Бонч-Бруевичем²⁵¹, ее постоянных встреч в стенах Смольного с матросом, вернее с переодетым в матроса неким Алексеевским. Кто он был — я не знаю и до сих пор, но советы его, несомненно, помогли жене в этой странной, сказал бы я, сумасшедшей обстановке. Еще одна встреча. Какой-то Мстиславский, судя по газетам, разговорам, прокламациям, оказался по наведенным справкам вовсе не Мстиславским, героем каких-то боев — но С.Д. Масловским, бывшим заведующим нашей академической библиотекой²⁵². Я знал его до его женитьбы

²⁵¹ Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (28.06.1873—14.07.1955) — советский партийный и государственный деятель, помощник и секретарь В.И. Ленина. Управляющий делами Совета народных комиссаров. Родной брат одного из первых советских военных специалистов, генерала М.Д. Бонч-Бруевича.

²⁵² Сергей Дмитриевич Мстиславский (Масловский) (23.08.1876—22.04.1943) — революционер, писатель. Сын генерала Д.Ф. Масловского. В начале XX в. работал библиотекарем Николаевской академии Генерального штаба. Член партии эсеров (с 1904). Член ЦК партии левых эсеров (с 1917).

и был с ним в самых товарищеских отношениях, бывая в его семье. Как милейший Сергей Дмитриевич обратился в революционного героя, я и не знал, и не видал, но жена моя решила обратиться к нему и поехала на его квартиру.

Хорватский государственный архив (HDA). HR-HAD-810.

К. 1. Подлинник. Рукопись

**[Приложение: Воспоминания В.В. Марушевского
об отъезде в Финляндию]**

13 декабря 1917... Грязный вагон Финляндской железной дороги... грязными эти вагоны стали только в «великую эпоху» завоеваний революции... Я под видом больного лежу, прикрытый полушубком, на лавке... Подходим к станции Териоки²⁵³... за Териоками уже самостоятельная «освобожденная» Финляндия. Жду...

На станции в вагон влезают какие-то грязные люди. Грубый, хамский допрос, при этом, конечно, еще и наивный, ни к чему не ведущий. Меня оставили в покое... Больной... Еще десять минут и я за пределами родной России. Разлука на многие годы, а казалось... на несколько недель. Вот-вот соберется Учредительное собрание и — конец этой муке, этому кавардаку...

Замелькали знакомые станции и вот уже и родной мне Выборг, гарнизон моего незабвенного 7-го Финляндского стрелкового полка²⁵⁴. Мы, стрелки, все его любили, этот «чухонский» городок, чистенький, усыпанный цветами в летнюю пору, красивый, уютный... Мы, финляндцы, знали не ту Финляндию, которая была каким-то пугалом в чиновных сферах Петрограда, но бесконечно привлекательную Ингерманландию с ее несравненной культурой, чистотой, чудными дорогами и синими озерами. Да и финны, эти странные революционеры, которых так неудачно усмирлял Бобриков²⁵⁵, для нас были просто людьми, глубоко лю-

²⁵³ Териоки — дачный поселок на побережье Финского залива и железнодорожная станция в 50 км от Петрограда. В 1918—1940 гг. — в составе Финляндии. Ныне — город Зеленогорск в составе Санкт-Петербурга.

²⁵⁴ Полк, которым в 1915—1916 гг. командовал В.В. Марушевский.

²⁵⁵ *Николай Иванович Бобриков* (15.01.1839—17.06.1904) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Финляндский генерал-губернатор и командующий войсками Финляндского военного округа (1898—1904). Проводил политику русификации Финляндии. Смертельно ранен финским чиновником.

блящими свою страну, а к нам, коренным стрелкам, отлично относящимися. И вот, после всех переживаний осени 1917 — я снова подъезжаю к Выборгу.

Остановка 10 минут — пересадка в поезд, идущий на Иматру — цель моего путешествия.

Выборг уже не тот... Грязно, уныло, люди злы, грубы... Невольно вспоминается недавнее убийство генерала Степанова, моего старого друга, кошмарная смерть многих других, погибших в этот день... Хочется дальше, дальше от этого уже проклятого места, все хорошее, доброе, что не забыть, казалось, заплевано, захватано грязными лапами революции. Слава Богу, только 10 минут! Поезд... и дальше на Иматру.

Уже на закате подъезжаем к маленькой, давно знакомой станции у знаменитого водопада²⁵⁶. Ясный зимний день, заиндевевший лес стоит, окрашенный розовыми лучами. Все под снежным покровом, мягко похрустывают сани... На душу изливается чувство глубокого покоя, так кажутся далеко отошедшими кошмары последних дней в Петрограде и так далека эта грязь, грязь в чисто физическом смысле этого слова, грязь, сопутствующая, вероятно, всякую революцию²⁵⁷ и великую, и невеликую... Улицы грязные, квартиры с клопами и вонью, рожи мрачные, невымытые лапы...

От станции час дороги до давно знакомой санатории «Рауха», куда зовут, где ждут старые, искренние друзья. Дорога почти все время лесом, и незаметно бежит этот час отдыха и тишины. Вот знакомые ворота с надписью «Raucha», потом еще километра 2 аллеи по девственному лесу и замелькали уже огни огромного корпуса санатории...

Прибыли, окружены, обнимают, целуют, сколько друзей и добрых знакомых... Живы? Вырвались? А мы уж и не думали?... Расскажите, что же там, когда же?...

Так началась моя эпопея в Финляндии в 1917—1918, которая, кажется мне, представляет из себя не лишённую интереса страницу моей жизни.

В эту смутную эпоху мне посчастливилось воспользоваться шестью неделями полного отдыха, покоя и лечения в самых лучших условиях после моих приключений в Петрограде на посту начальника Генерального штаба.

Санаторию «Рауха», стоявшую в десяти верстах от глухой ветки железной дороги, как-то забыли, не трогали. Не было в этой глуши ни

²⁵⁶ Иматра — водопад на реке Вуокса. В 1920-е гг. перекрыт плотиной ГЭС.

²⁵⁷ Так в тексте.

комиссаров, ни властей, ни русских, ни финских. Естественно, что этим раем земным воспользовались многие из тех, которые рисковали своею головою по своему прошлому служебному положению, по своему имени, богатству.

Пеструю картину представляли из себя жители «Рауха». Тут были и почти что министры в прошлом, и люди, состарившиеся в полиции, и представители финансового мира. Этих — всего больше и преимущественно из еврейства.

В эти дни осуществлялись как раз самые великие реформы революции в смысле вскрытия сейфов и открытого грабежа чужого имущества.

НДА. НР-НАД-810. К. 1. Подлинник. Рукопись





REFERENCES

1. *Gagkuev R.G. General M. Zhanen i ego dnevniki i vospominaniya o Rossii // Zhanen M. S missiej v voyuyushchej Rossii. 1916–1917 gg. Moya missiya v Sibiri. 1918–1920 gg. Vospominaniya, dnevniki, stat'i. Pod red. R.G. Gagkueva. M.: Kuchkovo pole Muzeon; Izdatel'skij centr «Voevoda», 2023. P. 9–61.*
2. *Ganin A.V. Vyborgskaya krepost' // Rossiya v 1917 godu. Enciklopediya. M.: ROSSPEN, 2017. P. 218.*
3. *Ganin A.V. Kak stanovyatsya antibol'shevikami? General E.K. Miller i revolyucionnaya armiya v 1917 godu // Pervaya mirovaya vojna i Evropejskij Sever Rossii. Arhangel'sk: ID SAFU, 2014. P. 121–132.*
4. *Ganin A.V. «Ya sam sdelalsya olovyannym soldatikom...» Detskie vospominaniya i vzroslye razmyshleniya belogo generala Vladimira Marushevskogo // Rodina. 2024. № 2. P. 110–113.*
5. *Ganin A.V. Poslednij nachal'nik General'nogo shtaba staroj Rossii general V.V. Marushevskij i ego neizvestnye vospominaniya kak istoricheskij istochnik // XI Volkonskie chteniya. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (v pechati).*
6. *Golinkov D.L. Krushenie antisovetskogo podpol'ya v SSSR. M.: Politizdat, 1980. Book 1. 335 s.*
7. *Kavtaradze A.G. Iz istorii russkogo General'nogo shtaba (avgust 1914 goda – maj 1918 goda) // Voенно-istoricheskij zhurnal. 1976. № 3. P. 103–109.*
8. *Karushkina N.V. Obyski u byvshih chlenov Imperatorskogo doma v Krymu v aprele 1917 g. // Novejshaya istoriya Rossii (SPb.). 2023. T. 13. № 2. P. 305–321.*
9. *Kuz'micheva L.V. Neopublikovannye vospominaniya generala V.V. Marushevskogo // Russkaya emigraciya na Balkanah: sb. nauch. trudov. Skop'e: Institut za nacionalna istorija, 2021. P. 321–333.*
10. *Ostrovskij A.V. General N.M. Potapov i bol'shevik M.S. Kedrov (k voprosu o podgotovke Oktyabr'skogo vooruzhennogo vosstaniya 1917 g. v Petrograde) // Revolyuciya 1917 goda v Rossii: novye podhody i vzglyady: Sb. nauch. statej. SPb.: [B.i.], 2014. P. 68–76.*

11. *Poltorak S.N.* Voennaya i nauchnaya deyatel'nost' Aleksandra Ivanovicha Verhovskogo. SPb.: Ostrov, 2014. 298 p.
12. *Safronov Yu.I.* Dnevnik Verhovskogo. M.: Veche, 2014. 480 p.
13. *Yushko V.L.* General Marushevskij — iz Francii v Rossiyu // Rejtar. 2003. № 2. P. 128–161.



Ключевые слова:

В.В. Марушевский, офицерство и революция, воспоминания, Генеральный штаб, военная элита.

Andrey V. Ganin

«TWO MONTHS AS THE CHIEF
OF THE GENERAL STAFF
(SEPTEMBER — OCTOBER 1917)»
BY GENERAL V.V. MARUSHEVSKY



The publication of the memories of General V.V. Marushevsky, the last Chief of the General Staff in old Russia. Memories, discovered in the Croatian State Archives are previously unknown even to specialists. They were written by Marushevsky during the years of exile, and are dedicated to the events of autumn 1917. They contain descriptions of his meetings with prominent military and political figures and his eyewitness account of the storming of the Winter Palace on October 25, 1917, as he lived in the Main Staff building on Palace Square in Petrograd at the time.

Keywords: V.V. Marushevsky, Officers and Revolution, Memories, General Staff, Military Elite.

Introduction, preparation for publication and comments:

Andrey V. Ganin — Dr. Hab. in History, leading research fellow Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.

Введение, подготовка к публикации и комментарии:

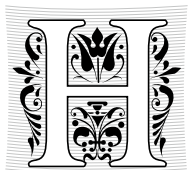
 **Ганин Андрей Владиславович** 

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН. SPIN-код: 1144-9875



КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ ПАНЧЕНКО

(17.02.1968 — 08.07.2024)



Н е стало глубоко уважаемого и любимого нами коллеги, соратника, друга. 8 июля безвременно ушел из жизни доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, член Редакционного совета журнала «Исторический вестник» Константин Александрович Панченко. Ученый с мировым именем, блестящий специалист по истории христианских общин на Арабском Востоке, талантливый преподаватель и научный руководитель в наивысшем смысле этих слов, фактически возродивший в нашей стране целое научное направление — разностороннее комплексное изучение исторических судеб Христианского Востока. Вся научная и педагогическая деятельность Константина Александровича неразрывно связана с Институтом стран Азии и Африки МГУ, в стенах которого он прошел долгий и плодотворный путь от студенческой скамьи до профессорской кафедры. Будучи учеником ведущих специалистов по Ближнему Востоку в ИСАА МГУ — Фериды Мустафовны Ацамбы, Михаила Серафимовича Мейера и Светланы Алексеевны Кириллиной, Константин Александрович после окончания аспирантуры почти тридцать лет отдал преподаванию на своей

родной кафедре истории стран Ближнего и Среднего Востока, блестяще защитил докторскую диссертацию на тему «Социально-политические и культурные процессы в православной общине Ближнего Востока XVI — начала XIX в.», разработал и успешно преподавал свой уникальный лекционный курс по истории ближневосточного христианства и целый ряд других учебных курсов, опубликовал множество научных статей и монографических работ по различным аспектам истории христианских общин Ближнего Востока.

Сфера профессиональных интересов профессора К.А. Панченко была необычайно широка: она охватывает историю зарождения и распространения христианства в Передней Азии и Северной Африке в эпоху поздней Античности, взаимосвязи арабской и греко-византийской культур в Средние века, конфессиональное, этнокультурное и геополитическое измерения Сиро-Ливанского региона и Египта, начиная с арабо-мусульманских завоеваний (VII в.) и вплоть до настоящего времени. Выход в свет монографии Константина Александровича «Ближневосточное Православие под османским владычеством. Первые три столетия. 1516–1831»¹, неоднократно изданной как в России, так и за рубежом, стал настоящим событием в исторической науке, привлечшим широкое внимание не только востоковедов, но и специалистов по истории христианских церквей, а также всех, кто интересуется историческими судьбами христианских общин на Святой Земле и в сопредельных странах. На страницах научных работ Константина Александровича начинали звучать «голоса» многочисленных источников эпохи Средних веков и раннего Нового времени на арабском и других языках, глубоко анализировались и раскрывались проблемы греко-византийских влияний на Ближнем Востоке, арабского и османского имперостроительства, истории Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской православных церквей, ближневосточного монашества. В ходе плодотворной работы на обширном ближневосточном материале Константину Александровичу был присущ поистине энциклопедический охват изучаемого круга научных проблем. Это позволило ему, помимо большого числа сугубо академических работ, опубликовать множество непревзойденных по своему уровню статей в «Православной энциклопедии» и на портале «Большой российской энциклопедии», посвященных православию на Ближнем Востоке, а также истории ряда других христианских конфессий в регионе.

¹ Панченко К.А. Ближневосточное Православие под османским владычеством. Первые три столетия. 1516 - 1831. М.: Индрик, 2012. 656 с.

Константин Александрович подвергал углубленному научному анализу арабоязычные христианские источники, что позволяло ему нередко пересматривать устоявшиеся представления о социально-политической и социокультурной жизни христианских общин на Ближнем Востоке под властью мусульманских правителей, реакции христианских общин на османскую модернизацию и европейскую колониальную экспансию. Ценнейшим вкладом Константина Александровича в дело распространения научных знаний о первоисточниках церковной и мирской жизни Христианского Востока стала вышедшая под его редакцией «Антология литературы православных арабов»².

Высочайшая научная культура и смелость первопроходца на пути науки, широта познаний и неизменное творческое «горение» — всё это позволяло Константину Александровичу находить новые ракурсы в исследовательской работе, формулировать смелые гипотезы и аргументированно их доказывать. Особенно это относится к его важной исследовательской гипотезе, согласно которой общественно-политическая жизнь народов Христианского Востока на протяжении веков в значительной степени определялась родовыми и земляческими связями, что находило свое отражение и в текстах церковных хроник, и в соперничестве претендентов на патриаршие престолы ближневосточных церквей. Результатом изучения процессов формирования церковно-политических элит ближневосточных христиан стала коллективная монография «Христианский Восток: многообразие региональных элит от поздней античности до Нового времени», подготовленная К.А. Панченко совместно с рядом коллег из нескольких университетских и академических научных центров.³

К началу 20-х гг. XXI в. научная деятельность профессора К.А. Панченко в целом вышла на новый важный рубеж: Константин Александрович фактически сформировал и возглавил научное сообщество исследователей, которых объединило стремление постичь те глубинные процессы, которые определяли ход истории Христианского Востока. Ежегодные «круглые столы» по истории христианства на Востоке, проходившие в стенах ИСАА МГУ в рамках секции «Востоковедение» научной конференции «Ломоносовские чтения», объединили уникальный по своему составу научный и творческий коллектив исследователей —

² Антология литературы православных арабов. Т. 1. История. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2020. 416 с.

³ Христианский Восток: многообразие региональных элит от поздней античности до Нового времени / Ред. К.А. Панченко. М.: Издательство «Маска», 2022. 274 с.

византинистов и востоковедов. Благодаря Константину Александровичу, фактически возглавившему новое научное направление, в фокусе внимания его сподвижников оказалось само зарождение христианских общин и церквей на Востоке, давшее начало самобытным культурам сирийцев, коптов и других христианских народов в ближневосточном регионе. Итогом плодотворных живых дискуссий участников вышеупомянутых «круглых столов» по проблемам этнокультурных процессов поздней Античности стала программная коллективная монография «Рождение Христианского Востока. Этнокультурные взрывы поздней Античности»⁴, которая задумывалась как своего рода пролог к будущему фундаментальному труду. Кроме того, Константин Александрович принял деятельное участие в подготовке второго тома коллективной академической монографии «Очерки истории христианских цивилизаций», публикация которой стала важным вкладом в дело изучения и научного осмысления преемственности христианского исторического наследия поздней Античности и раннего Средневековья⁵.

Отдельно следует упомянуть плодотворное сотрудничество профессора К.А. Панченко с научным журналом «Исторический вестник». В июне 2017 г. под научной редакцией Константина Александровича вышел юбилейный 20-й выпуск возрожденного журнала, целиком посвященный христианству на Ближнем Востоке⁶. Данное событие во многом способствовало развитию дальнейших научных замыслов Константина Александровича по формированию на основе сформированного им коллектива авторов статей исследовательской группы по изучению различных аспектов истории христианских общин в странах Востока. Вхождение Константина Александровича в Редакционный совет журнала способствовало дальнейшему становлению его организаторских талантов: весной 2024 г. под редакцией и при непосредственном участии профессора К.А. Панченко был подготовлен к печати и затем опубликован 48-й том «Исторического вестника»⁷. Данный выпуск журнала посвящен теме сакральной географии в христианских и мусульманских культурах Ближнего Востока в широком хронологическом диапазоне —

⁴ Рождение Христианского Востока. Этнокультурные взрывы поздней Античности. Материалы круглого стола под ред. К.А. Панченко / М.: Центр египтологических исследований РАН, 2021. 256 с.

⁵ Очерки истории христианских цивилизаций. Т. 2 / Отв. ред.: Ю.М. Кобищанов. М.: РОССПЭН, 2022. 302 с.

⁶ Исторический вестник. Т. 20. 2017. Июнь.

⁷ Исторический вестник. Т. 48. 2024. Июнь.

от поздней Античности до Новейшего времени. Осмысление в отечественной историографии обширного спектра взаимосвязанных сюжетов, таких как объекты поклонения, «места силы», календарный цикл праздников, паломничество и сопутствующие ритуалы в религиозных традициях, стало ценнейшим и весьма перспективным научным достижением Константина Александровича Панченко.

Научный и творческий путь Константина Александровича внезапно прервался в то время, когда он находился в расцвете своего интеллектуального и организационного потенциала. Судьба не дала ему завершить десятки его замыслов и проектов, но успел он, без преувеличения, колоссально много: воссоздал и возглавил целое исследовательское направление, способствующее формированию научной школы, в своих многочисленных монографиях, статьях и докладах представил результаты многолетней научно-исследовательской работы высочайшего уровня, продолжил лучшие научные и педагогические традиции Московского университета, воспитал молодое поколение историков-востоковедов, прививая им добросовестность, самостоятельность, смелость в научных поисках и профессионализм. Константин Александрович был искренним и надежным другом и коллегой, необычайно доброжелательным и остроумным человеком, настоящим Ученым, который своим присутствием в университетской и академической жизни вдохновлял практически всех, кому доводилось общаться с ним. Светлая память о нашем дорогом друге и соратнике будет всегда жить в наших сердцах.





ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в формате Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.docx»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и большего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.Л. Блок, контроль за губернерами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J.* The History of USA. London, 2002. P. 14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // Information Support of Science. New Technologies: Collected papers [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора – Аннотация».
2. Объем: 1500–2000 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

**Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com**

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал «Исторический вестник»
можно он-лайн на сайте Почты России.

www.podpiska.pochta.ru

Наш индекс – ПА772.

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок



Следующий номер
«Исторического вестника» будет посвящен
общеисторической тематике.



ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X–XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке